МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

№ 3 / 2016

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

№ 3 / 2016

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

Основан в 2015 году

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

Established in 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

* * *

Email: mail@histformat.com
Website: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

* * *

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht die aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung der russischen Geschichte und der Geschichte der anderen Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie die Berichte über die unter der Leitung oder mit Teilnahme der Zeitschrift verlaufenden wissenscahftlichen Veranstaltungen.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l’information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS:

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги, друзья и читатели!

Мы рады представить вам очередной номер журнала «Исторический формат» и надеемся, что в нём вы найдёте для себя много интересного. Как обычно наш журнал сосредоточен на самых актуальных исторических сюжетах, в нём представлены результаты новых научных исследований по истории и близким ей наукам. Мы стремились сделать его как актуальным с академической точки зрения, так и интересным для массового читателя.

В новом номере публикуются статьи, освещающие широкий круг исторических вопросов от бронзового века до Нового времени. Фатьяновская культура и первые славяне Среднего Поволжья, Новгородские летописи и древнерусские ювелирные уборы, Волжская Болгария и древние пруссы, записки французского путешественника о Мекленбурге и его славянском прошлом, развитие самосознания кубанских казаков и ссыльные поляки в Сибири… Всё это предстанет перед вами на страницах журнала.

По-прежнему принимаются и рассматриваются ваши рукописи к публикации (правила оформления указаны в конце номера), которые следует направлять по электронной почте: **mail@histformat.com**

Максим Жих,
заместитель главного редактора

УДК 94(430).071

XAVIER MARMIER. LE MECKLEMBOURG / КСАВЬЕ МАРМЬЕ. МЕКЛЕНБУРГ (РУССКИЙ ПЕРЕВОД ЗАПИСОК О ПУТЕШЕСТВИИ КСАВЬЕ МАРМЬЕ В МЕКЛЕНБУРГ)

М.И. Жих
Российско-немецкий исторический семинар (Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
Researcher ID: F-3154-2014
http://orcid.org/0000-0003-2212-6416
SPIN-код: 6149-3974

Авторское резюме

В работе дан полный русский перевод записок известного французского путешественника и писателя Ксавье Мармье (Xavier Marmier, 1808-1892) о посещении им во второй половине 1830-х гг. Мекленбурга. Мармье живо и увлекательно рассказывает о местных достопримечательностях, традициях, нравах и обычаях мекленбуржцев, об истории этой северонемецкой земли, некогда заселённой балтийскими славянами, о сохранившихся следах славянского присутствия в Мекленбурге.

Ключевые слова: Ксавье Мармье, путешествия, путевые записки, Германия, Мекленбург, традиция, славяне.

XAVIER MARMIER. LE MECKLEMBOURG (RUSSIAN TRANSLATION OF XAVIER MARMIER'S NOTES ABOUT HIS TRAVEL TO MECKLENBURG)

Maksim Zhikh
The Russian-German Historical Seminar (Saint Petersburg, Russia)
e-mail: max-mors@mail.ru

Abstract

This is a full translation into Russian of the notes of famous French traveler and writer Xavier Marmier (1808-1892) about his visit to Mecklenburg in the late 1830s. Briskly and vividly Marmier narrates about local sights, traditions, manners and customs, describes history of this northern German land once populated by the Baltic Slavs, and talks about extant traces of the Slavic habitation in Mecklenburg.

Keywords: Xavier Marmier, medieval travel, travel notes, Germany, Mecklenburg, traditions, Slavs.

* * *

Ксавье Мармье (Xavier Marmier, 1808-1892) – французский путешественник, переводчик и писатель, член Французской академии (1870). Путешествовал по

Европе, Ближнему Востоку, Африке, Америке. Публиковал свои путевые заметки, очерки, романы. В 1842 году Мармье побывал в России. Был знаком с Н.В. Гоголем, И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым и другими русскими писателями. Внёс большой вклад в развитие русско-французских культурных связей, переведя на французский язык ряд произведений В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, других русских писателей и поэтов. Перевёл на французский, в частности, большую часть «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова (кроме предисловия и главы «Фаталист»).

Во второй половине 1830-х гг. Мармье совершил путешествие по странам Северной Европы, в рамках которого посетил расположенную на южном берегу Балтики немецкую землю Мекленбург, край, населённый некогда балтийскими славянами.

Очерки Мармье о Мекленбурге, основанные как на личных впечатлениях и наблюдениях за жизнью и обычаями местных жителей, так и на прочитанной им об этой земле литературе, живо и увлекательно рассказывают о местных достопримечательностях, традициях, нравах и обычаях мекленбуржцев, об истории этой северонемецкой области, о сохранившихся следах славянского присутствия в Мекленбурге.

Впервые очерки Мармье о его путешествии в Мекленбург и об истории этой земли были опубликованы в 1840 году в двух номерах *La Revue de Paris* (Marmier 1840; Marmier 1840a). Первая часть этой журнальной публикации тогда же была переведена в России и вышла в «Северной пчеле» (Мармье 1840; Мармье 1840а). Этот перевод имеет пропуски, неточности и местами больше напоминает пересказ.

Впоследствии повествование о Мекленбурге было включено Мармье в его книгу о путешествиях по Северной Европе, названную *Записки о севере/Lettres sur le Nord*, изданную в 1840 году в Париже (Marmier 1840b: 1-50), а затем и в некоторые другие его книги.

В первой половине 1950-х гг. частичный перевод мекленбургских известий Мармье был осуществлён русским писателем-эмигрантом Ю.П. Миролюбовым (но издан гораздо позже: Миролюбов 1990). Этот перевод имеет неоговоренные значительные пропуски, во многих местах неверен и искажён, часто заменён пересказом и поэтому не может быть использован в научных целях.

Российским читателям в первую очередь широко известен кусочек из мекленбургских очерков Мармье, в котором идёт речь о происхождении Рюрика. Введён в широкий оборот он был писателем В.А. Чивилихиным (1928-1984) в его известном романе-эссе «Память», написанном в 1978-1984 гг. и вышедшим двумя книгами в 1984-1985 гг. (вторая вышла ещё при жизни автора, первая – после его смерти), а впоследствии неоднократно переиздававшемся.

Запись Мармье о Рюрике является одним из примеров существовавшей в Мекленбурге традиции, известной с XVII в., о местном происхождении Рюрика – легендарного первого русского князя (об этой традиции см.: Мыльников 2000: 128-136; Меркулов 2003; Меркулов 2008; Меркулов 2012; Меркулов 2015).

Рассказ Мармье о мекленбургском южнобалтийском происхождении Рюрика, обычно со ссылкой на В. Чивилихина, часто упоминается в современной литературе, посвящённой проблеме атрибуции летописных варягов и происхождения Рюрика (см. например: Азбелев 1994: 372; Фомин 2005: 434-435; Пчелов 2010: 129; Войтович 2013: 9), но его полноценный источниковедческий анализ отсутствует и ссылки на него, в т.ч. и в научных работах, носят сугубо иллюстративный характер – ни один российский автор с записками Мармье о путешествии в Мекленбург всерьёз не работал. И в целом сочинение Мармье относится в России к кругу тех, которые часто поминают, но которые при этом почти никто не читал. Не в последнюю очередь такая ситуация вызвана отсутствием современного научного перевода мекленбургских очерков Мармье.

Настоящая работа имеет целью исправить эту ситуацию и дать как российским учёным, так и всем, интересующимся историей балтийских славян и Северной Германии, а также любителям путевых заметок, полноценный перевод мекленбургских записок Мармье, в которых содержится много интересных материалов о жизни и быте, нравах и традициях Мекленбурга и о его славянском прошлом.

Перевод осуществляется по изданию (Marmier 1840b: 1-50. Мармье К. Записки о севере. Дания, Швеция, Норвегия, Лапландия и Шпицберген. Париж, 1840. С. 1-50).

В переводе текст Мармье я стараюсь передать максимально точно грамматически, стилистически и лексически, насколько это возможно при переводе. Каждое предложение перевода соответствует предложению оригинала, структура предложений также сохранена насколько это возможно. Спорные места перевода оговорены в примечаниях.

МЕКЛЕНБУРГ

I

Посвящается Антуану де Латуру[1]

(1) Три года тому назад я пересекал Мекленбург в один из тех скверных апрельских дней, в которых нет ни суровости зимы, ни весёлости весны. Снег уже таял, но ни одна долина ещё не зеленела и ни один цветок не распустился. По берегам широких луж, собиравших воду в пустых лугах, старые ивы[2] грустно покачивали своими чёрными и сухими ветвями, и небо имело однообразный и серый оттенок, который тяготил мысль и утомлял взор. И, тем не менее, долго проезжая мою безмолвную дорогу, посреди этих тусклых и желтеющих равнин, вспоминая о том, что я читал об этой северной области, об этой древней стране славян, я ощущал этот край отличным от других краёв Германии, я не знал сколько таинственных прелестей в этой земле, населённой военными преданиями и героическими легендами. Я говорил себе: я сюда возвращусь; и я снова приехал в эту землю, изучить заново всё, что нам осталось от её древней мифологии и её народных преданий. Я снова увидел на досуге эти места, в которых я только и делал, что гулял, и все эти прогулки глубоко отложились в моей памяти.

(2) Проезжая [лишь] часть Мекленбурга, расположенную на большой дороге из Берлина в Гамбург, получите весьма искажённое представление об этой стране. [Здесь] это равнинная и однообразная земля, покрытая толстым слоем песка и усеянная соснами как наши земли на юге. Но немного дальше, на востоке и на севере, начинается другой пейзаж, который быстро утешает путешественника [уставшего от] предшествующего однообразия. Здесь есть плодородные долины, в которых колосья зерна колышутся утренним дуновением как морские волны, позолоченные солнцем. Здесь есть зелёные участки, заполненные фруктовыми деревьями, как в Нормандии, голубые и прозрачные озёра, как в Швеции, изобильные фермы[3], окруженные ивами, с просторными амбарами, как во Фландрии, и холмы, с высоты которых иностранцу не надоедает видеть эту панораму, такую сельскую и радостную, такую живописную и разнообразную. Здесь есть старинные деревни, имена которых часто отыскиваются среди того или иного рассказа о битве в исландских сагах, среди того или иного религиозного предания в средневековых хрониках: Росток, грозная крепость, откуда викинги устремлялись со своими секирами и копьями как хищная птица, жаждущая крови, приятное убежище, в котором литература и науки рано нашли приют, прекрасный порт, где видели, как одновременно прибывали корабли с севера и юга; Висмар, другой

---

[1] Антуан де Латур (Antoine Tenant de Latour, 1808-1881) – французский писатель – М.Ж.

[2] Saule *m* – может означать как иву, так и вербу. Здесь и далее я перевожу как «ива» – М.Ж.

[3] Métairie *f* – возможен перевод: «ферма»; «ферма, отдаваемая в аренду»; «ферма, арендуемая на основе издольщины»; «хутор», «мыза» – М.Ж.

торговый город, в котором гордые корпорации[1] воевали, как [такие же корпорации] в Генте, против князей и королей; Доберан, в котором морские волны омывают гробницу древних герцогов, и Шверин, где величественный кафедральный собор и замок с многочисленными башнями, ещё свидетельствуют о древнем великолепии.

(3) Доберан некогда был местом, посвящённым благочестивой традиции, и посещаемым множеством паломников. Один из первых христианских князей этой страны, [до того] долго преданной язычеству, однажды отправился на охоту, говоря, что он заложит монастырь на том месте, где он сразит оленя. Не смотря на густой лес, он замечает ослепительно белого оленя, убивает его, и на обагрённой кровью траве, закладывает первый камень церковного здания. Но земля, на которой этот монастырь был построен, часто затоплялась морскими водами. Однажды вечером, после одного из таких половодий, которые опустошали всю долину, монахи преклоняют колени в церкви, всю ночь взывая к милосердию Бога, и на следующее утро море, послушное голосу своего владыки, удалилось на большое расстояние, и на месте ровного берега, где море покатывалось накануне своими бурными волнами, увидели плотину[2] из валунов, которую называют ещё сейчас «святой плотиной» *(Der heilige dämm)*. Другое чудо, произошедшее в Доберане, наиболее известно. Один бедный пастух, носивший имя Штеффен, был в течении долгого времени жертвой злой судьбы. Каждую неделю он видел своё стадо уменьшенным: то волк уносил его самых жирных овец, то эпидемия, которая губила его молодых ягнят. Затем сами пастбища, казалось, потеряли свои питательные соки; трава на холме не укрепляла теперь его изнемогающее стадо, и ручей в долине не освежал его больше. Однажды, когда Штеффен сидел в стороне, со скорбью представляя нужду, которая ему грозила, он увидел, как к нему подошёл человек в пальто из чёрного сукна, в белой шапочке, которого можно было принять за достойного эшвена[3], и который сказал ему: «Ты не знаешь меня, Штеффен, но я тебя знаю уже давно, я знаю всё, что ты потерял в течение нескольких лет. Я сочувствую тебе, и я пришёл указать тебе средство остановить бедствие, которое тебя преследует. Сначала тебе надо причаститься, сохрани жертву[4], которую священник тебе даст, положи её в твой посох пастуха, и мужественно веди твоё стадо в долину; тебе не нужно будет больше опасаться ни волка, ни заразной болезни». Пастух дрожал от страха из-за такого предложения, ведь он был примерным христианином, и он знал, что не взять благоговейно в губы освящённую жертву было кощунством. Сверх того, человек, который ему говорил, имел странный облик и взгляд, от которого бедный пастух содрогался. Поэтому он отверг его как дурное видение, перекрестившись и призвав на помощь своего святого покровителя. Но вот тем же вечером двое из его самых лучших баранов погибают ещё на ногах; на следующий день другой тонет в пруду,

[1] Corporation *f* – возможен перевод: «корпорация»; «цех»; «цеховая организация». Видимо, Мармье имеет в виду цеховые и т.д. организации, в совокупности составляющие городское самоуправление, ведущее борьбу с правителем за городские вольности – М.Ж.

[2] Digue *f* – возможен перевод: «плотина»; «запруда»; «дамба»; «гать»; «преграда» – М.Ж.

[3] Échevin *m* – эшевен – член графского суда; городской советник; старшина; член магистрата городской управы – М.Ж.

[4] Hostie *f* – религиозный термин, означающий у католиков: жертва; просфора, просвира; облатка. Здесь и далее я перевожу как «жертва» в значении «святые дары, получаемые от священника при причастии» – М.Ж.

четвёртый становится добычей хищных зверей. Отчаяние овладело Штеффеном; фатальная мысль, которую бес ему внушил, занимала разум. Он идёт в церковь, сохраняет жертву, кладёт её в свой посох, и видите: начиная с этой минуты, его беспокойная и несчастная жизнь стала жизнью [полной] радости и процветания. Его изнемогающие овцы вновь быстро обрели всю свою силу, и его ягнята росли великолепными на вид. Повсюду, где он проносил свой посох, трава снова зеленела, источник воды становился более чистым и более красивым; голая и сухая скала покрылась живительными растениями, и кроме того, волки, замечая Штеффена, обращались в бегство. Вскоре пастух стал одним из самых богатых жителей страны, и когда другие пастухи спрашивали у него, откуда к нему приходило столько счастья, он смотрел на них с презрением и не рассказывал им о своей тайне. Но его жена знала эту страшную тайну, она рассказала о ней одной из своих соседок, и однажды эта соседка, преследуемая голосом своей совести, пошла всё открыть аббату Доберанского монастыря. В то же мгновение аббат, охваченный священным ужасом, одел своё белое одеяние[1] и свою столу[2], и пошёл, сопровождаемый двумя монахами, к жилищу пастуха. В тот момент, когда он переступил порог этого дома, осквернённого святотатством, тот внезапно озарился ослепительным светом, и посох, который заключал в себе жертву, сверкал будто светильник и казался окружённым небесным сиянием. Служители Церкви унесли его в церковное хранилище[3], и начиная с этого дня неисчислимое множество паломников приходило в Доберан, чтобы поклониться святому дару. Что касается Штеффена, говорят, что он провёл свою последующую жизнь в постах и аскезе[4], и что в его последний час настоятель монастыря, который был свидетелем его раскаяния и покаяния, отпустил ему грех его преступления.

(4) Реформация подорвала авторитет этих монастырских легенд. Удивительный посох Штеффена был похищен из церкви в Доберане, и путешествия в силу моды пришли на смену религиозным паломничествам. Рядом с плотиной, освящённой чудом, построили баню и зал для танцев. Летом множество иностранцев собирается в этом городе, радостные танцы кружатся вихрем на площади, где некогда видели прохождение религиозных процессий[5], и эхо холма, которое когда-то происходило от жалобного звука молитв, повторяет ныне мелодии оперы.

(5) Шверин, один из самых древних городов Мекленбурга[6], на протяжении примерно одного века был лишен своего статуса и своих столичных привилегий.

---

[1] Aube *f* – церковный термин: белый стихарь; белая одежда для первого причастия – М.Ж.

[2] Étole *f* – церковный термин, означающий принадлежность одеяния священнослужителей: стола (у католиков) – шёлковая лента 5-10 см в ширину и около 2 метров в длину с нашитыми на концах и в середине крестами; епитрахиль (у православных) – длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь – М.Ж.

[3] Tabernacle *m* – церковный термин: дарохранительница, ковчег, скиния – М.Ж.

[4] Macération *f* – буквальное значение: «умерщвление плоти» – М.Ж.

[5] Processions *f* – возможен перевод как «религиозная процессия», так и «крестный ход» – М.Ж.

[6] В 1018 году он уже служил крепостью вендов. Он назывался в то время именем Зверин, и в латинских хрониках именовался Suerinum – примечание К. Мармье.

Нынешний великий герцог[1] вернул ему их, и возвращение правящей семьи в этот древний город, собрание [в нём] всех высших чиновников государства, всех людей, связанных со службой правителям, всех богатых и знатных, которые сопровождают перемещения двора, дали Шверину новую жизнь и новый подъём. Великий герцог строит, горожане строят. Старая часть города, Альтштадт, немного заброшена, она сохраняет свои узкие дома, свои извилистые улицы, свой неправильный план и свой замок, построенный в середине острова, тёмный как старинная военная песня, таинственный и романтичный как народная традиция. Но Нойштадт развивается и расширяется словно крепкое растение под горячим ветром индустрии, под солнцем цивилизации. Уже великолепный зрительный зал возвышается в его черте, и около этого зала скоро заложат фундаменты грандиозного дворца. В моём путешествии я встретил мекленбургского архитектора, который в течении долгого времени жил в безнадёжной бездеятельности, и которой внезапно оказался более занятым, чем адвокат в Нормандии или ростовщик в Гамбурге. Было удовольствием слушать [как он стал] простодушно рассказывать обо всех своих творениях, показывать свои проекты, и описывать, со своеобразной смесью восторга артиста и математической ясностью, будущий дворец великого герцога.

(6) Всё это возрождение Шверина смогло, впрочем, совершаться не иначе, чем в ущерб хорошему и приятному небольшому городу Людвигслюсту, в котором иностранец любил видеть прежде веселье без надменности, изобилие без пышности, и который чахнет ныне печальный и покинутый. Людвигслюст был ещё к середине прошлого века местом для охоты. В 1756 году великий герцог Фридрих[2] приехал сюда обустраиваться со своим двором. Он построил замок, церковь, ограду домов для своих офицеров, и несколько улиц, широких и изящных. Расположение этой новой резиденции не предлагало ему поблизости много таких же красот и таких же преимуществ, как его старая столица. Вместо этих прохладных долин, этих плодородных полей, этих красивых лесов, которые окружают Шверин, этих ручьёв, которые пересекают его луга словно серебряные ленты, и этих прозрачных озёр, которые его украшают словно корону изумруды, он нашёл в окрестностях своего скромного охотничьего особняка только ровную, засушливую и песчаную, тенистую землю, и на ней несколько сухих сосен, подобную бедному краю, где ныне возвышается прелестный город Потсдам. Но герцог Фридрих возможно испытывал, словно короли Пруссии, большое удовольствие [от того, чтобы] обогащать при помощи мастерства почву, бедную по природе, превращать безмолвную и пустынную равнину в радостное и оживлённое место. Всё это создание Людвигслюста ничего не стоило остальной стране. Герцог использовал при строительстве этого города только деньги, которые он скопил разумной экономией, и удостоился до настоящего времени прозвища Благочестивый, которое ему дали подданные.

[1] Право именоваться «великими» герцоги Мекленбурга получили в 1815 г. в соответствии с решениями Венского конгресса – М.Ж.

[2] Фридрих Благочестивый – герцог Мекленбурга, правивший в Мекленбург-Шверине (1756-1785) – М.Ж.

(7) Великий герцог Фридрих Франц[1] продолжил труды своего предшественника. Он украсил замок, он украсил парк. Он имел склонность к естественным наукам и искусствам, и он понемногу собрал коллекцию материалов по минералогии и раковин, которая заслуживает быть посещённой. Людвигслюст, так облагодетельствованный двумя правителями, стал в течении короткого времени городом, примечательным между всеми симпатичными маленькими городами Германии. Нет ничего более свежего и более приятного для глаз, чем вид его домов, построенных на манер голландских домов, чем вид его улиц, окаймлённых двумя широкими тротуарами, затенённых двойной изгородью из лип. Нет ничего более милого и более живописного, чем вид замка с великолепным каскадом, который падает под его окнами и его внутреннего двора, окружённого элегантными домами и оканчивающегося церковью. Этот замок представляет собой остаток очень хорошего стиля, спланированного с искусством и украшенного с благородной простотой. Большая часть его комнат ещё не утратила своей свежести, и большой зал, который именуют Золотым залом, напоминает своей величественной конструкцией и двумя своими широкими точками обзора, внушительной красотой некоторые залы Версаля. Позади замка расстилается парк, разрезанный ровными дорожками, в соответствии со вкусом XVIII века; ботанический сад, излюбленное место вдовствующей великой герцогини, которая знает обо всех растениях, и часто увеличивает их плодородие. Поблизости, посреди цветов и древесных аллей, возвышается католическая церковь, истинный шедевр готического стиля, очаровательная миниатюра [среди] гигантских построек средневековья. Немного дальше, среди буковой рощи, можно увидеть часовню простой и изящной конструкции. Вступаем через скромные врата под свод, освещенный в удивительный день. Здесь покорятся отец, мать, брат герцогини Орлеанской. Представление о радости и надежде смешано здесь со всех сторон с мыслью о трауре и скорби, которую пробуждает вид этих могил. Свод, который их покрывает, синий и усеянный звёздами, словно небесная синева в красоте летней ночи. Надпись, помещённая над дверью, говорит о счастье тех, кто, покинув эту жизнь, окажутся в ином мире. Весной буки расстилают над этим убежищем мёртвых свои зелёные ветви, символ вечного возрождения, и птицы прилетают вить свои гнёзда и петь свои любовные песни рядом с безмолвными гробами.

(8) Но теперь именно это составляет счастье Людвигслюста, его движение и его приятную живость. Нет в этом городе ни торговли, ни промышленности, и поля, которые его окружают, дают только скудные урожаи. Двор составлял всю радость и богатство Людигслюста, и двор его покинул. Замок, ещё недавно столь блестящий и оживлённый, ныне пустынный; улицы мрачные и безмолвные; мастера и торговцы переселились вслед за великим герцогом. Однако, в этом городе, столь быстро построенном и столь быстро опустевшем, имеется ещё один дом, у дверей которого бедный останавливается с радостью и на которое народ смотрит как на утешение. Здесь живёт вдовствующая великая герцогиня Мекленбурга. Благородная государыня не может решиться покинуть колыбель своих детей и могилу своего

[1] Фридрих Франц I – великий герцог Мекленбурга (1785-1837) – М.Ж.

супруга. Она живёт между церковью и замком, [у неё] скромный дом без караульного помещения и без часового. Воспоминания о прошедшем, надежды на будущее пленяют её одиночество. Изучение искусств, естественных наук, одно из её самых любимых занятий, и счастье протягивать руку тем, которые страдают, это её гордость. Возле неё собираются некоторые отставные чиновники, некоторые дворянские семьи, которые предпочитают тишину своего старинного пристанища радостной суматохе новой столицы, и соединены в своём кругу одинаковыми воспоминаниями и одинаковыми чувствами, это часто вопрос о Франции. После того, как герцогиня Орлеанская, покинула Людвигслюст, все жители этого города повернули свои глаза в нашу сторону. [Многие из них] подписались на французские газеты, ожидают новостей из Парижа с большим нетерпением, чем из Германии. Как только корреспонденция прибывает, первый лист, который развёртывают с поспешностью, первая колонка, которую ищут, та, в которой надеются прочитать имя молодой герцогини. Каждый следит с нежной заботой за её пребыванием в Париже, за её путешествиями, и каждая семья говорит о ней как о милом ребёнке, который далеко и которого хотели бы снова увидеть. В связи с этой любовью к ней, которую не ослабило время, которую не нарушила разлука, они любят страну, которая её приняла, они хотят видеть её всегда счастливой, могущественной, мирной; так как в мыслях добрых жителей Людвигслюста судьбы Франции соединяются с судьбой их молодой принцессы. Нигде так пламенно не желают славы и процветания нашей родине, и нигде тот, кто приезжает из Франции, или тот, кто туда возвращается, не вызывает большего внимания. Я был обязан этой любви к Франции оказанным мне приёмом, столь доброжелательным и столь сердечным, что я никогда не смогу забыть, и я записываю здесь, с истинным чувством нежности и признательности, имена некоторых из тех, кого я имел счастье знать во время моего очень короткого пребывания в Людвигслюсте: имя прославленного маршала Ранцау, учёного барона Шмидта, и храброго и верного генерала Бота.

(9) Если путешественник осматривает не только города, но и сельские местности[1] Мекленбурга, он найдёт здесь обширный и любопытный материал для наблюдений. Они красивы, и особенно на берегу моря, красоты очаровывают воображение творческого человека, позволяют долго мечтать музе поэта. Кроме того, воспоминания о прошлом, к которым ещё пробуждают вновь интерес старинные памятники. Тут и там виднеются руины крепости, которая когда-то защищала независимость страны от вторжения саксонцев. В долинах обнаруживаются могилы гуннов, имеющие вид пагод из гранита, как говорит о них писатель, который мог сравнить их устройство с устройством культовых сооружений Индии. Рядом с нами находятся круглые курганы[2], *kegel- graeber*, которые датируются более поздней эпохой, однако предшествующей христианству, и посреди этих языческих памятников находятся развалины культовых сооружений и католических памятников средневековья. Три эпохи со своим различным характером находятся,

[1] Campagne *f* – возможен перевод: «сельская местность»; «деревня»; «поле» – М.Ж.

[2] Tombe *f* – могила, гробница, надгробный камень. В данном случае, речь, очевидно, идёт о курганах – М.Ж.

таким образом, в нескольких пье[1] под землёй. Там, где живая традиция прекращается, прошлое зовёт учёного в пристанище смерти и открывает ему свои тайны в гробнице. Поблизости от Пришендорфа находится погребение гуннов, которое имеет 30 пье в длину и 15 в ширину. Оно окружено пятнадцатью гранитными валунами. В этом огороженном пространстве, на глубине четырёх пье, нашли разбитые урны, ножи и топоры из камня, подобные тем, которые модно видеть теперь в большом количестве в музее Копенгагена, и гарнитур[2] из янтаря. Поблизости от Людвигслюста великий герцог Фридрих Франц приказал произвести раскопки кургана, и в нём были найдены браслеты и доспехи из бронзы. Другие раскопки были проведены в разных частях страны, и повсюду погребение, скрытое в течении веков, открылось как книга и дало новый источник археологу, [открыло] новую страницу в науке. Нынешний великий герцог издал совсем недавно постановление, чтобы защитить от бессмысленного разграбления людьми эти ценные памятники. Кузнецы делали лемехи для плугов из железа этих старинных клинков, которые некогда купались в крови, и пастухи играли с головами гуннов, которые привели в ужас мир.

(10) Традиции крестьян Мекленбурга открывают взорам наблюдателя ярко выраженный характер, который ныне напрасно бы искали в других частях Германии. Большинство мекленбургских крестьян просто арендаторы[3], пользующиеся устойчивым положением, которые передают по наследству своим сыновьям арендный договор в течении сотни лет. Природа их договора, отдаёт им, так сказать, во власть ту землю, куда они приходят обустраиваться, и чем больше они там остаются, тем сложнее их её лишить; так как, чтобы начинать использование [участка] определённой величины, арендатор должен иметь капитал как минимум в 20-30 тысяч франков. Он сам должен покупать скот и сельскохозяйственные инструменты, необходимые в работе на ферме, он платит налоги, и все строения, которые он возводит на земле своего хозяина, принадлежат ему. По прошествии ста или ста пятидесяти лет, имеется столько туазов[4] стены, которая принадлежит ему, столько красивых изгородей, где он трудолюбиво посадил каждый ствол, столько работ по осушению или орошению, за которые он потребовал бы суровый счёт, что никто не помышляет уже, чтобы оспаривать его место, на котором он столь твёрдо устроился, где он записал права своим трудом в каждый межевой столб и в каждую тропинку. Таким образом, когда арендный договор заканчивается, он возобновляется, с некоторыми поправками, на сто других лет и часто собственник меняется, но арендатор не меняется.

(11) Городская мода, изобретения современной элегантности и пышности, уже проникли в среду этих почтенных жителей сельской местности; но большинство ещё носит строгие костюмы своих предков. Мужчины носят штаны из шерсти или из

---

[1] Пье – старинная французская мера длины (1 пье = 32.48 см) – М.Ж.

[2] Parure *f* – возможен перевод: «украшение», «убор», «гарнитур» (из драгоценных камней, из кружев) – М.Ж.

[3] Fermier *m* – можно перевести и как «фермер» и как «арендатор». Поскольку в контексте речь идёт об аренде земли, перевожу как «арендатор» – М.Ж.

[4] Туаз – старинная французская мера длины (1 туаз = 1,949 м) – М.Ж.

грубой холстины, длинный голубой сюртук без воротника, в который их голова свободно проходит, пояс из кожи и круглую шляпу с широкими краями. Женщины носят несколько платьев одно на другом, красные чулки и туфли с высоким каблуком как далекарлийки[1]. Они имеют, как правило, невинное и безмятежное выражение лица, тип которого обнаруживаем от Саксонии до границы Норвегии: ясные глаза голубого цвета, светлые волосы, цвет лица белый и немного розоватый. Мужчины крепкие и сильные. В детства они были подвергнуты всем ненастьям времён года; в юности они приобретали навык тяжёлых работ, и привыкали быть усталыми. Как древние воители севера, которые гордились главным образом тяжестью своих мечей и силой своих рук, они видят большую ценность в физической силе, и им нравится упражнять её в рукопашной борьбе как [это делают] бретонцы, или в беге на ногах и на конях. Тот, кто не отличился хотя бы один раз в этих суровых турнирах, не получит никогда среди героев общины даже небольшого уважения, и тот, кто не может проворно нагружать на свои плечи мешок шести мер Ростока (приблизительно триста шестьдесят – триста восемьдесят фунтов) слывёт, по правде говоря, за бедного человека.

(12) Эти мекленбургские фермеры обычно богаты или обладают, по крайней мере, приемлемым достатком. Их поля дают им всё, что необходимо для основных нужд: зерно, плоды, коноплю. Скот для них важный предмет торговли, и охота, и рыбная ловля предлагают им ещё один источник. Почти все они имеют что-то вроде природной склонности к механическим работам, что помогает увеличивать их благосостояние. Они сами изготавливают свои сельскохозяйственные орудия и часть своей мебели. Есть среди них такие, которые обрабатывают дерево с ловкостью средневековых скульпторов; другие делают настенные часы как в Шварцвальде, и недавно видели простого крестьянина в окрестностях Доберана, который, не получив никогда ни одного урока музыки, смог смастерить очень хорошее пианино.

(13) Их жилища показывают с первого взгляда привычки фермеров к порядку и удобству. Это по обыкновению довольно просторный дом из кирпичей, разделенный на две части. Входят через широкие и высокие сени, всегда поддерживаемые в чистоте. С каждой стороны сеней находятся комнаты работников, хранителей скота и урожая. В глубине дома находится кухня, где делают все зимние работы, затем комната крестьянина[2], украшенная кое-какой мебелью из орехового дерева, шкафом, в котором находятся календарь, Библия, молитвенники, и брачным ложем, которое в дни больших праздников украшается цветами и лентами.

(14) До настоящего времени земли Мекленбурга мало дробились: они делятся только на большие хутора, и каждый хутор составляет что-то вроде маленькой республики, в которой главные работники являются сенаторами, и в которой фермер является президентом. Каждый работник имеет свои особые функции, своё звание, свою ответственность [за какую-то определённую часть работы], и поднимается от одной ступени к другой по мере того, как с годами развивает свои силы и как семейный совет признает добросовестность его службы. Первый из всех –

[1] Далекарлия – историческая провинция в средней Швеции в регионе Свеаланд – М.Ж.
[2] Хозяина дома – М.Ж.

тот, кому поручили лошадей; он ещё представляет собой в доме крестьянина того важного чиновника древних княжеских домов севера, того *Mare-Schalck*, от которого нам пришло наше высокое звание «маршал».

(15) Всё это поселение живёт, таким образом, в своём улье, преданном общим тяготам, разделяющем общие работы и наслаждающимся общими радостями. В месяце апреле или в мае, когда в первый раз выгоняют скот в поля, верующие жители фермы прославляют словно язычники возвращение солнца, красоту весны. Летом новый праздник во время сенокоса, и ещё один праздник, когда завершён сбор урожая. Тогда [начинаются] пение и танцы в долине, и живые эклоги начинаются с утра и заканчиваются только ночью. Косарь важно подаёт жнице вырезанные грабли, украшенные и увитые зелёными ветвями; благодарная жница сплетает ему венок из зерновых колосьев и васильков; затем начинаются шумные и весёлые хороводы: мужчины и женщины, хозяева и батраки, все [присутствующие на празднике] составляют длинную цепь, которая водит хоровод и кружится вокруг зеленой яблони. Если в это время праздный путник останавливается на дороге, жнецы идут связывать ему обе руки, как связывают на борту корабля пассажира, который впервые поднимается на марс[1]; затем молодая девушка приходит, словно марсовой матрос, требовать у него выкуп, и когда выкуп заплачен, он принимается в хоровод, он становится гостем семьи.

(16) Осенью под кровом фермы, вокруг очага, готовят листья табака, повторяя старинные народные припевы и рассказывая волшебные сказки. Потом приходит Рождество, этот чудесный праздник Германии. Это время, когда собираются все родственники, когда все друзья стараются встретиться, когда все соседи ходят друг к другу, словно для того, чтобы взаимно объявить друг другу добрые вести. Уже мать семейства приготовила пенное пиво, каравай с изюмом, который подают только при этом важном случае, и подарки, предназначенные домочадцам и гостям праздника.

(17) Вечером, 24 декабря весь коллектив собирается в одной комнате, но комната, в которой положены рождественские подарки, ещё закрыта, и угадывают тайну, которая окружает приготовленные подарки. Дети кричат и топают ногами, молодые девушки мечтают о новом наряде, который они получат, и мужчины, которые выказывают своего рода гордый стоицизм, позволяют, однако, вырываться, время от времени, лёгкому проявлению нетерпения. Наконец, дверь открывается. Рождественская ёлка предстаёт сверкающей от света со своими ветвями, усыпанными маленькими свечками и отягощёнными фруктами. С каждой стороны этого религиозного символа располагается стол, покрытый белой скатертью, на которой находятся подарки, приготовленные за несколько недель с искусной тщательностью и нежной заботой. Каждый бежит к подарку, который ему предназначен, и бывают возгласы от неожиданности и восклицания от радости, восторги и благодарности, которые заканчиваются только весёлым ужином и радостными песнями. Этот праздник Рождества наиболее яркий из всех, наиболее длительный и более всего любимый. Есть только один [праздник], который можно с ним сравнивать, тот который сопровождает свадьбу одного из детей фермера. В этом

[1] Марс – мореходный термин, площадка на топе составной мачты, прикрепленная к её салингу – М.Ж.

случае дом ещё полон родственников и соседей, и стол постоянно покрыт кружками пива и кусками жареной говядины. За несколько дней один из друзей дома, носящий звание свадебного курьера, поднимается на лошадь и отправляется в своей шляпе, украшенной лентами, в своей одежде, украшенной цветами; делать приглашения в пяти или в шести льё[1] в округе. И в условленное время все приглашённые прибывают, кто на коне, кто пешком, кто в повозке, и поселяются как могут: эти в сарае, те в амбаре, на кухне, или на чердаке, и все приносят, также как в Финляндии, какой-нибудь подарок молодожёнам. Между тем, жена пастора сама наряжает невесту. Она даёт ей чёрную юбку, символ серьёзной жизни, в которую та собирается вступать, и белый фартук, эмблему невинности. Она ей одевает, как символ богатства, золотые цепочки на шею; как знак надежды, она возлагает на её плечи белый воротник, вышитый зеленью, золотые бляхи на грудь, цветы на волосы, и венок в форме птичьего гнезда на голову. Так одетая в свой символический костюм, невеста идёт, сопровождаемая двумя молодыми женщинами и восемью почётными кавалерами. Жених приходит после неё, сопровождаемый своими друзьями. Оба становятся на колени перед пастором, и когда свадебная церемония заканчивается, все идут к столу. Но вскоре деревенский оркестр, стоя на своих подмостках, зажигает вялых гостей. Волынка вздыхает, скрипка плачет, кларнет возмущается. Все торопятся опорожнять последнюю рюмку водки, последний стакан пива, и бегут в амбар, который служит бальным залом. После хороводов, обычных вальсов, начинается оживлённый и занимательный танец, что-то вроде сценической игры, подобной той, которую знают, в Финляндии и в Швеции, под именем Лек (Lek). Двое мужчин увлекают невесту в середину круга, затем держатся с каждой стороны от неё, как будто для того, чтобы её охранять. Другие мужчины берутся за руки и создают большую цепь, которая без остановки кружится и вертится в несколько кругов вокруг пленницы. Нужно, чтобы муж разорвал эту цепь, пробился сквозь эти круги и освободил свою жену. Тогда сцена изменяется: муж, который стоит рядом с той, которую он освободил у похитителей. Другие мужчины составляют новую цепь и соединяются вокруг него, чтобы его защищать. Женщины идут в атаку через эту цепь и после длительного штурма и долгого сопротивления, прорываются к новобрачной, хватают её, уводят в брачную комнату, и заменяют её венок невесты чёрным чепчиком.

(18) Все обычаи крестьян Мекленбурга, их внутренняя жизнь, их собрания, их праздники несут в высшей степени печать этой доброй и трогательной природы сердца, которую мы не умеем выражать иначе, чем перифразой, и которую немцы называют одним словом «Gemuth»[2]. Есть в них религиозное чувство, которое проявляется во всех обстоятельствах. Если они встречают друга, они к нему подходят, говоря ему: «Чтобы Бог вас принял под свою святую защиту!». Если они испытывают несчастье, бедствие, они переносят его с подлинно христианским смирением. «Несчастье, воскликнут они, могло быть худшим; мы не совсем разорились, и мы живём ещё. Пусть небо будет благословенно!». Они верны своей любви, но верны

[1] Льё – старинная французская мера длины (1 сухопутное льё – примерно 4,4 км).
[2] Уют, сердечность – М.Ж.

также своей ненависти и своим предубеждениям. Они сочетают доверие, небрежность ребёнка, упрямство корсиканца. Доказательства тому в их воспоминаниях, которые они ещё сохранили о Семилетней войне. Имеются целые деревни, в которых история этой войны укоренила что-то вроде наследственной ненависти и предубеждений против пруссаков, и часто на ярмарках, видят крестьянина, стоящего перед лавкой, рассматривающего подозрительно вид товаров, которые ему предлагают, и повторяющего со своей старинной злобой мекленбуржца: «прусские товары, скверные товары».

(19) В связи с этим упорством характера, они сохранили посреди развития современных идей все суеверия средних веков. Они почти также легковерны, как были их предки двести лет назад, также легко боятся представления о таинственном могуществе, против которого любая физическая сила бесполезна. В конце XVII в. сжигали ещё колдунов в этой стране[1]. Ныне их не сжигают, но, тем не менее, боятся. Эти колдуны друзья дьявола. Они получили от него сверхъестественную власть, и должны однажды, в силу своего нечестивого договора, страдать от мучений в аду. Но тем временем, они практикуют все виды порч, и жестоко мучают истинных христиан. Их взгляд злой, их дыхание несёт заразу. Одно их приближение заставляет ржать лошадей, и выть собак. Если заболела корова, если молоко прокисло, если пиво испортилось, если недавно посаженное дерево зачахло, это вина колдунов. В ночь с конца апреля на начало мая, которую называют *Walpurgisnacht* («Вальпургиева ночь»), крестьянин делает три креста на дверях своего хлева, для того, чтобы колдуны, идущие на шабаш, не навели порчу на его скотину. Когда родится ребёнок, торопятся зажечь лампаду, и, до того момента, пока пастор его не крестит, эта лампада должна оставаться всю ночь зажжённой около его колыбели, чтобы злые духи не пришли забрать его.

(20) Эти суеверные представления восходят к далёкому прошлому, охватывают настоящее, и простираются на будущее. Крестьянин, тревожный за свои урожаи, молодая девушка, тревожная за свою любовь, вопрошают, как голоса судьбы, птицу в её полёте, волну в её журчании, осенние облака, и весенние цветы. Определённый крик ворона предвещает войну, определённый звук самопрялки предсказывает свадьбу. Если в день святого Валентина[2] молодая девушка льёт расплавленный свинец в воду, она увидит [как] явится изображение того, кто станет её мужем. Если один из членов семьи должен умереть в течение года, можно видеть в ночь на первое января чёрный гроб на снегу кровли.

[1] Одна женщина была сожжена в 1669 г., другая в 1697 г. Просто применили пытку к несчастным, обвиненным в колдовстве. Колесо и клещи вынудили их признаться в преступлении, в котором они были совершенно невиновны, и как только их уста произнесли фатальное признание, запылал костёр. Чтобы положить конец этим ужасным казням, герцог Густав-Адольф учредил суд, предназначенный для законного рассмотрения процессов о колдовстве – примечание К. Мармье.

[2] В ночь на Святого Валентина, когда молодая девушка предаётся своим мечтам о замужестве, также и птицы, как говорят, выбирают свою спутницу. Английские предания рассказывают, что падают в это время три капли с неба. Одна теряется в воздухе, другая проникает внутрь земли, третья падает в волны. Первая пробуждает в атмосфере производительные силы природы; вторая и третья пробуждают жизнь растений и животных – примечание К. Мармье.

(21) Все стихии имеют здесь своих добрых и своих злых духов. Невидимый и таинственный мир повсюду соприкасается с реальным миром, и занимает все умы своей непостижимой гармонией и своими сверхъестественными проявлениями. В воде есть волшебный музыкант, который зачаровывает со своей серебряной арфой слух и душу рыбака; в лесах в уединении дух-мечтатель, у которого только приятные взгляды и нежные вздохи; в воздухе старый Один, обречённый постоянно преследовать на необузданном коне добычу, которая бежит без перерыва впереди него, словно человеческая мысль, которая в своём гордом полёте и в своём неутолимом рвении, всегда стремится к бесконечному. Недра земли, горы также имеют свой потусторонний мир, своих духов, трудолюбивых и умных, которые хранят алмазы и обрабатывают металлы. Старинные замки и разрушенные здания имеют своих обитателей, верных и таинственных, сходных этими священными чувствами, которые привязываются к прошлому, и придают особое очарование лохмотьям бедности и обломкам невзгод. В древнем замке Шверина живёт маленький *puck* («пук»), словно это было бы нужно во дворце конституционных монархов. Этот малыш невидимый, подвижный, читающий в сердце человека словно Асмодей, бодрствует днём и ночью на крыльце замка, содействует проходу тех, кто приближаются с намерением верной преданности, и мучает без жалости тех, которые приходят с лестью на устах и предательством в сердце.

(22) Также часто какая-либо нравственная идея, какой-нибудь евангельский рассказ соединяются в уме мекленбуржцев с этими народными баснями. Дети украли хлеб у одного бедного пастуха, и в ту минуту, когда они радовались своей краже, они были превращены в камни, и остались стоять на лугу, как пример небесной кары. Один бедняк пришёл словно Лазарь тщетно умолять богача о сострадании. В ту минуту, когда он удаляется с пустыми руками, со слезами на глазах, загремела гроза, ударила молния, негостеприимный дом, поражённый громом и молнией, обратился в прах. Бедняк идёт искать убежище пол дубом. Богач прибегает в тоже место, и несчастье примиряет тех, кого счастье разделяло. В некоторых преданиях Мекленбурга дьявол играет особенно важную роль. В каждое мгновение дьявол появляется, порой в бархатном плаще, словно Мефистофель, чтобы льстить страстям молодого человека, порой в мантии судьи, чтобы властвовать над умом крестьянина. Порой его видят летящим по воздуху, словно крылатый дракон, переносящим с одного места на другое мешки с серебром и драгоценными камнями. Стремление набирать новых подданных под свою власть доставляет ему тяжкий труд и стоит ему огромных мешков серебра. Его видят по очереди превращающимся в архитектора, каменщика, извозчика. Здесь он построил церковь, там он заложил мост. Вместе с тем, он помог дровосеку отнести его вязанку, и землепашцу вспахать его ниву. Проще говоря, нет такой жертвы, которую бы он не совершил, нет унижения, на которое бы он не пошёл безропотно, чтобы заманить бедную душу, наполовину преданную отчаянию, и чаще всего он был жестоко обманут. Крестьянин воспользовался его помощью и ускользнул от него, укрывшись в церкви, монах обратил его в бегство, сделав крестное знамение, и бедный дьявол, обманутый, обокраденный, осмеянный, отправляется искать в другом месте более лёгкую добычу. Во всех преданиях германцев дьявол предстаёт, впрочем, с одними и

теми же хитростями, и той же грубой простотой. Он в совершенстве воплощает надменную и грубую чувственность, укрощённую рассудком.

II

(1) Наиболее древние сведения о Мекленбурге, которыми мы обладаем, не простираются дальше VIII века. Ранее этого времени вся история данной части Германии окружена густой тучей. Осмеливаются с трудом к ней подступаться, так как для того, чтобы её реконструировать, нет ничего кроме расплывчатых и сомнительных рассказов, или предположений, в которых ни один положительный факт не предъявлен; учёные говорят, что эта страна была первоначально населена германским народом[1]. Но что это был за народ? Каким образом он поселился в Мекленбурге? Как он ушёл? Это то, о чём ни одна хроника не рассказывает, чего ни один документ не объясняет. Может быть, это была часть герулов, вандалы, которые присоединились к концу IV века к переселениям великого народа, и покинули свои очаги, чтобы вторгнуться в мир. Как бы там ни было, в эпоху, в которую история Мекленбурга начинает освобождаться от своих покровов, мы находим эту страну занятой славянами.

(2) Есть что-то странное, что в такое время исследований как наше, среди наших научных исследований и наших эксцентричных работ, мы ещё столь мало обратили взгляды в сторону этой бесчисленной семьи славян, чья власть простиралась некогда до Адриатического моря, до Северного Ледовитого океана, до Камчатки и до Балтийского моря. Имеется, однако, большая и интересная история, которая пересекается с нашей в нескольких точках, язык, на котором ещё говорят более пятидесяти миллионов человек, и литература, богатая и оригинальная.

(3) Древнейшие традиции Мекленбурга составляют главу этой обширной истории; возможно, мы узнаем чью-то благодарность, за то, что опишем здесь их наиболее выдающиеся черты. Племя славян, которое захватило север Германии, и простёрлось вдоль Балтийского моря, было известно под именем *вендов* и подразделялось на несколько малых племён. Наиболее могущественным было племя ободритов, которое имело в качестве столицы Велеград (большой город), который дал имя Мекленбургу[2], и племя вильцев, которое занимало большую часть Бранденбурга.

(4) Все историки соглашаются представлять славян как род людей доброй, безобидной природы, любящих работу и домашнюю жизнь. Как только в своих переселениях они находили подходящее место, они тотчас строили себе дом, распахивали землю, и привыкали любить своих соседей в силу своих кротких обычаев и своих гостеприимных добродетелей. Рассказывают, что, когда они были вынуждены покидать свое жилище, чтобы отправляться в путешествие на несколько дней, они имели обычай оставлять дверь открытой, класть дерево в очаг и продукты

---

[1] Race *f* – возможен перевод: «раса»; «народ»; «род», «племя» – М.Ж.

[2] В немецких хрониках славянский «Велеград» известен как Wiligrad («большой город», слав. Velij – «большой»), немецкая калька Michelenburg (др.-верх.-нем. Michel – «большой, сильный»), французское Mikilembourg – М.Ж.

на стол, чтобы, если странник проходил мимо во время их отсутствия, он мог к своей радости входить и брать всё, в чём он имел нужду[1]. С этими качествами сердца славяне соединили качества физические, которые принадлежат только людям природы. Они были одарены силой характера почти непреодолимой, и необычайной ловкостью во всех упражнениях тела; они могли, словно дикари Америки, сворачиваться как клубок, спрятаться как барсуки под корнем дерева, и ждать там целыми днями, пока их враг пройдёт мимо. Они могли находиться, скрытые под водой, в течение долгого времени, при помощи лёгкой трубки, которая им служила, чтобы возобновлять дыхание. Всё то, что нам остаётся от их древней народной поэзии есть очевидное свидетельство их восхищения мужеством и силой. Какой мужчина этот Марко[2], сербские песни о котором рассказывают об отважных путешествиях и битвах! Его воля непоколебима, и его сила не имеет границ; ни один враг его не пугает, ни одно препятствие его не останавливает, и он живёт триста лет. Геракл греков не отважнее, чем он, и Старкад скандинавов не грознее. В то время, как эти сильные и наивные песни рассказывают о военных подвигах, о прошедших войнах, они прославляют скромное изящество, девичью застенчивость молодых девушек, которые появляются на праздниках, с опущенными глазами и лицом, покрытым стыдливым румянцем. Скандинавская легенда об Оттаре и Сигрид рассказывает, что, когда молодая девушка привела вечером своего жениха к брачному ложу, она не поднимала глаз на него, до момента, когда воспламенённый факел, который она держала в руке, начал обжигать ей пальцы. В сербской поэзии имеется несколько столь же девственных образов. Такой среди прочих является Милица[3], от которой её возлюбленный даже не смог в течение трех долгих лет добиться одного взгляда.

---

[1] М. Сент-Бёв написал об этом гостеприимстве славян сонет, который мы рады привести в нашем повествовании:

Старый славянин всем сердцем открытый, гостеприимный,
Приветливый к иностранцу, как в дни басен,
Встречающий его изобилием и приветливой улыбкой,
И даже если он отлучается, он опасается о нём забывать.

Он заполняет, уезжая, свой сундук орехами;
Миска чистого молока и сладкий мёд,
Около двери без запоров, ожидают на столе,
И хлеб остаётся горячим в золе очага.

Трогательная забота! Приятный талант! Так делал поэт:
Его красивый фрукт самый спелый, его цветок самый скромный,
Он делится со всеми, он открывает свои сады.

И часто, когда вы наслаждаетесь своей душой,
Когда в благословенном очаге вы возжигаете пламя,
Он сам уехал к иноземным местам. – примечание К. Мармье.

[2] Марко Кралевич, последний правитель Прилепского королевства в Западной Македонии (1371-1395), ставший героем сербского эпоса – М.Ж.

[3] Милица Сербская (ок. 1335–1405) – жена сербского князя Лазаря Хребеляновича, ставшая героиней сербского фольклора – М.Ж.

(5) «Длинные брови спускаются на розовые щёки Милицы, на её розовые щёки и на её нежное лицо. В течении трёх лет я созерцаю молодую девушку, и я не могу видеть ни её милых глаз, ни её светлого лица. Я её вёл на танец, я вёл Милицу на танец, и я надеялся увидеть её глаза».

(6) «В то время как круги появляются на траве, внезапно меркнет солнце, молния сверкает, рассекая небеса. Молодые девушки поднимают глаза к небу, но Милица не поднимает их, она смотрит на траву, и не боится. Её спутницы говорят ей:

(7) О, Милица, какая смелость и какое безрассудство! Почему ты так и остаёшься с глазами, опушенными на траву, вместо того, чтобы наблюдать эти тучи, которые воспламенят молнию!».

(8) «И Милица отвечает со спокойствием: это ни от отваги, ни от безрассудства. Я не колдунья, которая собирает тучи. Я молодая девушка, и я смотрю перед собой».

(9) Немногое, что нам остаётся от преданий вендов, напоминает, некоторыми чертами, почти дикой силой и некоторыми отважными понятиями, предания Исландии. Такова, например, эта история легендарного короля, именуемого Антир, товарища по оружию Александра Великого. После смерти героя, Антир покинул Азию и захватил области на севере. Это он построил город Велеград, и укрепил его тремя замками, которые имели двенадцать льё в окружности; это его народные предания обозначают как основателя правящего дома Мекленбурга. Если бы этот факт был правдивым, не было бы другого [правящего] дома столь же древнего в мире, так как он восходил бы [ко времени] более чем за триста лет до рождения Иисуса Христа. Когда войска Валленштейна захватили Мекленбург, во время Тридцатилетней войны, нашли, как говорят, в тайном шкафу Доберанского монастыря, панегирик, посвящённый этому отважному воину. Это сочинение простой природы и сурового выражения, как наиболее неровные страницы «Песни о Нибелунгах», или древние песни о Дитрихе, или некоторые части поэмы об Антаре, этом арабском герое, имя которого представляет, впрочем, странное сходство с именем мекленбургского героя.

(10) «Храбрость, говорит безымянный автор этой поэмы, не имеет покоя. Она не спит в кровати. Она напивается кровью. Это то, что можно легко видеть в доблестных подвигах этих воителей, которые неустрашимо бросались вперёд на поле битвы и побеждали своих самых смелых врагов».

(11) «Был прежде на этой благородной земле, на этой земле вендов, король, воспетый поэтами. Его звали Антир. Это был мужчина удивительной отваги, который приобрёл великую славу».

(12) «Он любил похвалы, которые заслуживаются в жестоких битвах, в смелых подвигах. Он был столь смел и столь силён, что никогда никто не мог с него снять его тяжёлые доспехи».

(13) «Чтобы защитить друга, он бросался, смеясь, навстречу вражеским войскам. Для тех, кого он защищал, у него были только нежные слова, но, когда он шёл в бой, его взгляд имел дикое выражение, и огонь выходил у него изо рта».

(14) «Он носил острый меч, который заставлял брызгать потоки крови, и те, кого он поражал, больше не исцелялись. Этот меч был столь силён, что никогда не смогли его сломать. Горе тому, кто подвергся его ударам! Если ему случалось только встретиться с его телом, это было концом для него».

(15) «Доспехи Антура были все чёрные, и один его шлем сверкал белизной; его щит был столь тяжёлым, что тысяча воинов не смогли бы его ему поднять. Они носил на пальце одно маленькое кольцо, которое ему придавало силу пятидесяти человек. Именно с этим кольцом он совершил столько удивительных подвигов».

(16) «Его конь назывался Букранос. Это было чудовищный зверь, столь же крепкий, как камень, который имел голову быка, и копыта его ног высекали искры огня на дороге. Герой был твёрдым, как скала; его не могли ни покорить, ни поколебать, и те, кто нападали на него, падали под его ударами».

(17) Ещё одна мекленбургская традиция заслуживает быть названной, так как она связана с историей одной большой империи. В VIII в. н.э. племя ободритов управлялось королём по имени Годлав, отцом трёх молодых людей в равной степени сильных, мужественных и жаждущих славы. Первого звали Рюрик (миролюбивый), второго Сивар (победоносный), третьего – Трувар (верный). Три брата, не имея никакой возможности проявить свою храбрость в мирном королевстве своего отца, решили отправиться искать битв и приключений в другом месте. Они отправились на восток и прославились в разных странах, в которых они побывали. Везде, где они обнаруживали угнетённого, они приходили ему на помощь; везде, где вспыхивала война между двумя правителями, они старались понять, кто из них прав и принимали его сторону [в этой войне]. После [свершения] множества великодушных деяний и ужасных войн, где ими восхищались и благословляли [их], они прибыли в Россию. Народ этой страны стонал под пятой длительной тирании, против которой он не осмеливался больше поднять восстание. Три брата, проникнувшиеся его несчастьем, пробудили [в нём] уснувшее чувство храбрости, собрали войско и во главе его свергли власть угнетателей. Когда они восстановили порядок и спокойствие в [этой] стране, они решили отправиться в путь, чтобы встретиться со своим старым отцом, но народ, благодарный [им], умолил их не уезжать и занять место его древних королей. Тогда Рюрик, получил Новгородское княжество, Сивар – Плесковское[1] княжество, Трувар – Белозерское княжество. Спустя некоторое время два младших брата умерли бездетными, [после чего] Рюрик присоединил их княжества к своему [княжеству] и стал основателем царской династии, которая правила [в России] до 1596 года.

(18) Имеются все основания полагать, что венды, придя на север, принесли сюда склонность к сельскохозяйственным работам и мирные привычки, которые отличали славянский народ. Но постоянные войны, которые они должны были вести против своих соседей, жестокие нападения, жертвами которых они часто становились, совершенно изменили природу их характера. Отрываемые в любой момент от своих работ звоном оружия, видом горящих факелов, вынужденные обороняться то от саксонцев, то от датчан, имея одно поле битвы на своих нивах и

[1] Псковское – М.Ж.

другое на морских волнах, они положили лемех своего плуга на наковальню и перековали в меч; они вырвали доски из своего сарая, и построили корабли; они оставили землю, которую обрабатывали, участок, который их кормил, и пошли искать свою удачу в походах и свой урожай в битвах. Вскоре они посеяли, как викинги, тревогу в сердце своих врагов и страх в сердце торговцев. Они стали злыми, коварными и жестокими. Часто видели, как они преследуют, с оружием в руках, торговца, с которым они прибыли заключать договор, и грубой силой забирают у него продукты, за которые они должны были честно заплатить. Часто, после битвы, они собирались, как дикари, вокруг несчастного пленника, чтобы мучить его и наслаждаться его мучениями и его криками от боли. Казалось, что они хотели отомстить в одно мгновение за все свои поражения и свои обиды, и топить в крови до последнего остатки своих мирных и сострадательных добродетелей, которые им были завещаны от отцов.

(19) Женщина была для них существом подчинённой природы; её продавали как товар, с ней обходились как с рабыней. Мужчине было позволено иметь несколько [женщин], для того, чтобы использовать их на самых тяжёлых работах, им приходилось спать на голой земле, в то время как он отдыхал в постели; и когда этому надменному паше случалось умереть, все женщины, которые были с ним в браке, должны были зарезаться или предать себя огню на его могиле. Этот ужасный обычай прекратился в Польше только в X веке, он ещё существовал на Руси в XI веке.

(20) Жизнь мужчины была ценностью, жизнь женщины не стоила ничего. Рассказывают, что матери убивали своих дочерей сразу после рождения, как существ, недостойных жить. Возможно также, несчастные чувствовали себя столь взволнованными от большой жалости при виде этих слабых созданий, обречённых, с рождения, попасть под пяту постыдной тирании, что думали, будто проявляют материнскую любовь, лишая их жизни.

(21) Если бы по тем известиям, разбросанным и рассыпанным, которые летописцы севера нам сообщили о вендах, мы могли бы восстановить полную картину их мифологии, мы нашли бы там, без сомнения, ценные материалы о характере этого народа, о его происхождении, о его родстве и его связях с другими народами, происходящими, также как он, с востока. К сожалению, у нас от этой мифологии есть только обрывки, при помощи которых нельзя воссоздать ни космогонию, ни полную теогонию. Мы используем из материала, опубликованного недавно Обществом исследователей древностей севера[1], и [из материалов, опубликованных] историками Мекленбурга[2], некоторые сведения об этой древней религии вендов, против которой христианские миссионеры тщетно воевали в течении нескольких веков, и которая потом погибла словно книга, у которой ветер далеко разбрасывает листы.

(22) Эта религия вендов, говорит М. Петерсен, всюду несёт суровый отпечаток, который отмечают в мифологии древних народов, у которых чувство прекрасного ещё не развилось. Так как искусство и мифология всегда тесно связаны друг с другом.

[1] *Die Züge der Dänen nach Wenden*, par M. Petersen. Copenhague, 1839 – примечание К. Мармье.

[2] Franck, *Ancien et Nouveau Mecklembourg*. – Klüver, Dehn Hempel. – Studemund, *Description, histoire, statistique et traditions du Mecklembourg* – примечание К. Мармье.

Там находят некоторые связи с мифологией скандинавов, либо контакт двух народов привёл к смешиванию двух мифологий, либо обе они происходят изначально из одного источника.

(23) Венды почитали одного бога, верховного вечного, неопределимого, бесконечного. Ему не посвящали никакого алтаря, ему не давали никакого имени. Это был изначальный творец всех вещей, органический закон мира, тёмная и ужасная судьба, скрытая в покровах будущего, скорее идея, чем реальный персонаж, скорее образ, чем живое и осязаемое изображение. Другие боги управляли движением стихий и различными делами человеческой жизни, но все они были подчинены этому первобогу, этому богу без имени. Некоторые учёные думают, что ему не воздвигали никаких идолов, другие утверждают, что его представляло изображение с тремя головами, вроде индийского Тримурти, которое находилось в нескольких храмах вендов. Это мнение ныне принято, как наиболее обоснованное.

(24) Ниже этой бесконечной сферы, где парит верховный бог, бог таинственный и незримый, предстают меньшие боги, которые непосредственно воздействуют на человека. Здесь находим, как во всех мифологиях, начала добра и зла, порядка и смятения, плодородия и разрушения. Бог зла называется Чернобог; его представляют иногда в виде свирепого волка, иногда в виде человека, держащего в руке пламенную головню. Ему приносили, чтобы предупреждать его гнев, кровавых жертв.

(25) Бога добра имеет светлый облик, лучезарное лицо. Он называется Белбог. В том образе, в котором он описывается, он походит на доброго Бальдра, любимого бога древних исландцев. Полагают, впрочем, что это тот же бог, что и тот, которому поклонялись все славянские племена под именем Святовита. Одним из его наиболее знаменитых храмов был храм Аркона на острове Рюген. Саксон Грамматик сохранил нам его описание. Это было просторное сооружение, построенное в центре города, и окружённое двумя оградами. Статуя бога имела четыре головы, обращённые к четырём сторонам света. Она имела при себе меч на поясе, и рог в правой руке, который жрец наполнял вином в определённый торжественный день, чтобы видеть, какой будет урожай в этом году. В канун праздника урожаев, он открывал храм, чтобы подметать и убирать его. Никто другой не мог выполнять эту обязанность, и он сам не осмеливался дышать в святилище. Было нужно, чтобы он выходил за дверь храма каждый раз, когда он имел нужду подышать. В день праздника народ собирался вокруг культового здания. Жрец смотрел на рог: если вино, которое он в себе заключал, не уменьшилось, это был несомненный знак хорошего урожая. Совершив это испытание, он проливал немного вина перед богом, наполнял кубок, выпивал его, моля о благополучии народа, затем наполнял его снова, и возвращал его в руку идола. В этот момент, подносили богу медовый торт, размером и толщиной с человека. Для содержания храма жрецы взимали с каждого человека особый налог. Они получали, кроме того, третью часть добычи, которую пираты привозили из своих походов. Триста всадников составляли, в некотором роде, почётный караул в честь бога. Он сам должен был иметь белого коня, сильного и без пятна, на которого только жрец мог подняться. Считали, что Белбог им пользуется ночью, так как иногда великолепный боевой конь представал утром запыхавшимся и

покрытым потом, как если бы он проделал только что долгий путь. Когда народ готовил военный поход, приносили к храму шесть копий, которые втыкали попарно в землю. Затем жрец приводил назначенного коня, и он скакал на эти копья. Если он поднимал правую ногу первой, это было доброе предзнаменование, если же, напротив, он поднимал левую ногу, поход откладывался. На том же острове Рюген видели другого идола, который имел семь лиц, соединённых в одной голове. На его поясе висели семь мечей, и восьмой он держал в правой руке. Саксон Грамматик упоминает ещё одно божество, названное Поренут, которое имело четыре лица на плечах, и пятое – на груди.

(26) В области [племени] ратарей (ныне герцогство Мекленбург-Стрелиц), посреди священного леса, где никто не осмеливался отрезать ни одной ветви с дерева, можно было видеть странный город, построенный в форме треугольника, с широкими воротами в каждом углу. Двое из этих ворот были открыты весь день; но третьи, которые были самыми маленькими, оставались почти всегда закрытыми. Это было для того, кто приходил, чтобы выйти на берег моря. На унылом и безлюдном песчаном берегу возвышался храм с идолами, поддерживаемый множеством колонн, которые походили на рога животных. Стены этого здания были покрыты большим числом вырезанных изображений, представляющих богов и богинь. Внутри храма можно было видеть идолы тех же божеств, покрытых своим доспехом, и несущих шлем на голове. Это здесь жрецы хранили знамя войск. Только жрецы имели право приносить жертву богам, и их привилегия сидеть в храме, в то время как собрание [прочих людей] оставалось стоять. При серьёзных обстоятельствах, они бросались лицом к земле, произнося непонятные слова. Они прикладывали свои губы к щелям, проделанным в земле, и тихо обращались с вопросами к таинственному оракулу; затем они закрывали отверстие зелёной дерниной и рассказывали народу о том, что они только что узнали[1].

(27) Другая традиция сообщает, что столицей области ратарей была Ретра. Этот город имел девять ворот. Там можно было видеть великолепный храм, и в этом храме был идол Радегаста из золота, покрытый шкурой буйвола и несущий алебарду в руку. Это был бог силы и воинской чести.

(28) Сива была богиней плодородия и любви. Её представляли в образе молодой обнажённой девушки, наполовину прикрытой только длинной шевелюрой, которая спускалась до колен. В своей правой руке она держала яблоко, в своей левой руке гроздь винограда.

(29) Прове, бог справедливости, находился среди величественной ограды деревьев. Король приходил туда, садился, как святой Людовик, у корней старого дуба, чтобы выносить свои решения; но только жрец имел право проходить за священную ограду, и, если преступнику, приговорённому к смерти, удавалось туда проникнуть, это было для него неприкосновенным убежищем.

(30) Венды почитали ещё Подагу, бога времён года, и Флинца, бога смерти. Его представляли в образе скелета; но этот скелет носил льва на своих плечах.

[1] Хроника Титмара Мерзебургского – примечание К. Мармье.

(31) С этим культом благодетельных и грозных божеств венды соединяли почитание природы. Они подходили со святым почтением к источникам воды и лесам. В потоках чистого озера, верили они, можно увидеть таинственных духов; в уединённой тени деревьев они слышали, словно греки, своими ушами пророческие слова. Дуб был для них символом сил природы и органической первопричины, которая ей управляет. Старый ствол, почерневший от времени, лишённый листвы и покрытый мхом, был для них тихим обиталищем божества. В Ольденбурге священные дубы были расположены внутри ограды храма. В Щецине носили подношения одному прорицателю, который вопрошал источник воды и делал предсказания. В нескольких местах, были повешены на деревьях изображения богов или символические образы. Храм был обычно построен на острове: туда приходили по мосту, и только те, кто хотели принести жертву, имели право пройти по этому мосту.

(32) В жертву богам приносили быков и овец. Жрецы брали лучшую часть жертвы, остальное было оставлено народу. Иногда приносили в жертву христиан. Венды, полагали, что такая жертва должна была быть особенно приятной для их идолов. В одном из этих кровавых столкновений, которые часто вспыхивали между приверженцами язычества и новообращёнными христианами, один епископ был убит и его голову посвятили Радегасту, богу силы. В продолжение жертвоприношения вопрошали судьбу, бросали в воздух кусочки дерева чёрные с одной стороны и белые с другой. Если они выпадали белой стороной, это было добрым предзнаменованием, в противном случае это был знак несчастья.

(33) Каждый раз, когда человек хотел вопросить оракул или молиться о милости богов, он приносил жертву. Боги управляли всеми значительными событиями человеческой жизни; боги благословляли браки и клятвы дружбы; они одобряли договоры о мире, и давали свою поддержку объявлениям войны. В каждом племенном[1] храме был священный штандарт, вид палладия, к которому народ относился с религиозным почтением, и с которым жрецы церемонно ходили при важных обстоятельствах. Некоторые племена вендов имели в качестве знамени дракона с головой женщины и руками, покрытыми золотом. Жители острова Рюген имели другой [стяг], который они называли Станица, и которому они оказывали почти столько же почёта, что и самим их богам. Независимо от каких-либо неожиданных обстоятельств, дверь храма открывалась для того, кто приходил принести в жертву овцу и умолять о милости, каждый год были три больших праздника, которые весь народ отмечал песнями, танцами и многочисленными жертвоприношениями. Первым был праздник зимы; он приходился точно на тоже время, что Йоль скандинавов и Рождество христиан. Вторым был праздник весны; венды посвятили его памяти умерших. Третьим был праздник урожая.

(34) В стране, где религиозное чувство распространялось, таким образом, на все стороны жизни, жрецы должны были неизбежно иметь огромное влияние. Жрецы были одновременно, в древние времена, судьями, законодателями,

[1] У Мармье «national» – «национальный». По контексту в данном случае подходит чтение «племенной» – М.Ж.

верховными владыками народа. Позднее ободриты выбрали себе короля, или, скорее, военачальника, ответственного за то, чтобы вести их на войну. Его власть была весьма ограниченной. При тяжёлых обстоятельствах, всегда ожидали решение богов, и это решение провозглашали именно жрецы; они также были теми, кто хранили в храме казну государства, кто принимали приношения от воинов и пошлины от иностранных купцов. Король, избранник народа, понимался на камень, клал свою руку на одного крестьянина и клялся оставаться верным религии страны, защищать вдов и сирот, и уважать законы. Но те же люди, которые его облекли верховным саном, легко могли его лишить [этого сана]. Его корона была в их руках, также как его жизнь. Если бедствие, плохой урожай, кровавое поражение случались в стране, король был за это ответственен. На него смотрели как на обречённого несчастному року, и, чтобы предупредить новые невзгоды, его приносили в жертву богам. Такой же обычай существовал в Швеции. Шведы зарезали однажды своего короля Дональда, и полили его кровью алтари своих идолов, чтобы прекратить голод. Жители острова Рюген, ободриты, имели короля; но в большинстве районов, занятых славянскими племенами, он носил титул «воевода». Этимологи полагают признавать в последних слогах этого титула, в этом слове «вода», имя Одина, бога скандинавов.

(35) Вся история вендов, с того времени, когда она открывает себя нам, то есть со времени Карла Великого, есть только печальная картина гражданских междоусобиц и беспрерывных войн. Ободриты воюют против вильцев, против саксонцев, против датчан. Когда война прекращается с одной стороны, она возобновляется с другой. Когда буря не гремит больше снаружи, она вспыхивает внутри. Правители мекленбургских племён ссорятся из-за власти, предают друг друга, убивают друг друга, частные распри смешиваются с национальной враждой. Крестьяне грабят, и пираты уходят как хищные птицы ждать свою жертву на далёких волнах. Наконец, всё это славянское племя предстаёт только как хаотическое и жестокое общество, где никакой закон не останавливает вспышек ярости и в котором даже религия не накладывает никакого законного предела. В начале IX века один монах из Пикардии отправился проповедовать христианство на север, и вскоре добился достаточного успеха для того, чтобы в 833 году Папа решил, что должен основать епископство в Гамбурге. Но этот добрый и кроткий закон Евангелия, который уже смягчил столько жгучих страстей и укротил столько диких народов, только посеял среди вендов новые семена раздора; те, кто внял голосу миссионеров, стали восприниматься как предатели и люди, не заслуживающие никакой жалости. Отсюда глубокая ненависть, насилия и войны без конца. Язычники считали, что делали дело, угодное их идолам, с остервенением преследуя неофитов Евангелия. Чтобы снискать милость их ужасного Чернобога или их бога Радегаста, они сжигали часовню, они истребляли христианскую семью.

(36) Много раз саксонцы пытались силой обратить эти суровые племена, которые не могла тронуть красноречивая речь миссионеров. Когда они выигрывали сражение, евангельский закон становился всемогущим. Князья принимали крещение, чтобы добиться мира и народ обещал построить церкви. Затем, едва вражеская армия уходила за границу, едва время кризиса проходило, как все идеи об

обращении были тут же забыты; глава племени торопился отречься от своих религиозных обещаний, воины уничтожали начатую церковь, и жрецы с большой торжественностью приносили статуи богов в их храмы. Эта борьба религиозных взглядов длилась три столетия; мало по малу, наконец, она ослабевает: настойчивость христианских проповедников восторжествовало над упорством язычников. В 1168 году разбили последнего идола на острове Рюген, и три года спустя, было создано епископство в Шверине. Распространяя в этом крае новую веру, миссионеры принесли туда также новый язык. Германия совершила духовное и интеллектуальное завоевание Мекленбурга; большое количество семей вендов угасло в длительных войнах, которые опустошили их страну; они были заменены немецкими семьями. Миссионеры привели ещё других, и первые христианские князья, которые находили в них поддержку, покровительствовали им во всём. Славянское начало, побеждённое, таким образом, со всех сторон мечом воина и словом миссионера, постепенно ослабляется, германское начало возрастает. Снаружи Германия окружала землю вендов; внутри она пускала беспрестанно новые корни; она действовала в этом полуварварском краю своей политической властью, своей религией, ранним развитием нравственных идей, которые предстали в то время как заря цивилизации. Борьба не была равна. Венды были побеждены и немецкий язык заменил в Мекленбурге славянское наречие[1].

(37) Но иностранное население, которое пришло соединиться с племенем вендов, не помешало стране быть вновь завоёванной датчанами. Кнуд VI[2] захватил её в 1202 году, и его преемники управляли ей в течении двадцати пяти лет. Потомки Никлота[3], князя ободритов, наконец, освободили её от ига; но как только они её освободили, они её тут же ослабили разделением. Четыре сына Борвина II[4] создали четыре государства из древнего княжества. Старший из братьев, Иоганн[5], получил наибольшую часть герцогства. От него происходят нынешние князья Мекленбурга; трое других создали союз Рихенберга, Верле и Ростока. Позже образовались ветви владетелей Бойзенбурга, графов Шверина, и князей Мекленбург-Старграда. Понятно всем, что уже итак уменьшенная страна, должна была потерять от своего разделения на несколько частей. Между тем, она успешно боролась ещё против амбициозных соседей, против ганзейских городов, против датчан и шведов; затем у неё были смелые и искусные князья, которые её прославили своим мужеством или укрепили её мудрыми установлениями. Таким был, в том числе, Иоганн I, основатель мекленбургской ветви. Он учился в Парижском университете, и его учёность принесла ему прозвище Теолога. Он основал несколько полезных учреждений, разрушил логово пиратов и поддерживал, своей мудростью, а также своим достоинством, порядок и процветание в своей стране. Его сын, Генрих I, прозванный

[1] Существует, между тем, еще в Мекленбурге большое число крестьянских и несколько благородных родов, происхождение которых несомненно славянское. Таковы, в числе прочих, Бассевиц, Бюлов, Дервиц, Флотов, Лютов, Левашов и т.д. – примечание К. Мармье.

[2] Кнуд VI – датский король (1182-1202) – М.Ж.

[3] Никлот – последний независимый князь ободритов (1129-1160) и родоначальник Мекленбургской династии – М.Ж.

[4] Генрих Борвин II – князь Мекленбурга в Ростоке (1219-1226) – М.Ж.

[5] Иоганн I Теолог – князь Мекленбурга (1227-1264) – М.Ж.

Паломником[1], был одним из тех людей с рыцарским сердцем, с отважным духом, о которых средневековым поэтам нравилось петь, и имя которого народ вписал с любовью в свои легенды. Желание отличиться большими подвигами увлекло его за границы своего тесного владения; он отправился в Святую Землю, оставив своей жене заботу об управлении герцогством. В течение пятнадцати лет благородная княгиня исполняла эту трудную задачу с редкостным благоразумием и удивительной энергией; порой вынужденная становиться на защиту против планов вторжения, порой сопротивляться, как древняя Пенелопа, предложениям брака, она смогла избежать одного за другим каждого подводного камня и предупредить каждую опасность. Когда её сыновья достигли того возраста, чтобы править, она передала им власть, которая была ей доверена и отправилась в уединение.

(38) С тех пор как храбрый Генрих покинул Германию, не было ни одной вести от него; все считали его погибшим, и его благородная жена молилась за него и носила одежды траура. Но вот, в одни прекрасный день молва возвестила, что отважный пилигрим не умер, что он возвратился. Новость бежала от деревни к деревне. Верная Анастасия возвращается из своего уединения, чтобы обнять того, которого не надеялась больше увидеть, и Генрих появился, волосы седые, лицо исхудалое от страданий. Это был не тот красивый статный рыцарь, с гордым взглядом, которого видели уезжавшим со смелыми мечтами молодости. Увы! Нет, это был человек, обманутый в своей надежде, побежденный временем, который возвращался, склонив лицо, с больным сердцем, после пережитых испытаний и бед, и который оказавшись в местах, бывших свидетелями его молодецкого задора, просит у них остаток прошедших мечтаний, и не находит больше ничего. Генрих даже не смог причалить к полю битвы, где он надеялся проявить своё мужество. В тот момент, когда он покидал Марсель, пираты пленили его и двадцать пять лет продержали пленником в Каире. В это время его рассказ о своих несчастьях принёс ему новую славу. Колокола церквей звонили на его дороге, священники пели радостную песнь, и народ выбегал навстречу ему. Двое его сыновей смиренно вручили ему скипетр, который они получили от своей матери. Но Генрих не владел им долго. Он умер в 1031 году, и вся Германия долго воспевала его в своих балладах и в своих легендах.

(39) Вскоре его сын[2] принёс новую славу Мекленбургу своей отвагой и своими подвигами. Всё его правление было длинной войной, часто трудной и часто прославленной. Он укротил спесь ганзейских городов, внушил страх Дании, и достойно воевал с королём Швеции. Его честолюбивые соседи, которые вначале осмелились посягать на его права, просили его о мире, и народ с гордостью назвал его Генрих Лев.

(40) В XV веке из княжеских дома, образованных разделом сыновей Борвина, три угасли, и Мекленбургский дом принял их наследство. Сыновья Альберта Красивого вновь разделили его на две ветви, и уменьшили, таким образом, его власть. Затем наступила Реформация, это было время великих идей и великих войн,

---

[1] Генрих I Паломник – князь Мекленбурга (1264-1271, 1298-1302) – М. Ж.

[2] Генрих II Лев – правитель Мекленбурга, Штаргарда и Ростока (1287-1329) – М.Ж.

затем [была] Тридцатилетняя война, которая опустошила всю Германию. Мекленбург был захвачен католическими войсками, два его законных правителя были свергнуты, и Валенштейн возложил на свою голову корону их герцогств[1]. Когда война закончилась, казна была пуста, страна разорена. Повсюду жестокая рука солдата пронесла железо и огонь; повсюду дома в руинах, покинутые деревни, заброшенные поля. Правление Карла-Леопольда[2] только усугубляло эту нужду. Несчастная страна, разорённая, опустевшая, обременённая долгами, снова обрела немного силы и надежды только под благодетельной властью Кристиана Людвига II[3]. За этим добродетельным и просвещённым князем последовал Фридрих Благочестивый, который своими мудрыми установлениями, своими разумными сбережениями, восстанавливает порядок в финансах и смягчает несчастья народа. Его преемник, Фридрих Франц, завершил эту спасительную работу. Его длинное правление, его пятидесятилетнее правление, было под угрозой многих бедствий и проблем из-за многих опасностей: он видел взрыв французской революции, которая пошатнула весь мир; он видел, как старая Германская империя разрушилась; он видел, как звезда великих держав гасла, Австрию, сгибающую голову под иностранным мечем, и Пруссию, дробившуюся рукой того, кто создавал и уничтожал королей. Не смотря на позицию нейтралитета, которую он пытался держать среди этого столкновения армий и этой борьбы королевств, он не смог избегнуть бури, которая свирепствовала по всей Европе. Французские войска захватили его страны. Один французский генерал обосновался в его дворце как правитель. Благородный князь был вынужден покинуть владение своих предков, с болью видеть своих подданных, порабощённых новыми господами, и обложенных тяжёлыми налогами. Но чем большими были их страдания во время войн Империи, тем больше он старался их облегчить, когда дни спокойствия возвратились. Мекленбург обязан ему множеством умело проведённых реформ, полезных установлений в торговле, в юриспруденции, в управлении, в народном просвещении; так как в то время, когда он старался обеспечить материальное благосостояние своего народа, он пытался дать новый рост своему нравственному развитию. В 1835 году он получил от своих подданных громкое признание успеха, полученного его усилиями. Было пятьдесят лет, как он правил. Все жители герцогства, молодые и старые, богатые и бедные спонтанно собрались, чтобы отпраздновать годовщину его вступления на престол, и на этом празднике, вдохновлённом признательностью, оживлённом любовью, не было ничего неискреннего и ничего приукрашенного. Крестьянин его отмечал с той же радостью, что и вельможа. Стены фермы и стены замка слышали повторение одних и тех же пожеланий, и все громко говорили: «Основатель Мекленбургского дома первым дал пример учёности; Генрих Паломник дал пример рыцарского благородства; Генрих

---

[1] Выдающийся германский полководец Валленштейн был герцогом Мекленбурга в 1628-1630 гг. – М.Ж.

[2] Карл Леопольд Мекленбург-Шверинский – герцог Мекленбург-Шверинский (1713-1728). Супруг Екатерины Иоанновны и отец Анны Леопольдовны. В 1728 г. был смещён с трона имперским придворным советом в пользу своего брата Кристиана Людвига II – М.Ж.

[3] Кристиан Людвиг II – герцог Мекленбург-Шверина (1728-1756), основатель новой столицы Людвигслюст, которой дал своё имя – М.Ж.

Лев дал пример рвения и упорства; Фридрих Благочестивый дал пример справедливости и человечности; Фридрих Франц даёт нам пример мудрости, разума, приятных добродетелей и благородных мыслей». Благородный государь не прожил долго в этом трогательном почтении. Он умер в 1837 году, оставив благодарную память о своём правлении в сердцах своих подданных, и память о своих достоинствах в сердце своих детей.

(41) Мекленбург делится на два герцогства, это герцогство Шверин, которое более важное и обширное, и герцогство Стрелиц. Площадь страны составляет 280 квадратных миль (560 льё), из которых 228 принадлежат герцогству Шверин, и 52 герцогству Стрелиц. Население первого доходит до 2,071 жителей на 22 квадратные мили, население второго до 1,710. В герцогстве Шверин есть 40 городов, 9 посёлков, 308 больших деревень, 2,200 маленьких деревень и ферм, отдаваемых в аренду; в герцогстве Стрелиц 9 городов, 2 посёлка, и 522 деревни и фермы.

(42) В этих двух герцогствах налоги распределены одинаково, и они очень маленькие в сравнении с налогами некоторых других краёв Германии. Они не превышают, в Шверине, 1 флорина 29 шиллингов (приблизительно 4 франка) с человека[1]. В Стрелице они ещё меньше. Кроме ввозных пошлин, нет никакого косвенного налога. Собственник регулярно выплачивает фиксированную пошлину за своё владение, фермер за свою ферму, и налоговая служба не просит с них больше ничего.

(43) Два герцогства, управляемые отдельно двумя государями, независимыми один от другого, объединены общей конституцией. Их депутаты собираются в одном месте и обсуждают одни и те же предложения. Конституционный принцип, который составляет одно из оснований мекленбургского образа правления восходит к древности. С XIV века можно видеть, как дворяне и крупные собственники страны принимали непосредственное участие в делах. Позднее, города и, затем, прелаты имели то же право. В XVI веке был составлен первый основной закон страны; в XVII веке Национальные собрания созывались каждый год. Действующий основной закон был принят после законов 1523, 1572, 1621 и 1755 гг.

(44) Каждый год великие герцоги созывают Штаты и собирают их по очереди в княжестве Шверин и в княжестве Стрелиц. Два государя представлены при собрании тремя уполномоченными, которых они сами назначают. Три наследственных маршала (два в герцогстве Шверин и один в герцогстве Стрелиц) ответственны за получение предложений от уполномоченных и за то, что отвечают им от имени собрания. Именно этому собранию надлежит утверждать новые налоги и устанавливать новые законы. Оно не обладает само правом законодательной инициативы, но у него есть полное право вето. Сессии выборного собрания длятся обычно шесть недель. Уполномоченные, которые её открыли от имени государей, закрывают её с теми же формальностями.

(45) Депутаты, предназначенные к тому, чтобы быть частью собрания, разделены на две категории. Первая состоит из владельцев недвижимости дворян и

[1] В герцогстве Бадена налоги составляют 5 с половиной флоринов с человека; в Саксонии 5 флоринов 50 крейцеров; в Пруссии и в Гессене 6 флоринов – примечание К. Мармье.

рыцарей (*Rittergüter*); вторая представляет буржуазию, выбранную городами. Землевладельцы делегируют в собрание 572 посланника; буржуазия делегирует лишь 40. С первого взгляда можно остановиться удивлённым этой непропорциональностью. Но значительная часть владений рыцарства уже перешла в руки буржуазии, и, так как право представительства привязано к земле, то следует, что число депутатов, представляющих буржуазию, постоянно увеличивается, в то время, как число депутатов от дворянства сокращается. Из 572 усадеб, к которым привязано право представительства, 256 принадлежат представителям буржуазии. Если добавить к этому числу 40 депутатов от городов, то можно видеть, что представители буржуазии в большинстве, и, если дворяне продолжат лишаться своего имущества, аристократическое устройство Мекленбурга скоро станет довольно демократическим.

* * *

LE MECKLEMBOURG

I

A Antoine de Latour

(1) Il y a trois ans que je traversais le Mecklembourg par un de ces mauvais jours d'avril qui n'ont ni la sévérité de l'hiver ni la gaieté du printemps. La neige était déjà fondue, mais nulle vallée n'avait encore reverdi et nulle fleur n'était éclose. Au bord des larges mares d'eau amassées dans le creux de la prairie, les vieux saules balançaient tristement leurs rameaux noirs et desséchés, et le ciel avait une teinte monotone et grise qui alourdissait la pensée et fatiguait le regard. Et pourtant, en m'en allant le long de ma route silencieuse, au milieu de ces plaines ternes et jaunies, en me rappelant ce que j'avais lu sur cette province du Nord, sur cette ancienne retraite des Slaves, j'éprouvais pour cette contrée si distincte des autres contrées de l'Allemagne, pour cette terre peuplée de mythes guerriers et d'héroïques traditions, je ne sais quel mystérieux attrait. Je me disais: j'y reviendrai; et j'y suis revenu après avoir étudié de nouveau tout ce qui nous reste de son antique mythologie et de ses fables populaires. J'ai revu à loisir ces lieux où je n'avais fait que passer, et toute cette excursion s'est gravée profondément dans mon souvenir.

(2) En traversant la partie du Mecklembourg située sur la grande route de Berlin à Hambourg, on n'aurait qu'une très-fausse idée de ce pays. C'est une terre plate et monotone, couverte d'une épaisse couche de sable et parsemée de pins comme nos landes du Midi. Mais un peu plus loin, à l'est et au nord, commence un autre paysage qui console bien vite le voyageur de la monotonie du premier. Là sont les fertiles vallées où les épis de blé ondoient au souffle du matin comme les flots d'une mer dorée par le soleil. Là sont les verts enclos remplis d'arbres fruitiers comme ceux de Normandie, les lacs bleus et limpides comme ceux de la Suède, les riches métairies avec leur couronne de saules et leur vaste grange comme celles de la Flandre, et les collines du haut desquelles l'étranger ne se lasse pas de voir ce panorama si agreste et si riant, si pittoresque et si varié. Là sont les

vieilles villes dont le nom se retrouve souvent au milieu d'un récit de combat dans les sagas islandaises, au milieu d'une légende religieuse dans les chroniques du moyen âge: Rostock, forteresse terrible d'où le Viking s'élançait avec sa hache et sa lance, comme un oiseau de proie altéré de sang, douce retraite où les lettres et les sciences trouvèrent de bonne heure un refuge, port superbe où l'on voyait arriver à la fois les navires du Nord et du Sud; Wismar, autre cité de commerce dont les fières corporations luttaient comme celles de Gand contre les princes et les rois; Dobéran, où les flots de la mer baignent le tombeau des anciens ducs, et Schwerin, dont l'imposante cathédrale et le château chargé de tourelles attestent encore l'antique splendeur.

(3) Doberan était autrefois un lieu consacré par de pieuses traditions, et visité par une foule de pèlerins. Un des premiers princes chrétiens de cette contrée, longtemps dévouée au paganisme, s'en alla un jour à la chasse, disant qu'il fonderait un cloître à l'endroit où il abattrait un cerf. Au milieu d'une forêt épaisse, il aperçoit un cerf d'une blancheur éclatante, il le tue, et, sur l'herbe ensanglantée, pose la pierre fondamentale de l'édifice religieux. Mais le sol où ce cloître fut bâti était souvent inondé par les vagues de la mer. Un soir, après un de ces débordements qui ravageaient toute la vallée, les moines se mirent à genoux dans l'église, passèrent la nuit à invoquer la clémence de Dieu, et le lendemain matin, la mer, obéissant à la voix de son maître, s'était retirée à une longue distance, et à la place de la grève aplatie où elle roulait la veille ses flots impétueux, on apercevait une digue de rochers qu'on appelle encore aujourd'hui la digue sainte *(Der heilige dämm)*. Un autre miracle donna à Doberan une plus grande célébrité. Un pauvre pâtre, nommé Steffen, était depuis longtemps victime d'un sort funeste. Chaque semaine il voyait son troupeau diminuer: tantôt c'était le loup qui lui enlevait ses brebis les plus grasses, tantôt l'épidémie qui faisait périr ses jeunes, agneaux. Puis les pâturages mêmes semblaient avoir perdu leurs sucs nutritifs; l'herbe de la colline ne fortifiait plus son troupeau languissant, et le ruisseau de la vallée ne le rafraîchissait plus. Un jour que Steffen était assis à l'écart, rêvant avec douleur à la misère qui le menaçait, il vit venir à lui un homme qu'à son manteau de drap noir, à sa barrette blanche, il pouvait prendre pour un digne échevin, et qui lui dit: «Tu ne me connais pas, Steffen, mais moi je te connais depuis longtemps, je sais tout ce que tu as perdu depuis quelques années. J'ai pitié de toi, et je viens t'indiquer un moyen de faire cesser le fléau qui te poursuit. La première fois que tu iras communier, garde l'hostie que le prêtre te donnera, mets-la dans ton bâton de pâtre, et va-t'en bravement conduire ton troupeau dans la vallée; tu n'auras plus à craindre ni loups ni contagion». Le pâtre frémit d'horreur à cette proposition, car il était bon chrétien, et il savait que ne pas recueillir pieusement sur ses lèvres l'hostie consacrée était un sacrilège. Puis cet homme qui lui parlait avait une figure étrange et un regard sous lequel le pauvre pâtre se sentit frissonner. Il le repoussa donc comme un méchant esprit, en faisant le signe de la croix et en invoquant le secours de son saint patron. Mais voilà que le soir même deux de ses plus beaux moutons périssent encore à ses pieds; le lendemain, un autre se noie dans l'étang, un quatrième devient la proie des bêtes féroces. Le désespoir s'empare de Steffen; l'idée fatale que le démon lui a jetée dans l'esprit le domine. Il va à l'église, garde l'hostie, la met dans son bâton, et voyez: à partir de ce moment-là, sa vie inquiète et misérable devint une vie de joie et de prospérité. Ses brebis languissantes reprirent en un instant toute leur force, et ses agneaux grandirent d'une façon

merveilleuse. Partout où il promenait son bâton, l'herbe semblait reverdir, la source d'eau devenait plus limpide et plus belle; le rocher même le rocher nu et sec, se couvrait de plantes salutaires, et du plus loin que les loups apercevaient Steffen, ils prenaient la fuite. En peu de temps le berger devint l'un des plus riches habitants du pays, et quand les autres bergers lui demandaient d'où lui venait tant de bonheur, il les regardait d'un air dédaigneux et ne leur disait pas son secret. Mais sa femme savait ce secret terrible, elle l'avait confié à une de ses voisines, et un jour la voisine, poursuivie par le cri de sa conscience, alla tout révéler à l'abbé du cloître de Doberan. A l'instant même, l'abbé, saisi d'une sainte horreur, revêtit son aube et son étole, et s'en alla, suivi de deux religieux, vers la demeure du pâtre. Au moment où il franchit le seuil de cette maison profanée par un sacrilège, elle parut tout à coup éblouissante de lumière, et le bâton qui renfermait l'hostie brillait comme un candélabre et semblait entouré d'une auréole céleste. Les religieux l'emportèrent dans le tabernacle de l'église, et dès ce jour une foule innombrable de pèlerins accourut à Doberan pour adorer la sainte hostie. Quant à Steffen, on dit qu'il passa le reste de sa vie dans les jeûnes et les macérations, et qu'au dernier moment le prieur du cloître, qui avait été témoin de son repentir et de sa pénitence, lui donna l'absolution de son crime.

(4) La réformation a dissipé le prestige de ces légendes de cloîtres. Le merveilleux bâton de Steffen a été enlevé à l'église de Doberan, et les pèlerinages de la mode ont succédé à ceux de la religion. Près de la digue consacrée par un miracle, on a bâti une maison de bains, une salle de bal. En été, une foule d'étrangers se réunissent dans cette ville, les danses joyeuses tourbillonnent à la place où l'on voyait autrefois passer les processions, et l'écho de la colline, qui s'ébranlait jadis au son plaintif des litanies, répète maintenant des mélodies d'opéra.

(5) Schwerin, l'une des plus anciennes villes du Mecklembourg[1], avait été dépouillée pendant près d'un siècle de son titre et de ses privilèges de capitale. Le grand-duc actuel les lui a rendus, et le retour de la famille régnante dans cette antique cité, la réunion de tous les grands fonctionnaires de l'État, de tous les gens attachés au service des princes, de tous les riches et les nobles qui suivent les migrations de la cour, a donné à Schwerin une nouvelle vie et une nouvelle activité. Le grand-duc bâtit, les bourgeois bâtissent. La vieille partie de la ville, l'Àltstadt, est un peu abandonnée; elle conserve ses maisons étroites, ses rues tortueuses, son plan irrégulier et son château construit au milieu d'une île, sombre comme un ancien chant de guerre, mystérieux et romantique comme une tradition du peuple. Mais la Neustadt se développe et s'épanouit comme une plante vigoureuse au souffle ardent de l'industrie, au soleil de la civilisation. Déjà une magnifique salle de spectacle s'élève dans son enceinte, et près de cette salle on posera bientôt les fondements d'un palais grandiose. J'ai rencontré dans mon voyage un architecte du Mecklembourg qui, pendant longtemps, avait vécu dans une inactivité désespérante, et qui tout à coup se trouvait plus affairé qu'un avocat de Normandie ou un usurier de Hambourg. C'était plaisir de l'entendre raconter naïvement toutes ses œuvres,

[1] En l'an 1018, elle servait déjà de forteresse aux Vendes. Elle est désignée alors sous le nom de Zwerin, et dans les chroniques latines sous celui de Suerinum.

étaler ses projets, et dépeindre, avec un singulier mélange d'enthousiasme d'artiste et de précision mathématique, la demeure future du grand-duc.

(6) Toute cette régénération de Schwerin n'a pu s'opérer du reste qu'au détriment de la bonne et aimable petite ville de Ludwigslust, dont l'étranger aimait à voir autrefois la gaieté sans orgueil, l'opulence sans faste, et qui languit à présent triste et abandonnée. Ludwigslust n'était encore, vers le milieu du siècle passé, qu'un rendez-vous de chasse. En 1756, le grand-duc Frédéric vint s'y établir avec sa cour. Il construisit un château, une église, une enceinte de maisons pour ses officiers, et plusieurs rues larges et élégantes. La situation de cette nouvelle résidence ne lui offrait pas, à beaucoup près, les mêmes beautés et-les mêmes avantages que celle de son ancienne capitale. A la place de ces fraîches vallées, de ces champs féconds, de ces belles forêts qui entourent Schwerin, de ces ruisseaux qui sillonnent sa prairie comme des rubans d'argent, et de ces lacs limpides qui la décorent comme une couronne d'émeraudes, il ne trouva, aux environs de son humble pavillon de chasse, qu'une terre plate, aride et sablonneuse, ombragée seulement çà et là de quelques pins amaigris, pareille à la pauvre contrée où s'élève aujourd'hui la charmante ville de Potsdam. Mais le duc Frédéric éprouvait peut-être, comme les rois de Prusse, un généreux plaisir à récréer par l'art un sol disgracié par la nature, à faire d'une plaine silencieuse et déserte une demeure riante et animée. Toute cette création de Ludwigslust ne coûta du reste rien au pays. Le duc n'employa, dans la construction de cette ville, que l'argent qu'il avait amassé par de sages économies, et mérita jusqu'au dernier moment le surnom de Bon, que ses sujets lui avaient donné.

(7) Le grand-duc Frédéric-François continua l'œuvre de son prédécesseur. Il décora le château, il embellit le parc. Il avait le goût des sciences naturelles et des arts, et il forma peu à peu une collection de tableaux de minéralogie et de coquillages qui mérite d'être visitée. Ludwigslust, ainsi favorisé par deux souverains, devint en peu de temps une ville remarquable entre toutes les jolies petites villes de l'Allemagne. Rien de plus frais et de plus riant que l'aspect de ces maisons bâties à la manière des maisons hollandaises, que l'aspect de ces rues bordées de deux larges trottoirs et ombragées par une double haie de tilleuls. Rien de plus gracieux et de plus pittoresque que la vue du château avec la magnifique cascade qui tombe sous ses fenêtres et son préau couronné d'une enceinte d'élégantes habitations et terminé par l'église. Ce château est du reste d'un très-bon style, distribué avec art et décoré avec une noble simplicité. La plupart de ses appartements n'ont encore rien perdu de leur fraîcheur, et la grande salle, qu'on nomme la Salle d'Or, rappelle, par sa majestueuse construction et ses deux larges points de vue, l'imposante beauté de quelques salles de Versailles. Derrière le château s'étend le parc coupé par des allées régulières, selon le goût du XVIII siècle; le jardin botanique, retraite favorite de la grande duchesse douairière qui en connaît toutes les plantes et en augmente souvent les richesses. Près de là, au milieu des fleurs et des charmilles, s'élève l'église catholique, véritable bijou gothique, miniature charmante des constructions gigantesques du moyen âge. Un peu plus loin, au milieu d'une enceinte de hêtres, on aperçoit une chapelle d'une construction simple et élégante. On entre par un modeste portail sous une voûte éclairée par un jour mystérieux. C'est là que reposent le père, la mère, le frère de madame la duchesse d'Orléans. Une idée de joie et d'espérance se mêle ici de toutes parts à l'idée de deuil et de regret qu'éveille l'aspect de ces tombeaux. La voûte qui les couvre est bleue et

parsemée d'étoiles comme l'azur du ciel dans une belle nuit d'été. L'inscription placée au-dessus de la porte parle du bonheur de ceux qui, après s'être quittés dans cette vie, se réuniront dans un autre monde. Au printemps, les hêtres étendent sur cet asile de la mort leurs rameaux verts, symbole d'une régénération perpétuelle, et les oiseaux viennent faire leur nid et chanter leur chant d'amour près des cercueils silencieux.

(8) Mais maintenant c'en est fait de la fortune de Ludwigslust, de son mouvement et de sa riante activité. Il n'y a dans cette ville ni commerce ni industrie, et les champs qui l'entourent ne donnent que de maigres récoltes. La cour faisait toute la joie et la richesse de Luchvigslust, et la cour s'en est allée. Le château, naguère encore si brillant et si animé, est maintenant désert; les rues sont mornes et silencieuses; les ouvriers et les marchands ont émigré à la suite du grand-duc. Cependant il y a encore dans cette ville, si promptement bâtie et si vite dépeuplée, une demeure à la porte de laquelle le pauvre s'arrête avec joie et que le peuple regarde comme une consolation. C'est celle de madame la grande-duchesse douairière de Mecklembourg. La noble princesse n'a pu se décider à quitter le berceau de ses enfants et la tombe de son époux. Elle habite, entre l'église et le château, une modeste maison sans corps de garde et sans factionnaire. Les souvenirs du passé, les espérances de l'avenir charment sa solitude. L'étude des arts, des sciences naturelles, est l'une de ses plus chères occupations, et le bonheur de tendre la main à ceux qui souffrent est son orgueil. Auprès d'elle se groupent quelques fonctionnaires pensionnés, quelques familles nobles, qui préfèrent le calme de leur ancienne retraite au tumulte joyeux de la nouvelle capitale, et dans ce cercle uni par les mêmes souvenirs et les mêmes affections, il est souvent question de la France. Depuis que madame la duchesse d'Orléans a quitté Ludwigslust, toute la population de cette ville a les yeux tournés de notre côté. On s'est abonné aux journaux français, on attend les nouvelles de Paris avec plus d'impatience que celles d'Allemagne. Dès que le courrier arrive, la première feuille que l'on déploie avec empressement, la première colonne que l'on cherche est celle où l'on espère lire le nom de la jeune duchesse. Chacun la suit avec une tendre sollicitude dans son séjour à Paris, dans ses voyages, et chaque famille parle d'elle comme d'un enfant chéri qui est loin et que l'on voudrait bien revoir. Par suite de cet amour pour elle que le temps n'a pas affaibli, que l'absence n'a pas altéré, on aime le pays qui l'a adoptée, on voudrait le voir toujours heureux, puissant, paisible; car, dans la pensée des bons habitants de Ludwigslust, les destinées de la France se lient à celle de leur jeune princesse. Nulle part on ne fait de vœux plus ardents pour la gloire et la prospérité de notre patrie, et nulle part celui qui tient de la France ou celui qui y retourne n'excite plus d'attention. J'ai dû à cet amour pour la France ira accueil si bienveillant et si cordial, que jamais je ne pourrai l'oublier, et j'inscris ici, avec un vrai sentiment d'affection et de reconnaissance, les noms de quelques-uns de ceux que j'ai eu le bonheur de connaître pendant mon trop rapide séjour à Ludwigslust, le nom de l'illustre maréchal de Rantzau, du savant baron Schmidt, et du brave et loyal général Both.

(9) Si de l'aspect des villes du Mecklembourg le voyageur passe à celui des campagnes, il y trouve un vaste et curieux sujet d'observation. Ces campagnes sont belles, et surtout aux bords de la mer, belles à enchanter l'imagination de l'artiste, à faire rêver longtemps la muse du poëte. Puis les souvenirs du passé, les monuments traditionnels, leur donnent encore un nouvel intérêt. Çà et là on aperçoit les ruines d'une forteresse qui jadis défendait l'indépendance du pays contre l'envahissement des Saxons. Dans les

vallées, on découvre les tombeaux des Huns, espèce de pagodes en granit, comme l'a dit un écrivain qui a pu comparer leur structure avec celle des édifices religieux de l'Inde. Près de là sont les tombes arrondies, les kegel- graeber, qui datent d'une époque plus récente, mais antérieure pourtant au christianisme, et, au milieu de ces monuments païens, sont les débris des édifices religieux et les monuments catholiques du moyen âge. Les trois époques se retrouvent ainsi à quelques pieds sous terre avec leur caractère distinctif. Là où la tradition vivante cesse, le passé appelle le savant dans la retraite de la mort et lui révèle ses secrets dans le tombeau. Auprès de Prischendorf, il existe une sépulture de Huns qui a trente pieds de long et quinze de large. Elle est entourée de quinze blocs de granit. Dans cette forte enceinte, à quatre pieds de profondeur, on a trouvé des urnes brisées, des couteaux et des haches en pierre comme on en voit maintenant un grand nombre au musée de Copenhague, et une parure d'ambre. Auprès de Ludwigslust, le grand-duc Frédéric-François fit fouiller un kegelgrab, et on y trouva des bracelets et des armures en bronze. D'autres fouilles ont été faites dans les différentes parties de la contrée, et partout le sépulcre, fermé depuis des siècles, s'est ouvert comme un livre et a donné une nouvelle leçon à l'antiquaire, une nouvelle page à la science. Le grand-duc actuel a publié tout récemment une ordonnance pour défendre contre l'aveugle dévastation du peuple ces monuments précieux. Les forgerons faisaient des socs de charrues avec le fer de ces vieilles lames qui jadis se baignaient dans le sang, et les bergers jouaient avec ces tètes de Huns qui ont épouvanté le monde.

(10) Les mœurs des paysans du Mecklembourg offrent aux regards de l'observateur un caractère bien marqué, que l'on chercherait vainement aujourd'hui dans d'autres parties de l'Allemagne. Ces paysans ne sont pour la plupart que des fermiers jouissant d'une position stable, qui transmettent pour héritage à leur fils un bail de cent ans. La nature de leur contrat les inféode en quelque sorte à la terre où ils viennent s'établir, et plus ils y restent, plus il est difficile de les en déposséder; car, pour commencer une exploitation de quelque importance, le fermier doit avoir au moins un capital de 20 à 30,000 francs. C'est lui-même qui doit acheter les bestiaux et les instruments d'agriculture nécessaires à l'exploitation de la ferme, c'est lui qui paie les impôts, et toutes les constructions qu'il entreprend sur le sol de son maître lui appartiennent. Au bout de cent ou cent cinquante ans, il y a tant de toises de muraille qui sont à lui, tant de belles haies dont il a laborieusement planté chaque tige, tant de travaux de dessèchement ou d'irrigation dont il demanderait un rigoureux inventaire, que personne ne songe plus à lui disputer la place où il s'est si fermement installé, où il a inscrit les droits de son œuvre à chaque borne et à chaque sentier. Ainsi, quand le bail expire, on le renouvelle avec quelques modifications pour cent autres années, et souvent le propriétaire change, mais le fermier ne change pas.

(11) Les modes de la ville, les inventions de la coquetterie et du luxe moderne, ont déjà pénétré parmi ces honnêtes habitants de la campagne; mais la plupart portent encore l'austère costume de leurs ancêtres. Les hommes ont des pantalons en laine ou en toile écrue, une longue redingote bleue sans collet où leur tête se dégage librement, une ceinture en cuir et un chapeau rond à larges bords. Les femmes portent plusieurs robes l'une sur l'autre, des bas rouges et des souliers à hauts talons comme les Dalécarliennes. Elles ont généralement ce type de physionomie chaste et calme que l'on retrouve à partir

de la Saxe jusqu'à l'extrémité de la Norvège les yeux d'un bleu limpide, les cheveux blonds, le teint blanc et légèrement rosé. Les hommes sont robustes et vigoureux. Dès leur enfance, ils ont été exposés à toutes les intempéries des saisons; dès leur jeunesse, ils ont pris l'habitude des travaux pénibles, et se sont endurcis á la fatigué. Comme les anciens guerriers du Nord, qui se glorifiaient surtout de la lourdeur de leurs épées et de la puissance de leurs bras, ils attachent un grand prix à la force physique, et se plaisent à l'exercer par des luttes corps à corps comme les Bretons, ou par des courses à pied et à cheval. Quiconque ne s'est pas signalé au moins une fois dans ces rudes tournois n'obtiendra jamais parmi les héros de la commune qu'une mince considération, et quiconque ne peut pas charger lestement sur ses épaules un sac de six mesures de Rostock (environ trois cent soixante à trois cent quatre-vingts livres) passe, à vrai dire, pour un pauvre homme.

(12) Ces fermiers du Mecklembourg sont généralement riches ou jouissent tout au moins d'une honnête aisance. Leurs champs leur donnent tout ce qui sert aux premiers besoins: le blé, les fruits, le chanvre. Les bestiaux sont pour eux un grand objet de commerce, et la chasse, la pêche, leur offrent encore une autre ressource. Ils ont presque tous une sorte d'aptitude innée aux travaux mécaniques qui contribue à augmenter leur bien-être. Ils fabriquent eux-mêmes leurs instruments d'agriculture et une partie de leurs meubles. Il y en a qui cisèlent le bois avec l'habileté des sculpteurs du moyen âge; d'autres font des horloges comme dans la Forêt Noire, et l'on a vu dernièrement un simple paysan des environs de Doberan qui, sans avoir jamais reçu une leçon de musique, en est venu à construire un très-bon piano.

(13) Lear demeure indique dès le premier abord les habitudes d'ordre et d'aisance. C'est d'ordinaire une assez vaste maison en briques, partagée en deux parties. On entre par la grange, qui est large, haute, et toujours très-proprement tenue. De chaque côte de la grange sont les chambres des domestiques gardiens des bestiaux et de la récolte. Au fond de la maison est la cuisine où l'on fait les travaux d'hiver, puis la chambre du paysan, ornée de quelques meubles en noyer, d'une armoire qui renferme l'almanach, la bible, les livres de prières, et du lit nuptial que l'on couvre de fleurs et de rubans aux grands jours de fête.

(14) Jusqu'à présent les terres du Meclembourg ont été peu morcelées: elles ne se divisent que par grandes métairies, et chaque métairie forme une espèce de petite république dont les principaux ouvriers sont les sénateurs et dont le fermier est le président. Chaque domestique a ses attributions particulières, son titre, sa régence, et monte de grade en grade à mesure que l'âge développe ses forces et que le conseil de famille reconnaît la loyauté de ses services. Le premier de tous est celui auquel sont confiés les chevaux; il représente encore dans la demeure du paysan cet important fonctionnaire des anciennes maisons princières du Nord, ce *Mare-Scliälck* d'où nous est venu notre grand titre de maréchal.

(15) Toute cette colonie vit ainsi dans sa ruche, dévouée aux mêmes fatigues, partageant les mêmes travaux et goûtant les mêmes joies. Au mois d'avril ou de mai, quand on reconduit pour la première fois les bestiaux dans les champs, les religieux habitants de la ferme célèbrent comme des païens le retour du soleil, la beauté du printemps. En été nouvelle fête quand on fauche les foins, et nouvelle fête encore quand la

récolte est finie. Cette fois, ce sont des chants et des danses dans la vallée, et des églogues vivantes qui commencent dès le matin et ne finissent que dans la nuit. Le faucheur offre cérémonieusement à la moissonneuse un râteau sculpté, enjolivé et entouré de rameaux verts; la moissonneuse reconnaissante lui tresse une couronne d'épis de blé et de bluets; puis les rondes bruyantes et joyeuses commencent: hommes et femmes, maîtres et valets, tout le monde entre dans la longue chaîne qui se déroule et tourbillonne autour du vert pommier. Si dans ce moment un passant oisif s'arrête sur le chemin, les moissonneurs vont le lier par les deux bras, comme on lie à bord des bâtiments le passager qui monte pour la première fois dans la hune; puis la jeune fille vient comme le gabier lui demander sa rançon, et une fois la rançon payée, il est admis dans le cercle des danseurs, il devient l'hôte de la famille.

(16) En automne, on prépare sous le toit de la ferme, autour de l'âtre, les feuilles de tabac, en répétant les vieux refrains populaires et en contant des contes de fées. Puis arrive Noël, cette charmante fête de l'Allemagne. C'est le temps où tous les parents se réunissent, où tous les amis se cherchent, où tous les voisins s'en vont l'un chez l'autre comme pour s'annoncer mutuellement la bonne nouvelle. Déjà la mère de famille a préparé la bière mousseuse, la tourte aux raisins secs que l'on ne voit apparaître que dans cette grave circonstance, et les présents destinés aux habitants de la maison et aux convives de la fête.

(17) Le 24 décembre au soir, toute la communauté est réunie dans la même salle, mais la chambre où sont déposés les trésors de Noël est encore fermée, et l'on devine au mystère qui l'entoure qu'il s'y prépare de grandes choses. Lés enfants crient et trépignent; les jeunes filles rêvent â la nouvelle parure qu'elles vont recevoir, et les hommes, qui affectent une sorte d'orgueilleux stoïcisme, laissent pourtant échapper de temps à autre un léger mouvement d'impatience. Enfin la porte s'ouvre. L'arbre de Noël apparaît étincelant de lumière avec ses rameaux parsemés de petits cierges et chargés de fruits. De chaque côté de ce religieux symbole s'étend une table couverte d'une nappe blanche et portant les offrandes préparées depuis plusieurs semaines avec un soin ingénieux et une tendre sollicitude. Chacun court au lot qui lui est destiné, et ce sont des cris de surprise et des exclamations de joie, des transports et des remercîments qui ne se terminent que par un riant souper et de joyeuses chansons. Cette fête de Noël est la plus éclatante de toutes, la plus longue et la plus chérie. Il n'y en a qu'une qu'on puisse lui comparer, celle qui accompagne le mariage d'un des enfants de la ferme. Cette fois, là maison est encore pleine de parents et de voisins, et la table est couverte en permanence de cruches de bière et de quartiers de veau rôti. Plusieurs jours à l'avance, un des amis de la maison, portant le titre de courrier du mariage, monte à cheval et s'en va avec son chapeau galonné de rubans, son habit orné de fleurs; faire à cinq ou six lieues à la ronde les invitations. Et à l'heure dite, tous lès invités arrivent à cheval, à pied, en voiture, et se logent comme ils peuvent, ceux-ci dans la remise, ceux-là dans la grange, dans la cuisine ou dans les greniers, et tous apportent, comme en Finlande, quelque tribut aux fiancés. Cependant la femme du prêtre elle-même pare la jeune fille. Elle lui donne un jupon noir, symbole de la vie sérieuse dans laquelle elle va entrer, et un tablier blanc, emblème d'innocence. Elle lui met, comme signe de richesse, des chaînes d'or au cou; comme signe d'espoir, elle place sur ses épaules un collet blanc brodé de vert, des paillettes d'or sur la poitrine, des fleurs dans les cheveux, et une couronne en forme de nid d'oiseau sur la tête. Ainsi revêtue de

son costume symbolique, la fiancée s'avance accompagnée de deux jeunes femmes et de huit cavaliers d'honneur. Le fiancé vient après elle escorté par ses amis. Tous deux s'agenouillent devant le prêtre, et quand la cérémonie du mariage est terminée, on se met à table. Mais bientôt l'orchestre du canton, debout sur ses tréteaux, appelle les convives indolents. Le bignou soupire, le violon crie, la clarinette est en colère. On se hâte de vider un dernier verre d'eau-de-vie, un dernier flacon de bière, et l'on accourt dans la grange, qui sert de salle de bal. Après les rondes, les valses habituelles, commence une danse animée et intéressante, une sorte de jeu scénique pareil à ceux que l'on désigne, en Finlande et en Suède, sous le nom de Lek. Deux hommes entraînent la mariée au milieu de l'enceinte, puis se tiennent de chaque côté d'elle comme pour la garder. Les autres hommes se tiennent par la main et forment une grande chaîne qui sans cesse tourne et se replie en plusieurs cercles autour de la captive. Il faut que le mari rompe cette chaîné, pénètre à travers ces cercles et délivre sa femme. Alors la scène change: c'est le mari qui se tient debout auprès de celle qu'il vient d'arracher à ses ravisseur. Les autres hommes forment une nouvelle chaîne et se groupent autour de lui pour 1e défendre. Les femmes s'élancent à travers cette chaîne, et après de longs assauts et une longue résistance, elles arrivent jusqu'à la jeune mariée, la saisissent, l'entraînent dans la chambre nuptiale, et remplacent sa couronne de fiancée par un bonnet noir.

(18) Toutes les habitudes des paysans du Meklembourg, leur vie intérieure, leurs réunions, leurs fêtes portent à un haut degré l'indice de cette douce et touchante nature de cœur que nous ne pouvons exprimer que par une périphrase, et que les Allemands désignent par un seul mot, *gemuth*. Il y a en eux un sentiment de religion qui se manifeste dans toutes les circonstances. S'ils rencontrent un ami, ils l'abordent en lui disant: «Que Dieu vous prenne sous sa sainte garde!». S'ils éprouvent un accident, un désastre, ils en partent avec une résignation toute chrétienne. «Le malheur, s'écrient-ils, pouvait être pire; nous ne sommes pas tout à fait ruinés, et nous vivons encore. Que le ciel soit béni!». Ils sont fidèles à leurs affections, mais fidèles aussi à leurs haines et à leurs préjugés. Ils allient à une confiance, à un laisser-aller d'enfant, une ténacité de Corse. La preuve en est dans les souvenirs qu'ils ont encore conservés de la guerre de sept ans. Il y a des villages entiers où l'histoire de cette guerre a implanté une sorte de haine héréditaire et des préventions ineffaçables contre les Prussiens, et souvent, dans les foires, on voit le paysan debout devant une boutique, regardant d'un air soupçonneux les marchandises qu'on lui offre, et répétant avec sa vieille rancune de Mecklembourgeois: «Denrée prussienne, mauvaise denrée».

(19) Par suite de cette ténacité de caractère, ils ont gardé au milieu du développement des idées modernes toutes les superstitions du moyen âge. Ils sont presque aussi crédules que l'étaient leurs pères il y a deux cents ans, aussi faciles à effrayer par l'idée d'une puissance mystérieuse contre laquelle toute force physique est vaine. A la fin du XVII siècle, on brûlait encore les sorciers dans ce pays[1]. On ne les brûle plus à présent, mais on n'en a pas moins peur. Ces sorciers sont les amis du diable. Ils ont reçu de

[1] Une femme fut brûlée en 1669, une autre en 1697. On appliquait tout simplement la torture aux malheureux accusés de sorcellerie. La roue et les tenailles les forçaient à révéler un crime dont ils étaient parfaitement innocents, et une fois que leurs lèvres avaient prononcé le fatal aveu, on allumait le bûcher. Pour mettre fin à ces atroces exécutions, le duc Gustave-Adolphe établit un tribunal chargé d'instruire régulièrement les procès de sorcellerie.

lui un pouvoir surnaturel, et doivent un jour, en vertu de leur pacte impie, souffrir les tortures de l'enfer. Mais en attendant, ils exercent toutes sortes de maléfices, et tourmentent cruellement les vrais chrétiens. Leur regard est envenimé, leur souffle porte la contagion. Leur approche seule fait frémir les chevaux et hurler les chiens. Si une vache tombe malade, si le lait s'aigrit, si la bière se gâte, si l'arbre nouvellement planté dépérit, c'est la faute des sorciers. Dans la nuit du dernier avril au premier mai, qu'on appelle la *Walpurgisnacht*, le paysan fait trois croix sur la porte de son étable, afin que les sorciers, en allant au sabbat, ne jettent pas un sort sur ses bestiaux. Quand un enfant vient au monde, on se hâte d'allumer une lampe, et, jusqu'au moment où le prêtre le baptise, cette lampe doit rester toute la nuit allumée près de son berceau, afin que les méchants esprits ne viennent pas le prendre.

(20) Ces idées superstitieuses remontent bien haut dans le passé, embrassent tout le présent, et s'étendent sur l'avenir. Le paysan inquiet de ses récoltes, la jeune fille inquiète de son amour, consultent, comme les organes du destin, l'oiseau dans son vol, l'onde dans son murmure, les nuages de l'automne et les fleurs du printemps. Certain cri de corbeau annonce la guerre, certain sifflement du rouet prédit un mariage. Si le jour de la Saint-Valentin[1] la jeune fille verse du plomb fondu dans de l'eau, elle voit apparaître l'image de celui qui sera son époux. Si un membre de la famille doit mourir dans l'année, ou peut voir dans la nuit du 1er janvier un cercueil noir sur la neige du toit.

(21) Tous les éléments ont ici leurs bons et leurs mauvais génies. Le monde invisible et mystérieux touche de tous côtés au monde réel, et préoccupe tous les esprits par ses harmonies indéfinissables et ses apparitions surnaturelles. Dans les eaux est le musicien magique qui fascine avec sa harpe d'argent l'oreille et l'âme du pêcheur; dans les bois, l'esprit rêveur de la solitude qui n'a que de doux regards et de doux soupirs; dans les airs, le vieil Odin condamné à poursuivre éternellement sur un cheval fougueux la proie qui fuit sans cesse devant lui, comme la pensée de l'homme qui, dans son orgueilleux essor et son insatiable ardeur, s'élance sans cesse vers l'infini. Les entrailles de la terre, les montagnes ont aussi leur monde à part, leurs génies laborieux et intelligents qui gardent les diamants et travaillent les métaux. Les vieux châteaux et les édifices en ruines ont leurs hôtes fidèles et mystérieux pareils à ces saintes affections qui s'attachent au passé, et jettent un dernier charme sur les lambeaux de la misère et les débris de l'infortune. Il y a, dans l'antique château de Schwerin, un petit *puck* comme il en faudrait un au palais des rois constitutionnels. Ce petit être invisible, alerte, lisant dans le cœur de l'homme comme Asmodée, veille jour et nuit sur le perron du château, facilite le passage à ceux qui s'approchent avec fin loyal dévouement, et tourmente sans pitié ceux qui arrivent avec la flatterie sur les lèvres et la trahison dans le cœur.

(22) Souvent aussi une idée de morale, un dogme évangélique se mêlent dans l'esprit des Mecklembourgeois à ces fables populaires. Des enfants ont volé le pain d'un pauvre berger, et au moment où ils se réjouissaient de leur larcin, ils ont été changés en

[1] Cette nuit de la Saint-Valentin, où la jeune fille fait ses rêves de mariage, est aussi celle où les oiseaux choisissent, dit-on, leur compagne. Les traditions anglaises rapportent qu'il tombe à cette époque trois gouttes du ciel. L'une se perd dans l'atmosphère, l'autre pénètre dans les entrailles de la terre, la troisième descend dans les flots. La première éveille dans l'atmosphère les forces productives de la nature; la seconde et la troisième éveillent la vie des plantes et des animaux.

pierres, et sont restés debout dans la prairie comme un exemple de la vengence céleste. Un pauvre est venu comme Lazare implorer vainement la compassion du riche. Au moment où il se retire, les mains vides, les yeux en pleurs, l'orage gronde, l'éclair luit, la maison inhospitalière, frappée par la foudre, est réduite en cendres. Le pauvre va chercher un refuge sous un chêne. Le riche accourt au même endroit, et le malheur réconcilie ceux que la fortune avait séparés. Dans ces traditions du Mecklembourg, le diable joue surtout un grand rôle. A chaque instant le diable apparaît, tantôt avec le manteau de velours, comme Méphistophélès, pour flatteries passions du jeune homme, tantôt sous une robe de magistrat pour dominer l'esprit du paysan. Tantôt on le voit passer dans l'air comme un dragon ailé portant d'un lieu à l'autre des sacs d'argent et des pierres précieuses. Le désir de recruter de nouveaux sujets pour son empire lui donne une terrible besogne et lui coûte d'énormes sacs d'argent. On l'a vu tour à tour se faire architecte, maçon, charretier. Ici il a bâti une église, là il a jeté un pont. Ailleurs il a aidé le bûcheron à rapporter son fagot, et le laboureur à sillonner son champ. Bref, il n'est pas de sacrifice qu'il n'ait fait, pas d'humiliation à laquelle il ne se soit résigné par l'appât d'une pauvre âme, à demi livrée au désespoir, et le plus souvent il a été indignement trompé. Le paysan a profité de son secours et lui a échappé en se réfugiant dans l'église; le moine l'a mis en fuite en faisant le signe de la croix, et le pauvre diable, trahi, volé, bafoué, s'en va chercher ailleurs une proie plus facile. Dans toutes les traditions d'Allemagne, le diable apparaît, du reste, avec les mêmes déceptions, et la même lourde bonhomie. Il représente parfaitement la sensualité présomptueuse et grossière asservie par l'intelligence.

II

(1) Les plus anciennes notions que l'on possède sur le Mecklembourg ne remontent pas au-delà du VIII siècle. Antérieurement à cette époque, toute l'histoire de cette partie de l'Allemagne est enveloppée d'un nuage épais. On ose à peine l'aborder, car on n'a, pour la reconstruire, que de vagues et incertains récits, ou des hypothèses qu'aucun fait positif ne justifie; les savants disent que ce pays était primitivement habité par une race germanique. Mais quelle était cette race? comment était-elle entrée dans le Mecklembourg? comment en est-elle sortie? C'est ce que nulle chronique ne raconte, ce que nul document n'explique. Peut-être était-ce une partie des Hérules, des Vandales, qui s'adjoignit, vers la fin du IV siècle, aux migrations de la grande race, et quitta ses foyers pour envahir le monde. Quoi qu'il en soit, à l'époque où l'histoire du Mecklembourg commence à se dégager de ses voiles, nous trouvons ce pays occupé par les Slaves.

(2) C'est une chose singulière que, dans un temps d'investigations comme le nôtre, au milieu de nos recherches érudites et de nos travaux excentriques, nous ayons encore si peu tourné les regards du côté de cette innombrable famille des Slaves, dont l'empire touchait jadis à la mer Adriatique, à l'océan Glacial, au Kamtschatka et à la mer Baltique. Il y a pourtant là une vaste et curieuse histoire qui tient à la nôtre par plusieurs points, une langue qui est encore parlée par plus de cinquante millions d'hommes, et une littérature riche et originale.

(3) Les premières traditions du Mecklembourg forment un chapitre de cette vaste histoire; peut-être nous saura-t-on gré d'en reproduire ici les traits les plus saillants. La

tribu de Slaves qui avait envahi le nord de l'Allemagne, et s'étendait le long de la mer Baltique, était connue sous le nom de Wendes et se subdivisait en plusieurs peuplades. La plus puissante était celle des Obotrites qui avait pour capitale Mikilembourg (grande ville), d'où est venu le nom de Mecklembourg, et celle des Wilzç qui occupait en grande partie le Brandebourg.

(4) Tous les historiens s'accordent à représenter les Slaves comme une race d'hommes d'une nature douce, inoffensive, aimant le travail et la vie domestique. Dès que dans leurs migrations ils trouvaient un endroit convenable, ils se bâtissaient aussitôt une demeure, défrichaient le sol et se faisaient aimer de leurs voisins par leurs habitudes paisibles et leurs vertus hospitalières. On raconte que, quand ils étaient forcés de quitter leur habitation pour entreprendre un voyage de quelques jours, ils avaient coutume de laisser la porte ouverte, de mettre du bois dans 1e foyer et dés provisions sur la table, afin que, si un étranger venait à passer par là pendant leur absence, il pût tout à son aise entrer et prendre ce dont il avait besoin[1]. A ces qualités du cœur, les Slaves joignaient les qualités physiques qui n'appartiennent qu'aux hommes de la nature. Ils étaient doués d'une force de tempérament presque invincible, et d'une adresse prodigieuse à tous les exercices du corps; ils pouvaient, ainsi que les sauvages de l'Amérique, se rouler comme une pelote, se tapir comme des blaireaux sous une racine d'arbre, et attendre là des jours entiers que leur ennemi vînt à passer. Ils pouvaient se tenir cachés sous l'eau pendant de longues heures au moyen d'un léger tuyau qui leur servait à reprendre haleine. Tout ce qui nous reste de leurs anciennes poésies populaires est un témoignage évident de leur admiration pour le courage et la force. Quel homme que ce Marco dont les chants serviens racontent les voyages aventureux et les combats! Sa volonté est inébranlable, et sa vigueur sans bornes; nul ennemi ne l'effraie, nul obstacle ne l'arrête, et il vit trois cents ans. L'Hercule des Grecs n'est pas plus audacieux que lui, et le Sterkodder des Scandinaves n'est pas plus terrible. En même temps que ces chants énergiques et naïfs racontent les exploits des guerriers, les luttes des partis, ils célèbrent la grâce modeste, la timidité virginale des jeunes filles qui apparaissent dans les fêtes, les yeux baissés et le visage couvert d'une pudique rougeur. La

---

[1] M. Sainte-Beuve a écrit sur cette hospitalité des Slaves un sonnet que nous sommes heureux de pouvoir joindre à notre récit:

Le vieux Slave est tout cœur ouvert, hospitalier,
Accueillant l'étranger comme aux jours de la fable,
Lui servant l'abondance et le sourire affable,
Et même, s'il s'absente, il craint de l'oublier.

Il garnit en partant son bahut de noyer;
La jatte de lait pur et le miel délectable,
Près du seuil sans verrous, attendent sur la table.
Et le pain reste cuit aux cendres du foyer.

Soin touchant! doux génie! Ainsi fait le poète:
Son beau fruit le plus mûr, sa fleur la plus discrète,
Il l'abandonne à tous, il ouvre ses vergers.

Et souvent, lorsqu'ainsi vous savoures son âme,
Lorsqu'au foyer pieux vous retrouves sa flamme,
Lui-même il est parti vers les lieux étrangers.

tradition Scandinave d'Ottar et Sigride raconte que, quand la jeune fille conduisit le soir son fiancé au lit nuptial, elle ne leva les yeux sur lui qu'au moment où la torche enflammée quelle tenait à la main vint à lui brûler les doigts. Il y a dans les poésies serviennes plusieurs images virginales du même genre. Telle est entre autres celle de Militza, dont son amant n'a pas même pu, pendant trois longues années, obtenir un regard.

(5) «De longs sourcils s'abaissent sur les joues roses de Militza, sur ses joues roses et sur son doux visage. Pendant trois ans j'ai contemplé la jeune fille, et je n'ai pu voir ni ses yeux chéris, ni son front de lis. Je l'ai conduite à la danse, j'ai conduit Militza à la danse, et j'espérais voir ses yeux».

(6) «Tandis que les cercles se forment sur le gazon, tout à coup le soleil s'obscurcit, l'éclair brille a travers les nuages. Les jeunes filles lèvent les yeux au ciel, mais Militza ne lève pas les siens, elle regarde le gazon, et ne tremble pas. Ses compagnes lui disent:

(7) O Militza, quelle témérité ou quelle folie! Pourquoi restes-tu ainsi les yeux baissés sur le gazon, au lieu d'observer ces nuages que la foudre enflamme?».

(8) «Et Militza répond avec calme: Ce n'est ni de la témérité ni de la folie. Je ne suis pas la sorcière qui amasse les nuages. Je suis une jeune fille, et je regarde devant moi».

(9) Le peu qui nous reste des traditions wendes rappelle, par certains détail d'une énergie presque sauvage et par certaines idées aventureuses, les traditions d'Islande. Telle est, par exemple, cette histoire d'un roi fabuleux nommé Anthyre, compagnon d'armes d'Alexandre le Grand. Après la mort du héros, Anthyre quitta l'Asie et s'empara des provinces du nord. C'est lui qui bâtit la ville de Mikilembourg, et la fortifia par trois châteaux qui avaient douze lieues de circonférence; c'est lui que les chroniques du peuple désignent comme le chef de la maison régnante de Mecklembourg. Si le fait était vrai, il n'y aurait point de maison aussi ancienne dans le monde, car elle remonterait à plus de trois cents ans avant la naissance de Jésus-Christ. Lorsque les troupes de Wallenstein envahirent le Mecklembourg, pendant la guerre de trente ans, on trouva, dit-on, dans une armoire secrète du cloître de Doberan, un panégyrique en vers de ce soldat aventureux. C'est une composition d'une nature primitive et d'une expression farouche comme les pages les plus rudes des Niebelungen, ou les chants anciens de Dietrich, ou certains passages du poème d'Antar, ce héros arabe, dont le nom offre, du reste, une singulière similitude avec celui du héros mecklembourgeois.

(10) «La bravoure, dit l'auteur inconnu de ce poème, n'a point de repos. Elle ne dort pas dans un lit. Elle s'abreuve de sang. C'est ce que l'on peut facilement voir par les valeureuses actions de ces guerriers qui s'élançaient intrépidement sur le champ de bataille et domptaient leurs ennemis les plus braves».

(11) «Il y a eu autrefois dans cette noble terre, dans cette terre des Wendes, un roi chanté par les poètes. Il s'appelait Anthyre. C'était un homme d'une merveilleuse audace, qui s'est acquis un grand renom».

(12) «Il aimait les louanges que l'on accorde aux combats violents, aux actes de courage. Il était si brave et si fort que jamais homme n'a pu le dépouiller de sa lourde armure».

(13) «Pour défendre un ami, il s'élançait en riant au-devant des troupes ennemies. Pour ceux qu'il protégeait, il n'avait que de douces paroles, mais quand il allait au combat, son regard avait une expression sauvage, et le feu sortait de sa bouche».

(14) «Il portait une épée tranchante qui faisait jaillir des flots de sang, et celui qu'elle avait atteint ne guérissait plus. Cette épée était si forte que jamais on ne put la rompre. Malheur à qui s'exposait à ses coups! Si elle venait seulement à rencontrer son corps, c'en était fait de lui».

(15) «L'armure d'Anthyre était toute noire, et son casque d'une blancheur étincelante; son bouclier était si pesant que mille cavaliers n'auraient pu le lui enlever. Il portait au doigt un petit anneau qui lui donnait la force de cinquante hommes. C'est avec cet anneau qu'il a fait tant d'actions étonnantes».

(16) «Son cheval s'appelait Bukranos. C'était un animal monstrueux, aussi dur que la pierre, qui avait une tête de taureau, et du bout de ses pieds faisait jaillir des étincelles de feu sur la route. Le héros était ferme comme un rocher; on ne pouvait ni le dompter ni l'ébranler, et ceux qui s'attaquaient à lui tombaient sous ses coups».

(17) Une autre, tradition du Mecklembourg mérite d'être citée, car elle se rattache à l'histoire d'un grand empire. Au VIII siècle de notre ère, la tribu des Obotrites était gouvernée par un roi nommé *Godlav*, père de trois jeunes hommes également forts, courageux et avides de gloire. Le premier s'appelait Rurik (paisible), le second Siwar (victorieux), le troisième Truwar (fidèle). Les trois frères, n'ayant aucune occasion d'exercer leur bravoure dans le paisible royaume de leur père, résolurent d'aller chercher ailleurs les combats et les aventures. Ils se dirigèrent à l'est, et rendirent célèbres dans les diverses contrées où ils passaient. Partout où ils découvraient un opprimé, ils accouraient à son secours; partout où une guerre éclatait entre deux souverains, ils tâchaient de reconnaître lequel des deux avait raison, et se rangaient de son côté. Après plus d'une généreuse entreprise, et plus d'un combat terrible, où ils se firent admirer et bénir, ils arrivèrent en Russie. Le peuple de cette contrée gémissait sous le poids d'une longue tyrannie, contre laquelle il n'osait môme plus se révolter. Les trois frères, touchés de son infortune, réveillèrent sen courage assoupi, assemblèrent une armée, et, marchant eux-mêmes à sa tète, renversèrent le pouvoir des oppresseurs. Quand ils eurent rétabli l'ordre et la paix dans le pays, ils résolurent de se mettre en route pour rejoindre leur vieux père; mais le peuple reconnaissant les conjura de ne pas partir et de prendre la place de ses anciens rois. Rurik reçut alors la principauté de Nowoghorod, Siwar celle de Pleskow, Truwar celle de Bile-Jezoro. Quelque temps après, les deux frères cadets étant morts sans enfants, Rurik adjoignit leurs principautés à la sienne, et devint chef de la famille des czars qui régna jusqu'en 1596.

(18) Il y a tout lieu de croire que les Wendes, en arrivant dans le Nord, y apportèrent le goût des travaux agricoles et des habitudes paisibles qui distinguaient la race slave. Mais les guerres continuelles qu'ils eurent à soutenir contre leurs voisins, les agressions violentes dont ils furent souvent victimes changèrent complètement la nature de leur caractère. Arrachés à tout instant à leurs travaux par le bruit des armes, par l'aspect de la torche incendiaire, obligés de se défendre tantôt contre les Saxons, et tantôt contre les Danois, d'avoir un champ de bataille dans leurs sillons et un autre sur les flots de la mer, ils mirent le soc de leur charrue sur l'enclume et s'en firent une épée; ils arrachèrent les lambris de leur grange et construisirent des bateaux; ils abandonnèrent le sol qu'ils avaient défriché, l'enclos qui les avait nourris, et s'en allèrent chercher leur fortune dans les aventures et leur moisson dans les combats. Bientôt ils jetèrent, comme les

Vikinger, l'inquiétude dans le cœur de leurs ennemis et l'effroi dans celui des marchands. Ils devinrent haineux, fourbes et cruels. Souvent on les vit poursuivre, les armes à la main, le marchand avec lequel ils venaient de conclure un traité, et lui reprendre de vive force les denrées qui leur avaient été loyalement payées. Souvent, après une bataille, ils se rassemblaient comme, des sauvages autour d'un malheureux captif pour le torturer et jouir de ses convulsions et de ses cris de douleur. On eût dit qu'ils voulaient venger en un instant toutes leurs défaites et leurs désastres, et effacer dans le sang jusqu'à la dernière trace de ces vertus paisibles et compatissantes qui leur avaient été enseignées par leurs pères.

(19) La femme était pour eux un être d'une nature très-inférieure; on la vendait comme une marchandise, on la traitait comme une esclave. Il était permis à l'homme d'en avoir plusieurs, de les employer aux travaux les plus rudes, de les faire coucher sur le sol nu, tandis que lui se reposait dans un lit; et quand ce fier pacha venait à mourir, toutes les femmes qu'il avait épousées devaient s'égorger ou se laisser brûler sur sa tombe. Cette horrible coutume ne cessa en Pologne qu'au x siècle; elle existait encore au XI en Russie.

(20) La vie de l'homme avait une valeur, celle de la femme n'en avait aucune. On raconte que des mères égorgeaient leurs filles au moment où elles venaient au monde, comme des êtres indignes de vivre. Peut-être aussi les malheureuses se sentaient-elles émues d'une si grande pitié à la vue de ces faibles créatures condamnées, dès leur naissance, à subir le poids d'une tyrannie honteuse, qu'elles croyaient faire un acte d'amour maternel en leur ôtant la vie.

(21) Si à ces notions éparses et décousues que les annalistes du Nord nous ont léguées sur les Wendes nous pouvions joindre un système de mythologie complet, nous y trouverions sans doute des documents précieux sur le caractère de ce peuple, sur son origine, sur sa parenté et ses relations avec les autres nations originaires, comme lui, de l'Orient. Malheureusement il ne nous reste de cette mythologie que des lambeaux à l'aide desquels on ne peut reconstituer ni une cosmogonie ni une théogonie entière. Nous empruntons à un mémoire publié récemment par la Société des antiquaires du Nord[1], et aux historiens du Mecklembourg[2], quelques notions sur cette vieille religion des Wendes, contre laquelle les missionnaires chrétiens luttèrent vainement pendant plusieurs siècles, et qui depuis s'est perdue comme un livre dont le vent disperse au loin les feuillets.

(22) Cette religion des Wendes, dit M. Petersen, a toute là rude empreinte que l'on remarque dans la mythologie des anciens peuples chez lesquels le sentiment de l'art ne s'est pas encore développé. Car l'art et la mythologie sont toujours étroitement unis l'un à l'autre. On y trouve quelques rapports avec celle des Scandinaves, soit que le contact des deux peuples ait produit le mélange des deux mythologies, soit qu'elles proviennent primitivement d'une même source.

(23) Les Wendes reconnaissaient un Être suprême éternel, incommensurable, indéfini. On ne lui élevait point d'autel, on ne lui dormait point de nom. C'était le principe créateur de toutes choses, la loi organique du monde, la destinée sombre et terrible cachée dans les voiles de l'avenir, une idée plutôt qu'un personnage réel, un symbole plutôt

[1] *Die Züge der Dänen nach Wenden*, par M. Petersen. Copenhague, 1839.

[2] Franck, *Ancien et Nouveau Mecklembourg*. – Klüver, Dehn Hempel. – Studemund, *Description, histoire, statistique et traditions du Mecklembourg*.

qu'une image vivante et palpable. D'attires dieux présidaient au mouvement des éléments et aux différentes actions de la vie humaine, mais ils étaient tous subordonnés à cet être premier, â cet être sans nom. Plusieurs savants pensent qu'on ne lui érigeait point de statue; d'autres prétendent qu'il était représenté par une image à trois têtes, une sorte de trimurti indienne qui existait dans plusieurs temples wendes. Cette opinion est maintenant admise comme la plus rationnelle.

(24) Au-dessous de cette sphère sans fin où plane l'Être suprême, l'Être mystérieux et invisible, apparaissent les dieux subalternes qui agissent directement sur l'homme. Ici l'on retrouve, comme dans toutes les mythologies, le principe du bien et du mal, de l'ordre et du bouleversement, de la fécondité et de la destruction. Le dieu du mal s'appelle *Zcerneboch* (dieu noir); on le représente tantôt sous la forme d'un loup furieux, tantôt sous celle d'un homme tenant un tison enflammé à la main. On lui offrait pour prévenir sa colère des sacrifices sanglants.

(25) Le dieu du bien a le front pur, le visage radieux. Il s'appelle *Belbog* (dieu blanc). A la manière dont on le dépeint, il ressemble au bon Balder, le dieu chéri des anciens Islandais. On croit, du reste, que c'est le même dieu que celui qui était adoré par toutes les tribus slaves sous le nom de Zvantewith. Un de ses temples les plus célèbres était celui d'Arcona dans l'ile de Rügen. Saxo le grammairien nous en a conservé la description. C'était un vaste édifice bâti au milieu de la ville, et entouré de deux enceintes. La statue du dieu avait quatre têtes tournées des quatre côtés du monde. Elle portait une épée à la ceinture, et à la main droite une corne que le prêtre remplissait de vin à certain jour solennel pour voir quelle serait la récolte de l'année. La veille de la fête des moissons, il entrait dans le temple pour le balayer et le nettoyer. Aucun autre ne pouvait remplir cette fonction, et lui-même n'osait pas respirer dans le sanctuaire. Il fallait qu'il vînt à la porte du temple chaque fois qu'il avait besoin de reprendre haleine. Le jour de la fête, le peuple s'assemblait autour de l'édifice religieux. Le prêtre regardait la corne: si le vin qu'elle renfermait n'avait pas diminué, c'était un signe certain de bonne récolte. Cette épreuve faite, il répandait un peu de vin devant le dieu, remplissait la coupe, la buvait en faisant une prière pour la prospérité du peuple, puis la remplissait encore, et la remettait dans la main de l'idole. Dans ce moment-là, on offrait au dieu un gâteau de miel de la taille et de l'épaisseur d'un homme. Pour l'entretien du temple, les prêtres prélevaient sur chaque individu un impôt particulier. Ils recevaient en outre le tiers du butin que les pirates rapportaient de leurs expéditions. Trois cents chevaliers formaient en quelque sorte la garde d'honneur du dieu. Lui-même devait avoir un cheval blanc, vigoureux et sans tache, que le prêtre seul pouvait monter. On croyait que Belbog s'en servait pendant la nuit, car parfois le superbe coursier apparaissait le matin, haletant et baigné de sueur, comme s'il venait de faire une longue route. Quand le peuple projetait une expédition de guerre, on apportait devant le temple six piques que l'on plantait deux par deux dans le sol. Puis le prêtre amenait le cheval sacré, et le faisait sauter sur ces piques. S'il levait le pied droit le premier, c'était un bon augure; si, au contraire, il levait le pied gauche, la campagne était ajournée. Dans cette même île de Rügen on voyait une autre idole qui avait sept figures réunies dans une seule tête. À sa ceinture pendaient sept épées, et elle en tenait une huitième à la main droite. Saxô cite encore une divinité nommée Porenut, qui avait quatre figure sur les épaules et une cinquième sur la poitrine.

(26) Dans la province de Redarier (aujourd'hui duché de Mecklèmbourg-Strelitz), au milieu d'une forêt sacrée, où personne n'aurait osé couper un rameau d'arbre, on voyait une ville étrange, bâtie en forme de triangle, avec une large porte à chaque angle. Deux de ces portes étaient ouvertes tout le jour; mais la troisième, qui était la plus petite, restait presque constamment fermée. C'était par là qu'il allait passer pour arriver au bord de la mer. Sur la grève triste et déserte s'élevait un temple d'idoles soutenu par une quantité de piliers qui ressemblaient à des cornes d'animaux. Les murailles de cet édifice étaient couvertes d'un grand nombre de sculptures représentant les dieux et les déesses. Dans l'intérieur du temple on voyait les statues de ces mêmes divinités revêtues de leur armure et portant le casque sur la tête. C'était là que les prêtres gardaient la bannière des troupes. Les prêtres seuls avaient le droit d'offrir un sacrifice aux dieux, et le privilège de s'asseoir dans le temple, tandis que l'assemblée restait debout. Dans les circonstances graves, ils se jetaient la face contre terre en prononçant des paroles inintelligibles. Ils posaient leurs lèvres sur une ouverture pratiquée dans le sol, et adressaient tout bas des questions à un mystérieux oracle; puis ils recouvraient l'ouverture avec une motte de gazon vert et racontaient au peuple ce qu'ils venaient d'apprendre[1].

(27) Une autre tradition rapporte que la capitale de la province de Redarier était Rhetra. Cette ville avait neuf portes. On y voyait un temple magnifique, et dans ce temple était la statue de Radigart en or, couverte d'une peau de buffle et portant une hallebarde à la main. C'était le dieu de la force et de l'honneur.

(28) Siwa était la déesse de la fécondité et de l'amour. On la représentait sous la figure d'une jeune fille toute nue, à demi voilée seulement par une longue chevelure qui descendait jusqu'aux genoux. Dans sa main droite elle tenait une pomme, dans sa main gauche une grappe de raisin.

(29) Prowe, le dieu de la justice, résidait au milieu d'une majestueuse enceinte d'arbres. Le roi venait là s'asseoir, comme saint Louis au pied du vieux chêne, pour rendre ses jugements; mais le prêtre avait seul le droit de pénétrer dans l'enceinte sacrée, et si un criminel condamné à mort parvenait à s'y introduire, c'était pour lui un inviolable refuge.

(30) Les Wendes adoraient encore Podaga, le dieu des saisons, et Flins, le dieu de la mort. On le représentait sous la forme d'un squelette; mais ce squelette portait un lion sur ses épaules.

(31) À ce culte des divinités bienfaisantes et redoutables les Wendes joignaient celui de la nature. Ils s'approchaient avec un saint respect des sources d'eau et des forêts. Dans les flots du lac limpide ils croyaient entrevoir des génies mystérieux; dans l'ombre solitaire des bois ils entendaient, comme les Grecs, résonner à leurs oreilles des paroles prophétiques. Le chêne était pour eux un emblème les forces créatrices de la nature et du principe organique qui la régit. Le vieux tronc, noirci par le temps, dépouillé de feuillage et couvert de mousse, était la cellule silencieuse d'une divinité. A Oldenbourg, les chênes sacrés étaient renfermés dans l'enceinte du temple. A Stettin, on portait des présents à un devin qui consultait une source d'eau et rendait des oracles. Dans plusieurs endroits, on suspendait aux arbres des images de dieux ou des figures symboliques. Le temple était

[1] Chronique de Dithmar de Mersebourg.

ordinairement bâti dans une île: on y arrivait par un pont, et ceux qui voulaient offrir un sacrifice avaient seuls le droit de passer ce pont.

(32) On immolait aux dieux des bœufs et des brebis. Les prêtres prenaient la meilleure part de l'holocauste; le reste était abandonné au peuple. Parfois on immola des chrétiens. Les Wendes croyaient que ce sacrifice devait être particulièrement agréable à leurs idoles. Dans une de ces luttes sanglantes qui éclatèrent fréquemment entre les sectateurs du paganisme et les néophytes de l'Évangile, un évêque fut tué et sa tête offerte à Radigart, le dieu de la force. A la suite de l'holocauste, on interrogeait le sort, on jetait en l'air des morceaux de bois noirs d'un côté et blancs de l'autre. S'ils retombaient du côté blanc, c'était un bon augure; sinon, c'était un signe de malheur.

(33) Chaque fois qu'un homme voulait consulter l'oracle ou se concilier la faveur des dieux, il offrait un sacrifice. Les dieux présidaient à toutes les actions importantes de la vie humaine; les dieux bénissaient les mariages et les serments d'amitié; ils sanctionnaient les traités de paix, et prêtaient leur appui aux déclarations de guerre. Il y avait dans chaque temple national un étendard sacré, espèce de palladium que le peuple considérait avec un religieux respect, et que les prêtres allaient chercher cérémonieusement dans les grandes circonstances. Certaines tribus des Wendes avaient pour bannière un dragon avec une tête de femme et des bras couverts de fer. Les habitants de l'ile de Rugen en avaient une autre qu'ils appelaient *Stanitia*, et pour laquelle ils professaient presque autant de vénération que pour leurs dieux mêmes. Indépendamment de ces circonstances accidentelles ou la porte du temple s'ouvrait pour celui qui venait immoler une brebis et implorer une faveur, il y avait chaque année trois grandes fêtes, que le peuple entier célébrait par des chants, des danses et des holocaustes nombreux. La première était celle de l'hiver; elle se trouvait précisément placée à la même époque que le *Jul* des Scandinaves et la *Noël* des chrétiens. La seconde était celle du printemps; les Wendes l'avaient consacrée à la mémoire des morts. La troisième était celle des moissons.

(34) Dans un pays où le sentiment religieux s'associait ainsi à toutes les actions de la vie, les prêtres devaient nécessairement avoir une grande influence. Les prêtres étaient tout à la fois, dans les temps anciens, juges, législateurs, arbitres suprêmes du peuple. Plus tard, les Obotrites se choisirent un roi, ou plutôt un général chargé de les conduire au combat. Son autorité était extrêmement restreinte. Dans les circonstances graves, on attendait toujours une décision des dieux, et cette décision, c'étaient les prêtres qui la prononçaient; c'étaient eux aussi qui gardaient dans le temple le trésor de l'État, qui recevaient les offrandes des soldats et les tributs des marchands étrangers. Le roi, élu par le peuple, montait sur une pierre, mettait sa main dans celle d'un paysan et jurait de rester fidèle à la religion du pays, de protéger les veuves et les orphelins, et de respecter les lois. Mais les mêmes hommes qui l'avaient investi de la dignité suprême pouvaient facilement l'en dépouiller. Sa couronne était entre leurs mains, ainsi que sa vie. Si un désastre, une mauvaise récolte, une défaite sanglante survenaient dans la contrée, le roi en était responsable. On le regardait comme un être livré à une malheureuse fatalité, et, pour prévenir de nouvelles infortunes, on l'immolait aux dieux. Le même usage existait en Suède. Les Suédois égorgèrent un jour leur roi Domald, et arrosèrent avec son sang les autels de leurs idoles pour faire cesser la disette. Les habitants de l'ile de Rügen, les Obotrites, avaient un roi; mais dans la plupart des districts occupés par des tribus slaves, il

portait le titre de *Wasiwoda* (chef dans la guerre). Les étymologistes croient reconnaître dans les syllabes finales de ce titre, dans ce mot de *woda*, le nom d'Odin, dieu des Scandinaves.

(35) Toute l'histoire des Wendes, depuis l'époque où elle se révèle à nous, c'est-à-dire depuis le temps de Charlemagne, n'est qu'un triste tableau de dissensions civiles et de guerres perpétuelles. Les Obotrites luttent contre les Wilzes, contre les Saxons, contre les Danois. Quand le combat cesse d'un côté, il recommence de l'autre. Quand l'orage ne gronde plus au dehors, il éclate au dedans. Les chefs de la peuplade mecklembourgeoise se disputent le pouvoir, se trahissent, s'égorgent; les inimitiés particulières se mêlent aux haines nationales. Les paysans se pillent, et les pirates s'en vont comme des oiseaux de proie attendre leur victime sur les vagues lointaines. Enfin toute cette tribu slave n'apparaît que comme une société confuse et violente dont nulle loi n'arrête les emportements et à laquelle la religion même n'impose aucun frein régulier. Au commencement du IX siècle, un moine de Picardie s'en alla prêcher le christianisme dans le nord, et fit en peu de temps assez de progrès pour qu'en 833 le pape crût devoir fonder l'évêché de Hambourg. Mais cette douce et pacifique loi de l'Évangile, qui avait déjà tempéré tant de passions ardentes et adouci tant de nations farouches, ne fit que jeter parmi les Wendes de nouveaux germes de discorde; ceux qui cédèrent à la voix des missionnaires furent signalés comme des traîtres et des hommes indignes de toute pitié. De là des haines profondes, des actes de violence et des guerres sans fin. Les païens croyaient faire une œuvre agréable à leurs idoles en poursuivant avec acharnement les néophytes de l'Évangile. Pour se concilier la faveur de leur terrible Zcerneboch ou de leur dieu Radigart, ils incendiaient une chapelle, ils massacraient une famille chrétienne.

(36) Plusieurs fois les Saxons essayèrent de convertir par la force ces rudes peuplades que la parole éloquente des missionnaires ne pouvait émouvoir. Quand ils gagnaient une bataille, la loi de l'Évangile devenait toute-puissante. Les princes acceptaient le baptême pour obtenir la paix, et le peuple promettait de bâtir des églises. Puis, à peine l'armée ennemie avait-elle quitté la frontière, à peine l'heure de la crise était-elle passée, que toutes les idées de conversion étaient aussitôt anéanties; le chef de la tribu se hâtait d'abjurer ses promesses religieuses, les soldats démolissaient l'église commencée, et les prêtres rapportaient en grande pompe la statue de l'idole dans son temple. Cette lutte des croyances religieuses dura trois siècles; peu à peu enfin elle s'amortit: la persévérance des prédicateurs chrétiens l'emporta sur l'opiniâtreté des païens. En 1168, on brisait la dernière idole dans l'ile de Rügen, et trois années après, il y avait un évêché à Schwerin. En introduisant dans cette contrée un nouveau dogme, les missionnaires y introduisirent aussi une nouvelle langue. L'Allemagne fit la conquête morale et intellectuelle du Mecklembourg; un grand nombre de familles wendes s'étaient éteintes dans les longues guerres qui ravagèrent leur pays; elles furent remplacées par des familles allemandes. Les missionnaires en amenèrent d'autres encore, et les premiers princes chrétiens, qui trouvaient en elles un appui, les favorisèrent de tout leur pouvoir. L'élément slave, combattu ainsi de tout côté par le glaive du soldat et le dogme du missionnaire, s'affaiblit graduellement, l'élément germanique grandit. Au dehors, l'Allemagne cernait la terre des Wendes; au dedans, elle y jetait sans cesse de nouvelles racines; elle agissait sur cette contrée à demi barbare par sa puissance politique, par sa religion, par un premier

développement d'idées morales qui apparaissent alors comme l'aurore de la civilisation. La lutte n'était pas égale. Les Wendes furent vaincus, et la langue allemande remplaça dans le Mecklembourg l'idiome slave[1].

(37) Mais la population étrangère qui vint s'adjoindre à la tribu des Wendes n'empêcha pas le pays d'être de nouveau envahi par les Danois. Canut VI s'en empara en 1202, et ses successeurs le gouvernèrent pendant vingt-cinq ans. Les descendants de Niclot, prince des Obotrites, le délivrèrent enfin de l'oppression; mais à peine l'avaient-ils affranchi, qu'ils l'affaiblirent en le partageant. Les quatre fils de Borovin II formèrent quatre États de l'antique principauté. L'aîné des frères, Jean, obtint la plus grande partie du duché. C'est de lui que descendent les princes actuels du Mecklembourg; les trois autres formèrent la ligue de Richenberg, Werle et Rostock. Plus tard, on vit se former la branche des seigneurs de Boizembourg, des comtes de Schwerin et des princes de Mecklembourg-Stargard. On comprend tout ce qu'un État déjà si restreint devait perdre en se divisant en plusieurs parcelles. Cependant il lutta glorieusement encore contre des voisins ambitieux, contre les villes hanséatiques, contre les Danois et les Suédois; puis il eut des princes hardis et intelligents qui l'illustrèrent par leur courage ou le fortifièrent par de sages institutions. Tel était, entre autres, Jean I, le chef de la branche du Mecklembourg. Il avait étudié à l'Université de Paris, et sa science lui fit donner le surnom de Théologien. Il fonda plusieurs établissements utiles, détruisit un repaire de pirates et sut maintenir, par sa sagesse autant que par sa valeur, l'ordre et la prospérité dans son pays. Son fils, Henri I, surnommé le Pèlerin, était un de ces hommes au cœur chevaleresque, à l'esprit aventureux, que les poètes du moyen âge se plaisaient à chanter, et dont le peuple inscrivait avec amour le nom dans ses légendes. Le désir de s'illustrer par de grandes actions l'entraîna hors des limites de son étroit domaine; il partit pour la terre sainte, laissant à sa femme le soin de régir le duché. Pendant quinze ans, la noble princesse remplit cette tâche difficile avec une rare prudence et une admirable énergie; tantôt obligée de se mettre en garde contre des projets d'invasion, tantôt de résister, comme la Pénélope antique, à des offres de mariage, elle sut tour à tour éviter chaque écueil et prévenir chaque danger. Lorsque ses fils furent en âge de régner, elle leur abandonna le pouvoir qui lui avait été confié et se retira dans la solitude.

(38) Depuis que le vaillant Henri était éloigné de l'Allemagne, on n'avait eu aucune nouvelle de lui; chacun le croyait mort, et sa noble femme faisait prier pour lui et portait des vêtements de deuil. Mais voilà qu'un beau jour le bruit se répand que le pèlerin aventureux n'est pas mort, qu'il revient. La nouvelle court de village en village. La fidèle Anastasie sort de sa retraite pour embrasser celui quelle n'espérait plus jamais revoir, et Henri apparaît, les cheveux blancs, le visage amaigri par les souffrances. Ce n'était plus ce beau chevalier à la tête haute, au regard fier, que l'on avait vu partir avec les rêves audacieux de la jeunesse. Hélas! Non, c'était l'homme trompé dans son espoir, vaincu par le temps, qui s'en revient le front penché, le cœur malade, après avoir expérimenté la vie et les choses, et qui, debout sur les lieux témoins de sa première ardeur, leur redemande un reste des songes passés, et ne trouve plus rien. Henri n'avait pas même pu aborde sur le

[1] Il existe cependant encore dans le Mecklembourg un grand nombre de paysans et plusieurs familles nobles dont l'origine est incontestablement slave. Telle est, entre autres, celle des Bassewitz, Bülow, Derwitz, Flotow, Lutzotv, Lewetsow, etc.

champ de bataille où il espérait exercer son courage. Au moment où il sortait de Marseille, des corsaires le prirent et le gardèrent vingt-cinq ans captif au Caire. Dans ce moment, le récit de ses malheurs lui donnait un nouveau prestige. Les cloches des églises sonnaient sur sa route, les prêtres chantaient un chant de joie, et le peuple accourait au-devant de lui. Ses deux fils lui remirent humblement le sceptre qu'ils avaient reçu de leur mère. Mais Henri ne le garda pas longtemps. Il mourut en 1301, et toute l'Allemagne le célébra longtemps dans ses ballades et ses traditions.

(39) Bientôt son fils donna un nouvel éclat au Mecklembourg par sa hardiesse et ses exploits. Son règne ne fut qu'une longue guerre souvent difficile et souvent glorieuse. Il dompta l'orgueil des villes hanséatiques, fit peur au Danemark, et combattit noblement pour le roi de Suède. Ses ambitieux voisins, qui d'abord avaient osé attenter à ses droits, lui demandèrent la paix, et le peuple le nomma avec orgueil Henri le Lion.

(40) Aux XV siècle, trois des maisons princières formées par le partage des fils de Borovin étaient éteintes, et celle de Mecklembourg reprit leur héritage. Les fils d'Albert le Beau la divisèrent encore en, deux branches, et diminuèrent ainsi son pouvoir. Puis arriva la réformation, ce temps des grandes idées et des grandes luttes, puis la guerre de trente ans qui ravagea toute l'Allemagne. Le Mecklembourg fut envahi par les troupes catholiques, ses deux souverains légitimes furent détrônés, et Wallenstein posa sur sa tâte la couronne de leurs duchés. Quand la guerre cessa, le trésor était vide, le pays dévasté. Partout la main cruelle du soldat avait porté le fer et le feu; partout des maisons en ruines, des villages déserts, des champs incultes. Le règne de Charles-Léopold ne fit qu'aggraver cette misère. Le malheureux pays, dévasté, dépeuplé, endetté, ne reprit un peu de force et d'espoir que sous l'autorité bienfaisante de Chrétien-Louis II. A ce prince vertueux et éclairé succéda Frédéric le Bon qui, par ses sages institutions, par ses intelligentes économies, rétablit l'ordre dans les finances et adoucit les malheurs du peuple. Son successeur, Frédéric-François, acheva cette œuvre salutaire. Son long règne, son règne de cinquante ans, fut menacé de plus d'un désastre et troublé par plus d'un orage: il vit éclater la révolution française qui ébranla le monde entier; il vit le vieil empire germanique se dissoudre; il vit l'étoile des grandes puissances pâlir, l'Autriche courbant la tête sous le glaive étranger, et la Prusse morcelée par la main de celui qui faisait et défaisait les rois. Malgré le système de neutralité qu'il essaya de garder au milieu de ce choc des armées et de cette lutte des royaumes, il ne put échapper à la tempête qui agitait toute l'Europe. Des troupes françaises envahirent ses Etats. Un général français s'installa dans son château comme gouverneur. Le noble prince fut obligé de quitter le domaine de ses pères, avec la douleur de voir ses sujets subjugués par de nouveaux maitres et, condamnés à de rudes impôts. Mais plus leurs souffrances avaient été grandes pendant une partie des guerres de l'Empire, plus il s'efforça de les adoucir quand les jours de calme revinrent. Le Mecklembourg lui doit une foule de réformes habilement conçues, de règlements utiles sur le commerce, sur la justice, sur l'administration, sur l'instruction publique; car en même temps qu'il travaillait à assurer le bien-être matériel de son peuple, il essayait de donner une nouvelle extension à son développement moral. En 1835, il reçut de l'affection de ses sujets un éclatant témoignage du succès obtenu par ses efforts. Il y avait cinquante ans qu'il régnait. Tous les habitants du duché, jeunes et vieux, riches et pauvres, se réunirent spontanément pour fêter l'anniversaire de son avènement au trône, et dans cette

fête, inspirée par la reconnaissance, animée par l'amour, il n'y avait rien de faux et rien de fardé. Le paysan la célébrait avec la même joie que le grand seigneur. Les lambris de la ferme et ceux du château entendaient répéter les mêmes vœux, et tout haut on disait: Le chef de la maison de Mecklembourg a le premier donné l'exemple du savoir; Henri le Pèlerin, celui de la noblesse chevaleresque; Henri le Lion, celui de l'ardeur et de la persévérance; Frédéric le Bon, celui de la justice et de l'humanité; Frédéric-François nous donne l'exemple de la sagesse, de l'intelligence, des douces vertus et des nobles pensées. Le noble prince ne survécut pas longtemps à ce touchant hommage. Il est mort en 1837, laissant comme une bénédiction le souvenir de son règne dans le cœur de ses sujets, et le souvenir de ses vertus dans le cœur de ses enfants.

(41) Le Mecklembourg est divisé en deux duchés, celui de Schwerin, qui est le plus important et le plus étendu, et celui de Strelitz. La surface du pays est de 280 milles (560 lieues) carrés, dont 228 appartiennent au duché de Schwerin, et 52 à celui de Strelitz. La population du premier s'élève à 2,071 habitants par 22 milles carrés, celle du second à 1,710. Il y a dans le duché de Schwerin 40 villes, 9 bourgs, 308 grands villages, 2,200 petits villages et métairies; dans celui de Strelitz, 9 villes, 2 bourgs, et 522 villages et métairies.

(42) Dans ces deux duchés, les impôts sont très-également répartis, et très-minimes comparés à ceux de plusieurs autres contrées de l'Allemagne. Ils ne s'élèvent, dans le pays de Schwerin, qu'à 1 florin 29 schellings (environ 4 francs) par tête[1]. Dans le pays de Strelitz, ils sont encore plus minimes. A part les droits d'entrée, il n'y a point d'impôt indirect. Le propriétaire paie une taxe régulière pour son domaine, le fermier pour sa ferme, et le fisc ne leur demande plus rien.

(43) Les deux duchés, gouvernés séparément par deux princes indépendants l'un de l'autre, sont réunis par la même constitution. Leurs députés s'assemblent au même lieu et délibèrent sur les mêmes propositions. Le principe constitutionnel qui forme une des bases du gouvernement mecklembourgeois remonte très-haut. Dès le XIV siècle, on voit que les nobles et les grands propriétaires du pays prenaient une part directe aux affaires. Plus tard, les villes et ensuite les prélats eurent le même droit. Au XVI siècle, la première charte du pays fut rédigée; au XVII siècle, les assemblées nationales furent convoquées chaque année. La constitution actuelle a été faite d'après celles de 1523, 1572, 1621 et 1755.

(44) Chaque année, les grands-ducs convoquent les États et les réunissent tour à tour dans la principauté de Schwerin et dans celle de Strelitz. Les deux princes sont représentés auprès de rassemblée par trois commissaires qu'ils nomment eux-mêmes. Trois maréchaux héréditaires (deux pour le duché de Schwerin, un pour celui de Strelitz) sont chargés de recevoir les propositions des commissaires et d'y répondre au nom de l'assemblée. C'est à cette assemblée qu'il appartient de voter de nouveaux impôts et de faire de nouvelles lois. Elle ne possède pas elle-même le droit d'initiative en matière de législation, mais elle a tout le pouvoir du veto. Les sessions de la diète durent ordinairement six semaines. Les commissaires qui l'ont ouverte au nom des princes la ferment avec les mêmes formalités.

[1] Dans le duché de Bade, les impôts s'élèvent à 5 florins et demi par tête; dans la Saxe, à 5 florins 50 kreuzer; dans la Prusse et la Hesse, à 6 florins.

(45) Les députés appelés à faire partie de la diète sont divisés en deux classes. La première se compose des propriétaires de biens nobles et de biens de chevalerie (*Rittergüter*); la seconde, des représente de la bourgeoisie élus par les villes. Les biens nobles donnent à la diète 572 envoyés; la bourgeoisie n'en donne que 40. Au premier abord, on s'arrête étonné de cette disproportion. Mais une grande partie des propriétés de chevalerie a déjà passé entre les mains de la bourgeoisie, et, comme le droit de représentation est attaché au sol, il s'ensuit que le nombre des député, de la bourgeoisie augmente toujours, tandis que celui des députés de la noblesse diminue. Des 572 biens auxquels est attaché le droit de représentation, 256 appartiennent à des bourgeois. Si on ajoute à ce nombre les 40 députés des villes, on voit que les représentons de la bourgeoisie sont en majorité, et si les nobles continuent à se dessaisir de leurs propriétés, la constitution aristocratique du Mecklembourg deviendra bientôt passablement démocratique.

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев 1994 - *Азбелев С.Н.* К вопросу о происхождении Рюрика // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Т. 7. С. 363-374.

Войтович 2013 - *Войтович Л.В.* Рюрик и происхождение династии Рюриковичей: новые дополнения к старым спорам // Международный исторический журнал «Русин». 2013. № 1. С. 6-41.

Мармье 1840 - *Мармье К.* Мекленбург и нравы его жителей (начало) // Северная пчела. 1840. № 42.

Мармье 1840а - *Мармье К.* Мекленбург и нравы его жителей (окончание) // Северная пчела. 1840. № 43. С. 170-172.

Меркулов 2003 - *Меркулов В.И.* Варяго-русский вопрос в немецкой историографии первой половины XVIII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2003.

Меркулов 2008 - *Меркулов В.И.* Мекленбургская генеалогическая традиция о Древней Руси // Труды Института российской истории РАН. 2008. № 7. С. 8-28.

Меркулов 2012 - *Меркулов В.И.* Из окна в Европу увидели Рюрика // Родина. 2012. № 5. С. 64-67.

Меркулов 2015 - *Меркулов В.И.* Рюрик и первые русские князья в «Генеалогии» Иоганна Фридриха Хемница // Исторический формат. 2015. № 2. С. 54-74.

Миролюбов 1990 - *Миролюбов Ю.П.* Материалы к истории крайне-западных славян // Миролюбов Ю.П. Собрание сочинений. Т. 17. 1990 / Электронный ресурс: http://www.rulit.me/program Read.php?program_id=169309&page=1 (дата обращения – 29.05.2016).

Мыльников 2000 - *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. 2-е изд. СПБ.: Петербургское востоковедение, 2000. 320 с.

Пчелов 2010 - *Пчелов Е.В.* Рюрик (Серия «Жизнь замечательных людей»). М.: Молодая гвардия, 2010. 317 с.

Фомин 2005 - *Фомин В.В.* Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. 488 с.

Marmier 1840 - *Xavier Marmier.* Le Mecklembourg. I // La Revue de Paris. 1840. Tome XIII. Janvier. S. 198-209.

Marmier 1840a - *Xavier Marmier.* Le Mecklembourg. II. Histoire et Constitution // La Revue de Paris. Tome XIV. Fevrier. S. 77-90.

Marmier 1840b - *Xavier Marmier.* Lettres sur le Nord. Danemark, Suède, Norvège, Laponie et Spitzberg. Paris, 1840. 285 s.

REFERENCES

Azbelev 1994 - *Azbelev S.N.* K voprosu o proishozhdenii Rjurika [To a question of Rurik's origin], in: Germenevtika drevnerusskoj literatury. T. 7 [Hermeneutics of Old Russian literature. Volume 7], Moscow, 1994, pp. 363-374 [in Russian].

Fomin 2005 - *Fomin V.V.* Varjagi i varjazhskaja Rus': k itogam diskussii po varjazhskomu voprosu [Varangians and Varangian Russia: to discussion results on a Varangian question], Moscow, Russkaja panorama Publ., 2005, 488 p. [in Russian].

Marm'e 1840 - *Marm'e K.* Meklenburg i nravy ego zhitelej (nachalo) [Mecklenburg and customs of its residents (beginning)], in: Severnaja pchela [Northern bee], 1840, № 42 [in Russian].

Marm'e 1840a - *Marm'e K.* Meklenburg i nravy ego zhitelej (okonchanie) [Mecklenburg and customs of its residents (termination)], in: Severnaja pchela [Northern bee], 1840, № 43, pp. 170-172 [in Russian].

Marmier 1840 - *Xavier Marmier.* Le Mecklembourg. I [Mecklenburg. I], in: La Revue de Paris. 1840. Tome XIII. Janvier [Parisian review. 1840. Volume XIII. January], pp. 198-209 [in French].

Marmier 1840a - *Xavier Marmier.* Le Mecklembourg. II. Histoire et Constitution [Mecklenburg. II. History and device], in: La Revue de Paris. Tome XIV. Fevrier [Parisian review. 1840. Volume XIV. February], pp. 77-90 [in French].

Marmier 1840b - *Xavier Marmier*. Lettres sur le Nord. Danemark, Suède, Norvège, Laponie et Spitzberg [Notes about the North. Denmark, Sweden, Norway, Lapland and Spitsbergen], Paris, 1840, 285 p. [in French].

Merkulov 2003 - *Merkulov V.I.* Varjago-russkij vopros v nemeckoj istoriografii pervoj poloviny XVIII veka. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Varyago-russky a question in the German historiography of the first half of the 18th century. The thesis for degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 2003 [in Russian].

Merkulov 2008 - *Merkulov V.I.* Meklenburgskaja genealogicheskaja tradicija o Drevnej Rusi [Mecklenburg genealogical tradition about Ancient Russia], in: Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN [Works of Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences], 2008, № 7, pp. 8-28 [in Russian].

Merkulov 2012 - *Merkulov V.I.* Iz okna v Evropu uvideli Rjurika [From a window to Europe saw Rurik], in: Rodina [Homeland], 2012, № 5, pp. 64-67 [in Russian].

Merkulov 2015 - *Merkulov V.I.* Rjurik i pervye russkie knjaz'ja v «Genealogii» Ioganna Fridriha Hemnica [Rurik and first princes of the Rus in the Genealogy by Johann Friedrich Chemnitius], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 2, pp. 54-74 [in Russian].

Miroljubov 1990 - *Miroljubov Ju.P.* Materialy k istorii krajne-zapadnyh slavjan [Materials to history extremely – the western Slavs], in: Miroljubov Ju.P. Sobranie sochinenij. T. 17 [Mirolyubov Yu.P. Collected works. Volume 17], 1990, Electronic resource: http://www.rulit.me/programRead.php?program_id=169309&page=1 (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Myl'nikov 2000 - *Myl'nikov A.S.* Kartina slavjanskogo mira: vzgljad iz Vostochnoj Evropy: Jetnogeneticheskie legendy, dogadki, protogipotezy XVI – nachala XVIII veka 2-e izd. [Picture of the Slavic world: a look from Eastern Europe: Ethnogenetic legends, guesses, protohypotheses of XVI – the beginning of the 18th century. Second edition], St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2000, 320 p. [in Russian].

Pchelov 2010 - *Pchelov E.V.* Rjurik (Serija «Zhizn' zamechatel'nyh ljudej») [Rurik (Life of Remarkable People series)], Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2010, 317 p. [in Russian].

Vojtovich 2013 - *Vojtovich L.V.* Rjurik i proishozhdenie dinastii Rjurikovichej: novye dopolnenija k starym sporam [Rurik and origin of a dynasty of Ryurik dynasty: new additions to old disputes], in: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin» [International historical magazine «Rusin»], 2013, № 1, pp. 6-41 [in Russian].

Жих Максим Иванович – Общественно-научный проект
«Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия).
Zhikh Maksim Ivanovich – The Public and Scientific project
«Russian-German Historical Seminar» (Saint Petersburg, Russia).
E-mail: max-mors@mail.ru

УДК 902/904

ГРУНАЙКИ: ВОССОЗДАНИЕ УТРАЧЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

В.И. Кулаков
Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

Авторское резюме
Ставшие доступными сохранившиеся после 1945 г. части коллекций и архива Музея «Пруссия» (г. Кёнигсберг) позволяют ныне воссоздавать комплексы раскопанных в XIX – нач. XX вв. памятников прусской археологии, в послевоенное время считавшиеся погибшими. Одним из интереснейших грунтовых могильников юго-восточной Балтии, раскопанных в то время, является могильник Gruneyken/Grunajki/Грунайки. Проведённый в статье анализ позволяет с достаточной долей уверенности отнести его к самбийско-натангийской культуре римского времени и к прусской культуре её ранней фазы развития.
Ключевые слова: пруссы, археология, балты, археологические комплексы, могильники.

GRUNEYKEN: RECONSTRUCTION OF LOST OF ARCHAEOLOGICAL SITES

Vladimir Kulakov
Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences
19 The Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117036, Russia
e-mail: drkulakov@mail.ru

Abstract
Surviving parts of the collections and archives of the museum «Prussia» (Königsberg), which became accessible after 1945 y., enable recreation of Prussian archaeological sites excavated in the 19th – beg. of 20th centuries that in the post-war period were believed to have been lost. One of the most interesting burial grounds excavated in the south-eastern Baltic is the Grunajki/ Gruneyken burial. The author's analysis provides enough evidence to connect it to the Sambian-Natangian culture of the Roman Period and to the early phase of the Prussian culture.
Keywords: Prussians, archaeology, the Balts, archaeological complexes, burials.

* * *

Ставшие в начале III тыслет. н.э. доступными сохранившиеся после 1945 г. части коллекций и архива Музея «Пруссия (г. Кёнигсберг) позволяют ныне воссоздавать комплексы раскопанных в XIX – нач. XX вв. памятников прусской

археологии, в послевоенное время считавшиеся погибшими. Неоценимую роль при этом играют архив и фонды Музея протоистории и ранней истории (Берлин), сотрудникам которого, пользуясь случаем, приношу глубокую признательность за содействие в моей работе.

Рис. 1. Космосъёмка Калининградской области.
Красной стрелкой показано местоположение грунтового могильника Грунайки.

Одним из интереснейших грунтовых могильников юго-восточной Балтии является могильник Gruneyken/Grunajki/Грунайки (woj. warmińsko-mazurskim Polski), частично раскопанный в кон. XIX – нач. XX вв. Рисунки и фото находок, сделанных в ходе этих раскопок, раскиданы по нескольким ныне труднодоступным публикациям и долгое время не привлекали внимания современных археологов. Не в последнюю очередь это связано с чисто техническими трудностями работы с отсутствующим в России и малодоступным в Западной Европе изданием Каталога находок, собранных О. Тишлером для показа на так наз. «Антропологической выставке» в Берлине в 1880 г. (Günther, Voss 1880: Taf. VI-LXIX, Kemke 1901: 88-95), приуроченной к деятельности XI Общего собрания Германского Антропологического общества. Лишь в первом десятилетии III тыслет. н.э. молодая варшавская коллега Александра Жешотарска-Новакевич, использовав ряд архивных материалов, провела опыт реконструкции комплексов могильника Грунайки. К сожалению, эти реконструкции представляли собой лишь не всегда комплектные текстуальные

описания раскопанных на могильнике погребальных комплексов (Rzeszotarska-Nowakiewicz 2004: 115-128; Rzeszotarska-Nowakiewicz 2006: 457-485). Для формирования объективной информации об исследованных на могильнике Грунайки вещевых комплексах эти публикации приносят не слишком много нового.

Интересующий нас грунтовой могильник расположен на двух холмах, находящихся на возвышенности, вытянутой вдоль правого берега р. Голдапы, в 15 км к югу от русско-польской границы (**рис. 1**). Раскопки на могильнике вели Эмиль Штеффенхаген (1864, 1866 гг.), Карл Ломайер (1867 г.), Герман Девитц (1869 г.), Рихард Клебс (1876 г.), Карл фон Штади (1905, 1906 гг.) (**рис. 2**), которые в целом вскрыли не менее 23 грунтовых погребений, в ряде публикаций именовавшихся «курганами» (Jaskanis 1977: 275). Лишь К. фон Штади опубликовал весьма краткую информацию о раскопанных им погребениях на могильнике Грунайки (Stadie 1919: 408-416). Некоторые из добытых указанными раскопками находок были опубликованы отцом прусской археологии Отто Тишлером (Tischler 1879: 160-253).

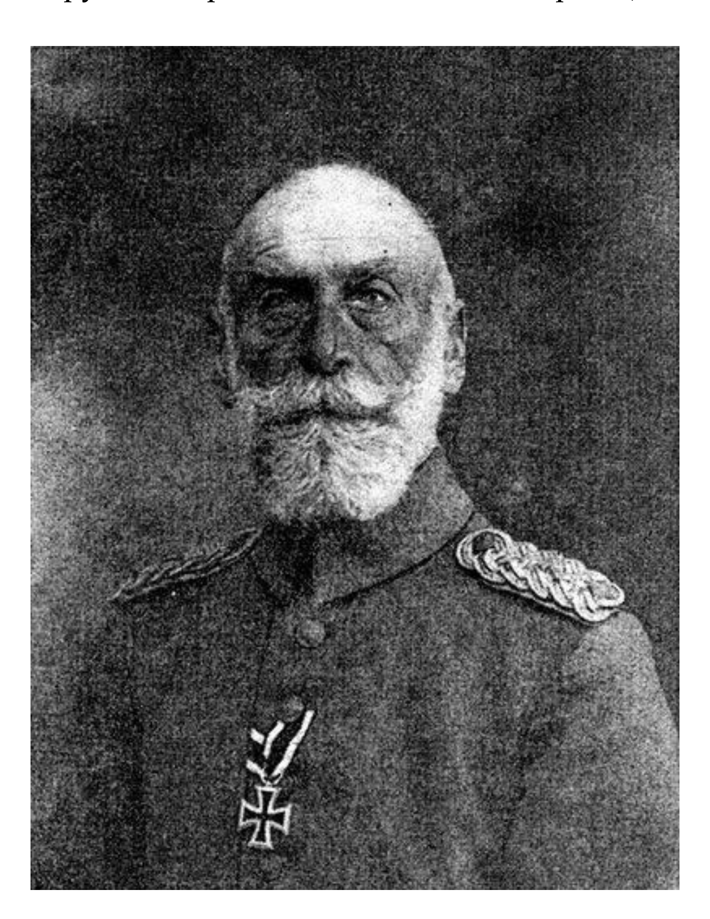

Рис. 2. Генерал-майор Карл Август Готтлиб фон Штади (1847-1824) (Hoffmann 2013: 156. № 50).

Наши предшественники в изучении древностей эстиев очень часто принимали за «курганы» участки внешней поверхности грунтовых могил римского времени, перекрытых мощными каменными кладками, слабо (до 0,5 м) возвышавшимися над поверхностью могильника (**рис. 3**). В частности, работы В. Хенше на могильнике Hünenberg/Гора Великанов (Зеленоградский р-н) показали

присутствие невысоких каменных конструкций сферической формы (Hensche 1862: Taf. IV), весьма напоминающие небольшие курганные насыпи, сформированные каменными кладками. Даже наш современник Ян Ясканис писал о «курганах римского времени на Янтарном берегу: «В раннеримском периоде курганы существуют в северо-западном регионе, на полуострове Самбия и ... в северо-восточной части Мазурского Поозерья» (Jaskanis 1974: 71). Являясь немногими сохранившимися в древностях эстиев рудиментами традиций носителей культуры западнобалтийских курганов раннего железного века, «курганами» упомянутые холмообразные образования (выс. максимум 1 м, диам. 1,-2 м) назвать нельзя. К сожалению, активное сельскохозяйственное освоение равнин юго-восточной Балтии, частично занятых грунтовыми могильниками, не позволило сохраниться до наших дней мощным многоярусным каменным кладкам над погребениями эстиев римского времени.

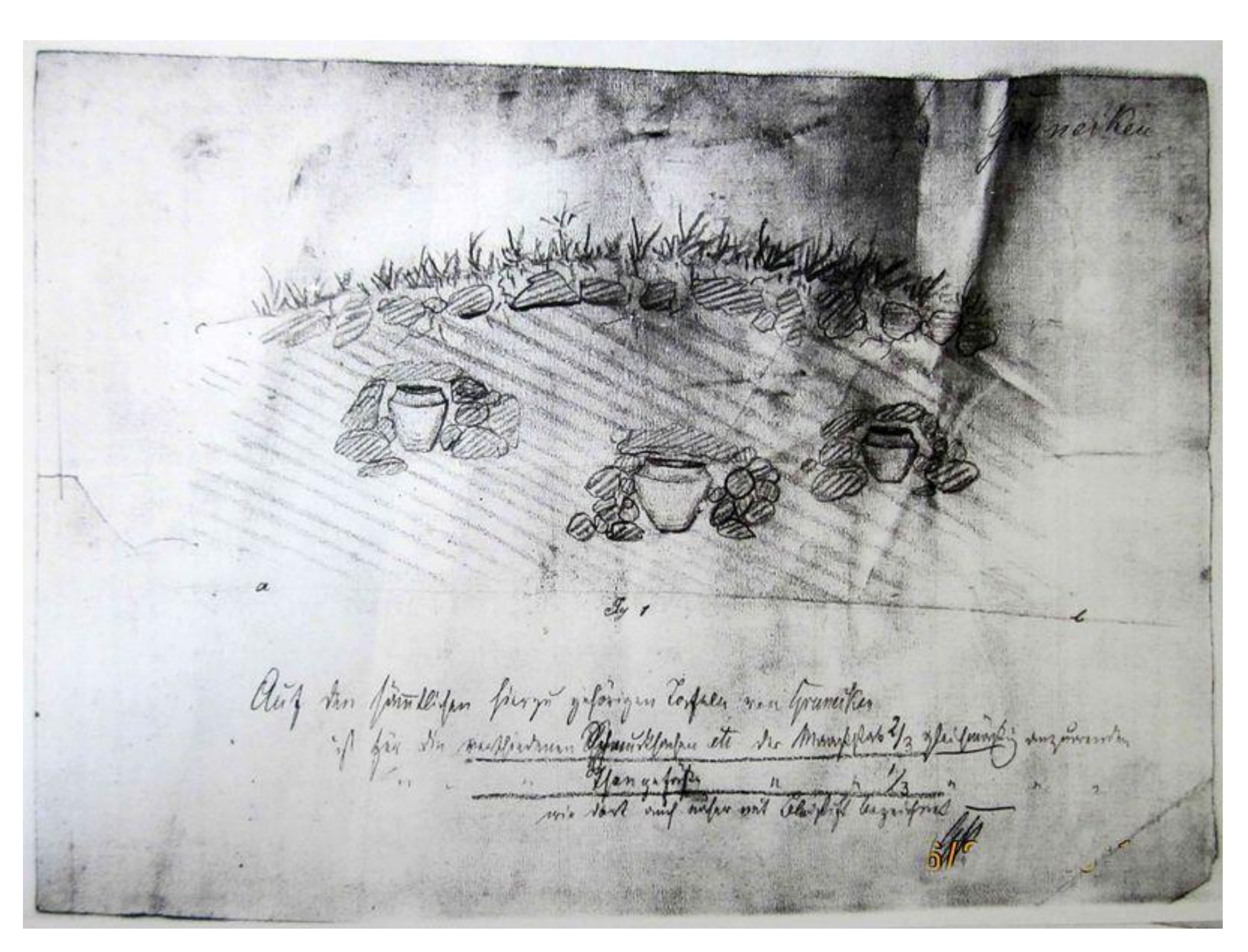

Рис. 3. Сечение одного из погребений, вскрытых на могильнике Грунайки (Museum für Vor- und Frühgeschichte, Prussia-Archiv. Signatur IXd 8, PM-A 1528/1).

Восстановленные по публикациям и архивным материалам комплексы могильника Грунайки сведены в виде следующего каталога:

<u>Погр. Gru-IV</u> – урновая кремация (далее – КРМ), раскопанная Р. Клебсом, в урне обнаружены: покрытая серебряной фольгой бронзовая фибула с подвязным

иглоприёмником, с серебряными кольцами гарнитуры (тип AVII,167), однотипная железная фибула с бронзовыми кольцами гарнитуры (Нильс Оберг считает обе найденные здесь фибулы бронзовыми – Åberg 1919: 153), бронзовая пряжка, занимающая промежуточное положение между пряжками типа Madyda-Legutko H-28, относящихся к фазе D_1 (Madyda-Legutko 1986: 68) и подтипа 1.2a (рубеж V – нач. VI вв. – Кулаков 1989: рис. 2), бронзовый наконечник ремня (**рис. 4**), обожжённая и согнутая (Bolin 1926: 209) бронзовая монета Императора Траяна, янтарная пластина с закругленными углами, янтарная бусина цилиндрической формы. Жешотарска-Новакевич А. датирует этот мужской (?) комплекс по фибулам фазой C_1, Наличие в урне пряжки фазы E варшавская коллега объясняет либо впускным поздним погребением, либо ошибкой при составлении полевой описи (Rzeszotarska-Nowakiewicz 2006: 466). Не исключено то, что эта пряжка была свидетельством поминального жертвоприношения, осуществлённого над погр. Gru-IV более чем через 150 лет после его сооружения.

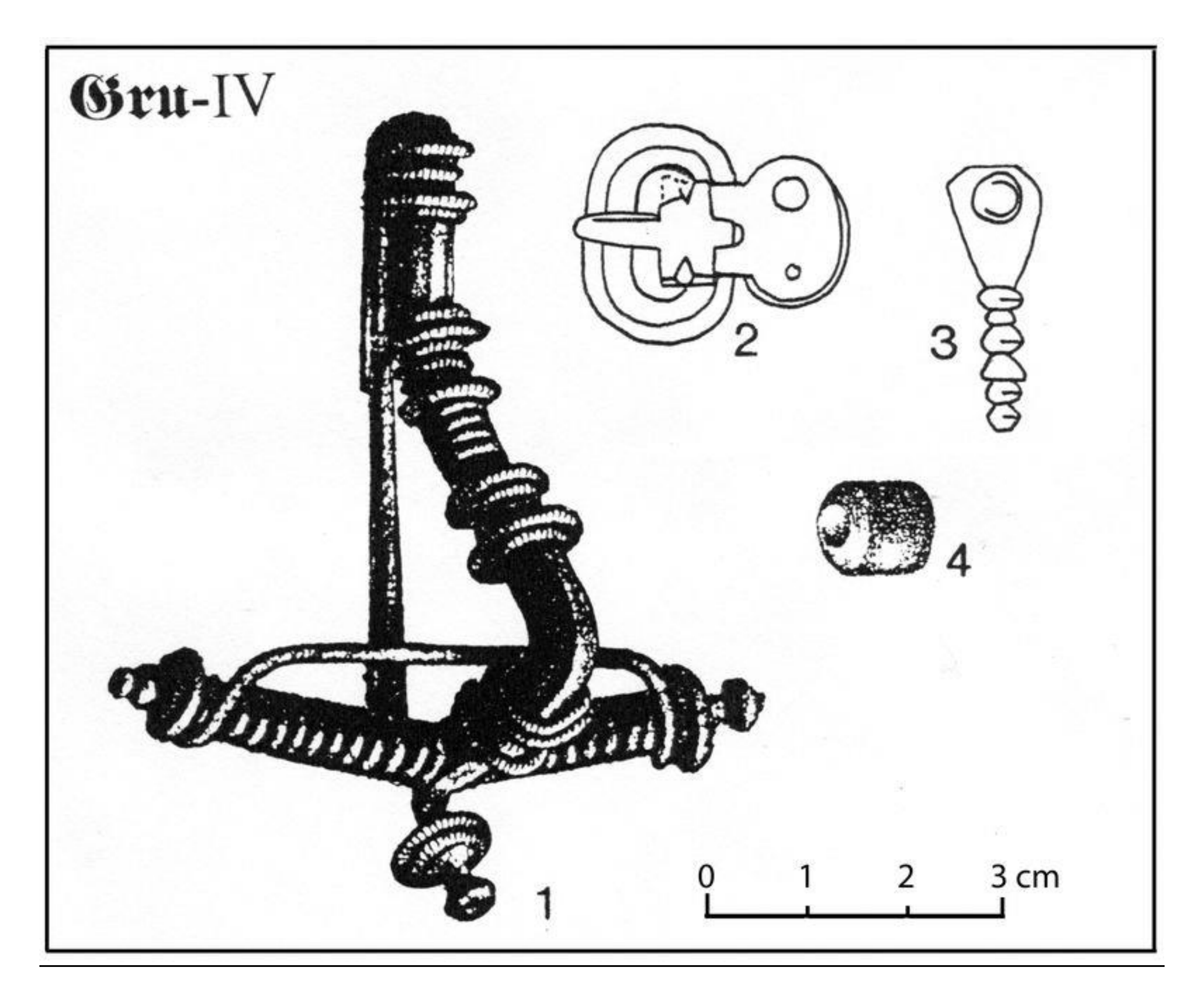

Рис. 4. Инвентарь погр. Gru-IV
(1, 4 – Кулаков 1998. Рис. 7; 2, 3 – Günther, Voss 1880. Taf. XIV. Nr 494).

Погр. Gru-VII – урновая КРМ, раскопанная Р. Клебсом, в урне обнаружены: бронзовая фибула типа AV,100, датируемая Жесотарской-Новакевич А. фазой B_1 (Rzeszotarska-Nowakiewicz 2006: 467). На самом деле позднейшие фибулы группы Almgren V относятся к фазе B_{2a} (Mączyńska 2011: 44). Кроме фибулы, в урне найдены каменная «стела» и глиняное пряслице с S-образным профилем. Рядом с урной обнаружен сосуд-приставка (**рис. 5**). Данный мужской (судя по одиночной фибуле, соответствующей мужскому убору римского времени) комплекс погр. Gru-VII датируется кон. I- нач. II вв. н.э.

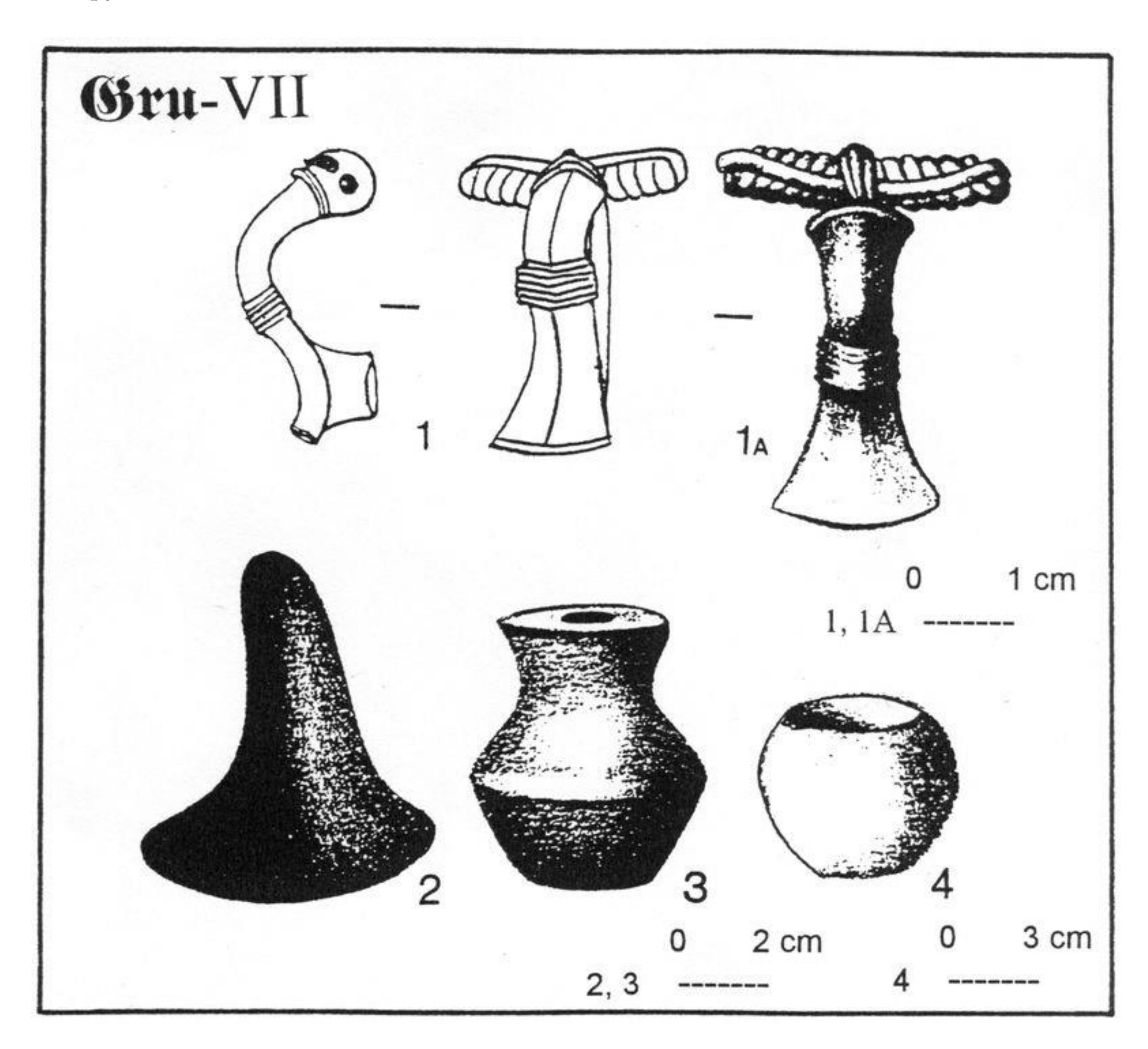

Рис. 5. Инвентарь погр. Gru-VII (1 - Günther, Voss 1880. Taf. VI. Nr 344; 1a – Tischler 1879. Taf. III,3; 2 - Ibid. Taf. V,48; 4 - Ibid. Taf. I,2).

Погр. Gru-X – урновая КРМ с четырьмя урнами, раскопанная Г. Девитцем. В урне № 1 обнаружены: бронзовые арбалетовидная фибула вар. Schulze-Dörrlamm IzCa4b (тип Schönwarling) (Schulze-Dörrlamm 1977: Tab. 2) и спиралевидный перстень с расширенной средней частью (**рис. 6**, X_1). В урне № 2 обнаружены: пара бронзовых

фибул подтипа 2а (Кулаков 1989: рис. 1), железная пряжка. Урна № 3 содержала бронзовую пряжку. Урна № 4 содержала железную пряжку. Рядом с урнами обнаружены два сосуда-приставки (**рис. 6**,3,4). Один из них имел характерные для самбийско-натангийской культуры римского времени налепы на тулове. Эти налепы изготавливались керамистами эстиев для удобства транспортировки погребальных сосудов (Кулаков 2015: 141, 142). Урну № 1 (как, впрочем, и урну № 2) Жешотарска-Новакевич А. датирует по фибуле фазой D с возможным продлением даты до начала фазы E (Rzeszotarska-Nowakiewicz 2006: 464). На самом деле такие застёжки характерны для носителей прусской культуры ранней фазы её развития (фаза D_3) и могут быть отнесены ко второй трети V в. (Кулаков 2004: 21). Урна № 2 по фибуле датируется фазой E_1 (нач. VI в. – Кулаков 2003: рис. 121). Даты остальных урн в погр. Gru-X не ясны.

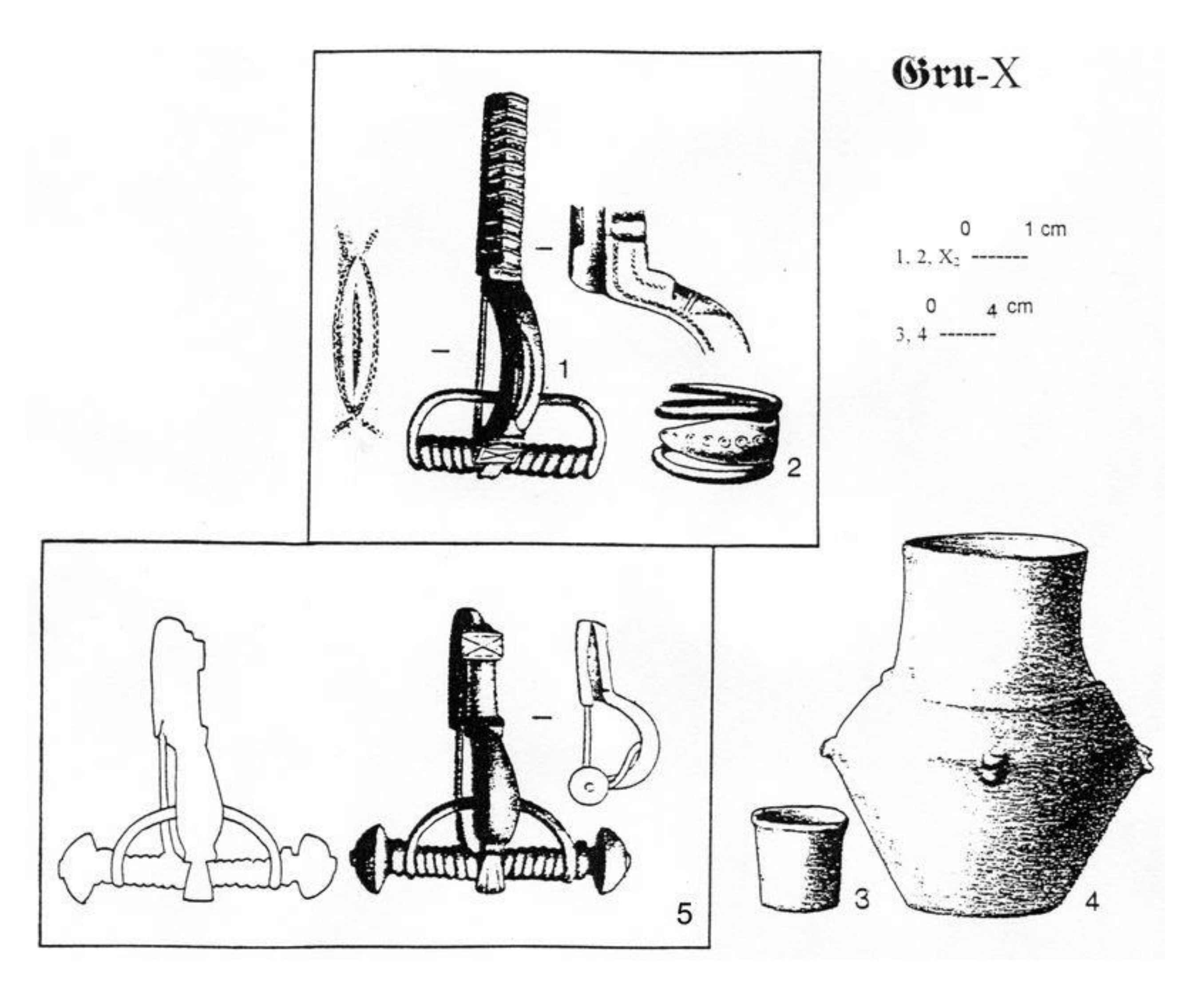

Рис. 6. Инвентарь погр. Gru-X (1 - Tischler 1879. Taf. III,7;
2 - Ibid. Taf. IV,12; 3 - Ibid. Taf. I,4; 4 - Ibid. Taf. I,1; 5 - Ibid. Taf. IV,14).

Погр. Gru-XI – урновая КРМ с более чем 10 урнами, раскопанная Г. Девитцем. Урна X_0 с парными налепами (**рис. 7**,X_0) содержала лишь обломки кальцинированных костей. В урне № 1 обнаружены: бронзовые арбалетовидная

фибула вар. Schulze-Dörrlamm IzCa4b (тип Schönwarling) (**рис. 7**,X1) и пряжка с тремя рядами кольчатого орнамента на обоймице.

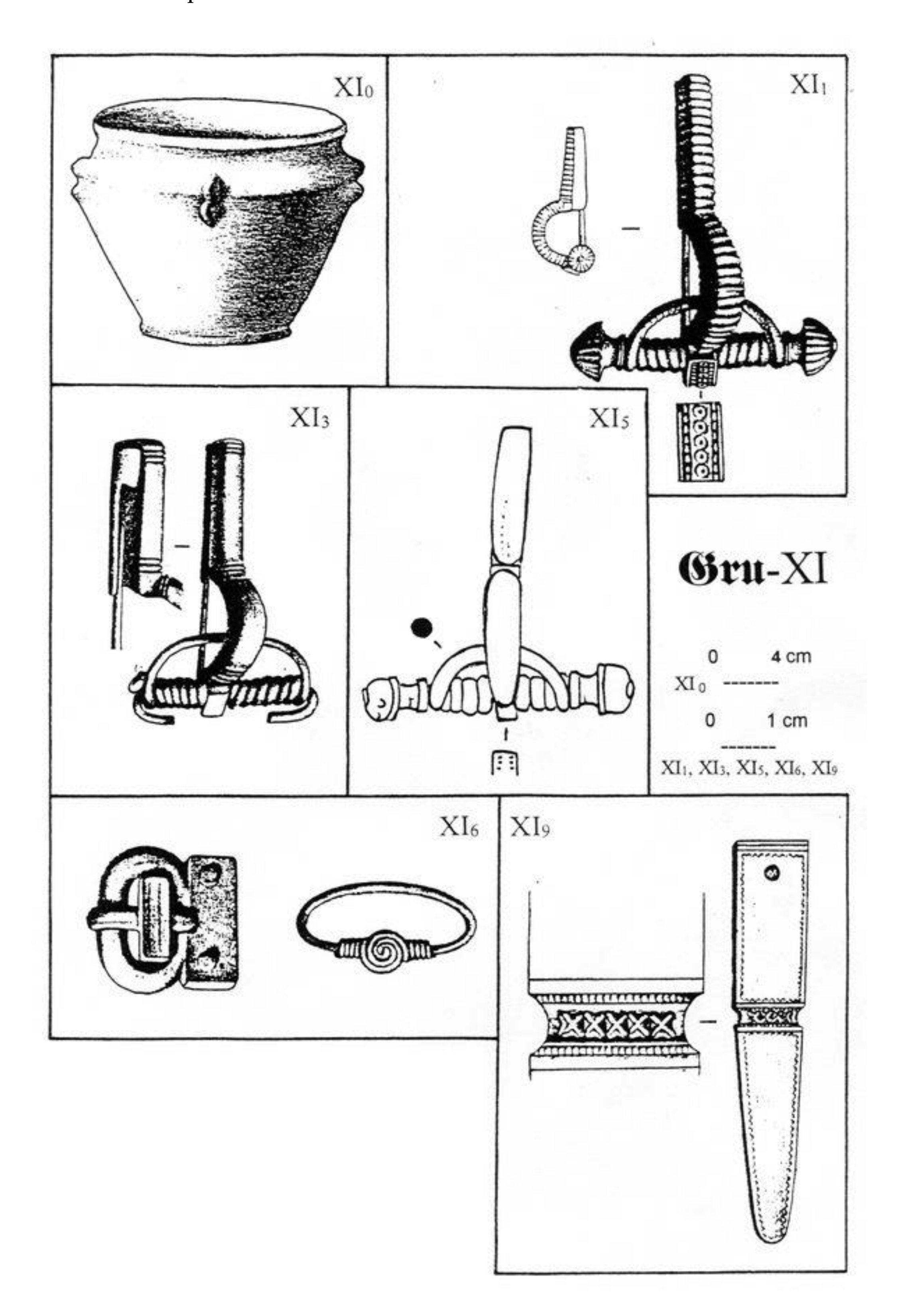

Рис. 7. Инвентарь погр. Gru-XI
(XIo - Tischler 1879. Taf. I,10; XI1 - Ibid. Taf. III,10; XI3 - Ibid. Taf. III,9; XI5 - Günther, Voss 1880. Taf. 11. Nr 459; XI6 - Tischler 1879. Taf. IV,3,20; XI9 - Ibid. Taf. XI,9).

В урне № 2 обнаружены: бронзовая арбалетовидная фибула с литым иглоприёмником (тип Duratón = тип Å52 – Кулаков 2003: рис. 88), железная пряжка с отпечатком льняной ткани, небольшое бронзовое кольцо с несомкнутыми концами и нож с остатками кожаных ножен. Урна № 3 содержала бронзовую фибулу типа Duratón (**рис. 7**,X_3) и железную пряжку. Урна № 4 содержала бронзовый спиральный перстень с расширенной средней частью. Урна № 5 содержала бронзовую фибулу типа Duratón (**рис. 7**,X_5). Урна № 6 содержала бронзовую пряжку вар. 1.2a (тип M-L H38), бронзовое кольцо с завязанными концами (**рис. 7**, X_6), янтарную биконическую бусину. Урна № 7 содержала бронзовое кольцо с завязанными концами. Урна № 7 содержала железную арбалетовидную фибулу с цельным иглоприёмником (тип Duratón ?), цилиндрическую янтарную бусину. Урна № 9 содержала две железные пряжки с овальными рамками, бронзовую пряжку, бронзовое окончание ремня со штампованным орнаментом (**рис. 7**,X_9), две янтарные бусины. В урне № 10 находилась бронзовая пряжка. В урне № 11 находилась железная арбалетовидная фибула с цельным иглоприёмником. Кроме того, одна из урн, содержавшая обломки кальцинированных костей, была помещена в другую урну. Эти урны были окружены каменным кольцом. А. Жешотарска-Новакевич датирует урны №№ 1, 6, 9 и 10 фазой D, урны №№ 2, 3, 7 она относит по фибулам к фазе E (Rzeszotarska-Nowakiewicz 2006: 464). По моему мнению, согласно фибулам, урну № 1 следует отнести к фазе D_1 (Кулаков 2003: рис. 121), урны №№ 3, 5 и 9 стоит датировать фазами D_3-E_1. В связи с тем, что в урнах погр. Gru-XI отсутствует женский инвентарь (исключение составляют несожжённые янтарные бусины, являющиеся заупокойными приношениями), все урны можно считать принадлежащие мужским захоронениям ранней фазы прусской культуры.

Погр. Gru-XII - урновая КРМ, раскопанная Г. Девитцем, с двумя обставленными камнями урнами, раздавленными камнями перекрывавших их кладки округлой в плане формы. Среди обломков урна обнаружена пара (от одной из них остался лишь обломок ножки) бронзовых фибул – дериватов типа AII,39, по мнению А. Жесотарской-Новакевич, характерных для древностей пшеворской культуры фазы B_2 (Rzeszotarska-Nowakiewicz 2006: 465). Кроме того, в данном захоронении были найдены стеклянная бусина, две янтарных (?) бусины и сосуд-приставка с шаровидным туловом (**рис. 8**). Женское (судя по парности фибул) захоронение в одной из урн погр. Gru-XII можно датировать по фибулам фазой B_2. Согласно мнения Войцеха Новаковского, «грушевидный сосуд с орнаментом (в виде) противостоящих треугольников» именуется сосудом «типа Dollkeim» и датируется в древностях самбийско-натангийской культуры фазой B_2/C_1 (Nowakowski 1996: 60). Форма сосуда-приставки из погр. Gru-XII не противоречит определению сосуда «типа Dollkeim» и его датировки, выдвинутой варшавским коллегой.

Погр. Gru-XIV - урновая (?) КРМ, раскопанная Г. Девитцем. В могиле обнаружены обломки сосуда с ушкообразной ручкой и с лощёной поверхностью, бронзовая игла, цилиндр, свёрнутый из орнаментированной бронзовой пластины, принятый А. Жешотарской-Новакевич за игольник (кстати, заполненный остатками кожи), удила с обоймицами и небольшой нож (**рис. 9**). Она же датирует этот комплекс поздней фазой эпохи переселения народов (Rzeszotarska-Nowakiewicz

2006: 466). Бронзовый «игольник» по своей форме и размерам соответствует окончанию ремня перевязи типа balteus Vidgiriai, датируемых в древностях эстиев и ранних пруссов фазами C_2-D_3 (Прасолов 2013: 88). Правда, собирателю информации о деталях перевязей типа balteus Vidgiriai Я.А. Прасолову навершие из погр. Gru-XIV осталось неизвестным. Таким образом, указанный комплекс, включающий захоронение коня (Rzeszotarska-Nowakiewicz 2006: 465), следует датировать фазами C_2-D_3.

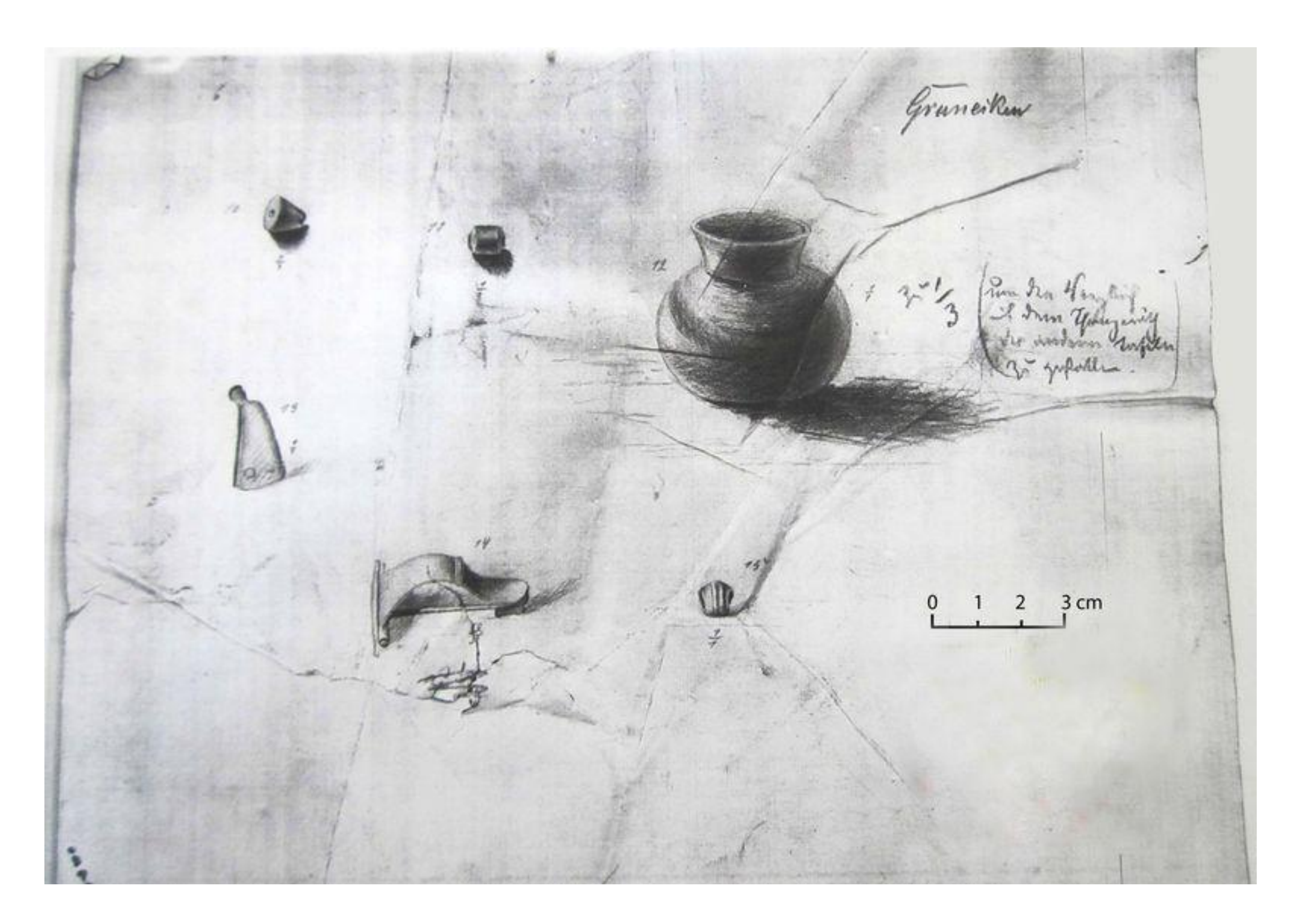

Рис. 8. Инвентарь погр. Gru-XII
(Museum für Vor- und Frühgeschichte, Prussia-Archiv. Signatur IXd 8, PM-A 1528/1).

Погр. Gru-D – урновая КРМ, раскопанная К. фон Штадие. Комплекс состоял из 6 урн, обнаруженных под каменной кладкой на глуб. 0,5 м. В урне № 1 найдены: железная фибула с подогнутой ножкой типа AIX,218 (фазы C_{1b}-C_2 - Rzeszotarska-Nowakiewicz 2006: 469), серебряная арбалетовидная фибула с высоким иглоприёмником и с двойной тетивой, частично покрытая серебряной фольгой, фрагмент бронзовой обкладки (ритона-?) с кольчатым тиснёным орнаментом, два ножа, глиняное пряслице с S-видным профилем. В урне № 2 находились: небольшой сосуд-приставка, шило, бронзовая секировидная подвеска (фаза C_2 - Rzeszotarska-Nowakiewicz 2006: 469) с декором в виде прорезанных двойных линий. В урне № 3 инвентарь не найден. В урне № 4 находились: бронзовые арбалетовидная фибула типа Duratón (фаза D - Rzeszotarska-Nowakiewicz 2006: 469) с подогнутой ножкой и

трапециевидный наконечник ремня. В урне № 5 находились: бронзовые фибула с концами, обмотанными проволокой, пара арбалетовидных фибул типов AVI, 164 (фазы C_{1b}-C_2 = 250-300 гг. н.э. – Кулаков 2005: 205. Рис. 1,2), она же относится к типу Å3 (Åberg 1914: Abb. 3) = тип grosse ABF. Последняя форма застёжки в юго-восточной Балтии датируется в рамках IV-VI вв. н.э. (Кулаков 2005: 124, рис. 1,2), бронзовый наконечник ремня (**рис. 10**), фрагмент железной пряжки (?). В урне № 6 находились измельчённые искусственно (?) обломки кальцинированных костей, фрагменты железной двухчастной пряжки, маленькая плоская янтарная бусина. А. Жешотарска-Новакевич фибулы из урны № 5 не совсем корректно относит к типам A.VII,I167-168 и A.VII,167, датируя их фазой C_2, точнее – её концом (Rzeszotarska-Nowakiewicz 2006: 469). Хронологические границы этого комплекса, на мой взгляд, несколько шире и помещаются между сер. III – сер. IV вв. н.э. Эта датировка включает свой массив и дату А. Жешотарской-Новакевич. Её даты для комплексов в остальных урнах погр. Gru-D стоит признать актуальными.

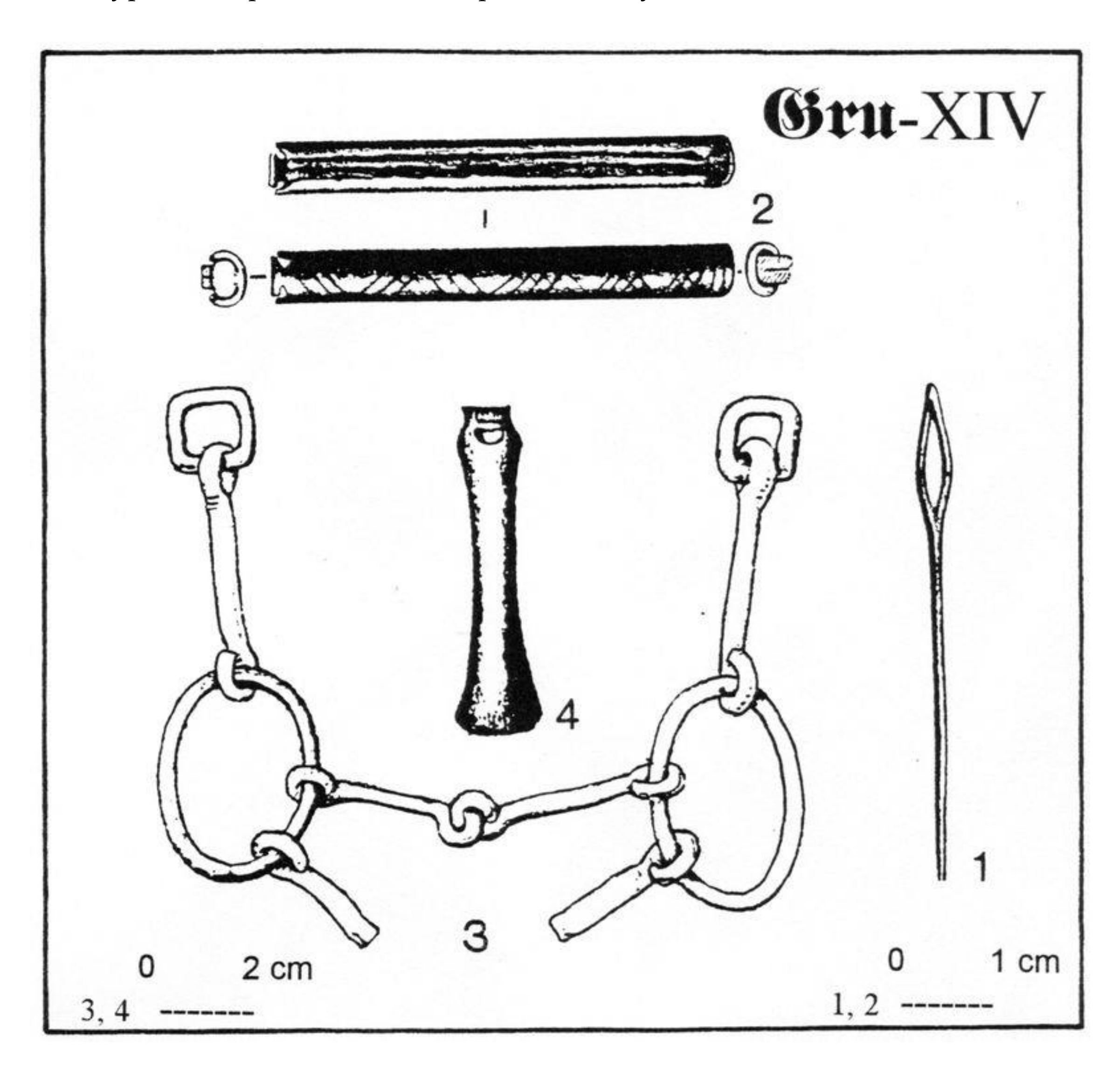

Рис. 9. Инвентарь погр. Gru-XIV
(1 - Tischler 1879. Taf. V,10; 2 – Ibid. Taf. V,9; 3 - Ibid. Taf. V,46; 4 - Ibid. Taf. V,47.

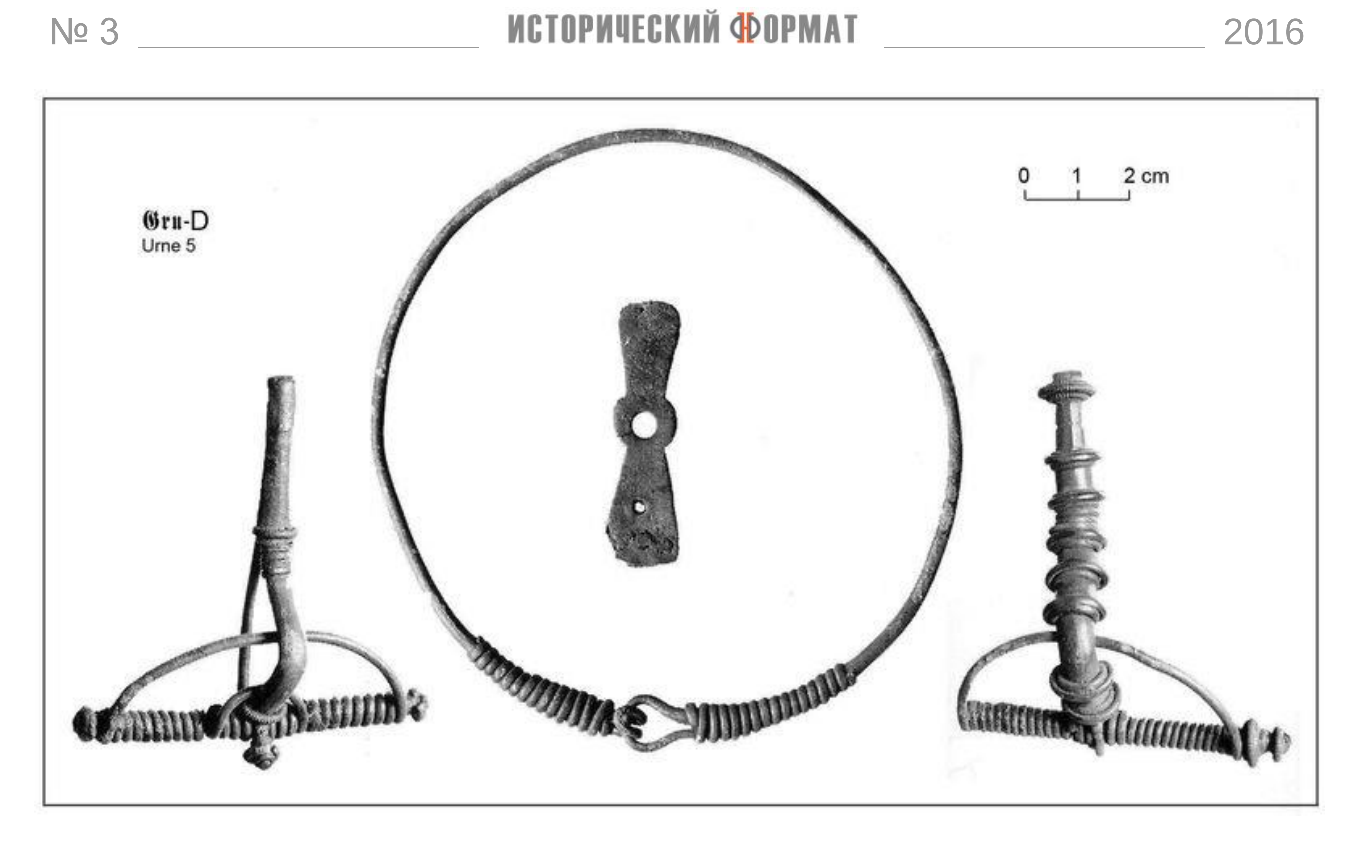

Рис. 10. Инвентарь погр. Gru-D, урна № 45 (Rzesostarska-Nowakiewicz 2007. Tabl. II, 4-7).

Рис. 11. Инвентарь погр. Gru-без Nr
(Museum für Vor- und Frühgeschichte, Prussia-Archiv. Signatur IXd 8, PM-A 1528/1).

В архиве, включающем остатки документации Музея «Пруссия» и хранящемся в стенах Музея протоистории и ранней истории (Берлин), представлены рисунки вещей из комплексов без номеров, найденных в кон. XIX – нач. XX вв. на могильнике Грунайки (**рис. 11**). Пожалуй, бóльший интерес представляют хранящиеся в упомянутом архиве изображения случайных находок, сделанных некогда на могильнике Грунайки (**рис. 12, 13**). В состав этих находок включена фибула с навершием ножки в виде головки быка (**рис. 12**,36), рисунок которой обнаружен мною в описи копий Центрального Римско-Германского музея (Майнц), куда эта находка была вывезена для копирования в 1880 г. (Кулаков 1998: 42). Такие фибулы являются одним из признаков западнобалтских древностей начала позднеримского периода (фаза B_2/C_1) и являются дериватами местных перекладчатых застёжек типа AIV,88 (Kulakov 2005: 23. Fig. 41). Внимание привлекает двулезвийный клинок дл. 39 см, обнаруженный на могильнике Грунайки (**рис. 13**,4). В. Новаковски отнёс его к местной модификации римского гладиуса тип Biborski II (фазы И1 – B_{2a}) (Nowakowski 1994: 384). К сожалению, отсутствие в распоряжении современной науки данной находки, до 1945 г. хранившейся в Музее «Пруссия», не позволяет проверить мнение об этом мече ведущего в Польше специалиста по древностям эстиев.

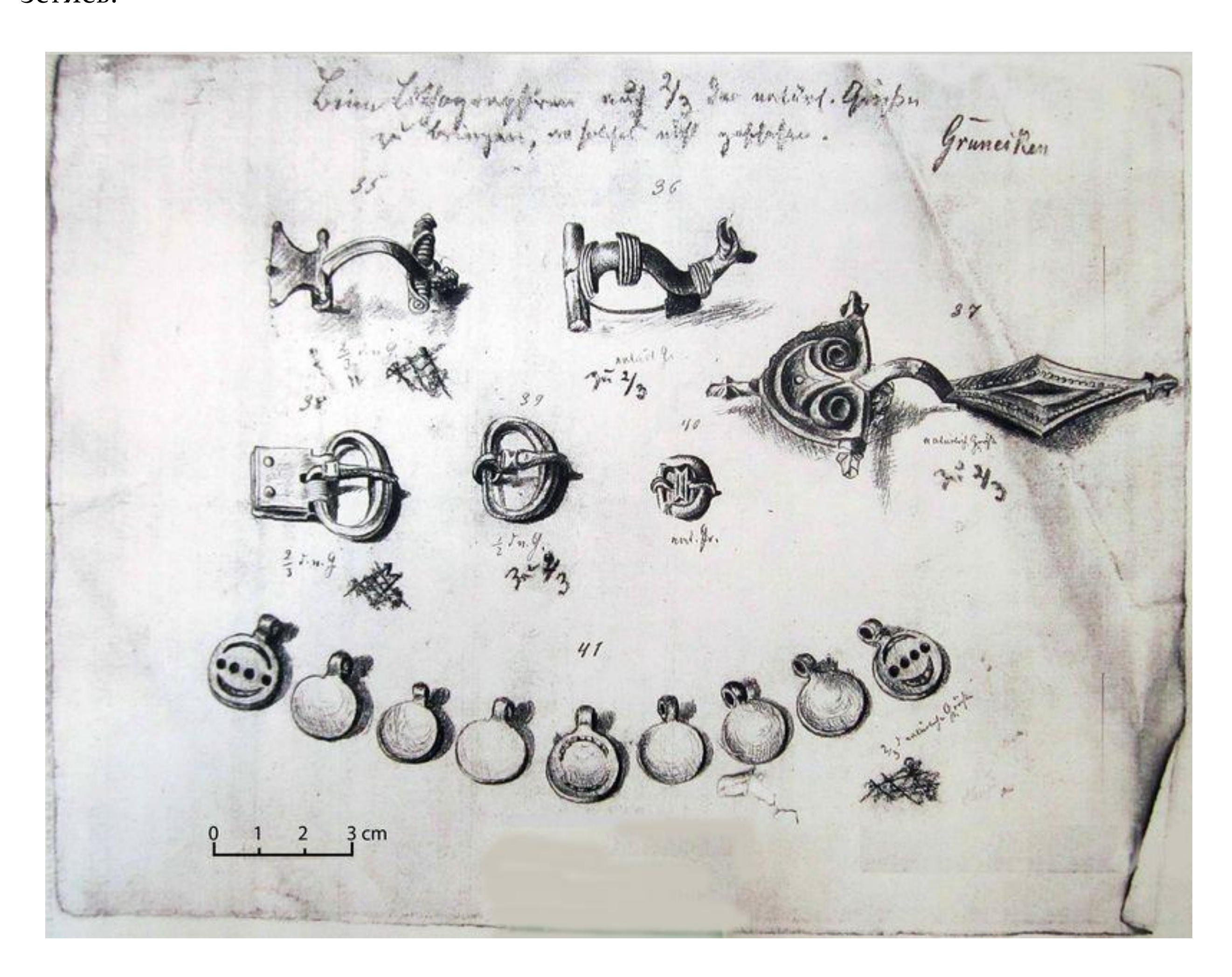

Рис. 12. Случайные находки, сделанные на могильнике Грунайки (Museum für Vor- und Frühgeschichte, Prussia-Archiv. Signatur IXd 8, PM-A 1528/1).

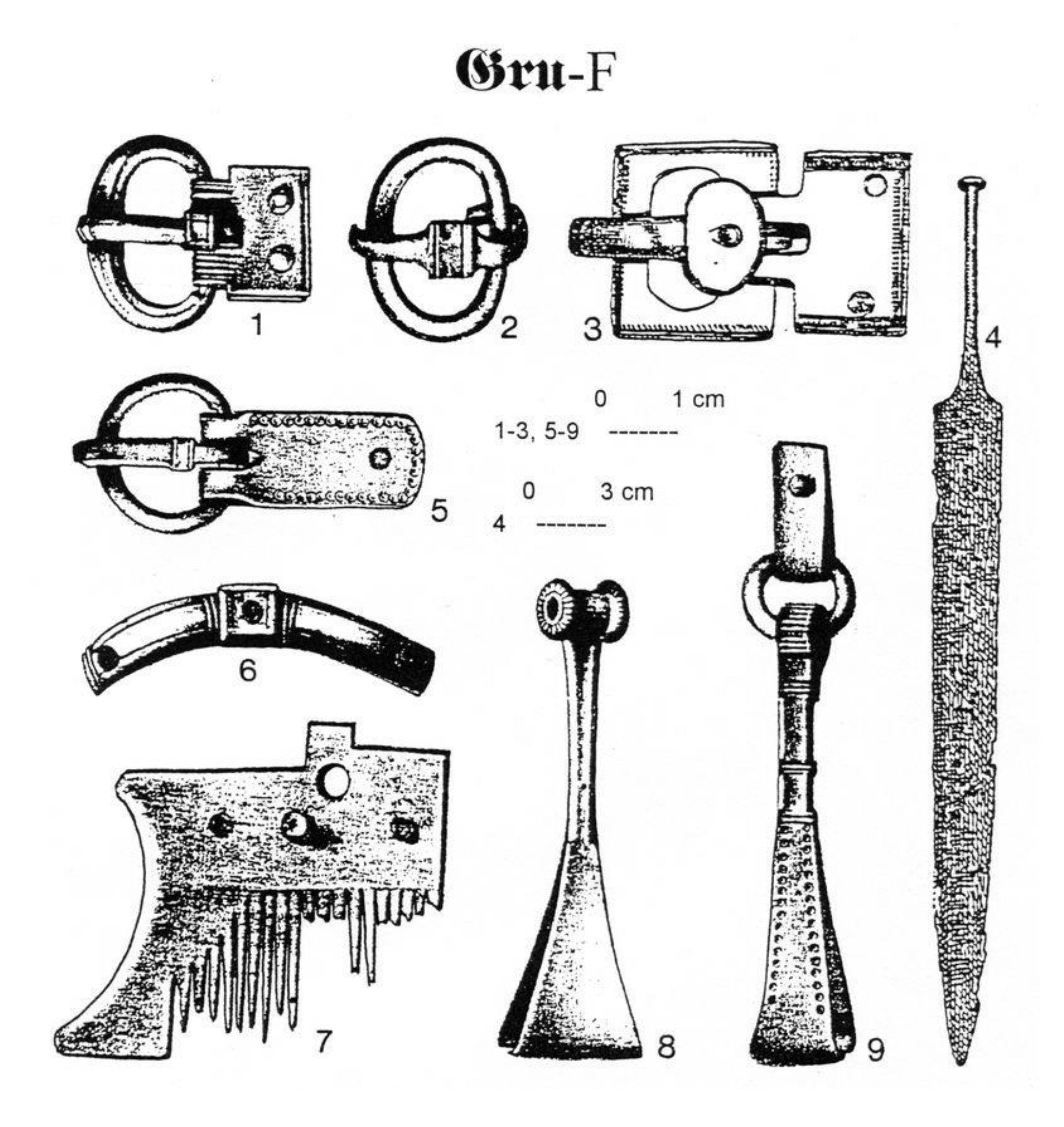

Рис. 13. Случайные находки, сделанные на могильнике Грунайки (1-3, 5 – бронзовые пряжки, 4 – двулезвийный меч, 6 – бронзовая шпора, 7 – фрагмент костяного гребня, 8, 9 – бронзолвые пинцеты (1 - Tischler 1879. Taf. IV,1; 2 – Ibid. Taf. IV,2; 3 – Grigat 1927. Abb. 5; 4 – Ibid. Abb. 2; 5 - Tischler 1879. Taf. IV,4; 6 - Ibid. Taf. IV,26; 7 - Ibid. Taf. IV,34; 8 - Ibid. Taf. IV,6; 9 - Ibid. Taf. IV,7).

Ряд находок из могильника Грунайки, хранившиеся в фондах Музея «Пруссия», после обнаружения в 1999 г. остатков этих фондов, ныне входят в собрание экспонатов Калининградского областного историко-художественного музея. Среди этих находок интерес представляют найденные на могильнике случайно (в немаркированных погребениях-?) бронзовые фибула типа AII,29 фазы B_1

(Кулаков 1998: 41. Рис. 8; Rzeszotarska-Nowakiewicz 2006: tab. XXXVIII), трёхлучевая фибула типа Kühn Гурзуф (= тип Sokolnice) нач. VI в. н.э., также отмеченной в списке копий Центрального Римско-Германского музея (Майнц) (Кулаков 1998: 42. Рис. 11). Некоторые из находок, сделанных без индексации соответствующих им комплексов, отмечены в списке идентифицированных находок, хранящихся ныне в Калининградском областном историко-художественном музее из состава фондов Музей «Пруссия» (Кулаков 2014: рис. 24, 35-38).

Ранее польские коллеги относили могильник Грунайки к голдапской группе судовской культуры римского времени. Теперь наши современники в Польше считают его принадлежащим «богачевской» культуре, к сожалению, пока не подвергнутой в польской археологической литературе пространному анализу (потому её название поставлено в кавычки). При этом польские археологи признают одним из важнейших признаков этой культуры отсутствие над трупосожжениями каменных кладок (Rzeszotarska-Nowakiewicz 2006: 475). Александра Жешотарска-Новакевич, основной исследователь древностей могильника Грунайки в современной археологической науке, отмечает сильное влияние древностей населения полуострова Самбии на обряд и вещевой материал могильника Грунайки (Rzeszotarska-Nowakiewicz 2006: 475, 476). К этому следует добавить констатацию отсутствия в материале могильника Грунайки (во всяком случае – в восстановленных в предлагаемой работе комплексах) каких-либо предметов инвентаря, сигнализирующих о принадлежности к «богачевской» культуре. Напротив, все обнаруженные детали инвентаря являются маркерами самбийско-натангийской культуры (II-IV вв. н.э.) и ранней фазы культуры пруссов (V-VI вв. н.э.). Даже такая деталь местного погребального обряда, как нахождение группы урн под одной каменной кладкой, слабо возвышающейся над древней дневной поверхностью, прекрасно представлена в материале самбийских могильников раннеримского времени (Кулаков 2003: 274) и является пережитком групповых погребений в культуре западнобалтийских курганов раннего железного века. На могильнике Грунайки представлены и каменные круги, также характерные прежде всего для населения Самбии, заимствовавшего эту форму обрядов из Скандинавии раннеримского времени (Кулаков 2003: 276). Всё вышеизложенное позволяет с достаточной долей уверенности отнести его к самбийско-натангийской культуре римского времени и к прусской культуре её ранней фазы развития.

ЛИТЕРАТУРА

Кулаков 1989 - *Кулаков В.И.* Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878-1938 гг.) // Barbaricum-1989. Warszawa: Zakład malej poligrafji, 1989.

Кулаков 1998 - *Кулаков В.И.* Майнцский регистр фибул из музеев Кёнигсберга // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 13. Минск: Арты-Фэкс, 1998. С. 40-58.

Кулаков 2003 - *Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003. 364 с.

Кулаков 2004 - *Кулаков В.И.* Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2004. 135 с.

Кулаков 2005 - *Кулаков В.И.* Фибулы Балтии с кольцевой гарнитурой из архива копий Центрального Римско-Германского музея (Майнц) // Российская археология. 2005. № 3. С. 123-127.

Кулаков 2014 - *Кулаков В.И.* Идентификация находок I-VII вв. из Музея «Пруссия», хранящихся в фондах Калининградского областного историко-художественного музея // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М.: Институт археологии Российской академии наук, 2014. С. 286-306.

Кулаков 2015 - *Кулаков В.И.* Сосуды с налепами в древностях эстиев на материале могильника Lauth/Б. Исаково // Slavia Antiqua. T. LIV. Poznań: Wydawnictwo Stowarzyszenia przyjacól nauki, 2015. С. 117-141.

Прасолов 2013 - *Прасолов Я.А.* К вопросу об использовании перевязей типа balteus Vidgiriai на территории самбийско-натангийской культуры в IV-V вв. н.э. // Археология Балтийского региона. М.; СПб.: Нестор-история, 2013. С. 80-96.

Åberg 1919 - *Åberg N.* Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala; Leipzig: Almqvist, Wiksells Boktryckeri-A.-D., 1919. 175 s.

Bolin 1926 - *Bolin St.* Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreußen // Prussia. H. 26. Königsberg: Komission-Verlag, 1926. S. 203-240.

Grigat 1927 - *Grigat F.* Aus grauer Vorzeit // Heimatforschung aus Ostpreußens Mauergebier. I. Teil. Langensalza, 1927.

Günther, Voss 1880 - *Günther C., Voss A.* Photographisches Album der Prähistorischen und Anthropologischen Ausstellung zu Berlin. Bd. I. Berlin: Berg & Holten, 1880.

Hensche 1862 - *Hensche W.* Einiges zur Kenntniss der Todtbestattung bei den heidnischen Preussen // Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. 2. Jg. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1862. S. 131-138.

Hoffmann 2013 - *Hoffmann M.* Dzieje archeologii Prus Wschodnich od początku XVIII wieku do 1920 roku. Olsztyn: Pracownia wydawnictw naukowych, 2013. 212 s.

Jaskanis 1974 - *Jaskanis J.* Obrządek pogrzebowy zachodnich bałtów u schyłku starożytności (I-V w. n.e.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 1974.

Jaskanis 1977 - *Jaskanis J.* Cmentarzyska kultury zachodniobałtyjskiej z okresu rzymskiego. Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym // Materiały starożytne i wszesnośredniowieczne. T. IV. Warszawa: Wydawnictwo Państwowego Muzem Archeologicznego, 1977. S. 239-349.

Kemke 1901 - *Kemke H.* Fundverzeichnis zu Tafel 7-15 der 1. (ostpreissischen) Section des Photographischen Albums der Berliner Anthropologischen Ausstellung vom Jahr 1880 // Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. Jg. XLII. Königsberg: Verlag Gräfe und Unzer, 1901. S. 88-95.

Kulakov 2005 - *Kulakov V.* The Amber Lands in the Time of the Roman Empire by Vladimir I. Kulakov. ISBN 1841718017. J29.00. British Archaeological Reports S1356. Oxford: Archeopress, 2005. 168 s.

Mączyńska 2011 - *Mączyńska M.* Der frühvölkerwanderungszeitliche Hortfund aus Lubana, Kreis Kościerzyna (Pommern) // Bericht der Römisch-Germanischen Komission. Bd. 90. Frankfurt-am-Main: Verlag Philipp von Zabern GmbH, 2011. S. 5-148.

Madyda-Legutko 1986 - *Madyda-Legutko R.* Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. British Archaeological Reports International Series 360. Oxford, 1986. 233 s.

Museum für Vor- und Frühgeschichte, Prussia-Archiv.

Nowakowski 1994 - *Nowakowski W.* Krieger ohne Schwerter - Die Bewaffnung der Aestii in der Römischen Kaiserzeit // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin/Marburg: Wydawnictwo Uniwersytetu im. Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, 1994. S. 379-391.

Nowakowski 1996 - *Nowakowski W.* Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar, 1996. 169 s.

Rzeszotarska-Nowakiewicz 2004 - *Rzeszotarska-Nowakiewicz A.* Möglichkeiten der Ausnutzung von Quellentexten und Archivalien bei der Rekonstruktion des Gräberfeldes in Grunajki // Auf der suche nach der verlorenen Archäologie. Warszawa: drukarnia Janusz Bieszczad, 2004. S. 115-128.

Rzeszotarska-Nowakiewicz 2006 - *Rzeszotarska-Nowakiewicz A.* «Man hätte auf dem Gute Grüneiken Hünengräber entdeckt». Próba rekonstrukcji wyglądu grobów na cmentarzysku w Grunajkach // Kultura bogaczewska 20 lat później. Warszawa: Państwowe Muzeum archeologiczne, 2006.

Schulze-Dörrlamm 1977 - Schulze-Dörrlamm M. Die spätkaiserzeitliche Armbrustfibeln mit dem festem Nadelhalter (Gruppe Almgren VI. 2) // Antiquitas. Reihe 3. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1977.

Stadie 1919 - *Stadie K.* Gräberfeld bei Gruneiken, Kr. Darkehmen // Prussia. Bd. 23/2. 1919. S. 408-416.

Tischler 1879 - *Tischler O.* Ostpreussische Gräberfelder. Bd. III. Königsberg: in Comission bei W. Koch, 1879. 110 s.

REFERENCES

Åberg 1919 - *Åberg N.* Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit [East Prussia during an era of great resettlement of the people], Uppsala; Leipzig, Almqvist, Wiksells Boktryckeri-A.-D. Publ., 1919, 175 p. [in German].

Bolin 1926 - *Bolin St.* Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreußen [Finds the Roman and Byzantine coins in East Prussia], in: Prussia. H. 26 [Prussia. Volume 26], Königsberg, Komission-Verlag Publ., 1926, pp. 203-240 [in German].

Grigat 1927 - *Grigat F.* Aus grauer Vorzeit [Since ancient times], in: Heimatforschung aus Ostpreußens Mauergebier. I. Teil [History of East Prussia. Volume I], Langensalza, 1927 [in German].

Günther, Voss 1880 - *Günther C., Voss A.* Photographisches Album der Prähistorischen und Anthropologischen Ausstellung zu Berlin. Bd. I [Photo album of a prehistoric and anthropological exhibition in Berlin. Volume I], Berlin, Berg & Holten Publ., 1880 [in German].

Hensche 1862 - *Hensche W.* Einiges zur Kenntniss der Todtbestattung bei den heidnischen Preussen [Death and funeral ceremonies in pagan Prussia], in: Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. 2. Jg. [Works of Fiziko-ekonomichesky society in Konigsberg. Volume 2], Königsberg, Gräfe und Unzer Verlag Publ., 1862, pp. 131-138 [in German].

Hoffmann 2013 - *Hoffmann M.* Dzieje archeologii Prus Wschodnich od początku XVIII wieku do 1920 roku [History of archeology of East Prussia since the beginning of the 18th century till 1920], Olsztyn, Pracownia wydawnictw naukowych Publ., 2013, 212 p. [in Polish].

Jaskanis 1974 - *Jaskanis J.* Obrządek pogrzebowy zachodnich bałtów u schyłku starożytności (I-V w. n.e.) [Burials of the western Balts during an era of late antiquity (the 1-5th centuries AD)], Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, Ossolineum Publ., 1974 [in Polish].

Jaskanis 1977 - *Jaskanis J.* Cmentarzyska kultury zachodniobałtyjskiej z okresu rzymskiego. Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym [Zapadnobaltsky burials of the Roman time. Materials for studying of funeral ceremonies], in: Materiały starożytne i wszesnośredniowieczne. T. IV [Materials ancient and medieval. Volume IV], Warszawa, Wydawnictwo Państwowego Muzem Archeologicznego Publ., 1977, pp. 239-349 [in Polish].

Kemke 1901 - *Kemke H.* Fundverzeichnis zu Tafel 7-15 der 1. (ostpreissischen) Section des Photographischen Albums der Berliner Anthropologischen Ausstellung vom Jahr 1880 [Catalog of the panel 7-15. Section of a photo album of the Berlin Anthropological exhibition of 1880], in: Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. Jg. XLII [Works of fiziko-economic society in Konigsberg. Volume XLII], Königsberg, Verlag Gräfe und Unzer Publ., 1901, pp. 88-95 [in German].

Kulakov 1989 - *Kulakov V.I.* Mogil'niki zapadnoj chasti Mazurskogo Poozer'ja konca V – nachala VIII vv. (po materialam raskopok 1878-1938 gg.) [Burial grounds of the western part of Mazursky Poozerya of the end of V – the beginning of the 8th centuries (on materials of excavation of 1878-1938)], in: Barbaricum-1989 [Barbaricum-1989], Warszawa, Zakład malej poligrafji Publ., 1989 [in Russian].

Kulakov 1998 - *Kulakov V.I.* Majncskij registr fibul iz muzeev Kjonigsberga [The Mayntssky register fibul from the museums of Konigsberg], in: Gistarychna-arhealagichny zbornik [Historical and archaeological collection], № 13, Minsk, Arty-Fjeks Publ., 1998, pp. 40-58 [in Russian].

Kulakov 2003 - *Kulakov V.I.* Istorija Prussii do 1283 g. [History of Prussia till 1283], Moscow, Indrik Publ., 2003, 364 p. [in Russian].

Kulakov 2004 - *Kulakov V.I.* Doll'kajm-Kovrovo. Issledovanija 1879 g. [Dollkaym-Kovrovo. Researches of 1879], Minsk, Institut istorii NAN Belarusi Publ., 2004, 135 p. [in Russian].

Kulakov 2005 - *Kulakov V.* The Amber Lands in the Time of the Roman Empire by Vladimir I. Kulakov, ISBN 1841718017, J29.00, British Archaeological Reports S1356, Oxford, Archeopress Publ., 2005, 168 p. [in English].

Kulakov 2005 - *Kulakov V.I.* Fibuly Baltii s kol'cevoj garnituroj iz arhiva kopij Central'nogo Rimsko-Germanskogo muzeja (Majnc) [Fibula Baltiya with a ring font from archive of copies of the Central Roman-German museum (Mainz)], in: Rossijskaja arheologija [Russian archeology], 2005, № 3, pp. 123-127 [in Russian].

Kulakov 2014 - *Kulakov V.I.* Identifikacija nahodok I-VII vv. iz Muzeja «Prussija», hranjashhihsja v fondah Kaliningradskogo oblastnogo istoriko-hudozhestvennogo muzeja [Identification of finds of the 1-7th centuries from the Museum «Prussia» which are stored in funds of the Kaliningrad regional historical and art museum], in: Problemy vzaimodejstvija naselenija Vostochnoj Evropy v jepohu Velikogo pereselenija narodov [Problems of interaction of the population of Eastern Europe during an era of Great resettlement of the people], Moscow, Institut arheologii Rossijskoj akademii nauk Publ., 2014, pp. 286-306 [in Russian].

Kulakov 2015 - *Kulakov V.I.* Sosudy s nalepami v drevnostjah jestiev na materiale mogil'nika Lauth/B. Isakovo [Vessels from nalepa in antiquities estiyev on Lauth burial ground material/ B. Isakovo], in: Slavia Antiqua. T. LIV [Slavia Antiqua. Volume LIV], Poznań, Wydawnictwo Stowarzyszenia przyjacól nauki Publ., 2015, pp. 117-141 [in Russian].

Mączyńska 2011 - *Mączyńska M.* Der frühvölkerwanderungszeitliche Hortfund aus Lubana, Kreis Kościerzyna (Pommern) [Treasure of an era of great resettlement of the people from Luban, Kostsezhin's region], in: Bericht der Römisch-Germanischen Komission. Bd. 90 [Reports of the romano-German commission. Volume. 90], Frankfurt-am-Main, Verlag Philipp von Zabern GmbH Publ., 2011, pp. 5-148 [in German].

Madyda-Legutko 1986 - *Madyda-Legutko R.* Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum [Buckles of the Roman time and era of great resettlement of the people in the Central barbarous Europe], British Archaeological Reports International Series 360, Oxford, 1986, 233 p. [in German].

Museum für Vor- und Frühgeschichte, Prussia-Archiv [Museum of ancient and early history, Prussia archive] [in German].

Nowakowski 1994 - *Nowakowski W.* Krieger ohne Schwerter - Die Bewaffnung der Aestii in der Römischen Kaiserzeit [Soldiers without swords - Arms estiyev during an era of the Roman Empire], in: Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten [Researches of the Roman and barbarous arms in the first four centuries of our era], Lublin/Marburg, Wydawnictwo Uniwersytetu im. Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, 1994, pp. 379-391 [in German].

Nowakowski 1996 - *Nowakowski W.* Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10 [The Sambiysky peninsula in the Roman time and its communications with the Roman Empire and barbarous the world. Publications of a prehistoric Marburg seminar. Release 10], Marburg; Warszawa, Vorgeschichtliches Seminar Publ., 1996, 169 p. [in German].

Prasolov 2013 - *Prasolov Ja.A.* K voprosu ob ispol'zovanii perevjazej tipa balteus Vidgiriai na territorii sambijsko-natangijskoj kul'tury v IV-V vv. n.je. [To a question of use of slings like balteus Vidgiriai in the territory of sambiysko-natangiysky culture in the 4-5th centuries AD], in: Arheologija Baltijskogo regiona [Archeology of the Baltic region], Moscow; St. Petersburg, Nestor-istorija Publ., 2013, pp. 80-96 [in Russian].

Rzeszotarska-Nowakiewicz 2004 - *Rzeszotarska-Nowakiewicz A.* Möglichkeiten der Ausnutzung von Quellentexten und Archivalien bei der Rekonstruktion des Gräberfeldes in Grunajki [Possibilities of use of primary sources and archival materials in reconstruction of burials of a burial ground Grunajki], in: Auf der suche nach der verlorenen Archäologie [In search of lost in archeology], Warszawa, drukarnia Janusz Bieszczad Publ., 2004, pp. 115-128 [in German].

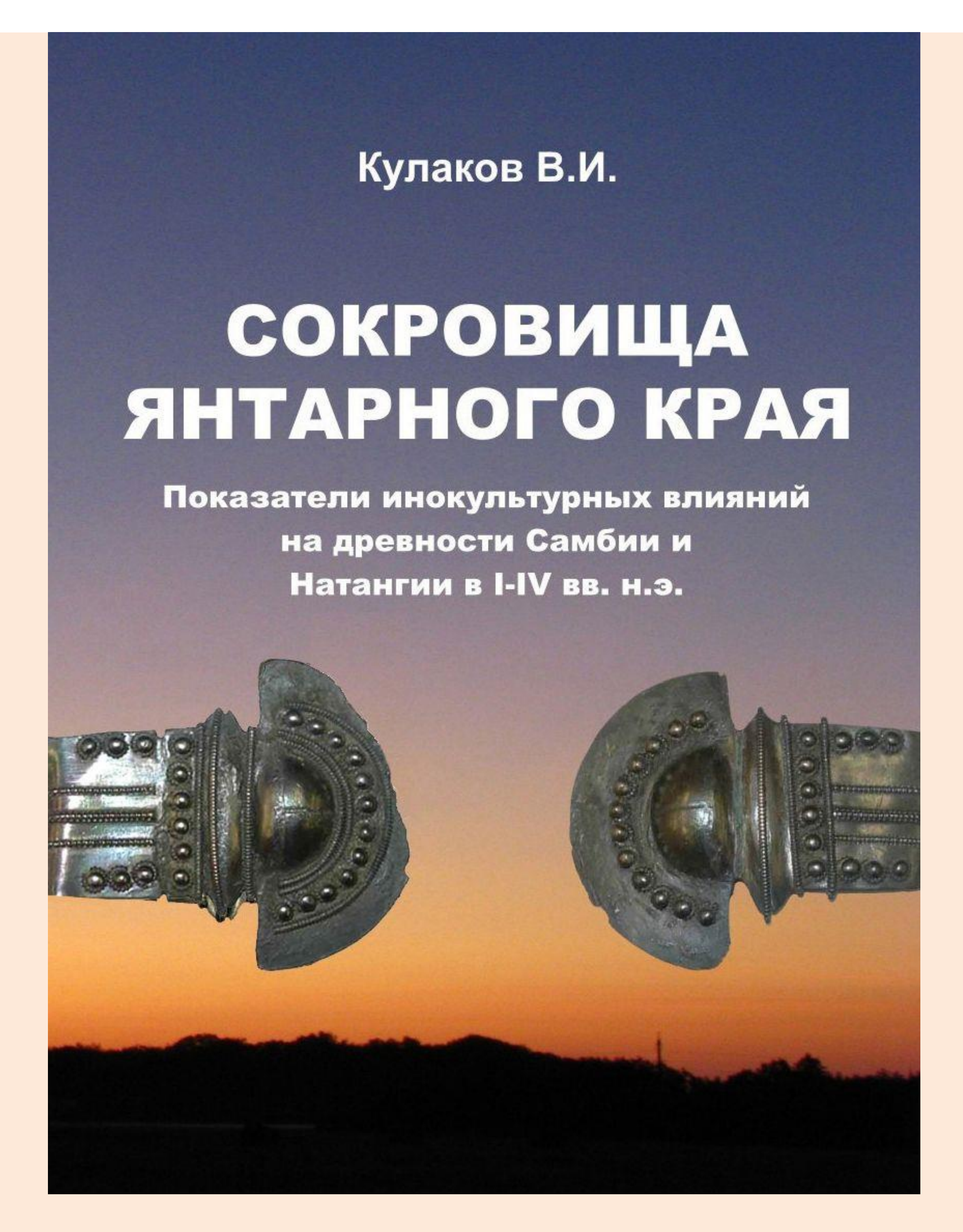
Rzeszotarska-Nowakiewicz 2006 - *Rzeszotarska-Nowakiewicz A.* «Man hätte auf dem Gute Grüneiken Hünengräber entdeckt». Próba rekonstrukcji wyglądu grobów na cmentarzysku w Grunajkach [Attempt to reconstruct appearance of graves on a burial ground in Grunajki], in: Kultura bogaczewska 20 lat później [Bogachevsky culture: 20 years of studying], Warszawa, Państwowe Muzeum archeologiczne Publ., 2006 [in Polish].

Schulze-Dörrlamm 1977 - Schulze-Dörrlamm M. Die spätkaiserzeitliche Armbrustfibeln mit dem festem Nadelhalter (Gruppe Almgren VI. 2) [Fibula of the late Iron Age with the holder the fixed needle (Almgren's group VI. 2)], in: Antiquitas. Reihe 3 [Antiquitas. Release 3], Bonn, Rudolf Habelt Verlag Publ., 1977 [in German].

Stadie 1919 - *Stadie K.* Gräberfeld bei Gruneiken, Kr. Darkehmen [Burial ground in Gruneiken, Kr. Darkehmen], in: Prussia. Bd. 23/2 [Prussia. Volume 23/2], 1919, pp. 408-416 [in German].

Tischler 1879 - *Tischler O.* Ostpreussische Gräberfelder. Bd. III [Burial grounds in East Prussia. Volume III], Königsberg, in Comission bei W. Koch Publ., 1879, 110 p. [in German].

Кулаков Владимир Иванович – Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья
Института археологии РАН (Москва, Россия).
Kulakov Vladimir Ivanovich – Doctor of historical sciences, Leading researcher
of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of
Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: drkulakov@mail.ru

Калининград: Калининградская книга, 2016. Тираж 500 экз.

В этой книге впервые на русском языке рассматривается проблема определения и изучения разнообразных импортных предметов, полученных эстиями, предками пруссов, в I-IV вв. н.э. от римлян и от жителей варварской Европы. Изучение импортов позволяет по-новому представить развитие древностей Янтарного края, выявить те водные (по рекам и по морю) и сухопутные пути, по которым товары из самых разных уголков Европы стекались на Самбию.

Издано по решению Ученого совета Института археологии РАН от 28 декабря 2015 г. Научный редактор: д.и.н. А.М. Обломский.

УДК 575.174.2

К ИСТОРИИ МИТОХОНДРИАЛЬНЫХ ГАПЛОГРУПП: СУБКЛАД H2 ГАПЛОГРУППЫ H

А.С. Семенов
Московский физико-технический институт
Россия, 141700, Московская область,
г. Долгопрудный, Институтский переулок, д. 9
e-mail: semyonov1980@mail.ru

Авторское резюме

В настоящей статье предпринята попытка обобщить данные палеоостанков и реконструировать историю неолитических миграций носителей митохондриальной гаплогруппы H2. История данной группы оказывается тесно связанной с неолитом Русской равнины, а также древние находки этой гаплогруппы коррелируют с находками древних субкладов R1a1. Все вместе позволяет сделать предположение о возможном наличии древних субкладов Y-гаплогруппы R1a1 и в Центральной Европе, а именно в культуре воронковидных кубков.

Ключевые слова: митохондриальная гаплогруппа H2, Y-гаплогруппа R1a1, палео-днк, культура воронковидных кубков.

ON THE HISTORY OF MITOCHONDRIAL HAPLOGROUPS: H2 SUBCLADE OF THE HAPLOGROUP H

Alexander Semenov
Moscow Institute of Physics and Technology
9 Institutskiy Lane, Dolgoprudny, 141700, Moscow Region, Russia
e-mail: semyonov1980@mail.ru

Abstract

The paper attempts to summarize the data from mitochondrial DNA analyzes of paleo-remnants and recreate the path of Neolithic migrations of bearers of the subclade H2, the history of which turned out to be closely related to the Neolithic cultures of the Russian Plain. Additionally, occurrence of the haplogroup H2 in paleo-remnants correlates with findings of the Y-DNA haplogroup R1a1. It has been hypothesized that the ancient subclades of the Y-haplogroup R1a1 are likely to be found in the central Europe, in particular, in the Funnelbeaker culture.

Keywords: mitochondrial haplogroup H2, Y-haplogroup R1a1, paleo-DNA, Funnelbeaker culture.

* * *

В настоящее время ДНК-генеалогия в части изучения гаплогрупп Y-хромосомы является хорошо разработанной методологией, поскольку Y-хромосома является весьма информативной частью генома человека. ДНК-генеалогия в контексте анализа митохондриальных ДНК проработана меньше, поскольку

митохондриальная ДНК содержит значительно меньше информации и менее стабильна. Тем не менее, и данные митохондриальной ДНК-генеалогии позволяют делать содержательные выводы об истории далеких предков того или иного рода. В настоящей статье сделана попытка обобщить древние находки и воссоздать фрагмент истории рода, представленного субкладом H2 гаплогруппы H (клан «Елена» - как в терминах книги Б. Сайкса «7 дочерей Евы», так и в рамках русифицированных имен, принятых Академией ДНК-генеалогии) митохондриальной ДНК. При этом, интересным наблюдением является корреляция древних находок останков носителей H2 и древних находок останков с Y-ДНК гаплогруппой R1a1. Если данная корреляция подтвердится на новых результатах анализа палео-ДНК, то находки H2 станут четким маркером возможных местонахождений неолитических находок R1a1 к Западу от Русской равнины, хотя сейчас приведенное рассуждение имеет лишь вероятностный характер.

Для начала необходимо сделать важное уточнение и наблюдение. Одно из захоронений Южного Оленьего Острова (Sarkissian 2013), а именно UzOO 77 (5500 лет до н.э.) диагностировано в первоисточнике, как имеющее мито-гаплогруппу H («Елена»). При этом первый участок гипервариабельной последоватеьности HVR1 в привязке к референсной кембриджской последовательности rCRS имеет значения 16235G, 16311C, 16362C.

Анализ существующей базы данных позволит уточнить и конкретизировать субклад. В базе данных FTNDA (проект H & HV) а августе 2016 года был проведен поиск людей, имеющих довольно редкую для H мутацию 16235G. Как показывают результаты анализа базы данных, 73 человека имеют мутацию 16235G. Из них 35 человек (48%) принадлежат к субкладу H2a, а остальные распределены по малым, достаточно малочисленным редким субкладам, или же (в основном) к неклассифицированному H. Гипотезу о принадлежности UzOO 77 к H2a усиливает тот факт, что анализ известных на сегодня палео-ДНК показывает, что такое положение дел вписывается в карту распределения этого субклада. На уровне мезолита-неолита находки H2 не заходят западнее центральной Европы (да и то – западные находки довольно поздние). Так, H2 обнаружен в Кум-Тепе (точнее субклад H2a3 - Анатолия, 4700 год до н.э.: Omrak 2016), Арени (Армения, 4330-3060 лет до н.э.: Lazaridis 2016), Смядово и Виноградное (Причерноморье, 4500-3000 лет до н.э.: Populationsgenetik 2014), культура воронковидных кубков (Calden, Германия, 3400-3000 лет до н.э.: Lee 2012). Субклад H2a1 обнаружен у представителя хвалынской культуры (Нижняя Волга, 4700 год до н.э.: Mathieson 2015). Известна также находка H2 и в культуре Ремеделло (Италия), которая связана с более восточной Вучедольской (3500-3000 до н.э.: Allentoft 2015), в жижицкой культуре междуречья Ловати и Западной Двины (2500 год до н.э.: Chekunova 2014).

Таблица 1. Древнейшие находки субклада H2 митогаплогруппы H

Место	Дата	Субклад	Источник
Кум-Тепе, Анатолия	4700 до н.э.	H2a3	[2]
Арени, Армения	4330-3060 до н.э.	H2	[3]
Смядово и Виноградное, Причерноморье	4500-3000 до н.э.	H2	[4]
Германия, **культура воронковидных кубков** (Calden)	3400-3000 до н.э.	H2	[5]
Нижняя Волга, хвалынская	4700 до н.э.	H2a1	[6]
Италия, Ремеделло	3500-3000 до н.э.	H2	[7]
Междуречье Ловати и Западной Двины, прото фатьяновская (жижицкая) культура	2500 год до н.э.	H2	[8]

Выявленные находки H2 укладываются в определенную систему и коррелируют с современными пиками распространения H2 – Финляндия, Причерноморье, Кавказ, и даже имеется небольшое сгущение в Северной Италии. То есть с определенной долей вероятности можно предположить, что сходные пики были и в неолите, при этом Олений Остров также практически попадает в Балтийскую зону сгущения H2a.

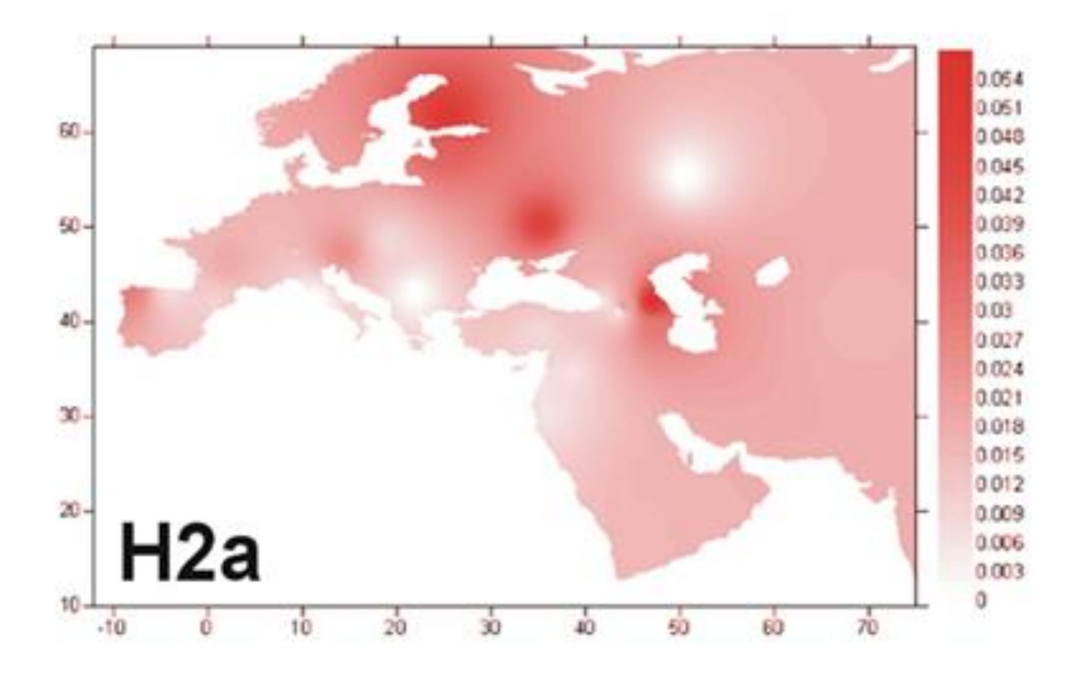

Рис. 1. Географическая карта частоты распространения гаплогруппы H2a (Álvarez-Iglesias 2009)

Накопленный на сегодняшний день набор данных говорит о южном происхождении всей гаплогруппы H. Женская гаплогруппа H («Елена») предположительно возникла в Западной Азии около 30 тысяч лет назад, прибыла в

Европу около 20-25 тысяч лет назад и распространилась на юго-запад континента вплоть до франко-кантабрийского региона. Но можно говорить о сохранении присутствия H на Ближнем Востоке и Кавказе в мезолите-неолите (Kotias (Грузия) – H13c, Tell Halula (Сирия) – H, Halaf (Турция) – предположительно H3a). То есть первоначальной областью распространения H могла стать широкая полоса от Кавказа и до Франко-Кантабрии. Учитывая палеогеографию и нынешнюю географию H2a можно с определенной степенью предполагать ее маршрут в Европу через Кавказ и/или Причерноморье.

Также заслуживает внимание следующий факт. В трех случаях (Олений Остров, хвалынская культура, прото-фатьяновская (жижицкая) культура) обнаруживаются палео-останки носителей H2 вместе с останками носителей Y-гаплогруппы R1a1*. В работе (Semenov, Bulat 2016) показано, что на определенных этапах распространение R1a1 могло коррелировать с распространением гребенчатой керамики на Русскую равнину (причем, приведены ссылки на (Гаскевич 2010), позиционирующие гребенчатую керамику как производную кардиальной). Согласно (Zvelebil 2008), начальное распространение той кардиальной керамики, которая породила гребенчатую керамику Русской равнины, могло быть привязано к региону Причерноморья и примерно ко времени уже после затопления ряда территорий и образования пролива Босфор. В Причерноморье мито-гаплогруппа H2 уже обнаружена в палеоостанках (Смядово и Виноградное). Выводы делать еще преждевременно, но не исключено, что миграция H2 может коррелировать с миграцией R1a1 непосредственно перед приходом ее носителей на Русскую равнину и Центральную Европу.

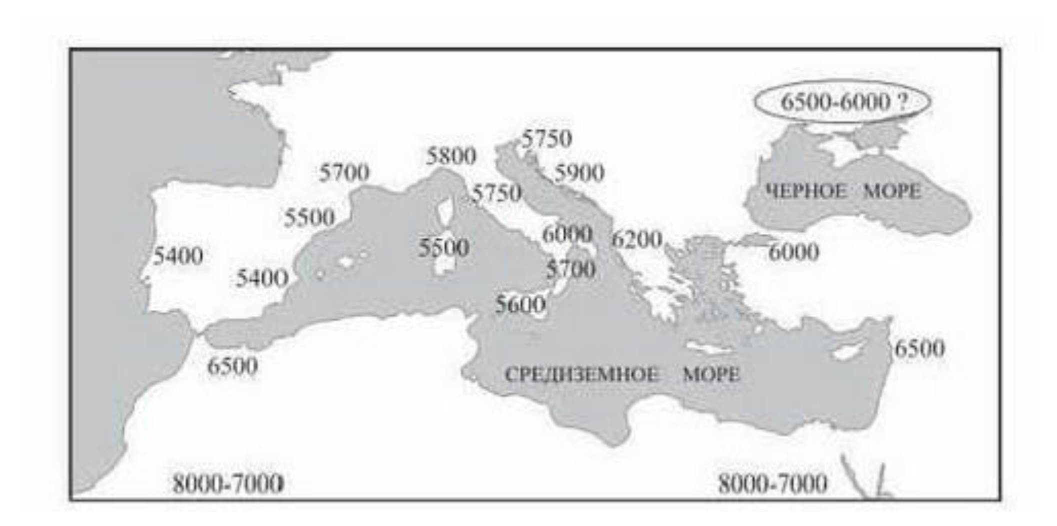

Рис. 2. Приблизительное время появления керамики импрессо в Большом Средиземноморье (Гаскевич 2010)

Вероятнее всего, субклад H2 принесен в Европу мигрирующими из охваченной засухой Малой Азии одной из групп первых земледельцев и скотоводов через Балканы и/или Причерноморье, и мы здесь имеем дело с генетическим маркером т.н. «неолитической революции» на Европейском континенте. Казалось

бы, следовало отметить главный маршрут этой миграции: Малая Азия – Балканы и далее по Дунаю, где в VI-V тысячелетиях до н.э. распространяется культура линейно-ленточной керамики, но обнаружение субклада H2a1 в хвалынской культуре на Востоке Русской равнины позволяет предположить, что в неолите вся равнина могла быть охвачена миграцией H2. В эту же зону могли попасть и Южный Олений Остров, где был выявлена Y-гаплогруппа J* и происходило интенсивное взаимодействие южных, уже неолитизирующихся либо привнесших неолитическую культуру групп с северными, все еще мезолитическими культурами, а также Сертея (место обнаружения жижицкой культуры), известная своими связями с культурами линейно-ленточной керамики.

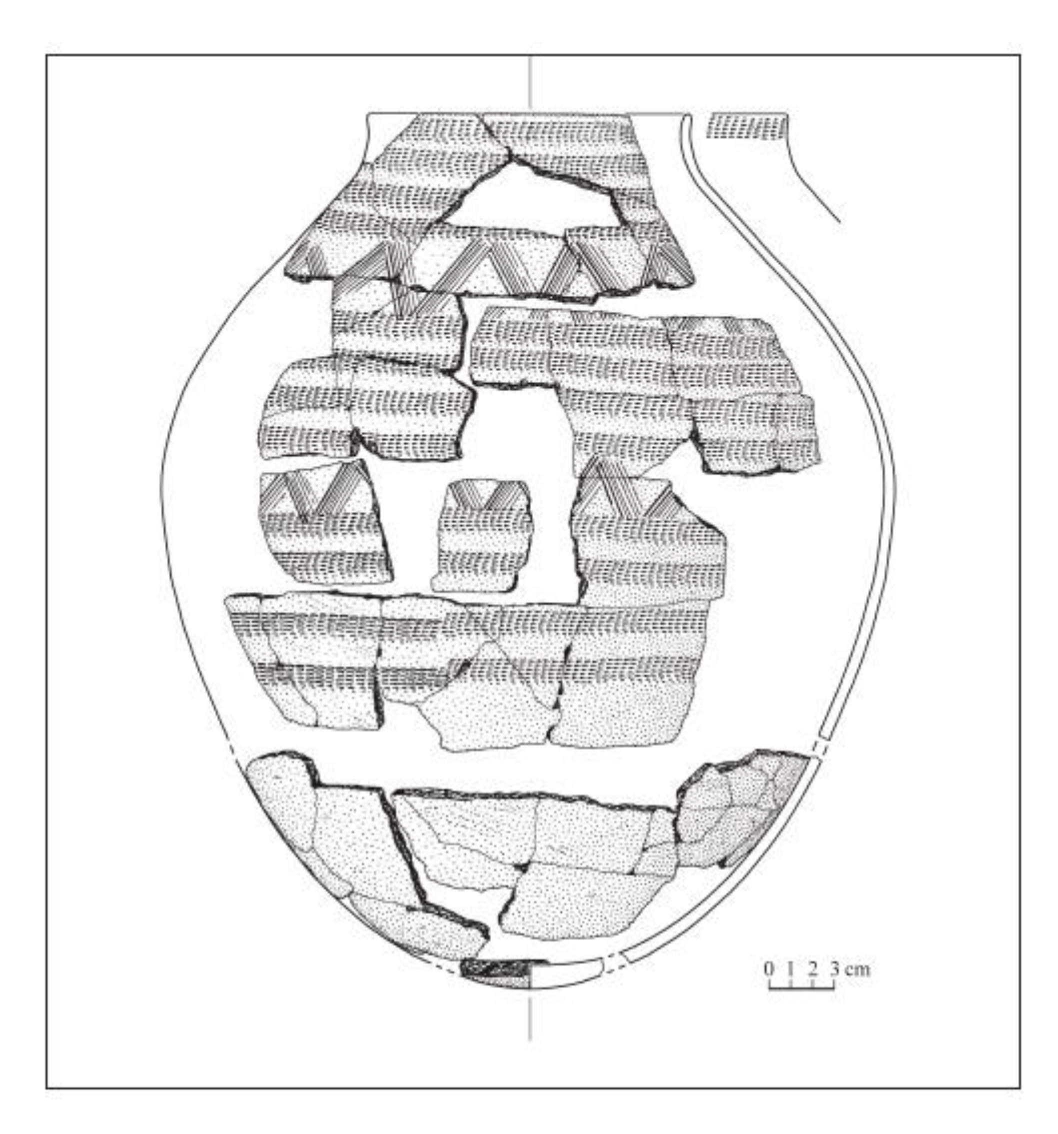

Рис. 3. Реконструкция сосуда причерноморской керамики, возможного прототипа гребенчатой (Гаскевич 2010)

Впрочем, если выяснится, что Южный Олений Остров все-таки не относится к неолитической волне, то более раннее проникновение носитеей H2 с берегов Черного моря остается вероятным. В (Zvelebil 2008) показано, что основной поток заселения Прионежья в голоцене шел именно с берегов Черного моря.

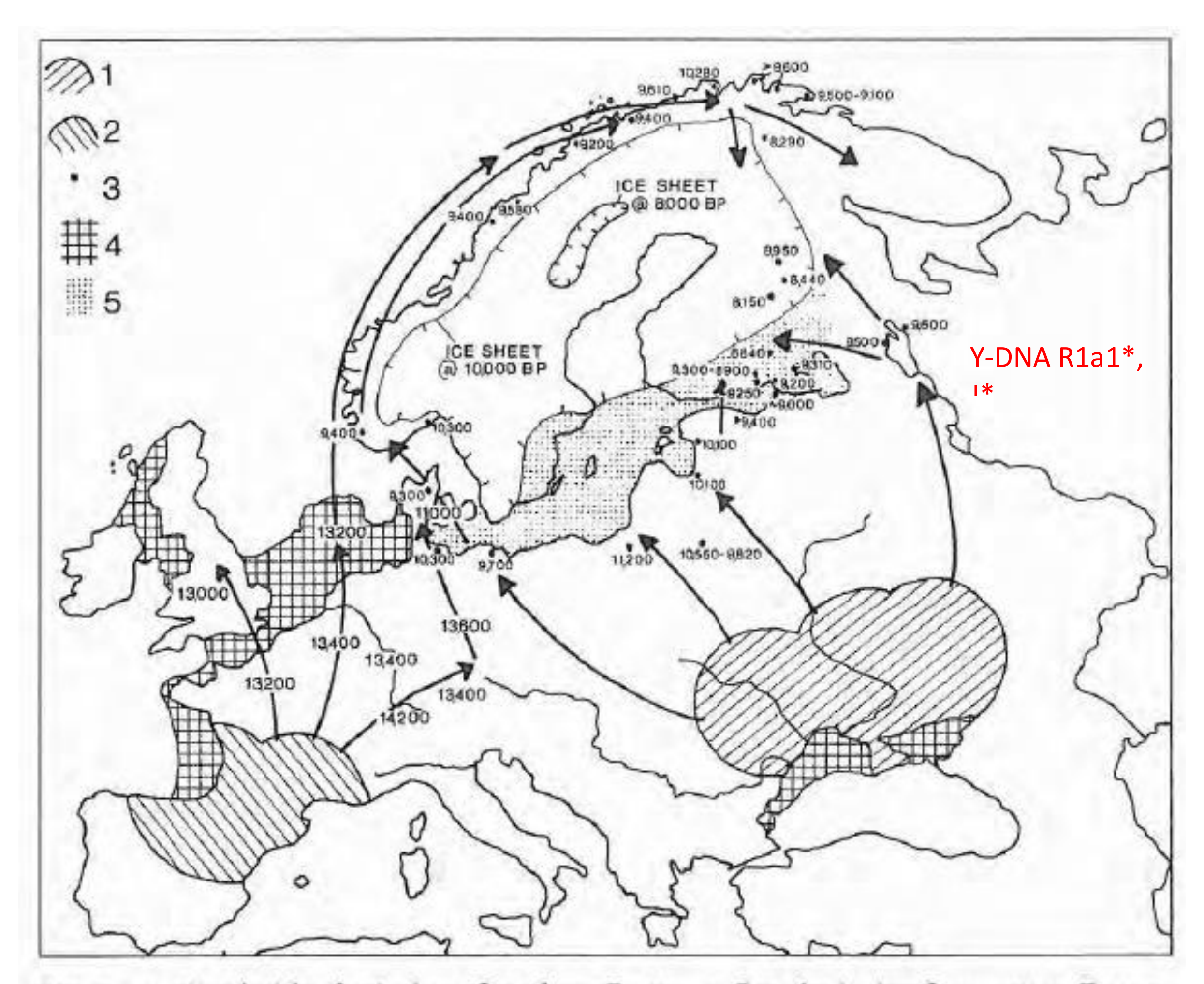

Figure 2.3. Postglacial colonisation of northern Europe. 1. Recolonisation from eastern Europe. 2. Recolonisation from southwest Europe. 3. First regional settlement. 4. Late Glacial coastlines. 5. Yoldia Sea.

Рис. 4. Миграции в Прибалтику в постледниковую эпоху (Zvelebil 2008), с гипотезой автора статьи о распространении ДНК

Выявленное наличие на Южном Оленьем Острове палео-ДНК с Y-гаплогруппой J*, а также повышенная концентрация Y-гаплогрупп J2b в Волжском регионе и у саамов позволяют говорить о возможных миграциях, которые могли связать Кавказ и Балканы, с одной стороны, и Прибалтику и Карелию, с другой, вероятно, через Причерноморский регион. В статье [10] приводятся и другие улики южных связей Оленьего острова - якобы случайное сходство одной из антропологических характеристик оленеостровца с таковыми у носителей культуры Чатал Гуюк (тот же малоазиатский регион, что и Кум-Тепе), возможное знание оленеостровцами керамической технологии (что сразу позволяет отнести этот могильник к неолитической «гребенчатой» культуре сперрингс). Косвенные улики на южное происхождение части населения Южного Оленьего Острова – отсутствие гаплогруппы H в западно-сибирской неолитической усть-тартасской культуре при множественности выборки типированных останков (Трапезов 2014), и усредненный

антропологический тип которой во многом близок оленеостровскому (северно-евразийский).

Не исключено, что память о приходе части предков из Малой Азии или Причерноморского региона сохранилась в легендах Восточной Европы. Согласно «Лекции о литовском народе» (из лекций в College de France) великого польского поэта Адама Мицкевича: «*Прежде всего, что странно, они верят, что они нездешни, не родились на этой земле, на которой живут, что в Литве они чужие и произошли из какой-то неведомой земли, простирающейся где-то на востоке. Предание говорит, что после потопа, когда несколько человек чудом спаслось, старейшие из них обжились в Литве. Чудо, от которого началось это племя, такое же, как чудо Девкалиона и Пирры: прыгая через кости праматери, то есть через скалы, они породили новое племя, взявшее себе название литовцев*» (Мицкевич 1843). Литовцы и другие балтийские племена – прямые потомки племен культуры шнуровой керамики – носителей Y-гаплогруппы R1a1, и поэтому в основе этой легенды вполне может быть сценарий, описанный Д.Л. Гаскевичем, а именно распространение гребенчатой керамики (и носителей R1a1) из балкано-причерноморского региона в условиях повышения уровня воды. «*По оценкам разных исследователей, современный уровень Мирового океана в сравнении с его уровнем 8,5 тысяч лет назад выше на 10—12 м. Это значит, что в середине — второй половине 7 тыс. cal BC северный берег Черного моря проходил на много километров южнее современной береговой линии, а на месте Азовского моря, наибольшая глубина которого достигает 15 м, находился небольшой лиман в устье Дона. Следовательно, береговые поселения первых неолитических мореплавателей, которые попали из Средиземного моря в Черное, теперь находятся под водой*» (Гаскевич 2010). Эта миграция вполне может объяснить и распространение на северо-запад и носителей H2.

Развитие данной идеи может дать намеки и на более западные местонахождения неолитических R1a1. Недавно изученный неолит польского региона Куявия (точнее Бжецко-Куявская группа культуры Лендьел (V тысячелетие до н.э.), которая является одной из предшественниц поздненеолитической культуры **воронковидных кубков**) выявил гаплотипы H которые по HVR1 совпадают с таковыми для жижицкой культуры и с самой rCRS. В Бжецко-Куявской группе культуры Лендьел обнаружена мужская гаплогруппа H, которая с большой долей вероятности является H2 (Lorkiewicz et al. 2015) (гипервариабельная область совпадает с таковой для rCRS, что является вероятным маркером именно H2). Это позволяет связать H2 на Оленьем Острове и более позднюю – культуру ворокновидных кубков, где H2 также обнаружена Таким образом, мы имеем гипотетически сплошной регион распространения H2 Олений Остров – Сертея – Куявия – ареал воронковидных кубков. В перспективе Куявия стала одним из центров культуры шнуровой керамики для которой присутствие R1a1 несомненно. Отмечая выявленное одновременное присутствие Y-гаплогруппы R1a1 и мито-гаплогруппы H2, можно предположить, что архаические субклады R1a1 могли быть распространены и до ареала **культуры воронковидных кубков**, и если следовать центральновропейской версии (Клесов 2015) прихода носителей R1a1 на Русскую равнину, то появиться там и ранее.

Подведем итоги. Учитывая появление этого субклада на севере и востоке Европы уже в неолите, в широкой полосе от Южного Оленьего Острова, в Причерноморье и до Турции и Армении, и учитывая сохранение южного очага H, можно ставить вопрос о миграции с юга. В качестве логичной гипотезы о появлении этой гаплогруппы можно считать версию о проникновении в Северную и Восточную Европу морским путем со Средиземноморского бассейна носителей культуры кардиальной керамики. Эта версия позволяет связать появление носителей H2 с миграциями (либо иными культурно-археологическими связями) комплекса кардиальной керамики, чьи представители могли передвигаться вдоль побережья на лодках. С причерноморскими носителями кардиальной керамики могли быть связаны носители гребенчатой керамики, след которых просматривается и в процессе сложения прото-фатьяновской культуры (Сертея, Жижица) и хвалынской культуры (через самарскую) и, очень возможно, карельской культуры сперрингс (куда можно отнести и Южный Олений Остров, хотя распространена пока и точка зрения о докерамическом характере этого могильника). На Южном Оленьем Острове и в хвалынской культуре выявлены архаические варианты R1a1, то есть на этапе неолита носители архаичных субкладов R1a и H2 проживали на одной территории. Обнаружение H2 в Германии и вероятно в Куявии делает правдоподобной гипотезу и о наличие в ареале культуры воронковидных кубков архаичных R1a1.

ЛИТЕРАТУРА

Гаскевич 2010 - *Гаскевич Д.Л.* Северо-понтийское импрессо: происхождение неолитической керамики с гребенчатым орнаментом на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2010. № 2.

Клёсов 2015 - *Клёсов А.А.* Славяне, кавказцы, евреи с точки зрения ДНК-генеалогии. М.: Книжный мир, 2015.

Мицкевич 1843 - Мицкевич А. Лекция о литовском народе (из лекций в College de France), 1843.

Трапезов 2014 - *Трапезов Р.О.* Генетическая структура популяций человека юга Сибири в эпоху неолита и ранней бронзы: VI – начало III тыс. до н.э. Диссертация на соискание учёной степени кандидата биологических наук: 03.02.07. Новосибирск, 2014.

Allentoft 2015 - *Allentoft M. et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. № 522. DOI:10.1038/nature14507.

Álvarez-Iglesias 2009 - *Álvarez-Iglesias V et al.* New Population and Phylogenetic Features of the Internal Variation within Mitochondrial DNA Macro-Haplogroup R0 // PLoS ONE. 2009. № 4(4). DOI:10.1371/journal.pone.0005112.

Omrak 2016 - *Ayça Omrak.* Genomic Evidence Establishes Anatolia as the Source of the European Neolithic Gene Pool // Current Biology. 2016. Vol. 26. Iss. 2. DOI:10.1016/j.cub.2015.12.019.

Chekunova 2014 - *Chekunova E.M. et al.* The first results of genetic typing of local population and ancient humans in Upper Dvina region, in A. Mazurkevich, M. Polkovnikova and E. Dolbunova (eds.) // *Archaeology of lake settlement IV-II mill. BC,* 2014.

Mathieson 2015 - *Iain Mathieson et al.* Eight thousand years of natural selection in Europe. 2015. Preprint. DOI:10.1101/016477.

Lazaridis 2016 - *Iosif Lazaridis et al.* The genetic structure of the world's first farmers. 2016. Preprint. DOI:10.1101/059311.

Lee 2012 - *Lee E. et al.* Collective burials among agro-pastoral societies in later Neolithic Germany: Perspectives from ancient DNA // *Journal of Archaeological Science*. 2012.

Lorkiewicz et al. 2015 - *Lorkiewicz W., Płoszaj T., Jędrychowska-Dańska K., Żądzińska E., Strapagiel D., Haduch E., et al.* Between the Baltic and Danubian Worlds: The Genetic Affinities of a Middle Neolithic Population from Central Poland // PLoS ONE. 2015. № 10(2): e0118316. DOI:10.1371/journal.pone.0118316.

Populationsgenetik 2014 - Populationsgenetik kupfer- und bronzezeitlicher Bevölkerungen der osteuropäischen Steppe. Dissertation zur Erlangung des Grades «Doktor der Naturwissenschaften». Am Fachbereich Biologie der Johannes Gutenberg-Universität Mainz. Sandra Wilde geb. in Bad Kreuznach. Mainz, 2014.

Sarkissian 2013 - *Sarkissian et al.* Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow From Siberia in the Complex Human Population History of North East Europe // PLoS Gen. 2013. DOI:10.1371/journal.pgen.1003296.

Semenov, Bulat 2016 - *Semenov A.S., Bulat V.V.* Ancient Paleo-DNA of Pre-Copper Age North-Eastern Europe: Establishing the Migration Traces of R1a1 Y-DNA Haplogroup // European Journal of Molecular Biotechnology. 2016. Vol. (11). Issue 1.

Zvelebil 2008 - *Zvelebil M.* Innovating Hunter-Gatherers: The Mesolithic in the Baltic. In Bailey, G. and P. Spikins (eds.), Mesolithic Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

REFERENCES

Allentoft 2015 - *Allentoft M. et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia, in: Nature, 2015, № 522, DOI:10.1038/nature14507 [in English].

Álvarez-Iglesias 2009 - *Álvarez-Iglesias V et al.* New Population and Phylogenetic Features of the Internal Variation within Mitochondrial DNA Macro-Haplogroup R0, in: PLoS ONE, 2009, № 4(4), DOI:10.1371/journal.pone.0005112 [in English].

Chekunova 2014 - *Chekunova E.M. et al.* The first results of genetic typing of local population and ancient humans in Upper Dvina region, in A. Mazurkevich, M. Polkovnikova and E. Dolbunova (eds.), in: *Archaeology of lake settlement IV-II mill. BC,* 2014 [in English].

Gaskevich 2010 - *Gaskevich D.L.* Severo-pontijskoe impresso: proishozhdenie neoliticheskoj keramiki s grebenchatym ornamentom na juge Vostochnoj Evropy [North Pontic impresso: an origin of neolytic ceramics with an edge ornament in the south of Eastern Europe], in: Stratum plus [Stratum plus], 2010, № 2 [in Russian].

Kljosov 2015 - *Kljosov A.A.* Slavjane, kavkazcy, evrei s tochki zrenija DNK-genealogii [Slavs, Caucasians, Jews from the point of view of DNA genealogy], Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2015 [in Russian].

Lazaridis 2016 - *Iosif Lazaridis et al.* The genetic structure of the world's first farmers, 2016, Preprint, DOI:10.1101/059311 [in English].

Lee 2012 - *Lee E. et al.* Collective burials among agro-pastoral societies in later Neolithic Germany: Perspectives from ancient DNA, in: *Journal of Archaeological Science*, 2012 [in English].

Lorkiewicz et al. 2015 - *Lorkiewicz W., Płoszaj T., Jędrychowska-Dańska K., Żądzińska E., Strapagiel D., Haduch E., et al.* Between the Baltic and Danubian Worlds: The Genetic Affinities of a Middle Neolithic Population from Central Poland, in: PLoS ONE, 2015, № 10(2): e0118316, DOI:10.1371/journal.pone.0118316 [in English].

Mathieson 2015 - *Iain Mathieson et al.* Eight thousand years of natural selection in Europe, 2015, Preprint. DOI:10.1101/016477 [in English].

Mickevich 1843 - *Mickevich A.* Lekcija o litovskom narode (iz lekcij v College de France) [Lecture about the Lithuanian people (from lectures in College de France)], 1843 [in Russian].

Omrak 2016 - *Ayça Omrak.* Genomic Evidence Establishes Anatolia as the Source of the European Neolithic Gene Pool, in: Current Biology, 2016, Vol. 26, Iss. 2, DOI:10.1016/j.cub.2015.12.019 [in English].

Populationsgenetik 2014 - Populationsgenetik kupfer- und bronzezeitlicher Bevölkerungen der osteuropäischen Steppe. Dissertation zur Erlangung des Grades «Doktor der Naturwissenschaften» [Genetics of copper and bronze centuries of the population of the East European steppe. The thesis for degree of the doctor of natural sciences], Am Fachbereich Biologie der Johannes Gutenberg-Universität Mainz, Sandra Wilde geb. in Bad Kreuznach, Mainz, 2014 [in German].

Sarkissian 2013 - *Sarkissian et al.* Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow From Siberia in the Complex Human Population History of North East Europe, in: PLoS Gen, 2013, DOI:10.1371/journal.pgen.1003296 [in English].

Semenov, Bulat 2016 - *Semenov A.S., Bulat V.V.* Ancient Paleo-DNA of Pre-Copper Age North-Eastern Europe: Establishing the Migration Traces of R1a1 Y-DNA Haplogroup, in: European Journal of Molecular Biotechnology, 2016, Vol. (11), Issue 1 [in English].

Trapezov 2014 - *Trapezov R.O.* Geneticheskaja struktura populjacij cheloveka juga Sibiri v jepohu neolita i rannej bronzy: VI – nachalo III tys. do n.je. Dissertacija na soiskanie uchjonoj stepeni kandidata biologicheskih nauk: 03.02.07 [Genetic structure of human populations of the South of Siberia in the Neolithic era and early bronze: VI – the beginning III thousand BC. The thesis for degree of Candidate of Biology: 03.02.07], Novosibirsk, 2014 [in Russian].

Zvelebil 2008 - *Zvelebil M.* Innovating Hunter-Gatherers: The Mesolithic in the Baltic. In Bailey, G. and P. Spikins (eds.), Mesolithic Europe, Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2008 [in English].

Семенов Александр Сергеевич – Эксперт Московского физико-технического института,
БФК «Северный», кафедра инновационной фармацевтики и биотехнологии.
Semenov Alexander Sergeyevich – the expert of the Moscow Institute of Physics and Technology,
BioPharmCluster «Northern», Department of Innovative Pharmaceuticals and Biotechnology (IPB).
E-mail: semyonov1980@mail.ru

УДК 94(36)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РОЛИ НОСИТЕЛЕЙ ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ТЕРРИТОРИИ РЯЗАНСКОГО ПООЧЬЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Д.С. Логинов

Рязанский государственный медицинский университет
имени академика И.П. Павлова
Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9
e-mail: dimok_star@mail.ru
SPIN-код: 4499-8831

Авторское резюме

Происхождение и история фатьяновской культуры входят в число наиболее интригующих и актуальных проблем истории Русской равнины и, в частности, Рязанского Поочья эпохи бронзы. Судя по всему, истоки культур шнуровой керамики находятся на территории Северного Причерноморья, но проникновение фатьяновцев в рассматриваемый регион происходило с запада. Вероятно, фатьяновцы оставили след в гидронимии Рязанского Поочья. Сближение соответствующей лексики с языками балтов, однако, представляется излишне прямолинейным. На большей части территории Поочья фатьяновцы в конце концов не выдержали конкуренции с иноэтничными племенами. Нельзя исключать, что они имели здесь генетических потомков, но как этнос, прямых наследников не оставили.

Ключевые слова: этническая история, Рязанское Поочье, индоевропейцы, культуры боевых топоров и шнуровой керамики, фатьяновская культура.

TO THE ISSUE OF THE ORIGINS AND ROLE OF BEARERS OF THE FATYANOVO CULTURE IN THE ENTHNOGENETICAL PROCESSES IN THE RYAZAN'S AREA OF THE OKA RIVER BASIN IN THE BRONZE AGE

Dmitriy Loginov

Ryazan State Medical University
9 The Vysokovoltnaya Street, Ryazan, 390026, Russia
e-mail: dimok_star@mail.ru

Abstract

The origins and history of the Fatyanovo culture are among the most intriguing questions of the history of the Russian Plain and the Ryazan's area of the Oka River basin, in particular. The Corded Ware culture may have began on the northern coast of the Black Sea, but infiltration of the Fatyanovo culture into the latter region was taking place from the west. Likely, the Fatyanovo culture had left traces in the hydronymy of the Ryazan's part of the Oka River, though its lexis did not converge noticeably with the

Balts' languages. In the Oka River basin the Fatyanovo people eventually could not compete with the tribes from other cultures. They may have had genetic descendants there, but as an ethnic group the Fatyanovo people had not left any immediate successors.

Key words: ethnical history, Ryazan's lands of the Oka River coast, Indo-Europeans, Battle-axe and Corded Ware culture, Fatyanovo culture.

* * *

Происхождение, контакты, исчезновение и влияние на последующие этногенетические процессы Русской равнины фатьяновцев относятся к числу наиболее дискутируемых вопросов отечественной археологии последних десятилетий прошлого и начала нынешнего века. Среди исследователей в целом не вызывает сомнений принадлежность фатьяновцев (а также балановцев, чаще всего рассматриваемых как локальный вариант первых) к культурно-исторической общности боевых топоров или шнуровой керамики. Однако вопросы об истоках и наследниках шнуровых культур в целом и фатьяновской в частности в большинстве своём до сих пор не имеют общепринятых в науке решений. В настоящей статье будут рассмотрены вопросы, преимущественно связанные с ролью фатьяновцев в сложных процессах этногенеза, происходивших на территории современного Рязанского Поочья в эпоху бронзы. Прежде всего, затронуты проблемы их истоков, направления миграций, соотнесения с известными этническими реалиями и участия в сложении позднейшего населения региона.

Начало широкого распространения шнуровиков на пространствах Центральной и Восточной Европы (от Волги на востоке до берегов Рейна на западе, от Южной Скандинавии на севере до Швейцарии, Чехословакии, Поднестровья и Среднего Поднепровья на юге) относят к концу IV тыс. до н.э. Ранние памятники приписываемых им культур обнаруживают значительное сходство в формах и орнаментации глиняной посуды, типах каменных орудий, в погребальных обрядах. На огромных пространствах, занимаемых в бронзовом веке шнуровиками, в результате включения в их состав различного местного субстрата возникло более двадцати родственных культур и культурных групп с локальными особенностями (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 35).

В настоящее время создателей шнуровой керамики характеризуют как оседлых скотоводов и земледельцев. На соответствующих поселениях найдены кости домашних животных и остатки злаков или отпечатки их на глиняной посуде, а также орудия для обработки земли и уборки урожая, свидетельствующие о наличии у них развитого скотоводства и земледелия. В состав домашнего стада входили крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади. Выращивались пшеница, ячмень, овёс, чечевица и другие злаки. Жили «шнуровики», как правило, на сравнительно небольших поселениях в наземных или немного углублённых прямоугольных жилищах столбовой конструкции. Предполагается и существование у них наземных срубных жилищ (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 35).

Для племён шнуровой керамики характерны курганные и грунтовые захоронения в скорченном положении, глиняные сосуды эсовидной формы и шаровидные амфоры с короткой шейкой и двумя ручками-ушками в наиболее

широкой части тулова, орнаментированные отпечатками шнура и нарезными линиями, а также боевые каменные сверленые топоры.

Отмечается неоднородный антропологический состав населения культур шнуровой керамики. Выделены средиземноморский антропологический тип (является преобладающим), палеоевропеоидный (кроманьоидный), лапоноидный, арменоидный и нордический. Это рассматривается как свидетельство сложного процесса формирования племён шнуровых культур.

Большинство исследователей считают, что культуры племён шнуровой керамики не имеют ничего общего с поздненеолитическими культурами Волго-Окского бассейна, Верхнего Поднепровья, Восточной Прибалтики, Южной Скандинавии и Средней Европы. Их носители являлись пришельцами, расселявшимися среди местного населения (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 35). Вместе с тем отмечается, что сходство предметов, происходящих из разных мест обитания шнуровиков несомненно указывает на наличие у всех них общих предков (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 35; см., также: Третьяков 1960: 70).

Единой точки зрения о месте обитания предков племён шнуровой керамики нет. Наибольшей популярностью пользуются следующие теории: 1) юго-восточные области Европы, примыкающие к северному побережью Чёрного моря (Г. Розенберг, П. Глоб, К. Струве, М. Гимбутас, А.Я. Брюсов, В.Н. Даниленко и др.); 2) лесостепная зона Правобережной Украины (И.И. Артеменко, И.К. Свешников, П.Н. Третьяков, С.С. Березанская, Н.Н. Бондарь и др.); 3) область между Днепром и Вислой (Д.А. Крайнов, Р.Я. Денисова и др.); 4) между Вислой и Рейном (У. Фишер, А. Хойслер, К. Яжджевский и др.) (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 35). Пожалуй, самой влиятельным в настоящее время следует признать «северопричерноморский» вариант. Среди конкретных предшественников шнуровиков чаще всего называют катакомбную, ямную культуры, иногда – культуру воронковидных кубков.

Следует признать, что указанная выше гипотеза действительно представляется наиболее соответствующей совокупности имеющихся данных. Воронковидные кубки, если и являются свидетельством раннего проникновения индоевропейцев в среднеевропейские области (с чем не согласны многочисленные исследователи, считающие культуры воронковидных кубков генеалогическим продолжением местных неолитических традиций), не объясняют основные особенности дальнейших шнуровых культур. Скорее, создателей кубков следует рассматривать как один из субстратов последних (в западной части ареала боевых топоров). Впрочем, возможно, что вопрос о едином истоке всех шнуровых культур считать однозначно решённым всё-таки слишком преждевременно. В таком случае логично говорить о нескольких, хотя и близких этнически, истоках.

В любом случае нас в свете тематики настоящего исследования интересует, в первую очередь, происхождение одной из культур огромной шнуровой общности – фатьяновской культуры (а также близкой ей балановской) как оставившей непосредственный след на территории Рязанского края.

Как отмечалось в обобщающей монографии «Эпоха бронзы лесной полосы СССР»: «Огромная территория распространения фатьяновских памятников в европейской части СССР, влияние фатьяновской культуры на дальнейшие

исторические судьбы древних племён Волго-Окского междуречья, её большой вклад в историю развития культуры народов СССР ставят эту тему в один ряд с важнейшими вопросами нашей исторической науки» (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 58-59). Вопрос о происхождении и судьбах фатьяновцев представляет собой вполне самостоятельное значение и имеет к настоящему времени обширную литературу, полный обзор которой целесообразнее оставить для специальных исследований. Здесь достаточно отметить, что, согласно господствующей точке зрения (сформулирована Д.А. Крайновым), исходной областью, из которой начинается распространение фатьяновцев, являлись области между Днепром и Вислой-Одером (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 74). Распространение соответствующего населения, в целом, происходило в направлении с запада на восток, с юго-запада на северо-восток. Передвижения фатьяновских племён проходили по рекам Западной Двине, Днепру, Припяти, Десне, Оке, Мокше, Волге, Ловати, Мсте, Москва-реке, Клязьме, Суре, Свияге и их притокам (что подтверждается археологическими находками боевых топоров и других вещей фатьяновской культуры). Только в поймах рек можно было вести на первых этапах скотоводческое хозяйство (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 75).

В последнее время с новой гипотезой происхождения шнуровиков в целом и фатьяновцев – в частности выступил А.А. Клёсов. Он считает трипольскую культуру «наиболее подходящей по комплексу сведений для истоков арийских (“индоевропейских”) миграций на Восточно-Европейскую равнину в III тыс. до н.э.» (Клёсов 2). В основном А.А. Клёсов приходит к такому выводу, исходя из собственного тезиса об уничтожении трипольской культуры (по его трактовке, пока не подтверждённой, её создатели маркировались Y-хромосомной гаплогруппой R1a) носителями ямной культуры (среди мужского населения которой к настоящему времени выявлена Y-хромосомная гаплогруппа R1b). Именно носителей R1b – «эрбинов», согласно терминологии самого исследователя – он считает разрушителями т.н. «старой Европы» (отражение их проникновения на континент А.А. Клёсов видит в распространении культуры колоколовидных кубков) и древнейшими врагами «ариев» (в его же оригинальной терминологии – носители гаплогруппы R1a). Под натиском эрбинов арии трипольской культуры вынуждены были покинуть насиженные места и переселиться к северу и к востоку, создав шнуровые культуры (Клёсов 1). Очень многие моменты построений А.А. Клёсова пока остаются гипотетическими. Во-первых, нуждается в обосновании сам тезис об определяющем влиянии трипольской культуры на общность шнуровой керамики (требуется отдельное обоснование хронологической преемственности, которая пока небесспорна), а также следует объяснить резкие изменения в культуре (типах вооружения, хозяйстве, способах изготовления керамики и т.д.). Во-вторых, в соответствующей статье А.А. Клёсова «индоевропейскость» и «неиндоевропейскость», фактически, сопряжены с наличием гаплогруппы R1a. Ямникам решительно отказано в праве считаться индоевропейцами именно на том основании, что они – R1b. В-третьих, в силу своего увлечения гипотезой о доисторическом противостоянии «эрбинов» с одной стороны и всех остальных древних европейцев, в том числе, ариев – с другой, А.А. Клёсов просто не рассматривает другие варианты

их взаимодействия, которые могли быть значительно сложнее. Однако, по крайней мере, в одном построения исследователя несомненно ценны: данные ДНК-генеалогии предоставляют дополнительный очень серьёзный аргумент против прямого выведения шнуровой керамики (в которой пока отсутствует маркер R1b) из ямной (в которой он является пока единственным бесспорным).

Перечислим далее некоторые наиболее характерные особенности фатьяновской культуры, отмеченные Д.А. Крайновым в соответствующей статье из коллективной монографии «Эпоха бронзы лесной полосы СССР», не углубляясь в детали, не связанные непосредственно с тематикой нашего исследования.

Основными источниками по фатьяновской культуре являются могильники, а также культурные остатки, обнаруженные на многих поздних неолитических стоянках Волго-Окского междуречья и в случайных местах, главным образом сверленные каменные топоры.

Фатьяновские грунтовые могильники представляют собой родовые кладбища. Располагаются они обычно на высоких холмах моренного происхождения или на береговых скатах рек, речек, озёр и пр. Наружных признаков, свидетельствующих о погребениях, могильники не имеют, они открыты случайно при земляных работах. Поэтому о большей части могильников учёным становится известно лишь по случайным находкам каменных сверленых топоров и костей людей, и только незначительная их часть исследована археологами. В балановской культуре, близкой к фатьяновской и трактуемой многими исследователями как восточный локальный вариант последней, встречаются также курганные захоронения.

Расположение могильников и число погребений в них различно в разных регионах распространения. Все могильники тяготеют к водоёмам и располагаются, как правило, около естественных пастбищ (заливных пойменных лугов, озёрных низин, болот и пр.) (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 59).

В отличие от местных неолитических племён (в частности, волосовцев), у которых погребения совершались прямо на поселениях около жилищ, у фатьяновцев живые строго отделяются от мёртвых.

Своих умерших фатьяновцы погребали в грунтовых могильных ямах, устройство которых было общим для всех племён. Глубина могил варьировалась от 10 до 270 см, в большинстве – от 100 до 150 см. Размеры также различались от 150 на 90 см до 560 на 300 см. Устройство и размещение погребений свидетельствуют о серьёзной социальной стратификации: чем почётнее и старше был член коллектива, тем больше размеры и глубина могилы (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 64).

Как отмечает Д.А. Крайнов, у различных фатьяновских племён при наличии общих черт в ориентировке могил отмечаются и различия. В московско-клязьминских памятниках преобладает направление могил с востока на запад, но вместе с этим существуют направления юго-восток – северо-запад и юг – север. В верхневолжских памятниках основной ориентировкой могил является юго-запад – северо-восток, но встречаются юго-восток – северо-запад, юг – север и восток – запад. В Балановском могильнике господствуют две ориентировки: юго-запад – северо-восток и юг – север, но есть восток – запад и реже – юго-восток – северо-запад (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 64).

В могилах устанавливали особые погребальные сооружения прямоугольной формы с выступающими углами сложной конструкции. Делались они из лёгкого разнообразного материала: деревянных плах, досок, луба, бересты, плетёнки и др. Стенки сооружения иногда обмазывались глиной. Подобные сооружения известны и в других частях ареала шнуровых культур (в частности, в Прибалтике, в Финляндии и Дании). Погребальные сооружения устанавливались после копки могил, а покойника, завёрнутого в шкуру или бересту, клали в готовое сооружение, верх которого покрывался лёгким настилом. Почти все погребённые лежали в скорченном положении на правом или левом боку, мужчины в основном на правом боку головой на запад, юго-запад или северо-запад, а женщины на левом боку головой на восток, юго-восток и северо-восток. Соответственно полу погребались и дети. Имели место исключения в положении покойных, особенно в парных погребениях. Так, известны единичные случаи расположения тела на спине с раскинутыми ногами, а на памятниках, граничащих со среднеднепровскими, изредка встречаются трупосожжения. Впрочем, уголь играл большую роль в погребальном обряде всех фатьяновцев. В некоторых могилах встречаются скопления углей в виде кострищ и отдельных угольков. Часто находят угли около черепа и ног. Судя по всему, огонь считали очистительной силой. Изредка в погребениях встречается красная краска. Ориентировка лица погребённых направлена в основном на юг, юго-восток и восток, то есть связана с положением солнца. Все фатьяновские могилы сопровождаются погребальным инвентарём, состоящим из каменных, кремневых, костяных и металлических орудий и поделок, глиняной посуды, костей животных, раковин и пр. Количество и качество погребального инвентаря зависит от пола и возраста погребённых, есть более богатые и бедные захоронения, что, по мнению исследователей, указывает на зачатки имущественного или социального неравенства. К наиболее богатым относятся погребения военачальников и вождей (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 64-65).

До сих пор остаётся открытым вопрос о поселениях фатьяновской культуры. Они бесспорно выявлены лишь у балановцев, но последние в некоторых аспектах отличаются по своим культурным традициям от фатьяновцев. Отсутствие внятных находок поселений объяснялось по-разному. В период популярности версии об автохтонном происхождении культуры фатьяновцам приписывали определённые неолитические стоянки, а керамику из могильников считали исключительно ритуальной. Другие исследователи говорили о возможном расположении посёлков в неисследованных археологических местах: на торфяниках, распаханных полях, водоразделах. Позднее была сформулирована мысль о кочевом характере фатьяновского быта, не предполагавшем долговременных поселений. Некоторые западные исследователи считали фатьяновцев мобильными боевыми отрядами, которые при частых передвижениях не оставляли стоянок со значительным культурным слоем (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 59, 61). В настоящее время, пожалуй, наиболее убедительной представляется гипотеза Д.А. Крайнова, согласно которой фатьяновцы в большинстве случаев использовали поздневолосовские поселения, а позднее – поселения культуры с текстильной керамикой (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 61). Внешне ситуация

представляется несколько схожей с той, которая много позднее, в первой половине – середине I тыс. н. э., сложится во взаимоотношениях городецкой культуры и населения, оставившего рязанские могильники.

По поводу антропологического облика фатьяновцев исследователями высказывались разные точки зрения. Так, Р.Я. Денисова и Г.В. Лебединская характеризовали антропологический тип верхневолжских фатьяновцев как ярко выраженный долихокранный, с большим высотным диаметром, среднешироким, средневысоким и резко профилированным лицом. Тип северный европеоидный, близкий к прибалтийскому типу представителей культур с боевыми топорами; отмечается также некоторое сходство с краниологической серией Средней Европы (Силезия, Чехия). Также обращается внимание на наличие у верхневолжских фатьяновцев трепанаций и искусственных деформаций черепа, что также известно по некоторым прибалтийским памятникам (могильник Каупе в Калининградской области) (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 71).

В более поздних исследованиях Т.И. Алексеевой фатьяновцы отнесены к долихокранному узколицему и высоколицему типу с резкой горизонтальной профилированностью и сильным выступанием носа, который антрополог определяет как южноевропеоидный. Исследовательница пишет, что данный антропологический тип известен в Восточной Европе ещё с эпохи мезолита, но его широкое распространение здесь начинается с нач. III тыс. до н. э. (на территории Кавказа и Закавказья – раньше, в V-IV тыс. до н.э. и бытует там до нач. I тыс. до н.э.). К тому же типу Т.И. Алексеева относит значительную часть населения степного Крыма и причерноморских степей первой половины III тыс. до н.э. (проявляется в ямной и кемиобинской культурах), Нижнего Приднепровья, и поздней трипольской культуры на Днестре. Впрочем, Т.И. Алексеева отрицает генетическую преемственность антропологического типа фатьяновцев от населения южных территорий, находя источник южноевропеоидных черт среди племён лесостепной зоны в мезолитическом долихокранном и узколицем населении северо-запада Восточной Европы (в частности, среди населения, оставившего могильник Кирсна) (Восточные славяне: 276). Впрочем, аргументация в данном случае достаточно спорна: «…судя по антропологическим данным большого прилива южного населения в лесостепную зону Восточной Европы во II тыс. до н.э. не наблюдается» (Восточные славяне: 276). При желании как раз-таки распространение южноевропейского антропологического типа и можно рассматривать как антропологические свидетельства такого наплыва.

Вместе с тем, конкретно на территорию рассматриваемого нами региона фатьяновцы, по имеющимся данным, действительно проникали не с юга, а с запада и северо-запада, из ареала более раннего распространения шнуровых культур. Впрочем, масштабы присутствия фатьяновцев непосредственно на территории, занимаемой в настоящее время Рязанской областью, остаются во многом величиной искомой. С одной стороны, здесь по сей день не известно ни одного фатьяновского захоронения. С другой – отдельные находки, соотносимые с данной культурой достаточно многочисленны практически по всему региону. Сам факт присутствия фатьяновцев несомненен, но на данный момент невозможно однозначно сказать, были ли они в Рязанском Поочье преобладающим населением. Между тем,

отсутствие бесспорных находок захоронений может объясняться как недостаточной археологической исследовательностью, отмечаемой специалистами (Археологическая карта России 1993: 20), так и особенностями самих погребений, не имеющих внешних признаков; отметим и плохую сохранность органики в условиях данных мест: даже в рязанских могильниках, созданных более чем двумя тысячелетиями позднее, костные останки практически не сохранились.

Интересную попытку соотнесения археологических общностей древности с данными топонимики предприняла недавно Ю.Ю. Гордова в статье «Топонимическая стратиграфия Среднего (Рязанского) Поочья». Следует отметить естественные сложности, связанные с подобными соотнесениями, в первую очередь – напластования в одном и том же ареале разных топонимических и археологических слоёв. Но работа в данном направлении, по нашему мнению, должна продолжаться и совершенствоваться. Сама Ю.Ю. Гордова склонна привязывать к памятникам шнуровой керамики названия ряда крупнейших рек региона: Ока, Цна, Мокша, Гусь, Вад, Пет. Она, в частности, пишет: «гидроним *Ока* сближают с лит. *aka* ‘источник’ и другими названиями рек: прус. *Akicz*, лит. *Akis*, *Akys*, латыш. *Aca*, *Ace*; *Вад* – с литовскими апеллятивами со значениями ‘луговой ручей’, ‘болото’ и гидронимами *Vãdas, Vad`a*; *Пет* – с лит. *pietus* ‘южный’. Название р. *Гусь* возводят к **guž-/guz-*, сравнивая с лит. *gùžas* ‘аист’, латыш. *Guza*, *Guzas* и др.; *Мокша* – к **mak-/mok-*, представленному в литовских апеллятивах *maknùs* ‘топкий’, ‘жидкий’, *makõnė=makõšė* ‘грязь’, *mõkšė* ‘болото’; *Цна* – к балт. **Tъsna*, сравнивая с прус. Tuseine и др.-прус. *tusnan* – ‘тихий’» (Гордова 2014: 39).

Ю.Ю. Гордова отмечает, что памятники фатьяновской культуры густой сеткой покрывают всю территорию Рязанской области. Особое их сгущение наблюдается в бассейнах Прони, Пары и её притока Пожвы, Цны и её притоков Выши и Кермиси, в низовьях р. Гусь. Равномерен и плотен ареал в районе правобережных рек Вожи, Трубежа и левобережной Солотчи, а также в Клепиковском Поозерье, у истоков р. Пра. Она считает, что с данным ареалом сопоставим столь же обширный и плотный ареал топонимов с балтийскими основами, а также районы локализации топонимов на *-ас/-ус* (*Улас* / *Улус*), *-ва* (*Пожва*, *Ранова*), *-кша* (*Вокша*, *Мокша*), *-ня* (Проня), *-ос* (*Лукмос* / *Лукос*), *-ра* (Пара), *-ша* (*Выша*, *Лоша*, *Наша*). Многие названия данных типов трактуются как балтийские либо обнаруживают в своём составе балтийские элементы (корень, формант) (Гордова 2014: 39).

Несмотря на перспективность работы, открытой статьёй Ю.Ю. Гордовой, следует отметить в ней некоторые небесспорные моменты (впрочем, едва ли в принципе полностью устранимые в такого рода исследованиях). Так излишне прямолинейным является прямое соотнесение фатьяновцев с предками балтов, точнее, соотнесение **всех** фатьяновцев **исключительно** с предками балтов. Фактически, исследовательница считает язык фатьяновцев прабалтийским. Между тем, в случае, например, с названием *Ока*, может быть, следовало бы возвратиться к концепции М. Фасмера и Х. Краэ, согласно которой славяне адаптировали субстратный гидроним «древнеевропейского» типа: Ока ←aqu̯ā «вода», родственный готск. aƕa «река», др.-в.-нем. aha, ср.-в.-нем. ahe «вода, река», нов.-в.-н. Aa (название реки в Вестфалии, Швейцарии); лат. aqua «вода» и восходящий ко временам

германо-балто-славяно-иллиро-венетской («древнеевропейской») языковой общности (Фасмер; Напольских 2007: 6 – 7 (номера страниц по электронной версии)). В.В. Напольских, например, считает, что говорить следует «скорее об адаптации балтами достаточно близких к ним в языковом отношении "древнеевропейских" языковых компонентов в Восточной Европе и, таким образом, об относительно позднем распространении носителей языков собственно балтского типа на обозначенных территориях: по крайней мере гораздо позднее распада индоевропейского языкового единства и древнеевропейской (германо-балто-славяно-иллиро-венетской) общности индоевропейских диалектов, возможно – в период, непосредственно предшествовавший началу славянской экспансии в Восточной Европе» (Напольских 2007: 7). Для некоторых названных Ю.Ю. Гордовой топонимов, в частности, Оки, данную точку зрения, пожалуй, предпочтительно принять: заметим, например, что почти все балтийские корни, с которыми сближается название, обозначают **стоячую** воду. Важно, впрочем, подчеркнуть, что «древнеевропейскую» общность неверно представлять как некий монолит; нет сомнения в её полидиалектности, не совпадавшей, однако, с позднейшей картиной языкового членения индоевропейских. Добавим к вышесказанному, что Л.С. Клейн через стадию карасукской культуры выводит из балановской группы фатьяновской культуры тохар (см., напр: Клейн 2000). Если принять данную гипотезу (впрочем, зачастую критикуемую (Семёнов)), то прямое увязывание фатьяновцев с предками балтов или балто-славян оказывается ещё более проблематичным.

Сказанное в предшествующем абзаце, впрочем, отнюдь не исключает участие фатьяновцев, в особенности в западной области их ареала, в этногенезе балтов, а после ассимиляции части последних – и славян. Остаётся открытым преимущественно вопрос о том, было ли участие это преимущественно генеалогическим (в биологическом смысле слова), или всё-таки этнолингвистическим? Вероятно, ответ опять же должен быть разным для разных областей бывшего фатьяновского распространения. Отметим лишь, что, по имеющимся данным, у шнуровиков одной из самых распространённых являлась гаплогруппа R1a (хотя отмечены также гаплогруппы N1c (Чекунова, Ярцева, Чекунов, Мазуркевич 2014: 294) и предположительно другие).

Судя по имеющимся археологическим данным, взаимодействие фатьяновцев с носителями других местных археологических культур (сначала – волосовской, затем – абашевской, поздняковской и текстильной керамики, а к финалу – дьяковской) развивалось достаточно сложно. Отметим, что один из крупнейших исследователей фатьяновской культуры и в целом восточноевропейских неолита и бронзы Д.А. Крайнов склонен был считать волосовцев потомками неких северных индоевропейцев, родственных фатьяновцам, а начало основных вооружённых столкновений относить ко времени появления в ареале обитания фатьяновцев новых пришельцев, судя по всему, финноязычных (по Д.А. Крайнову) создателей текстильной керамики и ираноязычных (по Д.А. Крайнову) абашевцев, хотя, впрочем, отмечает наличие наравне с фатьяновскими и коллективных захоронений убитых волосовцев (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 75 – 76). Однако, судя по имеющимся данным, археолог несколько идеализировал отношения фатьяновцев и

волосовцев. Вероятная непричастность (вернее, отсутствие прямого отношения) волосовцев к финно-угорскому этногенезу ещё не означает обязательной необходимости их причисления к индоевропейцам. Возможность альтернативы (например, признание волосовцев преимущественно палеоевропейцами) Д.А. Крайновым просто не рассматривалась. Имеют место и находки, показывающие наличие военных столкновений между волосовцами и фатьяновцами. Так, на могильнике Николо-Перевоз (Московская обл.) найдены погребения фатьяновских воинов, убитых волосовскими стрелами, есть также могилы войнов, причиной смерти которых стал пролом черепа тяжелым тупым предметом (Демидов).

Но, если в вероятных конфликтах с волосовцами фатьяновцы, судя по всему, в целом одержали победу, то в дальнейшем в центральной и восточной частях своего ареала сами оказались проигравшей стороной. К концу II – началу I тыс. до н.э. они были полностью поглощены здесь абашевцами, поздняковцами и создателями текстильной керамики, а позднее – дьяковцами, причём столкновения с последними, похоже, имели особенно ожесточённый характер (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 76; Шпаковский, Фадеева 2001).

Причины исторического поражения фатьяновцев на значительной части некогда занимаемой ими территории, вероятно, разнообразны. Скорее всего, свою роль сыграл кризис в хозяйстве вследствие изменения климата к концу суббореального и началу субатлантического климатических периодов, к которому фатьяновцы оказались не готовы. Кроме того, им, видимо, не удалось наладить отношения с большинством соседей. Красноречивым свидетельством последнего можно считать следы разграбления и разрушения фатьяновских могил на поздней стадии существования культуры (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 76). Достаточно интересная догадка высказана В. Шпаковским и О. Фадеевой. Суть её в том, что фатьяновцы ориентировались на непосредственный контакт в бою, практически отказавшись от развития, а потом и вовсе прекратив использование метательного оружия, прежде всего, лука и стрел. Для своего времени они сделали неверный выбор, оказались в проигрышном положении по сравнению с племенами, лук использовавшими (Шпаковский, Фадеева 2001).

Впрочем, большинство современных специалистов не разделяют точку зрения некоторых археологов прежних поколений (П.Н. Третьякова, А.Я. Брюсова) о бесследном исчезновении фатьяновской культуры в восточной и центральной частях их ареала. Речь сейчас, как правило, идёт о её постепенном растворении в более поздних культурах, на которые она оказала определённое влияние (Археология СССР. Эпоха бронзы 1987: 76). Вполне возможно, что не все фатьяновцы были истреблены. Часть из них вполне могла быть ассимилирована, и в этом случае генеалогически их можно считать предками какой-то части населения, в том числе и Рязанского Поочья. Однако именно генеалогически, а не этнически. Как самостоятельная этнокультурная единица они в рассматриваемом нами регионе прямых потомков не имели, в отличие, например от западных областей, где фатьяновцев, как правило, рассматривают в качестве прямых предшественников балтов.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта России 1993 - Археологическая карта России: Рязанская область. Ч. 1. М., 1993.

Археология СССР. Эпоха бронзы 1987 - Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

Восточные славяне - Восточные славяне. Антропология и этническая история / Под ред. Т.И. Алексеевой / Электронный ресурс: http://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Alekseevoy_Vostochnye-slavyane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/35 (дата обращения – 12.10.2016).

Гордова 2014 - *Гордова Ю.Ю.* Топонимическая стратиграфия Среднего (рязанского) Поочья: результаты совмещения ареалов субстратной топонимии с ареалами археологических культур // Вопросы ономастики. 2014. № 2 (17). С. 35-53.

Демидов - *Демидов В.* Древнее население Заочья / Электронный ресурс: http://azimut.psn.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=124&Itemid=772 (дата обращения – 12.10.2016).

Клейн 2000 - *Клейн Л.С.* Миграция тохаров в свете археологии // Stratum plus. 2000. № 2. С. 178-187.

Клёсов 1 - *Клёсов А.А.* Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад (часть 1) / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2016/04/r1a-migration-1/ (дата обращения – 12.10.2016).

Клёсов 2 - *Клёсов А.А.* Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад (часть 2) / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2016/04/r1a-migration-2/ (дата обращения – 12.10.2016).

Напольских 2007 - *Напольских В.В.* К реконструкции лингвистической карты Центра Европейской России в раннем железном веке // Арт. № 4. Сыктывкар, 2007.

Семёнов - *Семёнов В.А.* Фатьяновская культура – карасукская культура и «Миграция тохаров в свете археологии» / Электронный ресурс: http://arheologija.ru/fatyanovskaya-karasukskaya-kultura/ (дата обращения – 12.10.2016).

Третьяков 1960 - *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1960.

Фасмер - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3 / Электронный ресурс: http://vasmer.narod.ru/p460.htm (дата обращения – 12.10.2016).

Чекунова, Ярцева, Чекунов, Мазуркевич 2014 - *Чекунова Е.М., Ярцева Н.В., Чекунов М.К., Мазуркевич А.Н.* Первые результаты генотипирования коренных жителей и человеческих костных останков из археологических памятников Верхнего Подвинья // Археология озёрных поселений IV-II тыс. до н.э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. СПб., 2014. С. 287-294.

Шпаковский, Фадеева 2001 - *Шпаковский В., Фадеева О.* Генезис военного дела у племен Волго-Окского междуречья в эпоху бронзы. (На примере фатьяновской культуры) // Para bellum. 2001. № 14 / Электронный ресурс: http://www.parabellum.vzmakh.ru/n14_s1.shtml (дата обращения – 12.10.2016).

REFERENCES

Arheologicheskaja karta Rossii 1993 - Arheologicheskaja karta Rossii: Rjazanskaja oblast'. Ch. 1 [Archaeological Russia map: Ryazan region. Part 1], Moscow, 1993 [in Russian].

Arheologija SSSR. Jepoha bronzy 1987 - Arheologija SSSR. Jepoha bronzy lesnoj polosy SSSR [Archeology of the USSR. Era of bronze of a forest strip of the USSR], Moscow, 1987 [in Russian].

Chekunova, Jarceva, Chekunov, Mazurkevich 2014 - *Chekunova E.M., Jarceva N.V., Chekunov M.K., Mazurkevich A.N.* Pervye rezul'taty genotipirovanija korennyh zhitelej i chelovecheskih kostnyh ostankov iz arheologicheskih pamjatnikov Verhnego Podvin'ja [The first results of genotyping of aboriginals and human bone remains from archaeological monuments of Top Podvinya], in: Arheologija ozjornyh poselenij IV-II tys. do n.je.: hronologija kul'tur i prirodno-klimaticheskie ritmy [Archeology of lake settlements IV-II thousand BC: chronology of cultures and climatic rhythms], St. Petersburg, 2014, pp. 287-294 [in Russian].

Demidov - *Demidov V.* Drevnee naselenie Zaoch'ja [Ancient population Zaochya], Electronic resource: http://azimut.psn.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=124&Itemid=772 (Date of access – 12.10.2016) [in Russian].

Fasmer - *Fasmer M.* Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. T. 3 [Etymological dictionary of Russian. Volume 3], Electronic resource: http://vasmer.narod.ru/p460.htm (Date of access – 12.10.2016) [in Russian].

Gordova 2014 - *Gordova Ju.Ju.* Toponimicheskaja stratigrafija Srednego (rjazanskogo) Pooch'ja: rezul'taty sovmeshhenija arealov substratnoj toponimii s arealami arheologicheskih kul'tur [Toponymic stratigraphy of the Average (Ryazan) Poochya: results of combination of areas of substratny toponymy with areas of archaeological cultures], in: Voprosy onomastiki [Onomastics questions], 2014, № 2 (17), pp. 35-53 [in Russian].

Klejn 2000 - *Klejn L.S.* Migracija toharov v svete arheologii [Migration of tokhars in the light of archeology], in: Stratum plus [Stratum plus], 2000, № 2, pp. 178-187 [in Russian].

Kljosov 1 - *Kljosov A.A.* Migracii ariev ot 6000 do 3000 let nazad (chast' 1) [Migrations ariyev from 6000 to 3000 years ago (part 1)], Electronic resource: http://pereformat.ru/2016/04/r1a-migration-1/ (Date of access – 12.10.2016) [in Russian].

Kljosov 2 - *Kljosov A.A.* Migracii ariev ot 6000 do 3000 let nazad (chast' 2) [Migrations ariyev from 6000 to 3000 years ago (part 2)], Electronic resource: http://pereformat.ru/2016/04/r1a-migration-2/ (Date of access – 12.10.2016) [in Russian].

Napol'skih 2007 - *Napol'skih V.V.* K rekonstrukcii lingvisticheskoj karty Centra Evropejskoj Rossii v rannem zheleznom veke [To reconstruction of the linguistic card of the Center of the European Russia in the early Iron Age], in: Art [Art], № 4, Syktyvkar, 2007 [in Russian].

Semjonov - *Semjonov V.A.* Fat'janovskaja kul'tura – karasukskaja kul'tura i «Migracija toharov v svete arheologii» [Fatyanovo culture – karasuksky culture and «Migration of tokhar in the light of archeology»], Electronic resource: http://arheologija.ru/fatyanovskaya-karasukskaya-kultura/ (Date of access – 12.10.2016) [in Russian].

Shpakovskij, Fadeeva 2001 - *Shpakovskij V., Fadeeva O.* Genezis voennogo dela u plemen Volgo-Okskogo mezhdurech'ja v jepohu bronzy. (Na primere fat'janovskoj kul'tury) [Genesis of military science at tribes of Volga-Oka Entre Rios during a bronze era. (On the example of fatyanovsky culture)], in: Para bellum [Para bellum], 2001, № 14, Electronic resource: http://www.parabellum.vzmakh.ru/n14_s1.shtml (Date of access – 12.10.2016) [in Russian].

Tret'jakov 1960 - *Tret'jakov P.N.* Finno-ugry, balty i slavjane na Dnepre i Volge [Finno-Ugric peoples, Balts and Slavs on Dnieper and Volga], Moscow; Leningrad, 1960 [in Russian].

Vostochnye slavjane - Vostochnye slavjane. Antropologija i jetnicheskaja istorija / Pod red. T.I. Alekseevoj [East Slavs. Anthropology and ethnic history / Under the editorship of T.I. Alekseeva], Electronic resource: http://historylib.org/historybooks/pod-red--T-I--Alekseevoy_Vostochnye-slavyane--Antropologiya-i-etnicheskaya-istoriya/35 (Date of access – 12.10.2016) [in Russian].

Логинов Дмитрий Сергеевич – Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Рязанского государственного медицинского университета (Рязань, Россия).
Loginov Dmitry Sergeyevich – Candidate of historical sciences, associate professor of departments of philosophy and history Ryazan state medical university (Ryazan, Russia).
E-mail: dimok_star@mail.ru

УДК 94(4)"375/1492"

КОЧЕВНИКИ В ИСТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ ДО МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

И.А. Гагин
Рязанский государственный медицинский университет
Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9
e-mail: igagin@mail.ru

Авторское резюме
Волжские булгары – народ тружеников, земледельцев и предпринимателей, сумевший создать в эпоху раннего средневековья одно из мощнейших государств Восточной Европы. Одна из ключевых проблем ее истории в X-XII вв. – взаимоотношения с кочевыми соседями. Умение булгарской дипломатии налаживать с ними добрососедские отношения стали ключевыми для основы их существования – торговли с Востоком. В статье показаны проблемы взаимоотношений булгар с башкирами, гузами и половцами. Взаимоотношения эти часто носили трагический характер, но в то же время определяли многие стороны существования государства.
Ключевые слова: башкиры, печенеги, гузы, половцы, Великий Волжский путь.

NOMADS IN THE HISTORY OF VOLGA BULGARIA BEFORE THE MONGOL INVASION

Igor Gagin
Ryazan State Medical University
9 The Vysokovoltnaya Street, Ryazan, 390026, Russia
e-mail: igagin@mail.ru

Abstract
Volga Bulgars were toilers, farmers and merchants, who managed to create one of the most powerful states of Eastern Europe in the Early Medieval Period. One of the key issues of their history in the 10th – 12th centuries was relationships with their nomadic neighbors. The ability of the Bulgarian diplomacy to establish good neighborly relations had been pivotal to the basis of their existence - their trade with the East. The article discusses the Volga Bulgars’ conflicts with the Bashkirs, the Oguz, and the Polovtsy. Often these conflicts had tragic resolutions, but at the same time determined many aspects of the state's existence.
Keywords: Bashkirs, Pechenegs, public healthcare institutions, Cumans, Great Volga way.

* * *

Проблема взаимоотношений волжских булгар с кочевыми народами, в период становления и расцвета их государства, исследована, с позиции автора, не достаточно. Для понимания сущности булгарского общества и его роли в развитии региона, очень важна оценка связей со всеми этническими группами, так или иначе входившими в сферу булгарского влияния. Особенно остро этот вопрос касается

кочевников, с которыми булгарам, в силу их географического положения, приходилось вступать в социально-экономические, политические и культурные отношения. В X–XII вв. это были печенеги, башкиры, гузы, половцы. Основная исследовательская задача статьи – показать пути вовлечения отдельных кочевых племен в орбиту внешней политики булгарского государства.

Основными источниками для написания исследования явились данные восточных путешественников, русские летописи, а также изыскания российских историков, которые, в основном, затрагивали внешнеполитическую деятельность средневековой Руси, но так или иначе вынуждены были затрагивать булгарскую тематику. О сложности взаимоотношений с кочевыми народами говорят практически все исследователи. Однако в переговорах и мирных соглашениях с номадами вырабатывалась и крепла дипломатическая практика как Руси, так и, несомненно, Волжской Булгарии. которой пришлось столкнуться, по сути дела, практически с теми же кочевыми народами: гузами (на Руси они были известны как торки), печенегами и половцами.

Волжская Булгария – государство, которое возникло в Волго-Камском междуречье в результате проникновения сюда тюркских племен из Прикаспия. Движение в Среднее Поволжье болгар можно однозначно связать с болгаро-хазарскими, а также арабо-хазарскими войнами, продолжавшимися с переменным успехом с конца VII и до начала IX веков. Первоначально это были кочевые массы племен Котрага, одного из сыновей хана Великой Болгарии Куврата. В последующем, в VIII в. и позже, полукочевые и оседлые племена салтовско-маятской культуры были вынуждены перекочёвывать, спасаясь от арабских набегов, а также дискриминационной политики иудаизированной верхушки Хазарского каганата.

Расселяясь на правобережье и левобережье Средней Волги, они вступали в контакт с автохтонными народами, тем самым создавая основу для формирования этноса волжских булгар. Постепенно на правобережье сформировался чувашский этнос, сумевший сохранить основы древнего булгарского языка. Язык левобережных булгар был кыпчакизирован, так как в период половецко-монгольских войн 1229-1235 гг. большая масса половцев вынуждена была отступать на север, оказывая нажим на булгар. На демографическую ситуацию региона оказала влияние и чумная пандемия середины XIV века, что привело к оттоку булгар на север и постепенное ассимилирование территории их первоначального обитания пришлыми кыпчакскими племенами. К XV в. здесь формируется этнос казанских татар.

В начальные этапы своего существования развитие государства проходило под протекторатом Хазарского каганата; после победоносных походов Святослава (965 г.) на хазар и вплоть до завоевательных походов монголо-татар, Волго-Камская Булгария – независимое государство с быстро развивающейся экономикой и культурой. В силу своего географического положения, - нельзя забывать, что государство занимало территорию, дающую возможность контролировать срединную магистраль Волжского торгового пути, - Булгария была вынуждена контактировать с разными народами, что вынуждало ее разрабатывать определенные подходы во взаимодействии с соседями. Особняком стояли взаимоотношения Волжской Булгарии с кочевниками всех типов, на протяжении

нескольких веков соседствующих с булгарами с юга, юго-востока и востока. По замечанию В.Т. Пашуто, «Булгария еще в IX в. имела дело со всеми группами тюрков: печенегами, гузами, берендеями и половцами» (Пашуто 1968: 110).

Первыми, с кем булгарским эмирам пришлось налаживать отношение, являлись башкиры. Западные башкиры, вплоть до нашествия монголов, находились в непосредственной сфере булгарских интересов. Как отметил Р.Г. Кузеев, «до начала монгольского нашествия часть башкирских племен составляла восточную провинцию Волжской Булгарии» (Кузеев 1972: 40). Это подтверждают арабские источники. Географ первой половины X века Эль-Балхи писал в своем сочинении, что «одно из двух племен башкир (бажджаров), живущих близ булгар, подвластно последним» (Хвольсон 1869: 104).

Ахмед ибн-Фадлан, проезжавший с посольством багдадского халифа Муктадира через кочевья башкир, очень эмоционально рассказывает о них следующее: «Мы остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из турок, самые грязные из них и более других посягающих на убийство. Встречает человек человека, отсекает ему голову, берет с собой, а его (самого) оставляет» (Ковалевский 1956: 130). Краткую характеристику образа жизни башкир дает Ибн-Русте: «Живут они в шатрах и перекочевывают с места на место, отыскивая кормовые травы и удобные пастбища» (Хвольсон 1869: 104).

Если восточные и юго-восточные границы основных, наиболее заселенных булгарских земель, проходили по низовьям Зая, Шешли и Большому Черамшану, то территория восточнее этих рек до Белой и Яика были заселены булгарами не плотно. Об этом свидетельствует небольшая численность археологических памятников на территории описываемого района (Фахрутдинов 1971: 99). Здесь кочевали подвластные булгарам племена башкир.

Без сомнения, прав В.Т. Пашуто, заметивший, что булгары, как и русские, имели практику сажать на свои земли подвластных кочевников (Пашуто 1968: 110). Главная цель подобного мероприятия – создание «буферной зоны», оберегающей пограничные территории страны от вторжения других, враждебно настроенных племен номадов. Дружественные булгарам башкиры, вероятнее всего, неплохо выполняли возложенную на них функцию. Образ башкир, этаких пиратов степей, оставленный Ибн-Фадланом, вполне доказывает данную точку зрения.

«Роль булгар в восточных районах, занятых тюркским населением, была несравненно больше, чем, например, в западных, финно-угорских землях» (Фахрутдинов 1971: 101). Эта мысль, высказанная Р.Г. Фахрутдиновым, несомненно верна, так как в культурном плане булгары здесь могли дать значительно больше, чем на западе, исходя из того, что этот регион в экономическом отношении был более развит. В частности, Р.Г. Кузеев сообщает, что «северо-западные башкиры в домонгольский период были земледельцами» (Кузеев 1972: 62). Это доказывает бесспорное влияние булгар, которые в указанное время производили столько зерна, что оно становится объектом товарных отношений. Это доказывают сообщения русских летописей, которые под 1024 г. упоминают о голоде в Суздальской земле, который был погашен благодаря экспорту булгарского хлеба.

В период расцвета Волжской Булгарии, когда она распространяла свои торговые связи далеко на север и восток, Приуральская Башкирия, а если точнее, северный лесной район Бугульминской возвышенности, был одним из основных районов экспорта пушнины. Проникновение булгарской культуры в Башкирию явилось следствием торговой экспансии булгар, прежде всего заинтересованных в пушнине. Активная миссионерская деятельность проводилась булгарами в тех областях, в которых они были наиболее экономически заинтересованы, т. е. в лесных «охотничьих районах Бугульминской возвышенности» (Кузеев 1972: 60). В целом, отношения башкир и булгар были добрососедскими (Фахрутдинов 1971: 101).

Еще одним народом, с которым примерно в это же время приходилось контачить булгарам, были печенеги. Во времена Ибн-Фадлана небольшая часть их непосредственно соседствовала с башкирами. «И вот они темные брюнеты, и вот они с совершенно бритыми бородами, бедны в противоположность гузам», - пишет арабский путешественник (Ковалевский 1956: 130). Это были остатки печенежских орд, подчинившихся гузам после ухода основной массы их сородичей на запад. Формирование союза печенегов, известного по византийским источникам как пацинаки (Багрянородный 1989: 213), следует относить к концу IX века (Плетнева 1990: 10).

В первые десятилетия своего существования орды печенежского союза кочевали в заволжских степях. Почувствовав ослабление Хазарского каганата, они ринулись к западным рубежам своих владений и к середине X века заняли огромные территории в степях от Волги до Дуная (Плетнева 1958: 186).

Одну из печенежских орд (всего их было восемь), именуемую фема Гиазихапон, Константин Багрянородный помещает всего в полдня пути от границ Волжской Булгарии (Багрянородный 1989: 210). Несомненно, что между булгарами и соседствующими с ними печенегами названной фемы были налажены политические контакты. К сожалению, источники ничего не говорят о характере взаимоотношений между булгарами и печенегами. Полностью можно согласиться с мнением Б.Д. Грекова, что скудость источников не позволяет проникнуть глубже в структуру политических контактов булгар и о многом приходится только догадываться (Греков 1945: 4). Но вполне можно предположить, что какие-то печенежские роды из фемы Гиазихапон могли принять участите в формировании булгарской народности наравне с представителями марийских, мордовских, мадьярских и буртасских племен. Если следовать логике дипломатической практики раннего средневековья, можно быть уверенным, что какая-то группа племен была задействованы булгарской «имперской» дипломатией для противодействия проискам враждебных номадов.

О контактах булгар с гузскими племенами мы знаем доподлинно из арабских и персидских источников. На Ибн-Фадлана гузы произвели впечатление богатого кочевого народа, владевшего, как потом туркмены, огромными стадами баранов. С.Г. Агажданов отметил, что бараны, доставляемые из страны гузов в Мавераннахр и Хорасан, считались тогда самыми лучшими (Агаджанов 1991: 21).

Гузские семьи переезжали на повозках с установленными на них кибитками. По географии X века гузы были соседями Дар-ал-Ислам (т. е., мусульманских стран) от Джурджана на Каспийском море до Фараба и Асбиджана в области Сыр-Дарьи;

на востоке их земля граничила с областью карлуков, на западе – с областью хазар (Бартольд 1968: 524). Северо-восточные границы их территории Р.Г. Фахрутдинов определяет по верхнему и среднему течению реки Большой Черемшан, делая гузов непосредственными соседями булгар (Фахрутдинов 1968: 56).

Политические контакты булгар и гузов были весьма активными. В начале X в. между одним из гузских племен и булгарами был заключен союз, скрепленный браком царя булгар на родственнице сюбаши гузов. По тому, как почитают жену Алмаса, являвщуюся гузской хатунь, А.П. Ковалевский сделал вывод, насколько булгарский царь дорожил союзом с гузами (Ковалевский 1948: 648). Булгарская дипломатия видела в них самых верных сторонников Волжской Булгарии в их борьбе с хазарами. Как отметила С.А. Плетнева, гузы, сразу же после завоевания ими заволжских степей и изгнания печенегов, начали проявлять активный интерес к хазарам (Плетнева 1990: 22). Не замешана ли здесь булгарская дипломатия?

К концу X в. отношения с гузами, до этого столь безоблачные, начинают резко изменяться. После уничтожения Хазарии дружинами князя Святослава, гузы, принимавшие в этом непосредственное участие (Калинина 1976: 94), изменяют свое отношение к Волжской Булгарии. В.Л. Егоров доказывает, что постоянные отношения с номадами были просто невозможны и причина здесь вполне объективна. Практика показала, что мирные договоры с кочевниками средство краткосрочное, не дающее перспективы стабильных отношений. Договор обычно нарушался с приходом к власти нового хана (Егоров 1994: 187). По всей видимости, булгары пережили именно подобную ситуацию.

В 985 году гузы, или торки, как их называли русские летописи, участвуют в походе Владимира Святославовича на волжских булгар. «Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрыней, а торков привел берегом на конях; и победил болгар» (ПВЛ 1950: 159).

Прошедшие полвека внесли существенные коррективы в булгаро-гузские отношения. Возможно, изменение политических приоритетов гузов связано с половцами, которые начали нажимать на них с востока, вытесняя с родовых кочевий. Булгары, отреагировав на изменение ситуации на их юго-восточных границах, попытались наладить политические связи с новыми соседями – половцами, на что сразу очень болезненно отреагировали гузы. Имеется в виду северная часть гузских орд, которая, под давлением кимаков-половцев переходит под протекторат русских князей (Голубовский 1884: 76). Южные орды гузов, пройдя через пустыни и оазисы Средней Азии, захватили Переднюю Азию, став в последующем пассионарным ядром турецкой империи Сельджукидов (Гордлевский 1960).

Отношения с новыми кочевыми соседями – половцами – у булгар складывались непросто, а зачастую трагично, но и здесь булгарская дипломатия делала все возможное для достижения стабильных отношений на своих юго-восточных границах.

Попытки проследить историю половцев (кипчаков) с древнейших времен уже неоднократно предпринимались исследователями. Народ половцев-кипчаков начал складываться во времена Тюркютского каганата и являлся хранителем и продолжателем многих его культурных традиций. Л.Н. Гумилев уверенно считает,

что одной из составных частей кыпчакского этноса явились западные динлины, впервые упомянутые в числе племен, покоренных хуннами (Гумилев 1959: 19). Предположительно, они были светловолосыми и, по всей видимости, именно их потомками явились сары – одна из ветвей кыпчаков, первой вошедшей в контакт с Русью в XI веке.

Занимая часть степного пространства между Сыр-Дарьей и Черным Иртышом, предки кыпчаков смешались с кангарами. Результатом этого смешения и явилось образование народа кыпчаков. В IX веке кыпчаки вошли в состав государства кимаков, с распадом и гибелью которого связан их самостоятельный выход на историческую арену.

Падение державы кимаков было вызвано удельно-племенными раздорами и социальными противоречиями. Начало миграции положили племена каи, вышедшие из подчинение хану кимаков. Если к названию «каи» подходить с позиции монгольского языка, то оно означало «змеи» (Ахинжанов 1980: 47). Первоначально они обитали в Центральной Азии и были известны под названием «хай» или «кай». В конце VIII в. они переселяются на запад и заняли долину Иртыша, став соседями народа кун. Именно столкновение этих соседствующих этносов и послужило толчком к новой великой миграции народов из Центральной Азии в Восточную Европу (Князьский 1996: 44).

Сельджукский придворный врач Марвази сообщает, что народ кун покинул свои исконные кочевья из-за «тесноты пастбищ», но главная причина была внешняя: «Их преследовал народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Тогда куны переселились на земли сары, а сары ушли в земли туркмен. Туркмены переселились на восточные земли гузов, а гузы ушли в страну печенегов» (Кумеков 1972: 128).

С сообщением Марвази согласуются хроники армянского историка Матвея Эдесского: «В 1050 году (499 год армянской эры) какой-то «народ змей» разбил «светловолосых», а те разбили гузов и печенегов, после чего все вместе выступили против страны ромеев» (Кумеков 1972: 128).

«Народ змей» – это каи, «светловолосые» же сары, так как слово «сары» с тюркского переводится как «желтый», «светлый». В древнетюркском языке сходное значение имело и слово «кун». Именно поэтому в рассказе Матвея Эдесского сары и куны слились в один «светловолосый» народ. Современные исследователи склонны предполагать, что куны являлись восточной ветвью половцев, а сары – западной.

В русских летописях половцы порой именуются «саракине», «сорочины». Эти названия могли произойти от слияния слов «сары» и «кун», поскольку русские рассматривали половцев как один народ. Но пришли они двумя волнами. Это доказывает факт деления половецкой земли на две части: Белую Куманию к западу от Днепра и Черную Куманию – к востоку.

Поскольку народ сары шел впереди кунов, то без сомнения именно он образовал западную ветвь половецкого народа, кочевавшего в степях Белой Кумании. Русские книжники-летописцы отразили этот факт в библейской версии происхождения половцев. О происхождении сарацин (половцев) летописец сообщает: «а Срацини от Измаила и творятся Сарины и прозваша имя собе

Саракине, рекше Сарины Есмы» (Плетнева 1975: 261). Название появившегося в 1055 году у рубежей Руси народа сары и могло вызвать у летописца, стремившегося найти библейское обоснование происхождения половцев, ассоциацию с детьми Сары и Измаила. Как потомки Измаила, половцы не единожды фигурируют в летописях (ПСРЛ 1962а: 224).

Населенная потомками кунов восточная часть Половецкой земли получила название Черная или Великая Кумания. Помимо Черной и Белой Кумании у персидского географа и историка ал-Идриси упомянута Внешняя Кумания. С.А. Плетнева отождествляет Внешнюю Куманию с одной из орд «диких половцев», которые кочевали близ Рязанской земли к северу от Половецкой земли. «Дикими» их называли по той причине, что они не пожелали войти ни в один из образовавшихся в XII веке половецких союзов (ПСРЛ 1962: 162; ПСРЛ 1962а: 152).

Движение на запад кипчаки-половцы начинают к рубежу XI в. и, примерно к 30-м гг. XI в., фиксируются восточными авторами у границ Хорезма (Плетнева 1975: 266). География половецкой земли не была стабильной (Фахрутдинов 1971: 101), однако нет сомнений, что половецкие кочевья граничили с Булгарией (Кудряшев 1948: 130). Являясь соседями, булгары и половцы вынуждены были искать пути сосуществования, хотя структура половецкого общества давало мало шансов на мирное строительство. Сила и прочность власти половцев зависела от их военной активности, поэтому кочевое общество всегда было готово к нападению на соседей (Плетнева 1958: 195).

Русская летопись очень скудно говорит о булгаро-половецких отношениях. Одно из известий дает представление об ожесточенной борьбе между булгарами и половцами на юге булгарских владений и показывает, что велась она всеми доступными средствами. «Тогда же приидоша Половцы к Болгаром, и высла им князь Болгарьскый пити с отравою и пив Аепа и прочии князи вси помроша» (ПСРЛ 1962: 415). Сообщение это непосредственно касалось ростово-суздальского князя Юрия Долгорукого, так как булгарами был отравлен его тесть хан Аепа. История средневековой дипломатии знает немало подобных случаев: крайняя мера, когда переговоры однозначно приводят в тупик и нужного решения проблемы ждать не приходится.

Второе известие связано с походом владимиро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо, когда к нему в булгарской земле присоединились половцы хана Емяка (ПСРЛ 2001: 7: 95). Участвовал в этом походе какой-то булгарский князь, что подтверждает мнение о привлечении булгарской знатью кочевников для борьбы со своими соперниками.

Следовательно, все то, что отмечают летописи о проблемах русско-половецких взаимоотношений, является истиной и для булгаро-половецких. Так же можно быть уверенным в том, что булгарские князья, подобно русским совершали карательные экспедиции на половецкие вежи; наверняка предпринимались попытки посадить на землю дружественных половцев, чтобы создать из них буфер против «диких» сородичей (Якубовский 1950: 12). Прав П.В. Голубовский, сделавший предположение, что «половцы не избежали стараний соседей обратить их в магометанство. Такими близкими соседями были болгары на Волге» (Голубовский 1884: 76).

Дружественные отношения с половцами булгарам были крайне необходимы. Основная причина заключалась в том, что кипчаки стали контролировать все торговые пути на Восток, и следствием этого стало затухание в XI веке большой торговли посредством Волжского пути. То есть, перекрыв все пути передвижения караванов, именно половцы стали виновниками практического прекращения торговли между Востоком и Западом на данном историческом этапе.

Ряд исследователей приходит к совершенно другому выводу: развитие торговли и ремесел не было задержано кипчаками. «Получая от торговли огромные выгоды, половецкие ханы, как в свое время хазары, всячески поддерживали ее и способствовали развитию, стараясь в то же время захватить все торговые пути, проходящие по их землям» (Плетнева 1958: 191). Доказательством указанной точки зрения служит одно летописное известие. В 1184 году, во время очередного похода русских князей на половцев, им навстречу попались купцы, благополучно прошедшие мимо изготовившихся к битве половецких отрядов (ПСРЛ 1962а: 429).

По всей видимости, половецкие ханы действительно старались ради своей выгоды поддерживать купцов, но это касается только половецкой знати, входившей в состав Черной Кумании. Как мы уже отметили выше, были еще «дикие половцы». Скорее всего, именно они грабили купеческие караваны, и именно «благодаря» им в летописи попали сведения, послужившие исходным началом для формирования негативной точки зрения по рассматриваемому вопросу.

Булгары, во многом зависящие от торговли с Востоком, не могли не искать путей сближения с теми половецкими ханами, которые держали в своих руках торговые пути. Для нормального развития торговли булгарам нужны были мирные отношения с кочевниками. А.Ю. Якубовский пишет: «Если Саксин в половецкий период стремился в торговом отношении играть роль хазарского Итиля и являлся крупным рынком юго-востока Европы, то на северо-востоке, как и в предшествующий период, торговля была в руках Булгара, значительно выросшего по сравнению с тем, каким он был в X веке» (Якубовский 1950: 23-24). Из сказанного может следовать только одно: булгары по-прежнему процветают. Следовательно, половцы не были помехой в их торговле с Востоком, наоборот, становятся, в какой-то мере, даже сподвижниками в этой торговле.

В заключении можно сделать очень важный вывод. История становления и развития Волжской Булгарии – это история взаимодействия с весьма разными народами, которые тем или иным образом, втягиваясь в орбиту внешнеполитической деятельности булгарского государства, становились незыблемыми частями ее социально-экономической и политической структуры. Контакты с кочевниками были очень сложными. Это связано и с кочевым менталитетом, когда договор с одним ханом практически аннулировался с приходом другого, и требовалось начинать все с начала, и с особенностями быта кочевников. Благодаря воздействию булгарской культуры определенная часть башкирских племен переходит к земледелию, какие-то группы половцев втягиваются в военный союз и составляют как бы буферную зону с дикими половцами, постоянно угрожавшими спокойствию на булгарских границах. Но самое главное – это возможность продолжения торговли посредством великого Волжского пути. Торговля –

важнейшая составляющая экономики Волжской Булгарии. Только мир с кочевниками давал возможность продолжать торговлю с традиционным торговым партнером булгар – Мавераннахром.

ЛИТЕРАТУРА

Агаджанов 1991 - *Агаджанов С.Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII веках. М., 1991.

Ахинжанов 1980 - *Ахинжанов С.М.* Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI в. // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.

Багрянородный 1989 - *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1989.

Бартольд 1968 - *Бартольд В.В.* Гузз // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. М., 1968.

Голубовский 1884 - *Голубовский П.В.* Печенеги, торки, половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX-XIII вв. Киев, 1884.

Гордлевский 1960 - *Гордлевский В.А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М., 1960.

Греков 1945 - *Греков Б.Д.* Волжские булгары в IX-X вв. // Исторические записки. Т. 14. М., 1945.

Гумилев 1959 - *Гумилев Л.Н.* Динлинская проблема // Известия Восточного географического общества. 1959. № 1.

Егоров 1994 - *Егоров В.Л.* Русь и ее южные соседи в X-XIII вв. // Отечественная история. 1994. № 6.

Калинина 1975 - *Калинина Т.М.* Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 год. М., 1976.

Князьский 1996 - *Князьский И.О.* Русь и степь. М., 1996.

Ковалевский 1948 - *Ковалевский А.П.* Ибн-Фадлан. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 1948.

Ковалевский 1956 - *Ковалевский А.П.* Книга Ибн-Фадлана о путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956.

Кудряшев 1948 - *Кудряшев К.В.* Половецкая степь. М., 1948.

Кузеев 1972 - *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1972.

Кумеков 1972 - *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

Пашуто 1968 - *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

ПВЛ 1950 - Повесть временных дет / Перевод и комментарии Д.С. Лихачева. М.; Л., 1950.

Плетнева 1958 - *Плетнева С.А.* Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 62. Т. 1. М., 1958.

Плетнева 1975 - *Плетнева С.А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X-XIII веков. М., 1975.

Плетнева 1990 - *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990.

ПСРЛ 1962 - Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1962.

ПСРЛ 1962а - Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962.

ПСРЛ 2001 - Полное собрание русских летописей. Т. 7. Воскресенская летопись. М., 2001.

Фахрутдинов 1968 - *Фахрутдинов Р.Г.* Территория Волго-Камской Булгарии домонгольского и золотоордынского периодов (по археологическим и письменным источникам). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Казань. 1968.

Фахрутдинов 1971 - *Фахрутдинов Р.Г.* К вопросу о булгаро-башкирских взаимоотношениях // Археология и этнография Башкирии. 1971. Т. 4.

Хвольсон 1869 - *Хвольсон Д.А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах и руссах Абу Али Ахмеда бен-Омар ибн-Даста. СПб., 1869.

Якубовский 1950 - *Якубовский А.Ю.* Дешт-и-Кипчак до прихода монголов // Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

REFERENCES

Agadzhanov 1991 - *Agadzhanov S.G.* Gosudarstvo Sel'dzhukidov i Srednjaja Azija v XI-XII vekah [The state Seldzhukidov and Central Asia in the 11-12th centuries], Moscow, 1991 [in Russian].

Ahinzhanov 1980 - *Ahinzhanov S.M.* Iz istorii dvizhenija kochevyh plemen evrazijskih stepej v pervoj polovine XI v. [From history of the movement of nomad tribes of the Euroasian steppes in the first half of the 11th century], in: Arheologicheskie issledovanija drevnego i srednevekovogo Kazahstana [Archaeological researches of ancient and medieval Kazakhstan], Alma-Ata, 1980 [in Russian].

Bagrjanorodnyj 1989 - *Konstantin Bagrjanorodnyj.* Ob upravlenii imperiej [About management of the empire], Moscow, 1989 [in Russian].

Bartol'd 1968 - *Bartol'd V.V.* Guzz [Guzz], in: Bartol'd V.V. Sochinenija. T. V [Bartold V.V. Compositions. Volume V], Moscow, 1968 [in Russian].

Egorov 1994 - *Egorov V.L.* Rus' i ee juzhnye sosedi v X-XIII vv. [Russia and its southern neighbors in the 10-13th centuries], in: Otechestvennaja istorija [National history], 1994, № 6 [in Russian].

Fahrutdinov 1968 - *Fahrutdinov R.G.* Territorija Volgo-Kamskoj Bulgarii domongol'skogo i zolotoordynskogo periodov (po arheologicheskim i pis'mennym istochnikam). Dissertacija na soiskanie uchjonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [The territory of Volga-Kama Bulgaria of the domongolsky and zolotoordynsky periods (on archaeological and written sources). The thesis for degree of the candidate of historical sciences], Kazan. 1968 [in Russian].

Fahrutdinov 1971 - *Fahrutdinov R.G.* K voprosu o bulgaro-bashkirskih vzaimootnoshenijah [To a question of the bulgaro-Bashkir relationship], in: Arheologija i jetnografija Bashkirii. 1971. T. 4 [Archeology and ethnography of Bashkiria. 1971. Volume 4] [in Russian].

Golubovskij 1884 - *Golubovskij P.V.* Pechenegi, torki, polovcy do nashestvija tatar. Istorija juzhnorusskih stepej IX-XIII vv. [Pechenegs, Torks, Cumans before invasion of Tatars. History of the South Russian steppes of the 9-13th centuries], Kiev, 1884 [in Russian].

Gordlevskij 1960 - *Gordlevskij V.A.* Gosudarstvo Sel'dzhukidov Maloj Azii [State Seldzhukidov of Asia Minor], Moscow, 1960 [in Russian].

Grekov 1945 - *Grekov B.D.* Volzhskie bulgary v IX-X vv. [The Volga Bulgars in the 9-10th centuries], in: Istoricheskie zapiski. T. 14 [Historical notes. Volume 14], Moscow, 1945 [in Russian].

Gumilev 1959 - *Gumilev L.N.* Dinlinskaja problema [Dinlinsky problem], in: Izvestija Vostochnogo geograficheskogo obshhestva [News of East geographical society], 1959, № 1 [in Russian].

Hvol'son 1869 - *Hvol'son D.A.* Izvestija o hazarah, burtasah, bolgarah, mad'jarah i russah Abu Ali Ahmeda ben-Omar ibn-Dasta [News of Khazars, burtasa, Bulgarians, Magyars and Abu Ali Ahmed bin-Omar ibn-Dasta's russa], St. Petersburg, 1869 [in Russian].

Jakubovskij 1950 - *Jakubovskij A.Ju.* Desht-i-Kipchak do prihoda mongolov [Desht-i-Kipchak before arrival of Mongols], in: Zolotaja Orda i ee padenie [Golden Horde and its falling], Moscow; Leningrad, 1950 [in Russian].

Kalinina 1975 - *Kalinina T.M.* Svedenija Ibn-Haukalja o pohodah Rusi vremen Svjatoslava [Data Ibn-Haukalya about campaigns of Russia of times of Svyatoslav], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovanija. 1975 god [The most ancient states in the territory of the USSR. Materials and researches. 1975], Moscow, 1976 [in Russian].

Knjaz'skij 1996 - *Knjaz'skij I.O.* Rus' i step' [Russia and steppe], Moscow, 1996 [in Russian].

Kovalevskij 1948 - *Kovalevskij A.P.* Ibn-Fadlan. Dissertacija na soiskanie uchjonoj stepeni doktora istoricheskih nauk [Ibn-Fadlan. The thesis for degree of the doctor of historical sciences], Moscow, 1948 [in Russian].

Kovalevskij 1956 - *Kovalevskij A.P.* Kniga Ibn-Fadlana o puteshestvii na Volgu v 921-922 gg. [The book Ibn-Fadlana about travel to Volga in 921-922], Kharkiv, 1956 [in Russian].

Kudrjashev 1948 - *Kudrjashev K.V.* Poloveckaja step' [Polovtsian steppe], Moscow, 1948 [in Russian].

Kumekov 1972 - *Kumekov B.E.* Gosudarstvo kimakov IX-XI vv. po arabskim istochnikam [The state of kimak of the 9-11th centuries on the Arab sources], Alma-Ata, 1972 [in Russian].

Kuzeev 1972 - *Kuzeev R.G.* Istoricheskaja jetnografija bashkirskogo naroda [Historical ethnography of the Bashkir people], Ufa, 1972 [in Russian].

Pashuto 1968 - *Pashuto V.T.* Vneshnjaja politika Drevnej Rusi [Foreign policy of Ancient Russia], Moscow, 1968 [in Russian].

Pletneva 1958 - *Pletneva S.A.* Pechenegi, torki, polovcy v juzhnorusskih stepjah [Pechenegs, Torks, Cumans in the South Russian steppes], in: Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. Vyp. 62. T. 1 [Materials and researches on archeology of the USSR. Release 62. Volume 1], Moscow, 1958 [in Russian].

Pletneva 1975 - *Pletneva S.A.* Poloveckaja zemlja [Polovtsian earth], in: Drevnerusskie knjazhestva X-XIII vekov [Old Russian principalities of the 10-13th centuries], Moscow, 1975 [in Russian].

Pletneva 1990 - *Pletneva S.A.* Polovcy [Cumans], Moscow, 1990 [in Russian].

PSRL 1962 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 1. Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume 1. Laurentian Chronicle], Moscow, 1962 [in Russian].

PSRL 1962a - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 2. Ipat'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume 2. Hypatian Chronicle], Moscow, 1962 [in Russian].

PSRL 2001 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 7. Voskresenskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. Volume 7. Voskresensky chronicle], Moscow, 2001 [in Russian].

PVL 1950 - Povest' vremennyh det / Perevod i kommentarii D.S. Lihacheva [Primary Chronicle / The Translation and comments by D.S. Likhachev], Moscow; Leningrad, 1950 [in Russian].

Гагин Игорь Анатольевич – Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Рязанского государственного медицинского университета (Рязань, Россия).

Gagin Igor Anatolyevich – candidate of historical sciences, associate professor of Departments of philosophy and history Ryazan state medical university (Ryazan, Russia).

E-mail: igagin@mail.ru

УДК 94(47).02

ШВЕДСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ О ФИННО-УГОРСКОМ СУБСТРАТЕ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД РУССКОЙ ИСТОРИИ

Л.П. Грот

Общество «Русский салон» (Лулео, Швеция)
e-mail: mail@histformat.com
ResearcherID: D-1052-2016
http://orcid.org/0000-0003-0184-1023
SPIN-код: 1768-1727

Авторское резюме

В статье показано, как в рамках шведского политического мифа XVII-XVIII вв., обслуживавшего геополитические задачи шведской короны в русских землях, были рождены идеи финно-угорского субстрата в Восточной Европе и позднего появления русских в Восточной Европе, в силу чего начало русской истории стали относить к V-VI вв. Ошибочность взглядов о поздних истоках русской истории доказывается на примере анализа данных по конским захоронениям в Евразии, в которых отразились сакральные традиции как ариев, так и древних русов.

Ключевые слова: шведский политический миф, финно-угорский субстрат, древние русы и арии, культ коня, солнцепоклонство.

SWEDISH POLITICAL MYTH OF FINNO-UGRIC SUBSTRATUM IN EASTERN EUROPE AND THE INITIAL PERIOD OF RUSSIAN HISTORY

Lidia Groth

The Russian Salon society (Luleå, Sweden)
e-mail: mail@histformat.com

Abstract

The article describes the birth of the ideas of Finno-Ugric substratum and late appearance of Russians in Eastern Europe in the context of Swedish political myths of the 17th – 18th centuries, serving the Swedish crown's geopolitical goals in Russian lands. Due to these myths, the initial period of the Russian history began to refer to the 5th – 6th centuries. The incorrectness of the late origins of the Russian history has been proven by the findings from horse burials in Eurasia, which demonstrated sacral traditions of both the Aryans and the ancient Rus'.

Keywords: Swedish political myths, Finno-Ugric substratum, the Rus' and the Aryans, horse worship, sun worship.

*   *   *

Сейчас в распоряжении ученых имеется достаточно научных данных, позволяющих начинать древнерусскую историю от времени расселения носителей индоевропейских языков на Русской равнине, т.е. от рубежа III-II тыс. до н.э. Но как известно, стартовой чертой для русской истории в современной науке считается период V-VI вв., с которым связывается расселение славянских племен в Восточной Европе. Согласно этим представлениям, русские появились в Восточной Европе позднее других народов и подчинили живших там финнов и балтов. Эти взгляды прочно закрепились в науке без особых дискуссий. По крайней мере, это можно сказать о советской науке, иллюстрацией чему служат, в частности, слова Б.А. Рыбакова о том, что «славянская колонизация продвигалась в толщу балто-литовских и финно-угорских племен» (Рыбаков 1997: 141).

Занимаясь исследованиями в области западноевропейских исторических утопий, я установила, что представления о финно-угорском субстрате в Восточной Европе восходят к ненаучному источнику, а именно к шведскому политическому мифу XVII-XVIII в., многие идеи которого известны под именем норманизма и которые стали проникать в российскую историческую науку, начиная с XVIII в., в русле активно осваивавшихся российским обществом того времени различных течений западноевропейской общественной мысли (Грот 2016: 94-97; Грот 2010: 139-176).

Параллельно с укоренением норманизма и других западноевропейских исторических утопий из русской исторической науки стали изгоняться источники, показывавшие древние корни русской истории. Под влиянием идеи финно-угорского субстрата все исходно индоевропейские топонимы Восточной Европы стали наделяться финно-угорскими этимологиями. Вещественные источники из археологических памятников, относящихся к периоду, предшествовавшему V-VI вв. н.э., стали приписываться носителям финно-угорских языков или любым другим народам, кроме русского.

В статье будут рассмотрены два вопроса. Во-первых, будет показано, как в рамках шведского политического мифа родилась идея финно-угорского субстрата в Восточной Европе. Во-вторых, на примере анализа данных из курганов с конскими захоронениями в Евразии, наиболее ранние датировки которых относятся к XII-X вв. до н.э., будет обоснована их принадлежность сакральным традициям древних русов и ариев.

В XVII-XVIII вв. в шведской историографии стало развиваться особое направление, принявшее форму грубого фантазирования на исторические темы с созданием величественных картин выдуманной истории Швеции в древности. Содержанием этих картин стали рассказы о вымышленных древних предках шведов: о шведо-гипербореях и о шведо-варягах.

Направление это увидело свет в период, связанный с событиями Смутного времени в Русском государстве и получило интенсивное развитие в так называемый великодержавный период в истории Швеции (1611-1718). По Столбовскому договору 1617 г., зафиксировавшему прекращение военных действий между Швецией и Русским государством, Швеция смогла удержать часть оккупированных ею русских земель (русские города Копорье, Ям, а также Ижорскую землю, Корелу и др.). Но

вскоре выяснилось, что захватить чужие земли при благоприятных обстоятельствах было проще, чем организовать там функционирующую систему управления и создать стабильные жизненные устои. Для этого, например, требовалось объяснять местному населению завоеванных русских земель «законность» оккупации, т.е. обосновать «историческое право» Швеции на завоеванные в Смутное время новгородские земли. Требовалось также придать «законный вид и толк» праву на получение выгод от контроля за русской торговлей хлебом, а после поражения в Северной войне – оправдание попыток реванша с целью возврата земель в устье Невы, где рос молодой Санкт-Петербург.

Для успешного проведения своей политики в завоеванных землях шведская корона нуждалась там в верноподданическом населении, верноподданическом если не по рождению, то хотя бы по лютеранской вере. Однако по Столбовскому договору насильственное обращение в лютеранство запрещалось, поэтому вопросы управления в русских землях, в том числе и религиозный вопрос, стали решать путем постепенного вытеснения православного населения и переселения на их место финских и немецких поселенцев, т.е. стали действовать методом, который сейчас называется этнической зачисткой.

Для идеологического обслуживания данных задач шведские власти и прибегли к конструированию нового политического мифа с созданием выдуманной древней истории Швеции. Подобная традиция имела в Швеции почтенный возраст, поскольку её предтечами были политические мифы о готах, развитые еще в XVI в. Изначальной целью этих мифов было создание информационных технологий, которые могли бы помочь шведскому государству найти консолидирующую шведское общество идею.

Так, шведский король Густав Ваза очень поддержал возникший в его время миф о том, что предками шведов были древние готы – корень всей германской культуры. По заказу короля был написан фантастический труд о величии древнешведской истории, полной вымышленных блистательных побед предков шведов – готов, создавших гигантские готские державы, управляемые могущественными гото-шведскими королями, которых ни один источник не знал. На картинах этой вымышленной истории стали воспитываться поколения и поколения шведов. Мысль о том, что предки шведов – это знаменитые готы, показала себя очень продуктивной политической технологией, поэтому государственная мысль Швеции в начале XVII в. использовала имевшийся опыт для решения новых политических задач, рожденных уже великодержавным периодом.

При поддержке государства стала создаваться новейшая версия истории Восточной Европы в древности, для чего привлекли ни много ни мало, древнегреческие мифы о гипербореях, которых объявили прямыми предками шведских королей. Новый политический миф был призван доказать первенствующую роль предков шведов в Восточной Европе, которые, по созданной мифологии, якобы уже в древнейшие гиперборейские времена обживали Восточную Европу задолго до других народов, ходили и до Черного моря, и далее до греческих островов. В обстановке после Столбовского мира шведский политический миф о древних корнях шведского владычества в Восточной Европе стал активно

развиваться, причем по двум направлениям: 1.) продолжалось развитие сюжетов о древней основоположнической роли предков шведских королей в Восточной Европе чуть не с гиперборейских времен; 2.) к этому прибавилось второе направление: о финнах, как древних насельниках в Восточной Европе, которые подчинялись шведским королям и платили им дань, а также о славянах, т.е. русских, которые были самыми поздними пришельцами в Восточную Европу.

Появление второго направления стимулировалось необходимостью введения на оккупированных русских землях политики насильственного обращения православного населения Ижорской и Водской земель в лютеранство, а для этого надо было найти «законные» обоснования в обход условий Столбовского договора. К середине XVII в. в завоеванных землях была пущена в ход так называемая политика сегрегации, т.е. политика противопоставления православных води и ижоры русским как истинным православным. На этом основании в документах шведской администрации стала как бы исподволь проводиться мысль о том, что обращение води и ижоры в православие произошло совсем недавно, а так по своему происхождению ижора и водь – финны, и потому они должны быть ближе к западногерманским традициям, чем к русским. Используя традицию манипулирования историческим прошлым, эту мысль в официальных документах стали облекать в псевдоисторические покровы: ижора и водь – это, дескать, остатки древних финских племен, которые в некие времена переселились в Ингерманландию откуда-то с севера, поэтому должны считаться лютеранами априорно и коренными народами в «западногерманской» Ингерманландии (Isberg 1973: 88-99). Эта казуистика ненавязчиво подразумевала, что обращение ижоры и води в лютеранство – это не нарушение условий Столбовского договора, а своего рода восстановление исторической справедливости и возвращение «западногерманских» финнов к их корням.

Неправое дело особенно нуждается в идеологизации, поэтому для данной политики был подключен опыт исторического мифотворчества, разработкой которого занялись университетские силы. В 1670 г. шведский писатель и профессор медицины Олоф Рудбек (1630-1702) начал работать над многотомным трудом под названием «Атлантида», где собрал и дал развитие всем предшествовавшим фантазиям об основоположнической роли предков шведов в истории древней Европы. Кроме того, Рудбек внес и собственный оригинальный вклад, «упорядочив» этническую картину в Восточной Европе в древности. Наши предки гиперборейские скифы (Yfwerborne Skythar), постулировал Рудбек, подчиняли себе многие страны мира, а народы превращали в своих рабов и взимали с них дань. Они покорили финнов, которые населяли Европу до реки Дона, а потом захватили и остальную Европу и подчинили её до Меотийского болота. О русских же или славянах Рюдбек написал, что они жили где-то намного южнее (Rudbeck 1947: 198-199). Таким образом, населив Восточную Европу вплоть до Дона финнами, Рудбек и ввел идею финно-угорского субстрата в Восточной Европе.

Все аргументы Рудбека были взяты из воздуха, однако это являлось обычной манерой того времени: XVI-XVIII вв. были эпохой создания вымышленных историй для североевропейских стран при поддержке государств. Со временем большинство

фантазий Рудбека на исторические темы было отнесено к курьезам, но его этнической картине Восточной Европы в древности выпала другая судьба.

Дело в том, что в Шведском королевстве Рудбека зубрили во всех учебных заведениях еще в течение XVIII в., включая и учебные заведения Финляндии, бывшей в то время частью Шведского королевства. Известный шведский историк XX в. Хенрик Шюк отмечал, что фантазии рудбековской «Атлантиды» в Швеции конца XVII-XVIII вв. заучивались как святыня, сравнимая только с Аугсбургским символом веры, т.е. с официальным вероисповедальным документом – богословской нормой лютеран (Schűck 1932-1944: 138). «Атлантида» Рудбека стала использоваться в университетах Швеции как «методологическая» база и как основной источник для написания диссертаций, посвящавшихся задаче показать древние корни шведского владычества в Восточной Европе, поскольку весь её миражный гигантизм мыслился как реальная история древней Швеции.

Современный шведский исследователь готицизма и рудбекианизма Ю. Свеннунг охарактеризовал «Атлантиду» как произведение, где шовинистические причуды фантазии были доведены до полного абсурда (Svennung 1967: 91). Но в XVII в. «Атлантида» Рудбека воспринималась образованными шведами как историческая истина в последней инстанции, а для шведской администрации, проводившей политику сегрегации в Ижорской и Водской землях – как «научная» аргументация в поддержку насильственной лютеранизации води и ижоры и вытеснения православного населения (Nordin 2000: 77). Представители шведской администрации в Игерманландии стали, со ссылкой на Рудбека, в официальных документах утверждать, что предки шведов и финнов были самыми древними поселенцами на севере Восточной Европы, поэтому Ингерманландия – это исконно древнешведская территория, и русские цари не могу считаться ее законными властителями (Isberg 1973: 100-109).

Так шло развитие шведского политического мифа до начала Северной войны. После ее окончания внешнеполитическая ситуация для Швеции изменилась. По Ништадскому миру Швеция потеряла завоеванные ранее русские земли. Понятно, что при менталитете, воспитанном на рудбекианизме, ни шведское общество, ни шведские политики не могли смириться с условиями Ништадского мира. В течение второй половины XVIII в. Швеция дважды нападала на Россию: в 1741 г. и в 1790 г. с целью вернуть прежние завоевания. Готовясь к военным действиям против России, шведские власти интенсивно развивали сюжеты политического мифа, «обосновывавшего» права Швеции на восточноевропейские земли, среди которых важное место занимал сюжет о финнах как первых насельниках в Восточной Европе, покоренных шведскими конунгами и собиравшими с них дань и о русских, как недавних пришельцах на Северо-Западе Европы.

Особым «вкладом» здесь стала диссертация, защищенная в 1734 г. шведским историком Альготом Скарйном, где получил дальнейшее развитие миф Рудбека о финнах как коренном населении Восточной Европы. Скарйн был первым западноевропейским историком, обратившимся к русским источникам. Он воспользовался каким-то переводом ПВЛ и в известной фразе «Имаху дань варязи

изъ заморья на чуди и на словѣнех...» к слову чудь приписал такое пояснение: «Ziudi, под которыми имелись в виду Fenni, Estones…» (Scarin 1734: 76).

Никакого подобного комментария в ПВЛ, как известно, нет, летописец не связывает чудь ни с финнами, ни с эстонцами. Но шведскому профессору было важно сфальсифицировать ПВЛ для западноевропейских читателей, подбросив в диссертацию мысль о том, что вот не только шведский Рудбек знал о финляндцах и эстляндцах, как древних насельниках в Восточной Европе, но и сами русские летописцы об этом помнили.

Со многими представителями шведских академических и университетских кругов состоял в переписке Г.З.Байер еще в период его работы в Кёнигсберге. Общение со шведскими коллегами интенсифицировалось с переездом Байера в Санкт-Петербург в начале 1726 г. Можно предположить, что не без влияния своих шведских коллег Байер приступил к работе над статьей «О варягах», тема которой выходила за пределы его научной компетенции и обязанностей. Известно, что выхода статьи Байера ждали в Швеции с нетерпением. Один из шведских корреспондентов Байера, крупный деятель шведской культуры Эрик Бенцелиус (он был и научным наставником Альгота Скарина) в письме к своему брату писал, что у него заранее слюнки текут от предвкушения прочтения статьи Байера («kommer mig att hvaslas i munnen»). Этот ажиотаж легко понять, поскольку в небольшой по объёму статье «О варягах», вышедшей в 1735 г., Байер использовал около десятка шведских авторов (Грот 2012: 39-41).

Есть основания полагать, что Байер, не знавший русского языка, пользовался и шведскими переводами отрывков ПВЛ, откуда и почерпнул убеждение о том, что «...чуды или чудь, под которыми имелись в виду естландцы и финландцы...».

Когда в начале XIX в. Финляндия из Шведского королевства перешла в Российскую империю, то «ученость» Рудбека, Скарѝна и других шведских сочинителей стала вливаться в российское общество трудами представителей финских образованных слоев, финских филологов и фольклористов. Многие из них были талантливые филологи и подвижники науки. Заслуги их перед мировой наукой бесспорны, но образование они получали в шведских учебных заведениях и историю учили «по Рудбеку», фантазии которого были развиты в псевдонаучных шведских диссертациях XVIII в. Из этих «источников» и почерпнули они свои представления о финнах, как первых насельниках в Восточной Европе. А под влиянием их работ, в свою очередь, сложилась в российской науке та картина сплошного финно- угорского мира, будто бы существовавшего в древности от Саян до Балтики и давшего, в частности, северу и центру Восточной Европы первое, в языковом отношении верифицируемое население. Этими учеными была проделана гигантская работа по подгонке индоевропейской топонимики Севера и Северо-Запада Восточной Европы под финно-угорские этимологии, в силу чего шведский политический миф был законсервирован в российской науке.

В России начала XIX в. идеи финских филологов были восприняты как отражение передовых западных взглядов в исторической науке, они пришлись под стать взглядам опозиционных, так называемых, прогрессивно-демократических кругов российского общества. Правда, уже в конце XIX-XX вв. в пользу гипотезы об

индоевропейском субстрате на восточноевропейском Севере стали высказываться очень серьёзные российские учёные. Однако в советское время это направление не получило развития, и взгляды о финно-угорском субстрате в Восточной Европе прочно закрепились в советской науке, что не могло не оказать деструктивного влияния на развитие российской исторической науки.

Так, многолетние усилия доказать наличие финно-угорского субстрата Восточной Европы негативно сказались на развитие археологических исследований в России. Поскольку расселение восточноевропейского славянства, с которым отождествлялись русские, согласно убеждению, унаследованному от шведского политического мифа, происходило не ранее VI в., то все археологические материалы, выявленные в Восточной Европе и уводившие в более ранние периоды, автоматически приписывались другим народам: финно-угорским (или отдельно финским и угорским, как это было у Европеуса), иранским, «балтским», тюркским.

Прекрасной иллюстрацией создавшемуся в науке положению служат интерпретации археологических материалов из курганов с конскими захоронениями, свидетельствовавших об обряде захоронения с конем и культе коня. Выявление древнейших истоков этого погребального обряда имеет важнейшее значение для реконструкции истоков русской истории, а также – истории других народов России, т.е. для изучения генезиса российской полиэтничности.

Исследование названного обряда можно начать с Ананьинской культуры – археологической культуры конца IX-III веков до н.э., локализуемой в Среднем Поволжье и в бассейне реки Камы. Погребальные памятники представлены бескурганными могильниками. В Ананьинском могильнике в окрестностях г.Елабуги на правом берегу Камы кроме человеческих костей были найдены кости лошади (помимо костей других животных), и множество разных предметов, среди них – металлические части конской сбруи, точила, ножи и, вероятно, амулеты. Все эти предметы были сделаны из бронзы, железа и даже из камня. Бронзовые предметы были украшены животным орнаментом, например, драконами, головками разных зверей и т.п., а также геометрическим орнаментом в виде зигзага, кругов и спиралей. Многие металлические предметы были в берестяных футлярах – факт, на мой взгляд, важный для этнической атрибутики захоронения.

Известно, что береза является древнейшим объектом поклонения для многих носителей ИЕ, а также для народов, на культурогенез которых они повлияли. Известный индолог Н.Р. Гусева писала, что самое древнее слово санскрита, означавшее «дерево», буквально переводится как «береза». Вследствие этого и береста выступала как часть культа берёзы. Гусева писала о том, что «...некоторые брахманские группы, имеющие предков-арьев, соблюдают обычай написания на бересте брачных договоров… На путях арьев в Индию – в Средней и Центральной Азии – обнаружены сотни рукописей на бересте, относящиеся к I-му тысячелетию до н.э. Их содержание связано с традициями не только буддизма, который распространялся здесь, но и индуизма, в той его части, которую привнесли в Индию арьи» (Гусева 2002: 65-66).

Культ поклонения березе и особое уважение к бересте как его части арии унести из Восточной Европы. Это значит, что береза была для древних русов и ариев

деревом деревьев – Деревом. Отсюда и явно сакральное значение, которое, видимо, придавалось ариями и их потомками записям на бересте и вообще – бересте. Эта традиция сохранилась в Индии, принесенная туда ариями со своей восточноевропейской прародины, и перешла впоследствии в буддизм и индуизм. Буддийские произведения на бересте обнаруживаются во многих буддийских странах, куда буддизм распространился из Индии, а затем из Тибета.

Но в Тибете известны также талисманы и ладанки с тибетскими текстами молитв и заклинаний против злых духов, сделанными из бересты. Береста рекомендовалась как наилучший материал для магических текстов (Воробьева-Десятовская 1980: 124-131). Следовательно, береста рассматривалась носителями ИЕ, начиная с их пребывания еще в Восточной Европе, как священный материал, необходимый при совершении ритуальных действий.

На основании приведенных сведений можно утверждать, что берестяные футляры для предметов погребального инвентаря в Ананьинском могильнике с конскими захоронениями демонстрируют связь с сакральными ценностями ариев и древних русов. А поскольку уход ариев из Восточной Европы относился к периоду середины II тыс. до н.э., то представителями ИЕ в ареале ананьинской культуры конца IX – III веков до н.э. должны были быть оставшиеся в Восточной Европе древние русы.

Но Ананьинская культура – отнюдь не самый нижний хронологический предел для конских захоронений. Конские захоронения и элементы конского снаряжения были найдены и в предананьинских культурно-исторических областях, т.е. относятся к разным периодам II тыс. до н.э. При исследовании памятников предананьинской культурно-исторической области археологами были обнаружены клыки медведя, зубы лошади, свиньи и бобра. Кроме того, в погребальном инвентаре захоронений были зафиксированы принадлежности для конской упряжи (Чижевский 2008).

Считается, что на формирование ананьинской культуры оказали влияние Кобанская культура Северного и Центрального Кавказа. Первые памятники данной археологической культуры были открыты в 60-х годах XIX в. в горной Осетии. Кобанская культура датируется периодом с XIV/ XIII вв. до н.э. до IV/ III вв. до н.э. Ее расцвет приходился на XII-X вв. до н.э. и принадлежал эпохе перехода от бронзы к железу на Северном Кавказе.

Для данной статьи важно отметить, что во многих древних захоронениях могильников Кобанской культуры был обнаружен погребальный инвентарь, который содержал и захоронения с конем или предметы конского снаряжения. Как отмечают исследователи, культ коня занимал особое место в культах древнего населения Южной Осетии уже с эпохи поздней бронзы, о чем свидетельствуют находки мелких скульптурных изображений коней, в основном встречающихся в женских погребальных комплексах XII-X вв. до н. э. и составляющих самую большую группу скульптурных изображений животных, например, в Тлийском могильнике. В каменных же выкладках погребений того времени часто попадались отдельные зубы лошади. Распространение культа коня на Кавказе связывали с влиянием движущихся в конце II — начале I тысячелетия до н. э. через Среднюю Азию и

Кавказ на Иранское плато ираноязычных племен. Вместе с этим культом заимствовались обряды и мифы.

Сказанное об изображении коней справедливо и в отношении изображений конской головы или копыта. По законам парциальной магии, как справедливо отмечается учеными, последние семантически тождественны изображению животного и несут ту же смысловую функцию. В ритуале это выражалось в жертвоприношениях части животного. В Осетии еще в начале XX века существовало поклонение конской голове. Черепа коней прикреплялись над дверями домов, на заборах, в центре поселка, служа оберегом и символом счастья. Такое же значение, вероятно имели находки тех отдельных черепов коней, которые были выявлены в погребениях из Сохта, Морго, Аркнети в Южной Осетии. Во всех случаях жертвоприношение коня, как подчеркивают осетинские ученые, было обращено к Богу солнца, поскольку «быстрейшему из всех Богов подобает быстрейшее животное». Эта связь сохранялась на протяжении всего средневековья (Гаглоев 2011).

Говоря о кобанской культуре и Кавказе, нелишне будет добавить, что обычай захоронения верхового коня известен и среди древних традиций в Абхазии. При этом также отмечается, что обычай захоронения с конем привнесен в Абхазию из Скифии. В статьях абхазского историка и этнографа С.А. Дбар описаны конские захоронения на территории Абхазии, которые совершались в могильных ямах, где вместе с предметами вооружения находились принадлежности конской сбруи. Исследования могильников с конскими захоронениями позволили ученым предположить, что в областях Закавказья с данными могильниками в VII – VI вв. до н.э. в местную этническую среду был вкраплен определенный скифский компонент (Дбар 2003: 275-286).

Итак, Кобанская культура, оказавшая влияние на формирование ананьинской культуры, в своих сакральных традициях, отразившихся в погребальных обрядах, в частности, связанных с конскими захоронениями, обнаруживает влияние арийских культов, с которыми как раз и связывают конские захоронения. Но тогда подобный вывод логично отнести и к ананьинсклму могильнику в окрестностях р. Елабуги, где были обнаружены кости лошади и металлические части конской сбруи. Сакральные традиции ананьевцев, отразившиеся в погребальном обряде, – это традиции носителей ИЕ.

Вопрос о генезисе ананьинской культуры остается дискуссионным. Под влиянием ошибочной идеи о финно-угорском субстрате в ней стали видеть археологический аналог прапермской этнолингвистической общности, по поводу которой сложилось мнение, что она выделилась из финно-пермского массива в сер. II тыс. до н.э. в районе к северу и северо-востоку от поворота Волги на юг в нижнем и среднем течении Вятки и Камы и сохраняла свое единство более двух тысяч лет (вплоть до вторжения булгар). Поэтому несмотря на оговорку в дискуссионности вопроса о генезисе ананьевской культуры, в науке закрепилось убеждение, что ее создатели – часть пермского пранарода, говорившего на пермском праязыке и обитавшего на пермской прародине между Волгой и Камой.

Приведенные рассуждения об ананьинской культуре или шире – об ананьинской культурно-исторической области как прародине прапермского народа

показывают, что наука сделала все возможное и невозможное для того, чтобы облечь наукообразностью слова одного из творцов шведского политического мифа Рудбека о том, что еще во времена вымышленных предков шведов – «гиперборейских скифов» Восточная Европа с севера до Дона была населена финнами.

Сейчас результаты исследований в области ДНК-генеалогии опрокидывают теоретические построения о финно-пермском массиве в серед. II тыс. до н.э. в районе Прикамья. Благодаря этим исследованиям мы знаем, что предки финно-угорских народов пришли в Восточную Европу 2000-1500 лет тому назад, т.е. много позднее переселения туда представителей R1a. Следовательно, они пришли в Восточную Европу, уже освоенную ее насельниками ариями и древними русами, давшими свои названия гидронимам и другим географическим феноменам (Клёсов 2013).

Поэтому ананьинская культурно-историческая область не может являться археологическим аналогом некоей умозрительной прапермской этнолингвистической общности, а **погребальные памятники Волго-Камья в период бронзы – раннего железа должны рассматриваться как памятники,** оставленные носителями ИЕ. Вопрос только в том, какими именно носителями? Выше приводились мнения специалистов о том, что культурными донорами для ананьевцев, включая и обряд захоронения с конем, свидетельствовавший о культе коня, были скифская и восточные культуры кочевников степей Евразии.

Но в недавнее время появились работы, которые опровергают возможность заимствования культа коня от кочевников степей Евразии. Однако прежде чем привести выводы исследователей о том, как соотносились культ коня и кочевые культуры, следует завершить рассмотрение областей, **где выявлены следы погребального обычая, сопровождавшегося захоронениями коня или конского снаряжения, и привести данные археологических памятников Алтая и Саян.**

На Алтае это – знаменитый Пазырыкский могильник, расположенный в Улаганском районе республики Алтай. Пазырыкский могильник состоит из 5 курганов, сложенных из камня, диаметром до 42 м и высотой до 4 м. Все курганы были ограблены еще в древности.

1-й Пазырыкский курган раскопан в 1929 М.П. Грязновым, курганы 2–5 – С.И.Руденко (1947-49). 1-й курган был сильно ограблен, но хорошо сохранилась камера за срубом, где были похоронены 10 коней. В хорошем состоянии были найдены уборы коней – мягкие седла, набитые шерстью северного оленя, затянутые подпругой и укрепленные подхвостным и нагрудными ремнями. Подстриженную гриву украшал войлочный нагривник со стилизованным изображениями петухов. Голова коня была закрыта маской, увенчанной рогами оленя. Все 10 комплектов упряжи отличает разнообразие сюжетов, изобразительных приемов и техники исполнения.

Дерево и кожа раскрашивались, покрывались листовым золотом и оловом. Погребальная камера 3-го кургана была покрыта берестяными полотнищами (! – Л.Г.). В северной части могилы, за срубом погребено 14 верховых коней в полном снаряжении, украшенных декорированными бляхами из дерева и рога. В 4-м кургане также обнаружено 14 верховых лошадей в упряжи, украшенных деревянными

бляхами в виде животных, изображенных в традициях скифо-сибирского звериного стиля.

В 5-м кургане за пределами сруба были погребены 5 верховых коней в полном снаряжении, здесь же обнаружены деревянная колесница с четверкой запряженных лошадей, войлочный шатер и телега. Убранство верховых коней, отмечают археологи, поражает богатством и разнообразием. На одном из коней упряжь снабжена уздой и седлом с многочисленными деревянными бляхами. Чепрак седла из китайского шелка с художественной вышивкой. Убранство коня дополнено кожаной маской, увенчанной деревянной головой оленя с ветвистыми кожаными рогами. Седло другого коня имело покрытие из дорогой персидской многоцветной ткани с выполненными в технике гобелена изображениями идущих львов и сцен жертвоприношения. Пазырыкский могильник датируется V-III вв. до н. э. Материалы могильника хранятся в Государственном Эрмитаже (Молодин 2016).

Ярчайшим архитектурным памятником в долине реки Уюк (Западный Саян, Тува) являются курганы Аржан-1 и Аржан-2, которые относятся к культуре, условно называемой уюкской, и датируются эпохой бронзы и железа (IX-III века до н.э.). Аржан-1 (рубеж IX-VIII веков до н.э.) был раскопан в 1971-1974 годах археологической экспедицией под руководством М.Х. Маннай-оола и М.П. Грязнова. Многие археологи отмечали, что сложная деревянная конструкция кургана Аржан-1 в целом напоминает символ Солнца.

С 1987 года Саяно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Марсадолова Л.С. были продолжены комплексные исследования кургана Аржан-1. В кургане Аржан-1, по мнению Л.С. Марсадолова, довольно чётко прослеживается трёхчленная вертикальная структура – верхний мир (небо = каменная насыпь), средний (центр погребения людей и коней, деревянная конструкция) и нижний мир (подстилающая земля и ниже). Всего в Аржане погребено около 160 коней + 15-20 хвостов коней под полом центральной камеры (Марсадолов 2009).

Ажан-2 (втор. пол. VII века до н. э.) был впервые исследован в 1997 году, а раскопан в 2001 – 2003 годах российско-германской экспедицией (К.В. Чугунов, Г. Парцингер, А. Наглер). По выводам исследователей, Аржан-2 представляет собой ритуальные сооружения за кольцевыми оградами. Кости животных представлены, в основном, фрагментами черепов и нижних частей конечностей лошадей (Чугунов 2005: 58-62; Чугунов 2009).

В 2014-2015 гг. начались раскопки кургана Аржан-5 (IX-VIII вв. до н.э.). В центральном сооружении удалось зафиксировать кости нескольких лошадей и человека, а также предметы конского снаряжения, в том числе, бронзовая уздечная бляшка в виде свернувшейся пантеры (Рукавишникова, Гладченков 2015).

Краткий обзор наиболее известных поминально-погребальных комплексов, к характеристикам которых относятся погребения с конем или погребения конского снаряжения, позволяет выделить у них следующие черты.

Во-первых, эти комплексы разбросаны на обширных пространствах, как бы очерчивая гигантскую территорию от Поволжья и Кавказа до Алтая и Саянских гор.

Во-вторых, сакральные традиции, отразившиеся в погребальном инвентаре названных могильников, хронологически охватывают впечатляющий период, начиная от XII-X веков до н. э. и вплоть до XVIII-XIX вв. в отдельных областях.

В-третьих, названные сакральные традиции вполне убедительно характеризуются исследователями, как солнцепоклонство, в частности, потому, что конь является одним из зооморфных символов солнца наряду с оленем, соколом, лебедем, и следовательно, эти сакральные традиции по своему происхождению должны связываться с духовной культурой носителей ИЕ. Но в науке нет четкого объяснения тому, как сложилось это, фактически, единое сакральное пространство на такой огромной территории с идентичными культами и обрядностью и кем, каким народом или предками какого народа его существование поддерживалось.

Так, погребальный комплекс Аржан рассматривается как часть политической, экономической и культурной истории древних кочевых народов евразийской степи (Л.С. Марсадолов), пазырыкский могильник характеризуется как памятник скифо-сибирской культуры кочевого населения, кобанская культура – как симбиотичная культура автохтонных представителей Северного и Центрального Кавказа и арийских племен, обосновавшихся на Центральном Кавказе со второй половины II тыс. до н.э. в ходе миграций.

Что касается скифо-сибирской культуры кочевых народов, то ее представителей можно сразу исключить из числа создателей погребальных комплексов, где присутствуют захоронения с конем. Захоронения с конем или с конским снаряжением в погребальных комплексах Аржана, в Пазырыкском кургане, в могильниках Кобанской культуры иллюстрируют особую сакральную роль коня в духовной традиции создателей этих поминально-погребальных комплексов. Но современные исследования показывают, что у кочевников скифской эпохи культ коня не прослеживается. К данным выводам пришла М.А.Очир-Горяева в докторской диссертации «Погребения с захоронениями коней и предметами узды Северного Причерноморья, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Горного Алтая конца VI-III вв. до н.э.» (2014 г.), целью которой как раз и являлось выявление места и роли конских захоронений и предметов узды в погребальном обряде кочевников скифской эпохи.

В заключительной главе данной диссертаци «Конь в культуре кочевников скифской эпохи», с учетом данных погребальной практики, изобразительного искусства и письменных источников, констатируется, что у евразийских кочевников скифского времени собственный культ коня отсутствовал. В изобразительном искусстве кочевников скифского времени, указывает М.А. Очир-Горяева, изображение лошади встречается крайне редко, в отличие от сакральных образов оленя, хищной птицы, хищника кошачьей породы. Отсутствует в данном искусстве и канонизированный образ коня, подчеркивается лишь основная функция лошади как средства передвижения. Письменная традиция также не подтверждает наличие культа коня у скифских кочевников. Детали культа коня не выделяются и у других кочевых объединений скифского времени Евразии, например, у кочевников горно-алтайских областей. Поэтому, согласно М.А. Очир-Горяевой, захоронение коней у кочевников скифской эпохи следует рассматривать в ряду других материальных

категорий, нашедших упокоение вместе с погребением человека (Очир-Горяева 2014). Но в таком случае погребальные комплексы Аржана и Пазырыкского кургана не могут расцениваться как памятники древних кочевых народов евразийской степи или как памятники скифо-сибирской культуры кочевого населения, поскольку конские захоронения в этих погребальных комплексах обнаруживают явно ритуальный характер.

Теперь следует перейти к рассмотрению вопроса о том, какую роль играл конь в духовной традиции ведических ариев. Наиболее ярко эта роль выступает в описаниях ритуала жертвоприношения коня в Ригведе. В гимне РВ «Восхваление коня» (Ригведа 1995: 196-198) мы видим, что захоронение коня – это торжественный ритуал жертвоприношения («*Он вошел в пределы богов*»), причем конь как жертвенный дар посвящается всем главным богам ариев, а также – меньшим богам или полубогам, занимавшим тоже важное место в мировоззренческой системе ариев: Митре-Варуне, Индре, Агни, Арьяману, Рибху, Марутам – спутникам и помощникам Индры.

Важность данного ритуала подчеркивается словами о том, что он совершается «по правилам», согласно которым коня «трижды обводят по пути богов», иначе говоря, ритуал совершается по закону *риты/рты* (в авестийском языке ему соответствовало слово *аша*) – основному закону ариев, обеспечивавшему порядок всего существующего в мире.

По словам Т.Я. Елизаренковой, в ряд определений многозначного понятия *рита/рта* входило и такое действие, как круговращение, т.е. движение регулярного и циклического характера, поэтому *рита* выступала законом круговращения вселенной, обеспечивавшим правильность функционирования природы и человека. Действие «закона риты представлялось как смена циклов. Согласно взглядам мифопоэтического периода, в момент завершения определённого цикла Космос распадался, Хаос снова вступал в свои права, и необходим был новый акт творения для создания упорядоченного мира, живущего по закону рита. Основным инструментом востановления и поддержания космологического порядка был ритуал» (Елизаренкова 1995: 456-461). Важно отметить, что в древнерусской традиции известна своя параллель *риты – рота*, о которой многожды сообщается в летописях и в различных произведениях древнерусской литературы, но которая обойдена вниманием российской исторической мысли (о родстве русской роты и индийской риты см.: Серяков 2001: 576-610).

Ритуал жертвоприношения совершается у конского или жертвенного столба. Жертвенный столб – одно из наиболее распространенных воспроизведений середины мира – категории моделирования пространства в мифологических системах. Через объекты, ассоциирующиеся с серединой мира, проходит мировая ось. Середина мира в мифологической концепции воспринималась и как источник космической гармонии, и как эмбрион вселенной, и как зародыш мира. При этом в ритуале предмет, воплощавший середину мира, заключал в себе и образ космической середины, и образ центра собственного священного пространства: страны, города, общины. А жертвенный дар в ходе жертвенного ритуала воспроизводил осуществление космогонического акта, которым воспроизводилось

творение Вселенной из частей сакрализованного тела (тела Первобожества или Первосущества). Расчленение коня – пример такого жертвенного дара (см. гимн «Восхваление коня»), поскольку конь у ведических ариев служил символом ряда богов и, в частности, символизировал солнце, поэтому жертвоприношение коня с последующим захоронением было важнейшим ритуалом для ведических ариев. И прежде всего, как подчеркивает Т.Я. Елизаренкова, оно было одним из важнейших обрядов, связанных с царской властью (в гимне «Восхваление коня» прямо указывается цель жертвенного дара: «Пусть конь, добудет власть!»). Неслучайно для обозначения коня в РВ, употребляется не менее 15-ти синонимов.

В другом гимне «Восхваление коня» (Ригведа 1989: 198-200) конь явно ассоциируется с Первосуществом (появился «из первородного источника») и с Адитьем, т.е. сыном Адити (букв. *свободная, несвязанная земля, земля и небо*). По словам Н.Р.Гусевой, Адити предстает в Ведах как разлитое во вселенной женское начало, мать богов и всего сущего, как «матритамá» – наивысшее воплощение материнства. В молитвах, обращенных к ней, называют имя любого бога, потому что она – это «все боги, вместе взятые, и каждое божество в отдельности». Н.Р.Гусева приводит слова мудреца-риши Готáмы, который согласно традиции, так определял ее сущность: «Адити – это мать, и отец, и сын... Адити – это все, что рождено, и все, что будет рождено» (Гусева 2002:125).

К сыновьям Адити или Адитьям относились такие боги как Варуна, Митра, Арьяман, Бхага, Дакша, Анша (Ригведа 1989: 758-760). Отождествление коня с ведическими богами, связанными с солнцем (Митра) и с космическим законом (Варуна), придает ему значение Первобожества у ведических ариев. Как основной зооморфный символ солнца у ведических ариев, конь может перевоплощаться и в другие зооморфные солнечные ипостаси, например, сокола («крылья сокола») или оленя («он с золотыми рогами»). Вспомним голову коня, закрытого маской, увенчанной рогами оленя из Пазырыкского кургана на Алтае.

Из приведенных данных, содержащихся в гимне, видно, что захоронения предметов конской узды имело также большое и особое символическое значение. Их преподносили богам в числе самых ценных вещей: «...те золотые вещи (что кладут) для него, узда, конские ножные путы – (вся) принадлежащая (ему сбруя), пусть удержат его у богов!», поскольку они отождествлялись с браздами власти, охраняющей порядок жизни («…твои несущие счастье поводья, которые охраняют пастырей закона»).

Теперь понятно, какой глубокий смысл вкладывали создатели поминально-погребальных комплексов Аржана и «царских курганов» на Алтае, осуществляя захоронения коня/конской упряжи или захоронения с конем. Этот смысл хорошо разгадывается при сравнении археологического материала данных комплексов с ведическими гимнами в честь жертвоприношения коня. Но только вот ведических ариев в период создания этих комплексов там вроде бы уже не было, а к кочевому населению описанные традиции не относились.

О миграциях ариев с точки зрения ДНК-генеалогии приводятся совершенно определенные сведения в работах А.А. Клёсова: «Миграции ариев – это миграции носителей гаплогруппы R1a, вышедшие из Европы и прошедшие по Русской

равнине между серединой IV тыс. до н.э. и серединой II тыс. до н.э. и завершившиеся (как протяженные миграции) на Иранском плато (авестийские арии), в Северной Индии (индоарии) и в Месопотамии (хетты и митанийские арии). В качестве арийских можно рассматривать и миграции на Южный Урал (синташтинская и родственные археологические культуры) от Северного Казахстана в далекое Зауралье (андроновская культура, тагарская, таштникская и родственные культуры), и далее до Алтая с переходом в культуры скифского круга в I тыс. до н.э.» (Клёсов 2016: 127-156).

Рассмотренные в статье комплексы охватывают период, начиная с XII – X веков до н. э., т.е. как минимум столетия спустя после ухода ариев. Но тогда логично предположить, что сооружения этих комплексов могли осуществляться теми носителями ИЕ, которые остались в Европе и в Сибири. Самоназванием этих носителей ИЕ стало имя русы – имя, зародившееся на Русской равнине в эпоху бронзы, выделившееся, предположительно, при разделении родительской общности носителей ИЕ, представленной субкладом R1a-Z645, на две дочерние ветви Z93 и Z283>Z282>Z280 и отметившей свое появление гидронимикой с корнем рос-/рус-/рас- в европейской части Евразии. То, что именно древние русы выступали носителями сакральной традиции, отразившейся в захоронениях с конем в могильных комплексах от Ананьинского могильника в Прикамье до Пазырыкского могильника на Алтае и курганов Аржана на Западном Саяне, свидетельствует немало источников.

Например, в таком памятнике, как «Хронографический рассказ о Словене и Русе и городе Словенске», опубликованном как Приложение к Холмогорской летописи конца XVI в. (не будучи ее частью) и повествующем о расселении предков русских в Восточной Европе, начиная с 2409 года до н.э. или с лета 3099 от сотворения мира, сообщается, что роды князей Словена и Руса переселились от «Евксинопонта» в Прильменье, где они и их потомки создали мощную державу: «обладаша северными странами и по всему Поморию», а также – «до предела Ледовитого моря, по великим рекам Печере и Выми», …«за высокими и непроходимыми горами во стране... по великой реце Обве... Тамо бо берущи дорогою скорою звери, рекомого дымка, сиречь соболь» (ПСРЛ. XXXIII: 141-142).

Замечу попутно, что данный древнерусский памятник принадлежит к числу тех, кто был изгнан из российской исторической науки с воцарением норманизма и других западноевропейских утопий, поскольку свидетельствовал о древних корнях русской истории. Но если постулаты норманизма порождены не наукой, а шведским политическим мифом, то отвергаемые в угоду норманизму русские исторические сочинения должны быть возвращены в науку.

Согласно приведенному русскому источнику, полития древних русов раскинулась на обширных территориях от «Евксинопонта» до «предела Ледовитого моря» и «по всему Поморию», а также – в Приуралье и Сибири «за высокими и непроходимыми горами... по великой реце Обве...», т.е. до Алтайской горной страны. Но эта полития не была изначально названа ни именем русов, ни именем ариев. Имя русов закрепилось за ее европейской частью, окаймленной гидронимикой с корнем рос-/рус-/рас- в пределах от Балтийского моря до Волги. А

имя ариев в Евразии отразилось лишь в отдельных гидронимах, таких как река Арий – приток Ирени в Пермском крае, река Арий на Урале (Свердловская обл., Челябинская обл. и др.), река Ария – приток Лозьвы (бассейн Иртыша). Наиболее полно имя ариев проявляется после их ухода из Восточной Европы и Сибири, но проявляется на новых землях так мощно, что очевидно, оно существовало уже в недрах родительской общности R1a-Z645, о чем свидетельствуют и приведенные гидронимы. Именно название Арий/Ария унесли арии со своей прародины и сделали его свои народным именем. Этим именем они нарекали реки по пути своего движения. В работе археолога И.Н. Хлопина упоминается река Теджен (Афганистан, Туркмения), которую античные авторы назвали рекой Арий. И.М. Дьяконов называл реку Гери-руд в Афганистане как исток реки Ария (Хлопин 1999: 79).

Древнее название Иранского нагорья – Ариана относилось ко всему нагорью, а не только к территории современного государства Иран. Т.Я. Елизаренкова отмечала закрепление полумифического названия Ариаварта в Индии за областью от современного Дели до Матхуры, считающейся центром брахманской культуры. Но полития, созданная древними русами на просторах Евразии после исхода во II тыс. до н.э. большей части ариев, была названа, как можно предположить, не именем одного из народов – носителей ИЕ, а именем их великого божества Солнца, одно из названий которого угадывается в топонимах с корнем кола-, очерчивающих гигантскую территорию от Кольских гор на Северном Кавказе до многочисленных Коло-гор на Кольском полуострове, а также от Колобжега и Колывани на Балтике до Колываней на Алтае (Грот 2013).

В древнерусской традиции имя «кола» имело астральную проекцию, отразившуюся в названии созвездия Большой Медведицы и в названии Полярной звезды (Прикол-звезда, Кол-звезда), а с какого-то времени соединившуюся и с солнечным культом: в русском языке слово *кола*/*коло* вобрало и сохранило значения большинства основных солярных символов. И вот здесь следует вспомнить, что в русской устной традиции сохранилось название «Подсолнечное царство» / «царство под Солнцем» или царство под Колой, координаты которого легко накладываются на территорию, ограниченную топонимами с топоосновой *кола-*. Следовательно, можно предположить, что название древнейшей политии славянорусов было выбрано не по имени самого крупного народа – русов, а по имени их великого божества – Солнца. В русской устной традиции образ Подсолнечного царства обнаружил удивительную живучесть и вплоть до XVI в. выступал народным синонимом для Русского государства (Веселовский 1878: 234-238).

Название «Подсолнечное царство», сохраненное в русских исторических песнях, вполне могло быть выбрано славянорусами-солнцепоклонниками для гигантской древней политии, поскольку свидетельствует о том, что при создании царства принимался в расчет такой фактор как полиэтническая среда и отыскивалась основа, которая могла бы объединить носителей ИЕ с представителями уральской и других языковых семей. За такую основу, очевидно, была принята единая сакральная традиция, соединившая разные народы в рамках общей веры – солнцепоклонства, бывшего «визитной карточкой» носителей ИЕ. И солнцепоклонство древних русов, послужившее фундаментом для гипотетического

«Подсолнечного царства», отразилось в захоронениях с конем в могильных комплексах от Ананьинского могильника в Прикамье до Пазырыкского могильника на Алтае и курганов Аржана на Западном Саяне.

Зная теперь, что хронологический ограничитель для русской истории был введен шведским политическим мифом, можно абстрагироваться от него и заново исследовать подлинную историческую глубину образа коня в древнерусской культуре. Следует напомнить, что согласно этнографическим исследованиям, конь в славянской традиции вообще – одно из наиболее мифологизированных священных животных, выступавшем и атрибутом высших языческих богов (впоследствии, и христианских святых), и одновременно хтоническим существм. Конь был связан с культом плодородия и смертью, с загробным миром, выступая проводник на *тот свет* (Славянская мифология 1995: 228-229).

Хорошо известно, что конкретно в русском фольклоре конь отображал удивительно многослойную образную систему: конь как посредник между земным и небесным миром, как посланец на землю от могущественных сакральных сил в помощь их избранникам, как неразлучный спутник и защитник эпического героя.

Как у русских, так и у индоариев конь обладал функцией оберега. Индолог Н.Р. Гусева обращала внимание на обычай, сохранившийся у потомков ариев в Индии, считать фигурки коней сильными оберегами, поскольку конь рассматривался как посредник между людьми и богами: «…такой обычай был привнесен арьями. До их прихода местные жители лошадей не разводили – ни на одной таблице Хараппы нет изображения этого животного. Зато в среде предков славян и арьев был распространен обычай принесения лошадей в жертву богам. Конь вообще вошел во многие мифы и сказки в роли посредника в общении с богами: до сих пор на деревенских избах укрепляют на углу крыши резного коня, да и само несущее бревно крыши зовется коньком. Не так уж давно черепа лошадей можно было видеть на кольях забора – этим черепам приписывалась роль оберегов от всякого зла» (Гусева 2002: 117-118). Вспомним здесь приведенный выше доклад Р. Гаглоева и его сообщение о том, что черепа коней и у осетин прикреплялись над дверями домов, на заборах, в центре поселка, служа оберегом и символом счастья.

Известный археолог В.А. Городцов (1860-1946) отмечал обычай надевать конские черепа на шесты близ жилья, пасек и огородов, сохранившийся и в его время, например, в Московской и Курской губерниях (Городцов 1926: 24). Известен в русской традиции и обычай хоронить коня вместе с хозяином. На Вологодчине был зафиксирован обычай хоронить павшего коня как человека, оставляя на могиле перевернутые сани. Роль проводника на тот свет выполнял волшебный конь из русских сказок, такие как Сивка-Бурка, Конек-Горбунок.

Попробуем теперь найти соответствия между русскими источниками и ведическими гимнами в честь жертвоприношения коня, которые разъясняли смысл захоронения коня/конской упряжи или захоронения с конем в поминально-погребальных комплексах от Ананьинского могильника в Прикамье до Пазырыкского могильника на Алтае и курганов Аржана на Западном Саяне. Полагаю, что в этом могут помочь данные этнографических исследований в области северорусской вышивки ритуального характера.

Археолог В.А. Городцов первым обратил внимание на русскую вышивку как изобразительный источник для исследования древнерусских сакральных традиций. Этот источник представляет явный интерес и для рассматриваемого в статье вопроса о культе коня у носителей ИЕ, поскольку изображения северо-русского шитья обнаруживают, на мой взгляд, родство с ведическим мировозрением, раскрытым в гимнах РВ, посвященных, в частности, жертвоприношению коня.

Как совершенно справедливо отметил В.А. Городцов, центральной фигурой северо-русских узоров является изображение женщины, которая представляется всегда стоящею. Её отношение к окружающему внешнему миру выражается положением рук, которые то поднимаются кверху, ясно выражая ее молитвенное отношение к чему-то высшему, либо держат за поводья коней, стоящих по обе стороны от нее, на которых сидят всадники, молитвенно простирающие к женщине руки, либо лежат у нее на бедрах, придавая фигуре величественное спокойствие.

Женщина органически связывается с изображением дерева. Иногда она, по выражению Городцова, срастается с ним, а иногда заменяется определенно выраженным символом, перед которым, как перед нею самою, молитвенно предстоят и важные всадники, конем попирающие маленьких людей, и звери, и птицы, и гады, и рыбы, и символы всех светил небесных.

Иногда женщина стоит в храме, наполненном знаками небесных светил: и солнца, и луны, и звезд, а перед ее могущественною фигурою предстоят оба всадника. Иногда она сама представляет храм, внутри которого стоит ее статуя – кумир, а справа и слева находятся оба всадника, высоко поднимающие длани кверху, выражая жестами молитвенное благогововение, а за всадниками стоит по одному дереву. Иногда она стоит, держа бразды правления двух всадников, на тверди, покрытой знаками светил небесных, под которыми произрастает пышное дерево, и рядом стоит великолепный храм, а в нем молящиеся люди, благоговейно поднимающие руки к ней – женщине небесной сферы. Иногда она, наконец, – могучее пышное древо, наполненное символами светил небесных. Справа и слева от древа, у корня, стоят жар-птицы с солнечными символами на спине, а за птицами возвышаются красивые храмы.

Есть удивительные изображения, где женщина стоит в небесных сферах с жестом молитвенного благоговения пред великим светилом солнца, а пред нею стоят небесные, очевидно, посвященные ей неземные кони, так как под ногами их свастические знаки. В нижней части той же картины возвышается алтарь с возложенною на него головою быка и предстоящими пред ним двумя оленями. По предположению Городцова, это, возможно, жертвенные дары, уготованные для великой женщины.

Наконец, имеется изображение алтаря, сооруженного не на земле, а в небесных сферах, отмеченных драконами и знаками небесных светил. Из стен алтаря произрастают ветви дерева, а на крышке пылает огонь. Перед алтарем стоят всадники на конях, покрытых свастическими знаками.

Соглашаясь с В.А. Городцовым, следует признать, что в вышивках подчеркнуто особое положение женщины, а сопровождающие её символы неба и светил, моление перед нею великих и малых людей или человекообразных существ

ясно указывают на то, что пред нами богиня, царица неба и земли. А это объясняет, как справедливо заключает Городцов, почему для нее возводятся жертвенники, храмы с поставленными в них ее же изображениями или кумирами. Нетрудно также, считает Городцов, решить вопрос о значении постоянно сопутствующего и часто замещающего богиню древа. Это, очевидно есть Древо жизни, и если богиня так тесно связывается с ним, то значит, в народном представлении она сама есть начало жизни, мать всего сущего. Ей как таковой принадлежат все стихии: воздух, вода и земля.

Кони и всадники, сопутствующие богине не только в земных, но и в небесных сферах, и изображающиеся над и среди символов небесных светил, по толкованию Городцова, осуществляют служение богине в ее небесных сферах. Особое значение коням и некоторым, сопутствующим богине всадникам, придает то, что они покрыты солярными знаками, и это указывает на их причастность к небесной жизни. Само собою разумеется, подчеркивает Городцов, что и всадники, изображенные на этих конях, не являются существами земными, а являются существами небесными. Это боги, но боги, подчиненные великой богине – царице небесной, к которой они возносят свои моления, так как власть их и сила в ее руках, что наглядно представляется тем, что поводья (бразды правления) коней находятся в руках богини.

Иногда изображаются всадники, неотмеченные небесными символами, следовательно эти существа не боги, а люди, но люди непростые, и таковыми могут быть цари-владыки земные, получающие милостью божиею свою власть. Некоторые из этих всадников молитвенно простирают руку к богине. Тогда, делает вывод Городцов, пред нами открывается мысль народного сознания о божественном происхождении власти, предупредившая христианскую доктрину – «несть власть, аще не от бога», а северорусские вышивки запечатлели замечательный по своему стройному и величественному содержанию культ «царицы небесной», имя которой забыто русскими так как, по-видимому, целиком перенесено на христианскую «Царицу небесную».

Но эта великая русская языческая богиня, отмечает Городцов, не представляется наивысшим автократным существом, иначе она молитвенно не возносила бы своих дланей кверху. Очевидно, в русском народном сознании над великой матерью всего сущего возвышалось такое необъятное божество, изобразить которое отказывалось народное творчество, выражая иногда его светлую природу сияющим диском солнца, возвышающимся над головою великой богини. Представляется вероятным, делает вывод Городцов, что этим необъятным невыразимым светлым божеством возглавлялось стройное и по своему характеру, великое религиозное учение, выраженное в русском народном творчестве, как совершенно определенная и законченная теософская система.

Соглашаясь в основном, с толкованиями В.А. Городцова, полагаю, что с большой долей вероятности можно предположить, что имя древнерусской великой матери всего сущего, в соответствии с традициями мифопоэтического сознания, должно было быть табуировано, но ее ведийским аналогом, по моему убеждению,

является Адити – мать богов и всего сущего. Помимо сходства общей функции, можно отметить и конкретные сближающие их черты.

Древнерусская матерь всего сущего тесно связана или даже персонифицируется с Древом мировым (arbor mundi, «космическое» древо), которое в образе космической опоры является частью универсальной концепции мира в мифопоэтическом сознании.

Согласно В.Н. Топорову, трансформациями Древа мирового являются «ось мира», «мировая гора», «мировой человек» (Первочеловек), храм, алтарь и др. Как видно из коллекции северо-русской вышивки, Древо мировое в русской традиции выявляется и в чистом виде, и в виде алтаря или храма, посвященых антропоморфному женскому божеству, которое само на некоторых вышивках частично сливается с древом.

Подобные трансформации свидетельствуют, на мой взгляд, о глубокой архаике образов северорусской вышивки или вышитой иконографии, по определению Городцова. Фигуры вышивок снова и снова, век за веком воспроизводят акт творения в той священной точке пространства, где стоит Древо мировое – местопребывание древнерусской матери всего сущего. В ведийских гимнах Древо мировое также присутствует и выступает в виде жертвенного столба («мировой столп»), а Адити – «мать богов и всего сущего» – присутствует через своих сыновей Адитьев, которым посвящался жертвенный ритуал, воспроизводивший творение Вселенной.

Помимо образа матери всего сущего, другой нитью, соединяющей древнерусскую вышитую иконографию и космогонию вед, являются фигуры или образы всадников. Эти образы хорошо известны в РВ, поскольку многие ведийские боги упоминаются именно как всадники или как правящие конями: Митру везут по небу белые кони, бог солнца Сурья объезжал мир на рыжих кобылицах и сам выступал в образе рыжего коня. Конь был атрибутом и образным уподоблением бога огня и жертвенного костра Агни. Прославлялись буланые кони Индры. Со всеми этими ведийскими богами неразрывную связь имело и великое материнское начало или Адити, поскольку Адити – это «все боги, вместе взятые, и каждое божество в отдельности».

Небесной или божественной сущностью наделяются и вышитые северо-русские всадники, восседающие на конях, покрытых солярными символами, и размещаемые по обеим сторонам от древнерусской матери всего сущего или выражающего ее символа. Фигуры всадников северо-русской вышивки, на мой взгляд, несут в себе тот же смысл, что и ведийские боги-всадники, что естественно, поскольку северо-русская вышитая иконография сложилась на Русской равнине, и ее сюжеты изобразительными средствами выражали космогонические представления, отразившиеся позднее в словестных текстах гимнов РВ, тысячелетия существовавшие в устной форме.

Представления, воспроизведенные в ведах и в северорусской вышитой иконографии, создавались в лоне еще нерасчлененной общности древних русов и ариев, и оттуда идет их сходство. Поэтому такой визуальный источник как ритуальная русская вышивка уводит начало древнерусской истории к эпохе бронзы

в Восточной Европе и, следовательно, соединяет русскую историю с теми археологическими памятниками, которые рассматривались в статье. Анализ археологических памятников эпохи бронзы на территории России должен производится с учетом древнерусской составляющей. Но это может произойти только при условии освобождения российской исторической мысли от стереотипов шведского политического мифа, одним из которых является идея финно-угорского субстрата в Восточной Европе.

ЛИТЕРАТУРА

Веселовский 1878 - *Веселовский А.Н.* Сказание о красавице в тереме и русская былина о Подсолнечном царстве // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1878. Апрель. С. 183-238.

Воробьева-Десятовская 1980 - *Воробьева-Десятовская М.И.* Фрагменты тибетских рукописей на бересте из Тувы // Страны и народы Востока. Вып. XXII. М., 1980. С. 124-131.

Гаглоев 2011 - *Гаглоев Р.* Культ коня - часть духовной жизни населения Древней Осетии // Доклад директора Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З.Н. Ванеева Роберта Гаглоева на III Абхазской международной археологической конференции. 28 ноября – 1 декабря 2011 года, г. Сухум / Электронный ресурс: http://cominf.org/node/1166490683 (дата обращения – 01.10.2016).

Городцов 1926 - *Городцов В.А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Труды государственного исторического музея. Выпуск I. Разряд археологический. М., 1926. 36 с.

Грот 2010 - *Грот Л.П.* Путь норманизма: от фантазии к утопии // Варяго-русский вопрос в историографии / Изгнание норманнов из русской истории. Выпуск 2. М.: Русская панорама, 2010. С. 139-176.

Грот 2012 - *Грот Л.П.* Шведские ученые как наставники Г.З. Байера в изучении древнерусской истории // Вестник Липецкого университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Выпуск 1 (6). С. 35-46.

Грот 2013 - *Грот Л.П.* Загадочная Колывань: от Прибалтики до Алтая / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/04/kolyvan/ (дата обращения – 01.10.2016).

Грот 2016 - *Грот Л.П.* Как летописная чудь превратилась в «эстонские племена» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. № 1 (154). С. 93-100.

Гусева 2002 - *Гусева Н.Р.* Славяне и арьи. Путь богов и слов. М.: Гранд, 2002. 328 с.

Дбар 2003 - *Дбар С.А.* Исторические формы захоронений у абхазов // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сухум, 2003. С. 275-286.

Елизаренкова 1995 - *Елизаренкова Т.Я.* Мир идей ариев Ригведы // Ригведа. Мандалы V-VIII. М.: Наука, 1995. 752 с.

Клёсов 2013 - *Клёсов А.А.* Ответы дает ДНК-генеалогия / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/02/dna-genealogy/ (дата обращения – 01.10.2016).

Клёсов 2016 - *Клёсов А.А.* Миграции ариев по данным ДНК-генеалогии // Исторический формат. 2016. № 2. С. 127-156.

Марсадолов 2009 - *Марсадолов Л.С.* Курган Аржан-1 в центре Азии: геополитический и астрономический аспект / Электронный ресурс: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/470-marsadolov.html (дата обращения – 01.10.2016).

Молодин 2016 - *Молодин В.И.* Пазырыкский могильник / Электронный ресурс: http://bsk.nios.ru/enciklodediya/pazyrykskiy-mogilnik (дата обращения – 01.10.2016).

Очир-Горяева 2014 - *Очир-Горяева М.А.* Погребения с захоронениями коней и предметами узды Северного Причерноморья, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Горного Алтая конца VI-III вв. до н.э. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Элиста, 2014. 361 с.

ПСРЛ. XXXIII - Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л.: Наука, 1977. 250 с.

Ригведа 1995 - Ригведа. Мандалы. I-IV. М.: Наука, 1995. 767 с.

Рукавишникова, Гладченков 2015 - *Рукавишникова И.В., Гладченков А.А.* Исследование кургана Аржан-5 / Электронный ресурс: http://www.archaeolog.ru/?id=2&id_nws=317&zid_nws=9 (дата обращения – 01.10.2016).

Рыбаков 1997 - *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Русское слово, 1997. 823 с.

Серяков 2001 - *Серяков М.Л.* «Голубиная книга». Священное сказание русского народа. М.: Алетейа, 2001. 663 с.

Славянская мифология 1995 - Славянская мифология. М.: Эллис Лак, 1995. 416 с.

Хлопин 1999 - *Хлопин И.Н.* Афанасьевская культура (историческое содержание) // Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 137 с.

Чижевский 2008 - *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках: Предананьинская и ананьинская культурно-исторические области // Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань, 2008. 172 с.

Чугунов 2004 - *Чугунов К.В.* Последний год раскопок погребально-поминального комплекса Аржан 2 в Туве // Археологические экспедиции за 2004 год. Сборник докладов. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2005. С. 58-65.

Чугунов 2009 – *Чугунов К.В*. Аржан-1 и Аржан-2 – сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. 2009. № 3 / Электронный ресурс: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/469-chugunov.html (дата обращения – 01.10.2016).

Isberg 1973 - *Isberg A.* Svensk segregations- och konversionspolitik i Ingermanland 1617-1704 // Studia historico-ecclesiastica Upsalensia. 23. Uppsala, 1973. 163 s.

Nordin 2000 - *Nordin J.* Ett fattig men fritt folk. Stockholm; Stehag, 2000. 527 s.

Rudbeck 1947 - *Rudbeck O.* Atlands eller Manheims. Tredje delen. Uppsala och Stockholm, 1947. 777 s.

Scarin 1734 - *Scarin Algot*. De originibus priscae gentis varegorum. Diss. Aboae, 1734. 84 s.

Schück 1932-1944 - *Schück H.* Den äldre Peringskiölds tid // KGL. Vitterhets historie och Antikvitets akademien. Dess förhistoria och historia. I-VIII. B. IV. Stockholm, 1932-1944.

Svennung 1967 - *Svennung J.* Zur Geschichte des goticismus. Stockholm, 1967. 118 s.

REFERENCES

Chijevskii 2008 - *Chijevskii A.A.* Pogrebal'nye pamyatniki naseleniya Volgo-Kam'ya v finale bronzovogo – rannem jeleznom vekah: Predanan'inskaya i anan'inskaya kul'turno-istoricheskie oblasti [Funeral monuments of Volgo-Kamje during the end of a bronze, begining of iron ages. Predananijan and ananijan cultural and historical areas], in: Arheologiya evraziiskih stepei. Vyp. 5 [Archeology of eurasian steppe. Release № 5], Kazan, 2008, 172 p. [in Russian].

Chugunov 2004 - *Chugunov K.V.* Poslednii god raskopok pogrebal'no-pominal'nogo kompleksa Arjan 2 v Tuve [Last year of excavation of a funeral complex Arjan 2 in Tuva], in: Arheologicheskie ekspedicii za 2004 god. Sbornik dokladov [Archeological expedition of 2004. Collection of reports], Saint Petersburg, State Hermitage publishing house, 2005, pp. 58-65[in Russian].

Chugunov 2009 - *Chugunov K.V.* Arjan-1 i Arjan-2 – sravnitel'nyi analiz [Comparative analysis of Arjan-1 and Arjan-2], in: Novye issledovaniya Tuvy [New research of Tuva], 2009, № 3, Electronic resource: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/469-chugunov.html (Date of access – 01.10.2016) [in Russian].

Dbar 2003 - *Dbar S.A.* Istoricheskie formy zahoronenii u abhazov [Historical forms of abkhazian burial places], in: Kavkaz: istoriya, kul'tura, tradicii, yazyki [Caucasus: history, culture, traditions, languages], Sukhum, 2003, pp. 275-286 [in Russian].

Elizarenkova 1995 - *Elizarenkova T.Ya.* Mir idei ariev Rigvedy [Aryan Rigveda word of ideas], in: Rigveda. Mandaly V-VIII [Rigveda. Mandalas V-VIII], Moscow, Nauka Publ., 1995, 752 p. [in Russian].

Gagloev 2011 - *Gagloev R.* Kul't konya – chast' duhovnoi jizni naseleniya Drevnei Osetii [Cult of the horse – part of spiritual life of the population in Ancient Ossetia], in: Doklad direktora Yugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta im. Z.N. Vaneeva Roberta Gagloeva na III Abhazskoi mejdunarodnoi

arheologicheskoi konferencii [Essay made by Robert Gagloev - director of Z.N. Vaneev's Southern Ossetia research institute during 3rd Abkhazian international archeological conference], November 28th – 1 December 2011, Sukhum, Electronic resource: http://cominf.org/node/1166490683 (Date of access – 01.10.2016) [in Russian].

Gorodcov 1926 - *Gorodcov V.A*. Dako-sarmatskie religioznye elementy v russkom narodnom tvorchestve [Dako-Sarmatian religious elements in russian folklore], in: Trudy gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vypusk I. Razryad arheologicheskii [Works of state historical museum. Issue I. Archeological category], Moscow, 1926, 36 p. [in Russian].

Groth 2010 - *Groth L.P*. Put' normanizma: ot fantazii k utopii [Path of normanism: from fantasy to utopia], in: Varyago-russkii vopros v istoriografii / Izgnanie normannov iz russkoi istorii. Vypusk 2 [Russian-Varangian question in historiography / Exile of normanns from russian history. Issue 2], Moscow, Russian panorama Publ., 2010, pp. 139-176 [in Russian].

Groth 2012 - *Groth L.P.* Shvedskie uchenye kak nastavniki G.Z. Baiera v izuchenii drevnerusskoi istorii [Swedish Scholars as the Teachers of Orientalist G.S.Bayer in Studying the Old Russian History], in: Vestnik Lipeckogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2012. Vypusk 1 (6) [Bulletin of Lipetsk State Pedagogical University. Series humanities. 2012. № 1 (6)], pp. 35-46 [in Russian].

Groth 2013 - *Groth L.P*. Zagadochnaya Kolyvan': ot Pribaltiki do Altaya [Mysterious Kolyvan: from Baltic to Altai], Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/04/kolyvan/ (Date of access – 01.10.2016) [in Russian].

Groth 2016 - *Groth L.P.* Kak letopisnaya chud' prevratilas' v «estonskie plemena» [How annalistic chud became «estonian tribe»], in: Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Obschestvennye i gumanitarnye nauki [Academic notes of Petrozavodsk state university. Social and humanitarian sciences], 2016, № 1 (154), pp. 93-100 [in Russian].

Guseva 2002 - *Guseva N.R*. Slavyane i ar'i. Put' bogov i slov [Slavs and Aryans. Path of the gods and words], Moscow, Grand Publ., 2002, 328 p.

Hlopin 1999 - *Hlopin I.N*. Afanas'evskaya kul'tura (istoricheskoe soderjanie) [Afanasian culture (historical contents)], in: Gryaznov M.P. Afanas'evskaya kul'tura na Enisee [Afanasian culture on Enisei], Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999, 137 p. [in Russian].

Isberg 1973 - *Isberg A.* Svensk segregations- och konversionspolitik i Ingermanland 1617-1704 [Swedish segregation policy in Ingermanland 1617-1704], in: Studia historico-ecclesiastica Upsalensia 23, Uppsala, 1973, 163 p. [in Swedish].

Klesov 2013 - *Klesov A.A.* Otvety daet DNK-genealogiya [DNA-genealogy gives answers], Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/02/dna-genealogy/ (Date of access – 01.10.2016) [in Russian].

Klesov 2016 - *Klesov A.A.* Migracii ariev po dannym DNK-genealogii [Migrations of the Aryans in Light of DNA Genealogy], in: Istoricheskiy format [Historical format], 2016, № 2, pp. 127-156 [in Russian].

Marsadolov 2009 - *Marsadolov L.S.* Kurgan Arjan-1 v centre Azii: geopoliticheskii i astronomicheskii aspect [Arjan-1 barrow in central Asia : geopolitical and astronomical aspects], Electronic resource: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/470-marsadolov.html (Date of access – 01.10.2016) [in Russian].

Molodin 2016 - *Molodin V.I.* Pazyrykskii mogil'nik [Pazyryksian burial ground], Electronic resource: http://bsk.nios.ru/enciklodediya/pazyrykskiy-mogilnik (Date of access – 01.10.2016) [in Russian].

Nordin 2000 - *Nordin J*. Ett fattig men fritt folk [Poor but free people], Stockholm/Stehag, Brutus Östlings Publ., 2000, 527 p. [in Swedish].

Ochir-Goryaeva 2014 - *Ochir-Goryaeva M.A.* Pogrebeniya s zahoroneniyami konei i predmetami uzdy Severnogo Prichernomor'ya, Nijnego Povolj'ya, Yujnogo Priural'ya i Gornogo Altaya konca VI-III vv. do n.e. Dissertaciya na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskih nauk [Burial grounds with horse corpses and bridle items of Norethern Pontic littoral, Lower Volga, Southern Ural and Mountainous Altay from VI-III centuries BCE. Doctoral candidate dissertation], Elista, 2014, 361 p. [in Russian].

PSRL. XXXIII - Polnoe sobranie russkih letopisei. T. XXXIII. Holmogorskaya letopis'. Dvinskii letopisec [Complete collection of the Russian chronicle. Volume XXXIII. Holmogorskaja chronicle], Leningrad, Nauka Publ., 1977, 250 p. [in Russian].

Rigveda 1995 - Rigveda. Mandaly. I-IV. Izdanie podgotovila T.Ja. Elizarenkova [Rigverda.Mandalas I – IV. Edition preprared by T.Ja.Elizarenkova], Moscow, Nauka Publ., 1989, 767 p. [in Russian].

Rudbeck 1947 - *Rudbeck O*. Atlands eller Manheims. Tredje delen [Atlantis and Manheim. Part three], Uppsala and Stockholm, 1947, 777 p. [in Swedish].

Rukavishnikova, Gladchenkov 2015 - *Rukavishnikova I.V., Gladchenkov A.A.* Issledovanie kurgana Arjan-5, [Arjan-5 barrow research], Electronic resource: http://www.archaeolog.ru/?id=2&id_nws=317&zid_nws=9 (Date of access – 01.10.2016) [in Russian].

Rybakov 1997 - *Rybakov B.A.* Yazychestvo drevnih slavyan [Paganizm of ancient Slavs], Moscow, Russkoe slovo Publ., 1989, 823 p. [in Russian].

Scarin 1734 - *Scarin Algot*. De originibus priscae gentis varegorum. Diss. [Varangian origin. Dissertation], Abo, 1734, 84 p. [in Latin].

Schück 1932-1944 - *Schück H*. Den äldre Peringskiölds tid [Time of Peringsheld works], in: Royal Swedish Academy of Letters, History and Antiquities. Prehistory and history of Academy, I-VIII, Stockholm, 1932-1944, B. IV [in Swedish].

Seryakov 2001 - *Seryakov M.L*. «Golubinaya kniga» [Pigeon book], Moscow, Aleteia Publ., 2001, 663p. [in Russian].

Slavyanskaya mifologiya 1995 - Slavyanskaya mifologiya [Slavic mythology], Moscow, Ellis Lak Publ., 416 p. [in Russian].

Svennung 1967 - *Svennung J*. Zur Geschichte des goticismus [Short history of Gothicism], Stockholm, 1967, 118 p. [in German].

Veselovskii 1878 - *Veselovskii A.N*. Skazanie o krasavice v tereme i russkaya bylina o Podsolnechnom carstve [A tale of a beauty in a tower and russian bylina (tale) of the Solar kingdom], in: Jurnal ministerstva narodnogo prosvescheniya [Journal of Ministry of Education], Saint Petersburg, april 1878, pp. 183-238 [in Russian].

Vorob'eva-Desyatovskaya 1980 - *Vorob'eva-Desyatovskaya M.I*. Fragmenty tibetskih rukopisei na bereste iz Tuvy [Fragments of tibetian manuscripts on elm from Tuva], in: SNV (Periodical collection «People and countries of the East»), Release № XXII, 1980, pp. 124-131 [in Russian].

Грот *Лидия Павловна* – Кандидат исторических наук, заместитель председателя общества «Русский салон», историограф общества (Лулео, Швеция).

Groth Lidia Pavlovna – candidate of historical sciences, vice-chairman and historiographer of the Russian Salon society (Luleå, Sweden).

E-mail: mail@histformat.com

УДК 94(4)"375/1492"

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРАВИТЕЛЕЙ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РУССКОГО

С.А. Колтырин

Российско-немецкий исторический семинар (Москва, Россия)

e-mail: mail@histformat.com

Авторское резюме

В статье рассматриваются имеющиеся данные по проблеме происхождения первых правителей и основоположников правящей династии Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных, а также формулируются наиболее достоверные, на взгляд автора, гипотезы. На основании анализа текстов письменных источников с привлечением данных вспомогательных исторических дисциплин делается вывод, что наименее противоречивой на данный момент представляется версия о происхождении основателей и родоначальников правящей династии ВКЛиР – Миндовга и Гедиминовичей – от представителей знатных русских родов.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское и Русское, Русь, Миндовг, Гедиминовичи, русские князья, русы, генеалогия.

TO THE ANCESTRY OF MONARCHS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AND RUTHENIA

Sergey Kotyrin

The Russian-German Historical Seminar (Moscow, Russia)

e-mail: mail@histformat.com

Abstract

The article reviews available data on the ancestry of the first monarchs and founders of the ruling dynasty of the Grand Duchy of Lithuania, Ruthenia and Samogitia and formulates the most credible hypotheses. Based on the analyses of written sources and data from auxiliary historical disciplines the author concludes that at the moment the least controversial would be the hypothesis about the descent of the founders of the ruling dynasty of the Grand Duchy of Lithuania, Ruthenia and Samogitia - Mindaugas and the Gediminids - from some Russian nobles.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Ruthenia and Samogitia, Rus', Mindaugas, House of Gediminids, Russian dukes, the Rus', genealogy.

* * *

Одним из крупнейших европейских средневековых государств было Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и иных (далее – ВКЛиР). Расположенное на огромной территории, от Балтийского до Черного морей, оно вело активную внешнюю политику и торговлю, а также достаточно успешные военные кампании. Естественно, большой интерес вызывает вопрос происхождения правителей княжества, который ввиду некоторой противоречивости и скудности сведений

источников можно назвать одной из нерешенных исторических проблем. Данная статья имеет цель рассмотрения и анализа имеющихся данных по этому вопросу, а также формулировки наименее противоречивой на взгляд автора версии происхождения первых правителей и основоположников правящей династии ВКЛиР.

Как правило, образование государства связывается с именем князя (позднее – короля) Миндовга (в немецких источниках - ***Myndow***), после принятия католичества которым в середине XIII в. ВКЛиР получило европейское признание в качестве королевства.

Рис. 1. Миндовг
(Sarmatiae Europeae descriptio, 1578)

По поводу происхождения Миндовга сведения исторических источников крайне скудны. Соответствующие данные присутствуют лишь в «Ливонской рифмованной хронике», «Великой хронике о Польше, Руси и их соседях», «Хронике Быховца» и «Хронике польской, литовской, жомойской и всей Руси», а также в русских летописях[1].

[1] Перечень и анализ письменных источников по истории ВКЛиР – ср. Пашуто 1959.

Существует легендарная версия, представленная в различных редакциях т.наз. литовско-русской летописи[1] и возводящая первых правителей ВКЛиР к римлянину Палемону. В рамках данной сомнительной генеалогии «Хроника Быховца» (предположительно XVI в.) и связанная с ней «Хроника польская, литовская, жомойская и всей Руси» М. Стрыйковского (XVIв.)[2] называют отцом Миндовга некоего «великого литовского князя» Рынгольта (ПСРЛ XVII: 473-481; Стрыйковский 1846: 252). Достоверность данных сведений вызывает большие сомнения (Пашуто 1959: 68). Важно и то, что князя Рынгольта, как и его описанную в вышеуказанных хрониках весьма активную и значимую деятельность по противостоянию с русскими князьями и Тевтонским Орденом, не знают ни западноевропейские источники, ни русские летописи. Это дает все основания считать его мифическим персонажем (Пазднякoв 2005: 525). Надо также отметить, что источником сведений «Хроники Быховца» о Миндовге считается Ипатьевская летопись (ХБ 1966: 15), в которой данные о предках князя отсутствуют. Не называют Миндовга сыном Рынгольта и ранние редакции т.наз. литовско-русской летописи, бывшие, по всей видимости, источниками хроник Быховца и Стрыйковского. Таким образом, учитывая обоснованное критическое отношение к сведениям данных поздних хроник, приведенные в них данные о происхождении Миндовга можно с изрядной степенью уверенности считать недостоверными.

Наиболее аутентичный из письменных источников о происхождении Миндовга – Ливонская рифмованная хроника (XIII в.) - сообщает, что отец Миндовга ***«was ein kunic grôß»*** (был великим (или большим) королем) (LR 1844: 173), не называя его имени. Учитывая серьезное отношение в средневековой Европе к титулованию, из этих сведений можно подчерпнуть лишь данные о достаточно высоком статусе отца Миндовга. Здесь важно отметить, что со средой восточно-прибалтийских народов того времени приведенный титул не увязывается – источники сообщают о племенных вождях древних прибалтов, но не знают исторических деятелей литовского, жемайтского и т.п. происхождения, которые имели бы признанный королевский (или великокняжеский) статус в рассматриваемый исторический период[3].

Еще один источник – латиноязычная польская «Великая хроника о Польше, Руси и их соседях» (списки XV в.) – называет Миндовга (Мендольфа) прусским королем. Здесь описывается переселение пруссов во главе с Мендольфом под давлением крестоносцев в восточную Прибалтику, в населенные литовцами земли (ВХ 1987: 185). Дальнейшее повествование о противостоянии Мендольфа во главе войска из литовцев, пруссов «и других языческих народов» с «Плоцкой (Полоцкой – прим.) землей» (ВХ 1987: 186) свидетельствует в пользу того, что хроника имеет в виду, скорее всего, именно Миндовга. Тождество Мендольфа «Великой хроники…» и

---

[1] Имеется в виду «Летописец великих князей литовских» и его последующие редакции в Археологическом списке и прочих сходных источниках.

[2] Существуют мнения, что «Хроника Быховца» была либо источником хроники Стрыйковского, либо они основывались на общих источниках. Не вызывает сомнение близость и связанность данных хроник (ХБ 1966: 18-22).

[3] За исключением сведений поздних хроник Быховца, Стрыйковского и пр. с упоминаниями некоего Рынгольта, но об их недостоверности сказано выше.

Миндовга не вызывает в целом сомнений у исследователей (ВХ 1987: 245). Однако ни один другой источник не считает Миндовга пруссом или правителем пруссов. Объяснение этого факта тем, что Миндовг якобы был литовцем, а автор хроники не различал пруссов и литовцев (ВХ 1987: 245-246), представляется крайне натянутым[1]. К тому же, в хронике говорится о прибытии Мендольфа в Литву из Пруссии, т.е. указывается не только и не столько на этническое происхождение будущего короля ВКЛиР, но на регион, из которого он был выходцем.

Наиболее важное значение среди письменных источников по истории ВКЛиР имеют русские летописи (Пашуто 1959: 9). Здесь Миндовг (Мидогъ) впервые упоминается под 1215 годом в качестве одного из «князей Литовских» (ПСРЛ II: 735), что указывает на его статус в среде восточно-прибалтийских народов, но не может служить свидетельством об этническом происхождении. В пользу данного положения говорят, в том числе, свидетельства других источников об иноэтничном по отношению к восточно-прибалтийским народам происхождении Миндовга (польская «Великая хроника о Польше, Руси и их соседях», русские летописи (см. ниже). Непосредственно о происхождении Миндовга мы имеем сведения Воскресенской летописи (XVI в., составлена на основе сводов XV в.). Согласно им, Миндовг является выходцем из рода русских полоцких князей, будучи сыном князя Мовкольда и внуком Ростислава Рогволодовича (ПСРЛ VII: 165). Аналогичная информация представлена в Западнорусских летописях XVI в. (ПСРЛ XVII: 593). По всей видимости, Воскресенская и Западнорусские летописи формировались в этом вопросе из одного более раннего общего источника. Исследователи указывали на некоторые неувязки приведенной в летописях родословной. Так, В.Т.Пашуто считал ее политически и идеологически ангажированной (Пашуто 1959: 73). Признавая возможность частичной правоты исследователя, нельзя не отметить, что сам он также был под влиянием политических идеологем, и, находясь в рамках т. наз. марксистского взгляда на науку, считал малозначимой роль элит в истории и становлении государств, практически выведя вопрос генеалогии правителей ВКЛиР за рамки своего исследования (Пашуто 1959: 5, 75).

Безусловно, к содержащейся в летописях родословной необходимо относиться критически. Генеалогическая информация сама по себе специфична и может иметь неточности, особенно в указании конкретных персоналий, хронологически удаленных от времени составления родословной. Однако генеалогии определенно фиксируют родословные традиции, которые преимущественно не бывают безосновательными. При таком подходе к рассмотрению генеалогий вполне возможно использовать их для решения исторических задач (Меркулов 2006: 173). Поэтому, признавая возможность присутствия неточностей в деталях (к примеру, в конкретных личностях предков Миндовга - Рюриковичах), можно говорить, что вероятность наличия реальных основ летописной версии о происхождении Миндовга от представителей русской знати сравнительно высока. В пользу данного

[1] Польша граничила с пруссами, а польские правители как минимум с XIв. вели с ними практически непрерывные войны. С прибалтийскими народами, в том числе во главе с Миндовгом, Польша воевала как минимум с XIII в. Таким образом, поляки были слишком хорошо знакомы как с пруссами, так и с восточными прибалтами, чтобы их не различать.

положения косвенно свидетельствуют и данные Ливонской хроники: титул отца Миндовга «великий король», как упомянуто выше, не увязывается с восточно-прибалтийскими народами, но вполне соответствует признанному статусу русской знати в рассматриваемый исторический период. Важно также указать, что более существенными сведениями о происхождении Миндовга наука не располагает, т.к. другие источники либо не содержат никакой конкретики, либо приводят полумифические родословные.

На первый взгляд, свидетельства русских летописей о происхождении Миндовга противоречат данным «Великой хроники о Польше, Руси и их соседях», в которой он фигурирует как король пруссов. Но правитель пруссов, приведший их в восточную Прибалтику, не обязательно должен был быть пруссом по происхождению. А учитывая многообразные культурно-религиозные и топонимические связи исторической Пруссии с Русью и восточной Прибалтикой (Кулаков 1987, Кулаков 1993, Колтырин 2015, Колтырин 2016), а также предположение о народе русь как возможном связующем звене между данными регионами (Колтырин 2015), противоречие со свидетельствами о русском происхождении Миндовга становится менее необъяснимым.

После смерти Миндовга правителями ВКЛиР по наиболее распространенной и обоснованной версии побывали его племянник Тренята и сын Вышелег (Войшелег); «трон» занимали также сын Даниила Галицкого Шварн, князья Довмонт и Тройден-Пройден (помимо легендарной версии о римских корнях, источники возводят его к русской полоцкой династии и называют родственником Миндовга (ПСРЛ VII: 165; ПСРЛ XVII: 593-595). В 80-х годах XIII в. власть перешла к Будикиду и Будивиду (Пукуверу, в европейских источниках - Putuwerus), а затем к Витеню - как считается, первым князьям из династии Гедиминовичей, представители которой, помимо княжения в ВКЛиР, стали королями польскими, чешскими и венгерскими, а также основателями многих знатных родов.

Происхождение первых Гедиминовичей (Будикида и Будивида-Пукувера, Витеня, Гедимина) также является весьма туманным вопросом. Сведения о предках собственно Будикида и Будивида в источниках отсутствуют, поэтому о происхождении Гедиминовичей можно судить на основании данных о других представителях династии. Помимо малодостоверных версий о римских корнях династии Гедиминовичей или практически не представленном в исторических источниках некоем Сколоменде как прадеде Андрея Ольгердовича и, соответственно, отце Гедимина (Задонщина 1969: 380-397, 747-750), предком Гедиминовичей считают упоминавшегося выше Тройдена-Пройдена (Пашуто 1959: 492). Русские летописи называют Гедимина-Едимана сыном Витеня, внуком Тройдена-Пройдена и потомком Давила, дяди Миндовга, чьими предками были русские полоцкие князья (ПСРЛ VII: 165; ПСРЛ XVII: 595). «Хроника Быховца» также считает Гедимина сыном Витеня[1], но в рамках традиционной для данного источника полумифической генеалогии возводит последнего к римскому роду Колюмнов (ПСРЛ XVII: 490). По

[1] Имеются также данные, что Гедимин и Витень были братьями, и что отцом Витеня был Будивид-Пукувер. Но в рамках настоящей статьи важен несомненный факт принадлежности упомянутых князей к одному роду т. наз. Гедиминовичей, а установление точных родословных связей между ними в задачи не входит.

свидетельству европейских источников, сам Гедимин, ***«rex Letwinorum et Ruthenorum»*** (король Литвы и Руси), вспоминая своих пращуров, называет Миндовга ***«predecessor»***, т.е. предком (LECUR 1855: 140, 144). Это не противоречит сведениям русских летописей, т.к. предок может быть и не прямым. Таким образом, наиболее достоверные свидетельства о происхождении Гедиминовичей тем или иным образом возводят их к русским корням и указывают на родственные связи с Миндовгом.

Рис. 2. Гедимин
(Sarmatiae Europeae descriptio, 1578)

Версию о русском происхождении Гедиминовичей (и Миндовга, как их предполагаемого предка) подтверждают, на наш взгляд, данные геральдики. Родовой герб Гедиминовичей, т.н. Колюмны или столпы Гедимина, впервые появляющийся на монетах ВКЛиР в XIV в., по всей видимости, напрямую восходит к т.н. символу Рюриковичей (Веревкин-Шелюта 2005: 21).

Рис. 3. Т.н. символы Рюриковичей и Гедиминовы «Колюмны»

Очевидно, что для правомерного использования родового символа должны были быть основания. И самое существенное из возможных – общие корни Гедиминовичей и представителей правившего на Руси «рода русского», т.к. родовые знаки имели строгую систему наследования. Учитывая данные письменных источников, данное основание представляется и наиболее вероятным.

Рассматриваемый символ (точнее, группа однотипных и связанных между собой символов), помимо прочего, находится в ряду многообразных культурно-религиозных связей, которые исторически прослеживаются между восточной Прибалтикой, исторической Пруссией и Русью, будучи представленным на археологических находках из данных регионов. При этом есть основания считать, что связующим звеном между указанными регионами мог быть народ русов (Колтырин 2015). Учитывая достаточно широкое распространение рассматриваемой группы символов, сомнительна принадлежность их исключительно Рюрику и его потомкам. Но данные знаки были определенно родовыми символами, отличаясь лишь незначительными деталями у разных персоналий (ср. Рапов 1968). Поэтому вероятным представляется то, что рассматриваемая группа знаков являлась изначально символами представителей знати упоминающегося в летописях «рода русского» в целом. Соответственно, унаследовавшие от своих предков сей родовой

символ Гедиминовичи могли не быть потомками непосредственно Рюрика, но принадлежать к одному из знатных русских родов.

В качестве косвенного свидетельства в пользу предполагаемого русского происхождения правящей династии ВКЛиР можно упомянуть следующее. Письменно-литературным и официальным языком ВКЛиР до XVI вв. был русский язык (аутентичные названия – *«руски езыкъ», «руский языкъ»*) (Иванов 2003). Безусловно, он имел диалектные отличия от языка русских летописей, однако определяющим в контексте рассматриваемого вопроса является факт отсутсвия сомнений у современников, что этот язык - именно русский. Соответственно, можно говорить о русскоязычии правящей верхушки ВКЛиР, т.к. именно данный слой общества пользовался русским языком при ведении официальной документации государства.

Стоит отметить, что вопрос этимологии имен правителей ВКЛиР в данной статье не рассматривается. Проблема происхождения имен, безусловно, заключает в себе научный интерес, но она далеко не всегда связана с проблемой происхождения их носителей. С древнейших времен существовала широкая практика заимствования имен. Историк VIв. Иордан писал: «все знают и обращали внимание, насколько в обычае племен перенимать по большей части имена: у римлян – македонские, у греков – римские, у сарматов – германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские». А современные русские, к примеру, в основном носят имена греческого, римского или еврейского происхождения. Таким образом, этимология имени сама по себе не может являться однозначным свидетельством этнического происхождения его носителя.

Важное значение для исторических исследований в последнее время приобрел анализ ДНК. В контексте проблемы происхождения правителей ВКЛиР стоит обратиться к проведенным исследованиям ДНК возможных потомков Гедиминовичей. Предположительно, они относятся к Y-гаплогруппе N1c1 (субклад N1c1-L550[1]), а их общий предок по мужской линии с предположительными «Рюриковичами» того же субклада должен был жить во II тыс. до н.э. (Клесов 2013: 313). На первый взгляд, имеется противоречие с летописной генеалогией, считающей Гедиминовичей потомками Рюриковичей (т.к. гипотетический общий предок предположительных представителей этих родов хронологически крайне удален). Однако, как указывалось выше, летопись вполне могла ошибаться в конкретных личностях предков Миндовга и Гедиминовичей (называя их потомками именно Рюрика), но ее сведения, скорее всего, отражают родословную традицию, считавшую данных князей выходцами из знатных русских родов. Помимо этого, в данном вопросе исследователи ДНК оперируют понятиями «предположительных» Гедиминовичей и Рюриковичей, исследуя современных возможных потомков этих родов, что тоже необходимо учитывать.

[1] Гаплотипы предположительных Гедиминовичей и Рюриковичей N1c1-L550 имеют особенности в локусах DYS459a,b и DYS464a,b,c,d, характерные в основном для носителей данной гаплогруппы из южно-балтийского региона, преимущественно представленные у славян и в большом количестве выявленные у русских (Клесов 2013: 316-321).

Стоит упомянуть, что в рамках исследований ДНК была выявлена принадлежность предположительных Рюриковичей к двум Y-гаплогруппам – R1a и N1c1 (Клесов 2013: 308), что говорит об отсутствии родства по мужской линии между данными группами возможных потомков Рюрика. Выдвигаются разные объяснения этому факту. Полагают, что представители одной из ветвей не являются потомками первых русских князей по мужской линии. Существует и пикантное предположение об изменах в «доме Рюриковичей». Однако, указанные данные можно трактовать и таким образом: русские князья могли не иметь одного общего предка по мужской линии (условного Рюрика), но, принадлежа к народу русов, происходить в рамках данного этноса из разных знатных родов (возможно, родственных Рюриковичам по женской линии), которых впоследствии при составлении генеалогий объединили в единую династию Рюриковичей[1]. Если принять данные положения, то исследования ДНК не только не отвергают русское происхождение Гедиминовичей, но и не противоречат летописным данным о русских князьях как их предках.

В заключение, отметим следующее. Ввиду скудности и противоречивости сведений исторических источников, проблема происхождения первых правителей Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных не может на данный момент считаться окончательно решенной. Судя по имеющимся данным, маловероятным представляется происхождение Миндовга и Гедиминовичей из среды восточно-прибалтийских народов. Миндовг, по всей видимости, был потомком высокостатусного представителя русской по происхождению знати и прибыл в восточную Прибалтику с территории Пруссии или Руси. С большой долей вероятности можно считать Гедиминовичей прямыми или непрямыми потомками Миндовга. На основании анализа текстов письменных источников с привлечением данных вспомогательных исторических дисциплин наименее противоречивой на данный момент представляется гипотеза о происхождении основателей и родоначальников правящей династии ВКЛиР – Миндовга и Гедиминовичей - от представителей знатных русских родов.

[1] Переселение русов на земли восточных славян и других восточноевропейских племен носило, очевидно, массовый характер: «*И избрашася 3 браты с роды своими и пояша по собе* (взяли с собой – прим.) *всю Русь*» (ПСРЛ, T.I, 2001: 20). Причем в летописи русы отождествляются как с варягами, так и с полянами (судя по всему, первые – выходцы из южнобалтийского региона, вторые – из Иллирии). В том числе это дает основания считать, что т.наз. древнерусская народность сформировалась при участии русов, прибывших из разных регионов (Кузьмин 2003: 187-188, 198-199, 333-334). Соответственно, представители каждой группы русов должны были иметь свою элиту, претендовавшую на власть. Кроме того, по летописям нам известен целый ряд вождей русов, не являвшихся, по всей видимости, близкими родственниками по мужской линии - это Рюрик с братьями, Олег (по Татищеву – шурин Рюрика), Аскольд и Дир, Рогволод. Имеется также мнение, что родственная связь Игоря и Рюрика была искусственно привнесена в летописи для утверждения преемственности власти (Шахматов 1908: 315-317). Помимо этого, имеет место возможность существования престолонаследия по женской линии на Руси – так, например, мы знаем, что после смерти Игоря княгиней стала Ольга; а С.М. Соловьев считал, что муж старшей сестры в вопросе престолонаследия имел преимущества перед своими младшими шурьями (Соловьев 1896: 282) и, соответственно, его дети тоже могли претендовать на власть, не будучи потомками по мужской линии основателя правящего рода. Таким образом, существует немалая вероятность происхождения русских князей не от одного общего предка по мужской линии (условного Рюрика).

ЛИТЕРАТУРА

Веревкин-Шелюта 2005 - *Вяроўкін-Шэлюта У.* Калюмны // Вялікае Княства Літоўскае. Энцыклапедыя у 3 т. Т. 2. Минск, 2005.

ВХ 1987 - Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. М.: МГУ, 1987.

Задонщина 1969 - Задонщина / Подготовка текста и примечания Л.А. Дмитриева // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Составители и общие редакторы Л.А. Дмитриев и Д.С. Лихачёв. М., 1969.

Иванов 2003 - *Иванов Вяч.Вс.* Славянские диалекты в соотношении с другими языками ВКЛ // XIII международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 258-288.

Клёсов 2013 - *Клесов А.А.* Происхождение славян. ДНК-генеалогия против норманской теории. М., 2013.

Колтырин 2015 - *Колтырин С.А.* Пруссы: происхождение и взаимосвязи // Исторический формат. 2015. № 3. С. 120-142.

Колтырин 2016 - *Колтырин С.А.* «Русская» топонимика в южно-балтийском регионе // Исторический формат. 2016. № 1. С. 276-288.

Кузьмин 2003 - *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. М., 2003.

Кулаков 1987 - *Кулаков В.И.* Пруссы и восточные славяне // Труды пятого международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1а. М., 1987. С. 116-124.

Кулаков 1993 - *Кулаков В.И.* Прусская дружина и Русь // Восточная Европа в древности и средневековья. Спорные проблемы истории. М., 1993. С. 43-46.

Меркулов 2006 - *Меркулов В.И.* Гюстровская ода и мекленбургская генеалогическая традиция // Судьба России в современной историографии. Сборник научных статей памяти д.и.н., проф. А.Г. Кузьмина. М., 2006.

Пазднякoв 2005 - *Пазднякоў В.* Рынгольд // Вялікае Княства Літоўскае. Энцыклапедыя у 3 т. Т. 2. Минск, 2005.

Пашуто 1959 - *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.

ПСРЛ I - Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 2001.

ПСРЛ II - Полное собрание русских летописей. Т. II. СПб., 1908.

ПСРЛ VII - Полное собрание русских летописей. Т.VII. СПб., 1856.

ПСРЛ XVII - Полное собрание русских летописей. Западнорусские летописи. Т. XVII. СПб., 1907.

Рапов 1968 – *Рапов О.М.* Знаки Рюриковичей и символ сокола // Советская археология. 1968. № 3. С. 62-69.

Соловьев 1896 - *Соловьев С.М.* История России с древнейших времён. Книга первая. Том I-V. Второе издание. СПб., 1896.

Стрыйковский 1846 - Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego. T. 1. Warszawa, 1846.

ХБ 1966 - Хроника Быховца / Отв. ред. М.Н. Тихомиров; Предисл., коммент. и пер. Н.Н. Улащика. М., 1966.

Шахматов 1908 - *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

LECUR 1855 - Liv-, Esth- und Curlandisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 2. Reval, 1855.

LR 1844 - Livlädische Reimchronik. Stuttgart, 1844.

REFERENCES

Ivanov 2003 - *Ivanov Vyach.Vs.* Slavyanskie dialekty v sootnoshenii s drugimi yazykami VKL [Slavic dialects in relation to other languages of Grand Duchy of Lithuania], in: XIII mezhdunarodnyy s'ezd slavistov. Doklady rossiyskoy delegatsii [XIII International Congress of Slavists. Reports of the Russian delegation], Moscow, 2003, pp. 258-288 [in Russian].

KhB 1966 - Khronika Bykhovtsa / Otv. red. M.N. Tikhomirov; Predisl., komment. i per. N.N. Ulashchika [Bychowiec Chronicle], Moscow, 1966 [in Russian].

Klesov 2013 - Klesov A.A. Proiskhozhdenie slavyan. DNK-genealogiya protiv normanskoy teorii [Origin of the Slavs. DNA-genealogy against the Norman theory], Moscow, 2013 [in Russian].

Koltyrin 2015 - *Koltyrin S.A.* Prussy: proiskhozhdenie i vzaimosvyazi [Prussians: Their origin and ties], in: Istoricheskiy format [Historical Format], 2015, № 3, pp. 120-142 [in Russian].

Koltyrin 2016 - *Koltyrin S.A.* «Russkaya» toponimika v yuzhno-baltiyskom regione [«Russian» toponyms in the South Baltic region], in: Istoricheskiy format [Historical Format], 2016, № 1, pp. 276-288 [in Russian].

Kulakov 1987 - *Kulakov V.I.* Prussy i vostochnye slavyane [Prussians and the eastern Slavs], in: Trudy V mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii. Ch. III [Proceedings of the V International Congress of Slavic archeology. Volume 3], Moscow, 1987, pp.116-124 [in Russian].

Kulakov 1993 - Kulakov V.I. Prusskaya druzhina i Rus' [Prussian squad and Russia], in: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'ya. Spornye problemy istorii [Eastern Europe in ancient times and the Middle Ages. Controversial problems of history], Moscow, 1993, pp. 43-46 [in Russian].

Kuzmin 2003 - *Kuzmin A.G.* Nachalo Rusi [The origin of Rus], Moscow, 2003 [in Russian].

LECUR 1855 - Liv-, Esth- und Curlandisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 2 [Book of Deeds of Livonia, Estland and Kurland. Volume 2], Reval, 1855 [in German].

LR 1844 - Livlädische Reimchronik [The Rhyme Chronicle of Livonia], Stuttgart, 1844 [in German].

Merkulov 2006 - Merkulov V.I. Gyustrovskaya oda i meklenburgskaya genealogicheskaya traditsiya [Gyustrovskaya ode and Mecklenburg genealogical tradition], in: Sud'ba Rossii v sovremennoy istoriografii. Sbornik nauchnykh statey pamyati d.i.n., prof. A.G. Kuz'mina [The fate of Russia in the modern historiography. Collection of articles in memory of PhD, professor A.G. Kuzmin], Moscow, 2006 [in Russian].

Pashuto 1959 - *Pashuto V.T.* Obrazovanie Litovskogo gosudarstva [Origin of the Lithuanian State], Moscow, 1959 [in Russian].

Pazdnyakov 2005 - Pazdnyakoŭ V. Ryngol'd [Ryngol'd], in: Vyalikae Knyastva Litoŭskae. Entsyklapedyya v 3 t [Duchy of Lithuania. Encyclopedia]. T. 2, Minsk, 2005 [in Belarusian].

PSRL I - Polnoe sobranie russkikh letopisey [A complete collection of Russian chronicles]. T. I, Moscow, 2001 [in Russian].

PSRL II - Polnoe sobranie russkikh letopisey [A complete collection of Russian chronicles]. T. II, St. Petersburg, 1908 [in Russian].

PSRL VII - Polnoe sobranie russkikh letopisey [A complete collection of Russian chronicles]. T. VII. St. Petersburg, 1856 [in Russian].

PSRL XVII - Polnoe sobranie russkikh letopisey [A complete collection of Russian chronicles]. T. XVII. St. Petersburg, 1907 [in Russian].

Rapov 1968 - *Rapov O.M.* Znaki Ryurikovichey i simvol sokola [Signs of Rurik and a symbol Falcon], in: Sovetskaya arkheologiya [Soviet archeology], 1968, № 3, pp. 62-69 [in Russian].

Shakhmatov 1908 - *Shakhmatov A.A.* Razyskaniya o drevneyshikh russkikh letopisnykh svodakh [Researches on ancient Russian chronicles], St. Petersburg, 1908 [in Russian].

Solov'ev 1896 - *Solov'ev S.M.* Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. Kniga pervaya. Tom I-V. Vtoroe izdanie [History of Russia since ancient times. Book One. Volume I-V. The second edition], St. Petersburg, 1896 [in Russian].

Stryykovskiy 1846 - Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego [Chronicle of Poland, Lithuania, Żmudzka and all the Rus by Matthias Strycovius], T. 1, Warszawa, 1846 [in Polish].

Verevkin-Shelyuta 2005 - *Vyaroўkin-Shelyuta U.* Kalyumny [Kolumny], in: Vyalikae Knyastva Litoўskae. Entsyklapedyya v 3 t. [Grand Duchy of Lithuania. Encyclopedia]. T. 2, Minsk, 2005 [in Belarusian].

VKH 1987 - Velikaya khronika o Pol'she, Rusi i ikh sosedyakh [Great Chronicle of Poland, Russia and their neighbors], Moscow, 1987 [in Russian].

Zadonshchina 1969 - Zadonshchina / Podgotovka teksta i primechaniya L. A. Dmitrieva [Zadonshchina], in: Izbornik (Sbornik proizvedeniy literatury Drevney Rusi) / Sostaviteli i obshchie redaktory L.A. Dmitriev i D.S. Likhachev [Collection of works of literature of ancient Russia], Moscow, 1969 [in Russian].

Колтырин Сергей Анатольевич – Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар» (Москва, Россия).
Koltyrin Sergey Anatolyevich – The Public and Scientific project «Russian-German Historical Seminar» (Moscow, Russia).
E-mail: mail@histformat.com

УДК 94(367)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИОГРАФИИ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ

А.В. Овчинников
Институт социальных и гуманитарных знаний
Россия, 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Профсоюзная, д. 13/16
e-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru
SPIN-код: 9947-7836

Авторское резюме

В статье предпринимается попытка осмысления некоторых историографических сюжетов изучения именьковской археологической культуры (IV-VII вв. н.э., Среднее Поволжье) в дискурсе антропологии академической жизни. Используются методы наблюдения, включенного эксперимента, а также анализ научной и публицистической литературы, Internet-источников. Делается вывод о важности подобных исследований для полноценного понимания историографической ситуации прошлого и современности.

Ключевые слова: именьковская археологическая культура, славяне, «этнос», антропология академической жизни.

ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY THE HISTORIOGRAPHY OF THE IMENKOVO ARCHEOLOGICAL CULTURE: APPLICATION EXPERIENCE

Alexander Ovchinnikov
Institute of social and humanitarian knowledge
13/16 The Profsoyuznaya Street, Kazan, 420111, Russia
e-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru

Abstract

The author attempts to comprehend some of the historiographical narratives of the study of the Imenkovo archeological culture (in the Middle Volga River basin, the 4th – 7th centuries BC) in the discourse of the anthropology of academic life. The author applies methods of observation and natural experiment, analysis of scientific literature, political writings, and Internet sources and concludes importance of such studies for a deep understanding of the historiographical situations of the past and present.

Keywords: Imenkovo archeological culture, Slavs, "ethnic group", anthropology of academic life.

* * *

Дискуссия об этноязыковой принадлежности населения именьковской археологической культуры (IV-VII вв. н.э.) уже несколько десятилетий выступает интересным историографическим феноменом. К настоящему времени по этой

проблеме накоплен солидный объём научной литературы, которая, между тем, нуждается в системном анализе и обобщении. Написание историографического очерка изучения именьковской культуры – актуальная проблема современной археологии.

Определенные шаги в этом направлении сделаны. Историографическими введениями обычно начинаются статьи специалистов-археологов, рассматривающих те или иные аспекты материальной и духовной культуры именьковского населения. В них, как правило, перечисляются точки зрения авторов на его этноязыковую атрибуцию. Важным этапом в изучении именьковской историографии стала совместная публикация самарских археологов Г.И. Матвеевой и В.А. Скарбовенко, увидевшая свет как часть учебного пособия «Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура» (Матвеева 2004: 5-21). Кроме собственно историографии, авторами была представлена детальная история изучения именьковских памятников. Другой важной историографической работой в именькововедении является статья также самарского археолога Д.А. Сташенкова (Сташенков 2006: 20-30). Заслугой Дмитрия Алексеевича, на мой взгляд, является отнесение фактического начала изучения именьковской культуры к 1946 г., когда была опубликована статья В.В. Гольмстен «Буртасы». Исследовательницей впервые была выделена группа памятников, отнесенных впоследствии к именьковской культуре (Сташенков 2006: 20). Кроме того, Д.А. Сташенков констатировал, что «*в последние годы в археологии утвердилась точка зрения если не о славянской принадлежности, то, по крайней мере, о значительном «славянском» компоненте в именьковской культуре*» (Сташенков 2006: 26).

В настоящее время именьковской темой плодотворно занимается молодой петербургский исследователь, выпускник исторического факультета СПбГУ М.И. Жих. Если раньше в дискуссии принимали участие в основном археологи (это вполне объяснимо, т.к. подавляющая часть источников – вещественные), то Максим Иванович, профессиональный историк, смог, как мне кажется, осуществить синтез сведений материальных и письменных источников, результатом чего стали исторические реконструкции, так или иначе учитывающие и объясняющие, насколько это возможно, весь корпус источников. В числе прочего, М.И. Жих предложил свою периодизацию изучения этнической принадлежности населения именьковской культуры, выделив 4 этапа: 1 – с XVIII-XIX вв. до середины 1950-х гг.; 2 – с середины 1950-х до начала 1980-х гг.; 3 – с начала 1980-х до середины 2000-х гг.; 4 – с середины 2000-х гг. по настоящее время. По его мнению, последний этап именьковской историографии отличается признанием учеными полиэтнического характера населения культуры, принадлежности, по крайней мере одного из её компонентов, (пра)славянам, а также междисциплинарным сотрудничеством археологов, историков и лингвистов (Жих 2012).

Таким образом, посвященная именьковской проблеме историография «второго порядка» имеет место быть. Однако анализ публикаций показывает, что их авторы не ставили перед собой цель рассмотреть историографический процесс с учетом различных социально-политических аспектов и (само)организации академического сообщества в СССР и постсоветской России. В ходе исследований не

использовались и наиболее подходящие для достижения этой цели методы социально-культурной антропологии (наблюдение, включенный эксперимент и т.д.). Исключение в какой-то мере составляет М.И. Жих, который отметил работы автора этих строк, как открывающие новое направление «именьковской» историографии: «*казанский исследователь А.В. Овчинников …показал, что в Татарстане крайне негативно относятся к гипотезе о славянском происхождении «именьковцев» или их части, чинят препятствия исследователям, отстаивающим данную точку зрения*» (Жих 2012). Как представляется, использование антропологических методов позволит отойти от наивной схемы «честного спора честных ученых» и попытаться ответить на вопросы, которые раньше не получали должного решения. О плодотворности такого подхода говорят посвященные историографии археологии работы А.А. Формозова (Формозов 2005; Формозов 2006) и Л.С. Клейна (Клейн 2014). Во многом эти труды выполнены в жанре антропологии академической жизни – новой дисциплины, постепенно завоевывающей признание отечественных ученых (Антропология… 2008).

В статье будет предложен анализ нескольких историографических сюжетов именькововедения, полноценно осмыслить которые, на мой взгляд, невозможно без учета т.н. «личностного фактора» и постоянной в российских условиях дихотомии «власть-историк».

Первый историографический сюжет охватывает хронологический период 1960-х – начала 1970-х гг. В это время дискуссия об этноязыковой принадлежности именьковской культуры велась в основном между казанскими археологами А.Х. Халиковым (1929-1994) и его учеником П.Н. Старостиным (1936-2012), с одной стороны, и московским археологом А.П. Смирновым (1899-1974) – с другой (точка зрения В.Ф. Генинга (1924-1993) (Генинг 1959: 208; Генинг 1961: 333-336) в статье не рассматривается). Алексей Петрович не без оснований считал себя «куратором» от Института археологии АН СССР коллектива казанских коллег (Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР), которых, как будет ясно ниже, это не устраивало, и дискуссия о генезисе именьковской культуры была лишь одним из элементов противостояния «центр-провинция». В свою очередь, этот спор был напрямую связан с борьбой за т.н. «булгарское наследство» между казанскими и чебоксарскими учеными (во главе последних стоял В.Ф. Каховский (1916-1993) – ученик А.П. Смирнова). Археологи Чувашии считали, что потомками волжских булгар являются, в основном, чуваши, тогда как их коллеги из Татарии «основных» потомков волжских булгар видели в современных казанских татарах. В 1963 г. в частном письме своей казанской ученице А.М. Ефимовой (1903-1990) А.П. Смирнов писал, что «*Казанцы очень резко выступают против чуваш. Говорят они разгромили историю чувашской АССР. Книга приличная и, по мнению ряда московских историков, грубых ошибок не содержит. Недавно Казанский филиал разгромил одну диссертацию некоего чуваша Павлова… В общем, вражда с чувашами, которые также ведут себя плохо, вышла из рамок нормальных академических споров и приобрела характер заушательства. Все это плохо. Я беседовал на эту тему с чувашами. Они рвутся в бой*» (Отдел… 1963: 15).

Казанским ученым нужно было обнаружить непременно тюркское добулгарское население Среднего Поволжья, чтобы объявить его предком чуваш и

«лишить» их тем самым возможности «претендовать» на более поздних волжских булгар. Для этого необходимо было найти альтернативу точке зрения А.П. Смирнова, отрицавшего самостоятельную именьковскую культуру и отождествлявшего именьковские памятники с «древнемордовской» позднегородецкой культурой. Причем Рождественский II могильник с трупосожжениями он не относил к позднегородецким памятникам и считал его оставленным пришедшими с Левобережья Днепра славянами (Смирнов 1962: 162-164). Видимо, именно трупосожжения заинтересовали казанских археологов, так как им легко было найти формальные аналогии среди тюркских памятников раннего средневековья. Если же объединить Рождественский II могильник с многочисленными позднегородецкими памятниками в одно целое, то это целое затем можно назвать «добулгарским тюркоязычным населением» края – «предками» чуваш.

В 1964 г. выходит статья П.Н. Старостина с говорящим названием «О так называемых позднегородецких памятниках Среднего Поволжья». В ней автор показал, что Рождественский II могильник и примыкающие к нему поселения принадлежат одной культуре, к которой относятся и многочисленные, называемые А.П. Смирновым позднегородецкими, памятники (Старостин 1964). В 1966 г. в газете «Советская Татария» А.Х. Халиков высказал идею о добулгарской тюркизации Среднего Поволжья (Халиков 1966). В 1967 г. выходит классическая монография П.Н. Старостина «Памятники именьковской культуры», в которой блестящая систематизация вещевого материала соседствовала, на мой взгляд, с не совсем обоснованными сравнениями именьковских памятников с отдельными элементами материальной культуры населения Приуралья и Западной Сибири (Старостин 1967: 31). В своей рецензии А.П. Смирнов выступил против таких построений, указав, что их доказательная база слаба (Краснов 1969: 295).

В 1971 г. в Казани выходит сборник «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья», в котором происхождение чуваш связывалось с населением именьковской и азелинской культур (датировка последней в Нижнем Предкамье III-V вв. н.э., её население считается в основном предком марийцев). А.Х. Халиков утверждал: «*или азелинские племена испытали воздействие со стороны древнейших тюркоязычных племен (именьковские), которые послужили затем тюркской основой формирования чуваш; или и предки чуваш и азелинцы испытали одинаковое воздействие со стороны именьковских племен*». Далее глава казанских археологов констатировал, что язык именьковских племен «*вероятно, был близок к чувашскому*», и, наконец, «*…есть основание рассматривать чуваш как далеких потомков самых первых тюркоязычных племен, появившихся в крае не позже середины I тыс. н.э.*» (Халиков 1971: 20, 21).

Точку зрения своего «шефа» безоговорочно поддержал П.Н. Старостин. Кроме того, зная о параллелях в материальной и духовной культуре чуваш и кряшен (современного небольшого православного тюркоязычного народа), последних он был склонен считать потомками «именьковцев». Доказательством этой гипотезы послужило более чем спорное сопоставление названия населенного, в том числе и кряшенами, села Ташкирмень («Каменная крепость») Лаишевского района

Татарстана и сделанной из специально обработанной глины, «*приближающейся по прочности к каменной стене*», насыпи вала именьковского Ташкирменского I городища (Старостин 1971: 46).

В том же сборнике была помещена статья другого ученика А.Х Халикова Р.Г. Фахрутдинова (1937-2014), в которой доказывалось, что «*территория Чувашии ни в домонгольское, ни в золотоордынское время не была занята булгарским населением, кроме её юго-восточной части, связанной с бассейном реки Свияги*» (Фахрутдинов 1971: 201). Положение об отсутствии на большей части Чувашии булгарских памятников А.П. Смирнов в письме А.М. Ефимовой прокомментировал следующим образом: «*Сейчас полностью развернулись античувашские тенденции Халикова… Старостин проехав часть реки Цивиль и осмотрев несколько поселений, без раскопок, делает ответственный вывод об отсутствии болгар на чувашской территории. Мне кажется, борьба м/у татарскими и чувашскими националистами перешла границы научной борьбы, разумной дискуссии и стала недопустимой*» (Отдел… 1967: 1).

А.П. Смирнов откликнулся на сборник рецензией, в которой обвинил его авторов в написании статей «*не отвечающих методическим требованиям науки*» на основе случайно приведенных фактов, «*иногда с нескрываемой тенденцией опорочить взгляды научных противников*» (Смирнов 1971: 506). Анализ развернувшейся затем дискуссии не входит в задачи статьи. Стоит лишь отметить, что распространенная среди казанских археологов в 1960-70-е гг. гипотеза о тюркоязычности именьковского населения и существовании самой археологической культуры в едином комплексе могильников и поселений была обусловлена не столько логикой научного поиска, сколько противостоянием двух нарождавшихся «национальных школ» региональной археологии («чувашской» и «татарской») и борьбой одной из них («татарской») со «школой» московского археолога А.П. Смирнова.

Следующий историографический сюжет (частично упоминавшийся выше в интерпретации М.И. Жиха) относится к 2000-м гг. и связан с научной деятельностью автора этих строк. В 2000 г. я, студент исторического факультета казанского пединститута познакомился с П.Н. Старостиным, читавшим нам, первокурсникам, курс археологии. Уже в следующем году он предложил мне специализироваться на погребальном обряде именьковского населения. 2001-2005 гг. прошли в скрупулезном изучении мною материалов Рождественского II и Богородицкого могильников Нижнего Предкамья (Материалы частично опубликованы: Овчинников 2014б). К моменту защиты дипломной работы я не видел серьезных препятствий в отождествлении этих памятников с т.н. «полями погребений» и, соответственно, их славянским характером. Со мной полностью соглашался и научный руководитель (П.Н. Старостин). Но незадолго до защиты Петр Николаевич посоветовал мне не актуализировать «славянство» населения именьковской культуры, т.к. это может вызвать негативную реакцию. В силу юношеского максимализма я не послушался, защита прошла трудно, особенно много вопросов было со стороны заведующего кафедрой Истории Татарстана и одновременно одного из представителей фольк-хистори З.З. Мифтахова (1938-2013). О том, что сам Зуфар Зайниевич в теме разбирался мало, говорит хотя бы тот факт, что в своем курсе лекций по истории татарского народа именьковскую культуру он отнес ко II тыс. до н.э. и связал её

население с мифическими имэнцами, якобы пришедшими в Волго-Камье из Месопотамии... (Мифтахов 1998: 27). В итоге я получил «отлично», но в дальнейшем мне это мало помогло.

Приближалось время поступления в аспирантуру. Все решалось заведующим Национальным центром археологических исследований (НЦАИ им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана, ныне это Институт археологии им. А.Х. Халикова данной Академии) А.Г. Ситдиковым (на сегодняшний день он директор этого Института). Еще в марте 2005 г. с ним был соответствующий разговор. В ходе беседы Айрат Габитович похвалил меня за активные занятия археологией. Действительно, последние несколько лет с мая по октябрь я постоянно проводил «в поле». В экспедиции Е.П. Казакова участвовал в раскопках именьковских Коминтерновского II и Измерского IX могильников, был заместителем П.Н. Старостина во время раскопок примыкавшего к одноименному именьковскому могильнику Богородицкого селища и Нармонского могильника азелинской культуры. В ходе самостоятельных разведок было открыто Травкинское городище – один из самых северных в Нижнем Предкамье именьковских памятников. В Пестречинском районе Татарстана мною были открыты памятники эпохи энеолита и поздней бронзы. А.Г. Ситдиков это все упомянул, но очень вежливо попросил в будущей кандидатской диссертации (которая должна была быть посвящена погребальному обряду именьковской культуры) не упоминать о славянах. Я отказался. После, как по команде, началась травля. Посыпались обвинения в «черной» археологии. Особенно «старалась» сотрудник НЦАИ, специалист по палеолиту и мезолиту, М.Ш. Галимова (Галимова 2016), которая однажды при встрече откровенно сказала: «*Я сделаю все, чтобы ты не стал специалистом*» (Через несколько лет ею были организованы раскопки на открытых мною в Пестречинском районе Татарстана памятниках. Моя фамилия ни в отчетах, ни в статьях не упоминалась) (Лыганов 2010; Лыганов 2012; Галимова 2013). Были «подключены» физически сильные лаборанты и аспиранты: А.С. Губин (Губин 2016), З.Г. Шакиров (Шакиров 2016) и А.В. Шипилов. Они пытались популярно объяснить, что я «неправ», и, вообще, нужно делать то, что говорят «старшие». П.Н. Старостин к этому времени болел, уже несколько месяцев находился в больнице после инсульта и повлиять ни на что не мог. В ходе развернувшейся «кампании» была утеряна рукопись совместной с Петром Николаевичем монографии по Богородицкому могильнику именьковской культуры.

Лето 2005 г. было, пожалуй, одним из самых трудных в моей жизни. Впереди «маячила» армия. За несколько месяцев определиться с аспирантурой было сложно. Однако помогли П.Н. Старостин и случайность. По совету выздоравливавшего Петра Николаевича я оказался в аспирантуре Института татарской энциклопедии АН РТ. Случайность же заключалась в устройстве на работу в Казанский государственный технологический университет. Жизнь начала приходить в нормальное русло. Видимо, считая, что «дело сделано», и я больше никогда не вернусь к именьковской проблеме, кто-то дал команду прекратить травлю.

Темой диссертации стало творчество А.П. Смирнова. Как указывалось выше, Алексей Петрович касался именьковской проблематики, поэтому я решил воспользоваться случаем и более основательно разобраться в историографии

раннего средневековья. Учитывая, что аспирантура давала отсрочку от армии всего на 3 года, я старался не касаться славянской темы, однако именьковскую историографию включил и в диссертацию, и монографию.

В мае 2009 г. в казанской газете «Звезда Поволжья» появилась моя статья «Славянское присутствие». Эта газета пользуется популярностью у татарстанской интеллигенции. В статье я констатировал давление на археологов Казани, отстаивающих точку зрения о славянской принадлежности носителей именьковской культуры (Овчинников 2009а: 4). Я констатировал, что «славянство» «именьковцев» объективно наносит удар по главному постулату татарского этнонационализма, суть которого заключается в том, что славяне в данном регионе в массе своей появились лишь в середине XVI в., завоевав «татарское» Казанское ханство. Выяснялось, что (пра)славяне проживали на территории современного Татарстана ещё до прихода булгар, предков современных казанских татар.

Через некоторое время в той же газете с обширной статьёй «Политизация археологии» выступил специализировавшийся по вооружению Волжской Булгарии сотрудник Института истории им. Марджани АН РТ кандидат исторических наук И.Л. Измайлов. Он подверг критике мою позицию, указав на имеющиеся, по его мнению, методологические изъяны в обосновании славянского происхождения «именьковцев», фактологические ошибки и мою политическую ангажированность (Измайлов 2009а и т.д.). Для неподготовленного читателя доводы И.Л. Измайлова могли показаться убедительными, но я, неожиданно для всех (как мне потом многие признавались), выступил с ответной статьей. В ней я показал многочисленные ошибки И.Л. Измайлова, говорящие о его непрофессионализме в данном вопросе, а также откровенные подтасовки при цитировании научной литературы (Овчинников 2009б). Неожиданным для читателя прозвучало моё мнение об истинной подоплёке развернувшейся в Татарстане борьбы с т.н. «чёрными археологами», к числу которых может быть причислен любой ученый с «неправильной» точкой зрения (интересно заметить, что территория Рождественского II могильника в настоящее время застроена коттеджами высокопоставленных чиновников, что не вызывает у местных археологов никакой реакции).

Дискуссия вызвала читательский интерес. Однако, учредитель и главный редактор «Звезды Поволжья» Р.Р. Ахметов, почти «на половине» прервал печатание моей статьи (из-за большого объёма она выходила в нескольких номерах). Через некоторое время И.Л. Измайлов ответил статьей, значительная часть которой была посвящена личным оскорблениям в мой адрес (Измайлов 2009б). Редактор явно «подыгрывал» И.Л. Измайлову, что я и отметил в заметке «В завершение спора» (Овчинников 2009в). Однако Р.Р. Ахметов, видимо, желая запутать дискуссию, превратив её в непонятную для читателя «свалку», возобновил печатание моего первоначального ответа параллельно со статьей И.Л. Измайлова. В ноябре 2009 г. длившийся полгода спор закончился.

Другим интереснейшим историографическим сюжетом является дискуссия между самарским археологом Н.А. Лифановым и М.И. Жихом. Прежде чем перейти к её характеристике необходимо отметить, что открытый и до поры до времени не контролируемый спор между мной и И.Л. Измайловым негативно сказался на

репутации казанских историков и археологов, которые ранее публично отрицали раннесредневековое славянское присутствие в Волго-Камье. Публичный провал И.Л. Измайлова, видимо, породил неуверенность в собственных силах, и поэтому вполне логичным со стороны казанских археологов стало втягивание в орбиту спора «иногородних» коллег.

Судя по открытым материалам социальных сетей, Николай Лифанов имеет много друзей в научной среде Казани. Видимо, в какой-то мере это объясняет избирательность Николая Александровича, давшего отрицательную рецензию на изданную в 2011 г. под моей редакцией монографию М.И. Жиха «Ранние славяне в Среднем Поволжье» (Лифанов 2012). Многие положения этой работы базировались на обширной историографии. Однако ни Г.И. Матвееву, ни С.Г. Кляшторного, ни П.Н. Старостина самарский автор не критиковал, хотя по ходу рецензии упоминал их достаточно часто. Но если следовать логике, то почему так и не появилась рецензия Н.А. Лифанова, например, на совместную статью С.Г. Кляшторного и П.Н. Старостина «Праславянские племена в Поволжье» (Кляшторный 2002)?

М.И. Жих обстоятельно ответил оппоненту (кроме публикаций в сети Internet, см.: Жих 2015) и, анализируя общий ход дискуссии, следует признать, что, по моему мнению, в итоге прав оказался Максим Иванович. Со стороны же Н.А. Лифанова, судя по материалам соцсетей, были зафиксированы случаи психологического давления на М.И. Жиха (стиль, орфография и пунктуация сохранены): «*на обвинения в «нечистоплотности» и вообще содержащуюся там характеристику своего морального облика мне вообще обращать внимания не хочется. Ну, не стал я писать дифирамбы автору, имея на то основания. Да, считая его книгу псевдонаучной, не хотел, чтобы она увидела свет. Обиделся на это Максим Жих – его воля. Честно говоря, его эмоциональные переживания меня не волнуют, как бы ни цинично это звучало*» (Социальная… 2011а).[1] Из этого высказывания Н.А. Лифанова следует, что перед ним изначально стояла задача помешать выходу монографии М.И. Жиха в свет. Кто ему за это был бы благодарен, догадаться несложно.

В одной из социальных сетей мною был зафиксирован случившийся 30-31 августа 2011 г. диалог между Н.А. Лифановым и Ф.А. Ахметгалиным – казанским археологом, руководителем Археологического музея КФУ, подчиненным А.Г. Ситдикова (стиль, орфография и пунктуация сохранены):

Фарид Ахметгалин: «*Коля не обращай внимания на эти ъкзерсисы. Но я думаю, что это тебе самому нужно, разобраться надо сейчас бы ты сам историографию вопроса сделал бы. Тебе я думаю это важнее чем дисскусия с Жихом и Овчинниковым*».

Николай Лифанов: «*Фарид, если честно, мне важнее толковый отчет по раскопкам написать. Чтобы потом люди могли качественно материалы использовать. А это – так, отчасти хобби, отчасти – реминисценция педагогической деятельности*».

Фарид Ахметгалин: «*Если серьезно, написал бы статью хорошую по историографии вопроса, я думаю у нас бы с Удовольствием бы опубликовали. В свое Время Искандер Измайлов дискутировал с Овчинниковым на страницах газеты Звезда Поволжья*

[1] Позднее Н.А. Лифанов дошел до прямых оскорблений: «фантазии В.В.Седова про волынцево - "Русский каганат" никем из специалистов всерьез не воспринимаются, дурачок Жих не в счет» (Новости… 2016).

по этому вопросу, но так как ни тот ни другой глубоко суть вопроса не знают, все свелось к взаимным обвинениям и оскорблениям. Нужна конечно хорошая научная статья, я понимаю у меня тоже отчет по Свияжску висит, и один по казани остался тяжело. Если у нас будет подходящая конференция надо тебя вытащить».

Николай Лифанов: «*Конфереция – дело хорошее. Поучаствую с удовольствием*» (Социальная… 2011б).

Таким образом, со стороны казанских археологов Н.А. Лифанову напрямую было сделано предложение о написании «правильной» историографии изучения именьковской культуры. В будущем это дало бы им основание говорить о собственной неангажированности и ссылаться на «независимых исследователей», отрицающих добулгарское славянское население на территории Татарстана. Подобный ход был опробован при доказательстве тысячелетия Казани. Согласно журналу «Научный Татарстан» заслуга в определении тысячелетия принадлежит… С.Г. Кляшторному (Загидуллин 2015). Татарстанские же археологи (например, проводившие раскопки на территории Казанского Кремля, А.Г. Ситдиков и его учитель Ф.Ш. Хузин) оказываются «вне подозрений» и, получая максимальную выгоду, ответственности ни за что не несут. Складывается впечатление, что Н.А. Лифанова было решено использовать в этом же качестве.

Некоторое время на территории Татарстана в Болгаре работал сотрудник Института археологии РАН, специалист по средневековой русской керамике В.Ю. Коваль. Работы финансировались фондом Возрождение, который возглавляет бывший Президент Татарстана М.Ш. Шаймиев. Неудивительно, что В.Ю. Коваль заявил в интервью журналистам о том, что «*дискуссия о присутствии славян на Средней Волге не имеет научного значения. Она базируется на действительно научной дискуссии о происхождении населения, занимавшего территорию Волжской Булгарии до прихода сюда булгар. В частности, одна из точек зрения связывала это население с предками славян, но никак не самими славянами. Эта точка зрения не имеет достаточных доказательств и в науке не обсуждается, но вызывает нездоровый интерес у дилетантов. Обращать внимание на дилетантские рассуждения считаю пустой тратой времени. Лучше уж об инопланетянах...*» (Археолог… 2013). Участие или неучастие В.Ю. Коваля в работах в Болгаре полностью зависело от «главного» татарстанского археолога А.Г. Ситдикова. Поэтому «правильная», с точки зрения «казанских друзей», позиция В.Ю. Коваля вполне объяснима.

Следующий историографический сюжет связан с недавно появившимися на страницах научных журналов и сборников статьях украинского исследователя, кандидата исторических наук, сотрудника Института востоковедения им. А.Ю. Крымского Национальной Академии наук Украины Я.В. Пилипчука. В своих работах он касается и «именьковской темы». Одна из его статей носит громкое название «О славянах и буртасах на Средней Волге: реалии и заблуждения» и была опубликована в казанском журнале «Гасырлар авазы – Эхо веков» (Пилипчук 2016). Знакомство со статьей заставляет высказать ряд замечаний.

Взгляды Я.В. Пилипчука на проблемы историографии изучения именьковской культуры не лишены спорных моментов. «Под заблуждениями» он понимает славянскую атрибуцию «именьковцев», что позиционируется им как пересмотр

взглядов на этническую историю Среднего Поволжья. Данный вывод, представленный почему-то в начале статьи, не имеет никакого отношения к историографической ситуации, т.к. попытки отождествления «именьковцев» со славянами имели место быть еще в 1960-90-е гг. прошлого века. Кроме того, Я.В. Пилипчук приписывает исследователям точки зрения, которые не соответствуют высказанным ими взглядам на сложную именьковскую проблему. Он пишет о «абсолютно безапелляционных» выводах «современных русских ученых» М.И. Жиха и А.В. Овчинникова, которые, якобы, «*категорично заявляли о славянском присутствии в Среднем Поволжье до волжских булгар*» (Пилипчук 2016: 170). При этом он стремится «отделить» обоих от предшествующих исследователей, заявляя, что те «*ориентировались на сведения археологических исследований и делали это очень осторожно*». В этих положениях Я.В. Пилипчука много неверного. Рассмотрим, например, интерпретацию этим автором моих взглядов. Я никогда безапелляционно и категорично не заявлял о славянском характере **всего** (выделено мною. – А.О.) именьковского населения (так же как и М.И. Жих, в своей монографии писавший, что «*письменные источники вполне способны помочь разрешить спор археологов* ***об одном из языков*** (выделено мною. – А.О) *её* (именьковской культуры. – А.О.) *носителей в пользу признания его славянства*» (Жих 2011: 12)). Чтобы это понять, достаточно обратиться к работам, на которые Я. Пилипчук ссылается, но, видимо, не читал.

В статье «Славянское присутствие» я не доказывал славянство именьковского населения, а писал о вненаучных факторах, мешающих развитию точки зрения о славянах в Среднем Поволжье в IV-VII вв. В другой упоминаемой Я.В. Пилипчуком в ссылках моей работе я констатировал, что «*в настоящее время в науке всё более утверждается мнение о том, что в середине I тыс. н.э. значительную территорию от р. Суры на западе до р. Белой на востоке и от Нижней Камы на севере до Самарской Луки на юге занимало* ***в основном*** (выделено мною. – А.О.) *славянское население. Этот историографический факт вызывает странную реакцию у основной массы татарстанских историков, которые сами не являются специалистами по раннему средневековью*» (Овчинников 2010: 79). Свои слова я подтверждал обращением к историографическим обзорам и опубликованным работам коллег из Татарстана.

В работе 2014 г. (на которую Я.В. Пилипчук тоже ссылается) мною была предпринята попытка анализа погребальных памятников Нижнего Предкамья – одного из регионов распространения именьковской культуры. Было отмечено, что ближайшие аналогии материалам Рождественского II и Богородицкого могильников обнаруживаются в (пра)славянских культурах «полей погребений». Делался вывод, о «*(пра)славянском характере населения, оставившего Рождественский II и Богородицкий могильники*» (Овчинников 2014б: 36). Причем речь шла лишь о двух погребальных памятниках, а не обо всей культуре в целом, что согласуется с получаемой ныне все большее признание исследователей точке зрения о гетерогенном характере населения именьковской культуры. Открытым остается вопрос о том, почему Я.В. Пилипчук не принял во внимание эту работу, когда фактически писал, что я не ориентируюсь на сведения археологических исследований (Пилипчук 2016: 170).

В предисловии к монографии М.И. Жиха «Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников)» мною был поднят ряд теоретических вопросов, которые, как мне казалось, не находили должного внимания у других исследователей. В частности, было отмечено, что дискуссия до сих ведется в рамках критикуемой этнологами теории примордиализма, когда «этнос» воспринимается неким объективно существующим явлением, которому обязательно должна соответствовать «своя» археологическая культура. Я указывал, что «*родо-племенную группировку, сложившуюся в середине I тыс. н.э. в Среднем Поволжье нельзя именовать «этносом»*», и предположил, что «*на территории именьковской культуры проживали общины, говорящие* ***на разных языках*** (выделено мною. – А.О.), *в том числе [пра]славянском(их)*» (Овчинников 2011: 6,7). Сегодня я бы уточнил, что для традиционной культуры, в отличие от эпохи модерна, говорить о языке как сложившейся системе со своими правилами, разделяемыми населением значительных территорий, вряд ли возможно. Формулировку «[пра]славянский(ие) язык», видимо, стоит заменить на «[пра]славянский(ое;ие) наречие(я), диалект(ы), говор(ы)».

Похоже, что одна из целей статьи Я. Пилипчука заключалась в том, чтобы опровергнуть отождествление встречающегося в источниках слова «сакалиба» со славянами. Только этим можно объяснить его странное нежелание рассматривать труды А.Я. Гаркави и Д.Е. Мишина, которые, как известно, видели в сакалиба Ахмеда ибн Фадлана именно славян. Д.Е. Мишин проблеме сакалиба посвятил диссертацию (Мишин 1999) и монографию. В последней, опираясь на собственный перевод «Записок», Д.Е. Мишин констатирует, что Ахмед ибн Фадлан под «сакалиба» понимал славян, но по ошибке распространил это название на всех подданных Алмуша, и далее: «*практически во всех разобранных случаях – за исключением разве что разобранной ошибки Ибн Фадлана – название сакалиба применяется к славянам*» (Мишин 2002: 42). От дискуссии с авторитетным исследователем Я.В. Пилипчук уклоняется, собственные же его построения основаны на вольной интерпретации источников и литературы.

Неясно, почему в своих построениях Я.В. Пилипчук не упоминает работы московского исследователя Е.С. Галкиной, в частности, не анализирует (что напрямую относится к теме его статьи) опубликованную в коллективной монографии 2014 г. (а на саму монографию он ссылается) статью «Сакалиба ибн Фадлана: фантом, этноним, демоним?». Главный вывод Галкиной заключается в том, что во времена Ахмеда ибн Фадлана термин «сакалиба» существовал как демоним, и в Волжской Булгарии X в. не было этнической группы, называвшей себя славянами. Однако в именьковскую эпоху, считает Е.С. Галкина, «сакалиба» обозначал этноним (пра)славян Среднего Поволжья (Галкина 2014: 79, 80).

Не знает Я.В. Пилипчук и о гипотезе Е.П. Казакова, связывающей именьковские и турбаслинские памятники с буртасами. Казанский исследователь строит свою аргументацию на сопоставлении археологических материалов (могильники с трупосожжением и трупоположением) и данных восточных авторов, которые также отмечали биритуальный погребальный обряд буртас (Казаков 1996: 49). Между тем, одна из задач статьи Я.В. Пилипчука, как он сам декларирует, –

проанализировать «*историографию вопроса этнической принадлежности буртасов, а также показать сильные и слабые места гипотез*» (Пилипчук 2016: 169). Однако киевскому исследователю это сложно сделать – ему даже не знакомы историографические обзоры, посвященные заявленной проблеме (см. например: Ставицкий 2014), в результате чего многие авторы остаются без внимания.

Об уровне компетентности Я.В. Пилипчука в именьковской проблеме и средневековой археологии и истории Среднего Поволжья в целом говорят его ошибки в написании фамилий исследователей и названий археологических культур. «В. Овчинников» (С. 170) – правильно «А. Овчинников»; «О. Расторопов» (С. 170) – правильно «А. Расторопов»; «араякуповскими» (С. 170) – правильно «караякуповскими»; «ньяноборским» (170) – правильно «пьяноборским». Не существует совместной двухтомной работы М.И. Жиха и А.В. Овчинникова «Поликультурный мир Среднего Поволжья: социально-антропологические и исторические аспекты», а имеет место быть одноименная коллективная монография, в которой М.И. Жих соавтор, а А.В. Овчинников ответственный редактор, составитель и соавтор (Поликультурный… 2014).

Членом редколлегии журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков», который в силу своих обязанностей должен был редактировать статью Я.В. Пилипчука, является археолог, булгаровед Ф.Ш. Хузин, ученик А.Х. Халикова и, одновременно, учитель А.Г. Ситдикова (см. материал статьи выше). Фаяз Шарипович, как и его учитель, сторонник добулгарской тюркизации Среднего Поволжья. Наличие славянского компонента в составе раннесредневекового населения региона он отрицает: «*невозможно представить, чтобы маломощные в то время славяне смогли колонизировать такие огромные пространства*» (Хузин 2009: 209). Взгляды Ф.Ш. Хузина на проблемы именьковской культуры были мною детально проанализированы и подвергнуты критике в одной из статей (Овчинников 2014а: 210-214). Таким образом, появление публикации Я.В. Пилипчука в казанском журнале «Гасырлар авазы – Эхо веков» находит логичное объяснение и повторяет приведенные выше случаи Н.А. Лифанова и В.Ю. Коваля.

Знакомство со статьей украинского историка даёт основания говорить о том, что она не соответствуют предъявляемым научным исследованиям требованиям. Прежде чем начинать излагать свои мысли перед научным сообществом, нужно крайне внимательно проштудировать всю имеющуюся литературу и понять для себя, что действительно нового можно сказать в данном вопросе. Иначе появляются работы, запутывающие существо дела и вводящие в заблуждение читателей.

Изложенный материал свидетельствует о плодотворности использования антропологических методов в контексте данного исследования, что, на мой взгляд, необходимо учитывать при работе над обобщающим трудом по историографии именьковской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Антропология… 2008 - Антропология академической жизни: адаптивные процессы и адаптивные стратегии / Отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008. 300 с.

Археолог… 2013 - Археолог из Москвы в Татарстане: дискуссия о присутствии славян на Средней Волге не имеет научного значения // ИА REGNUM. 5.09.2013 / Электронный ресурс: https://regnum.ru/news/polit/1703234.html (дата обращения – 12.10.2016).

Галимова и др. 2013 - *Галимова М.Ш., Хисяметдинова А.А., Аськеев И.В., Линкина Л.И., Лыганов А.В.* Реконструкция природной среды стоянки Пестречинская IV (эпоха раннего металла) в Прикамье // Динамика современных экосистем в голоцене: Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (с международным участием) / Отв. ред. И.В. Аськеев, Д.В. Иванов. Казань: Отечество, 2013. С.123-126.

Галимова… 2016 - Галимова Мадина Шакировна // Официальный сайт Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана / Электронный ресурс: http://archtat.ru/ru/institute/departments/primeval-arch/galimova/ (дата обращения – 12.10.2016).

Галкина 2014 - *Галкина Е.С.* Сакалиба Ибн Фадлана: фантом, этноним, демоним? // Поликультурный мир Среднего Поволжья: социально-антропологические и исторические аспекты: коллективная монография. В 2-х т. Т. I / Отв. ред. А.В. Овчинников. Казань: Изд-во КНИТУ, 2014. С. 67-80.

Генинг *1959 - Генинг В.Ф.* Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала Академии Наук СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань: КФ АН СССР, 1959. С.157-219.

Генинг 1961 - *Генинг В.Ф.* К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 329-336.

Губин… 2016 - Губин Александр Сергеевич // Официальный сайт Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана / Электронный ресурс: http://archtat.ru/ru/institute/departments/arch-museum/gubin/ (дата обращения – 12.10.2016).

Жих 2011 - *Жих М.И.* Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб.; Казань: Вестфалика, 2011. 90 с.

Жих 2012 - *Жих М.И.* Проблема этнической атрибуции носителей именьковской культуры в науке 50-х - 2000-х гг. // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902-1968). Санкт-Петербург. 3-5 декабря 2012 г. СПб., 2012. С. 256-264.

Жих 2015 - *Жих М.И.* «Именьковская проблема»: продолжение дискуссии (ответ Н.А. Лифанову) // Конфликтогенный потенциал национальных историй (сборник научных статей): Материалы Международного научно-методологического семинара, г. Казань, 26 марта 2015 г. / Отв. редактор и составитель А.В. Овчинников. Казань: Юниверсум, 2015. С. 213-225.

Загидуллин 2015 - *Загидуллин И.К.* С.Г. Кляшторный и концепция семитомной «Истории татар с древнейших времен» // Научный Татарстан. 2015. № 1. С. 7-15.

Измайлов 2009а - *Измайлов И.Л.* Политизация археологии // Звезда Поволжья. № 21 (472). 4-16 июня 2009 г. и т.д.

Измайлов И.Л. 2009б - *Измайлов И.Л.* Овчинка выделки не стоит // Звезда Поволжья. № 36 (487). 24-30 сентября 2009 г. и т.д.

Казаков 1996 - *Казаков Е.П.* К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. до н.э. Самара, 1996. С. 40-57.

Клейн 2014 - *Клейн Л.С.* История российской археологии: учения, школы и личности. Том 2. Археологи советской эпохи. СПб.: Евразия, 2014. 628 с.

Кляшторный 2002 - *Кляшторный С.Г., Старостин П.Н.* Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. Том I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Татарстана, 2002. С. 210-217.

Краснов 1969 - *Краснов Ю.А., Смирнов А.П.* Рецензия на книгу П.Н. Старостина «Памятники именьковской культуры» // Советская археология. 1969. № 2. С. 291-296.

Лифанов 2012 - *Лифанов Н.А.* От гипотезы к фантазии (Жих М.И. Ранние славяне в Среднем Поволжье. СПб.; Казань: Вестфалика, 2011. 90 с.) // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2 / Ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Издательство С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 749-757.

Лыганов 2010 - *Лыганов А.В.* Пестречинская IV стоянка – новый многослойный первобытный памятник на р. Меша // XVIII Уральское совещание: культурные области, археологические культуры,

хронология: материалы XVIII Уральского археологического совещания. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 156-157.

Лыганов 2012 - *Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Бугров Д.Г., Аськеев И.В., Мельников Л.В., Хисяметдинова А.А.* Предварительные результаты комплексного изучения нового памятника эпохи раннего металла Казанского Поволжья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации: сб. науч. тр. / Под общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т., 2012. С.134-142.

Матвеева 2004 - *Матвеева Г.И.* Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 168 с.

Мифтахов 1998 - *Мифтахов З.З.* Курс лекций по истории татарского народа. Казань: Казанский государственный педагогический университет, 1998. 488 с.

Мишин 1999 - *Мишин Д.Е.* Сакалиба в исламском мире в раннее средневековье. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук: 07.00.03. М., 1999. 380 с.

Мишин 2002 - *Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М.: Крафт+, 2002. 368 с.

Новости… 2016 - Новости археологии. Сообщество в социальной сети «ВКонтакте», запись от 28.04.2016 / Электронный ресурс: https://vk.com/wall-3073135_209347?offset=40 (дата обращения – 12.10.2016).

Овчинников 2009а - *Овчинников А.В.* Славянское присутствие // Звезда Поволжья. № 19 (470). 21-27 мая 2009 г. С. 4.

Овчинников 2009б - *Овчинников А.В.* Дешёвая историография (ответ И.Л. Измайлову) // Звезда Поволжья. № 26 (477)–31(482).

Овчинников 2009в - *Овчинников А.В.* В завершение спора // Звезда Поволжья. № 37 (488). 1-6 октября 2009 года. С. 2.

Овчинников 2010 - *Овчинников А.В.* Новый подход к изучению феномена современной «национальной историографии» (на примере «истории татарского народа») // Вестник Удмуртского университета. 2010. Вып. 1. С. 79-85.

Овчинников 2011 - *Овчинников А.В.* Введение // Жих М.И. Ранние славяне в Среднем Поволжье. СПб.; Казань: Вестфалика, 2011. С. 4-8.

Овчинников 2014а - *Овчинников А.В.* Некоторые дискуссионные вопросы историографии древней и средневековой истории Волго-Камья // Поликультурный мир Среднего Поволжья: социально-антропологические и исторические аспекты: коллективная монография. В 2-х т. Т. II / Отв. ред. А.В. Овчинников. Казань: Изд-во КНИТУ, 2014. С. 205-218.

Овчинников 2014б - *Овчинников А.В.* Погребальные памятники именьковской культуры Нижнего Предкамья (по материалам Рождественского II и Богородицкого могильников) // Поликультурный мир Среднего Поволжья: социально-антропологические и исторические аспекты: коллективная монография. В 2-х т. Т. I. / Отв. ред. А.В. Овчинников. Казань: Изд-во КНИТУ, 2014. С. 18-36, 253-257 (Приложение).

Отдел 1967 - Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ. Ед. хр. 9815(10). Письмо А.П. Смирнова А.М. Ефимовой от 1 августа 1967 г. Л. 1.

Отдел… 1963 - Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ. Ед. хр. 9811 (11). Письмо А.П. Смирнова А.М. Ефимовой от 6 октября 1963 г. Л. 15.

Пилипчук 2016 - *Пилипчук Я.В.* О славянах и буртасах на Средней Волге: реалии и заблуждения // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2016. № ½. С. 169-177.

Поликультурный 2014 - Поликультурный мир Среднего Поволжья: социально-антропологические и исторические аспекты: коллективная монография. В 2-х т. / Отв. ред. А.В. Овчинников. Казань: Изд-во КНИТУ, 2014.

Смирнов 1962 - *Смирнов А.П.* Некоторые спорные вопросы истории волжских булгар // Историко-археологический сборник МГУ (К 60-летию А.В. Арциховского). М.: Наука, 1962. С. 160-174.

Смирнов 1971 - *Смирнов А.П., Корнилов Г.Е.* Рецензия: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: ИЯЛИ КФАН, 1971. 296 с. // История и культура Чувашской АССР. Т. 1. Чебоксары, 1971. С. 481-517.

Социальная… 2011а - Социальная сеть «ВКонтакте», «стена», запись от 27.08.2011 / Электронный ресурс: https://vk.com/note626531_11235049 (дата обращения – 12.10.2016).

Социальная… 2011б - Социальная сеть «ВКонтакте», «стена», записи от 30-31.08.2011 / Электронный ресурс: https://vk.com/note626531_11235049 (дата обращения – 12.10.2016).

Ставицкий 2014 - *Ставицкий В.В.* Историография «буртасской проблемы» второй половины XX – начала XXI вв. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2014. № 1 (29). С. 84-91.

Старостин 1964 - *Старостин П.Н.* О так называемых позднегородецких памятниках Среднего Поволжья // Труды Марийского НИИ. Вып. 13. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИ, 1964. С. 191-208.

Старостин 1967 - *Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры // Свод археологических источников. Вып. Д.1-32. М.: Наука, 1967. 99 с.

Старостин 1971 - *Старостин П.Н.* Этно-культурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, 1971. С. 37-54.

Сташенков 2006 - *Сташенков Д.А.* Об этнокультурных связях населения именьковской культуры // Славяноведение. 2006. № 2. С. 20-30.

Фахрутдинов 1971 - *Фахрутдинов Р.Г.* О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, 1971. С. 175-201.

Формозов 2005 - *Формозов А.А.* Человек и наука: Из записей археолога. М.: Знак, 2005. 224 с.

Формозов 2006 - *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. Изд. 2-е, дополненное. М.: Знак, 2006. 344 с.

Халиков 1966 - Халиков А.Х. О происхождении казанских татар // Советская Татария. 1966. 3 июля.

Халиков 1971 - Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: Ин-т языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, 1971. С. 7-36.

Хузин 2009 - Хузин Ф.Ш. Рец.: «Овчинников А.В. Древняя и средневековая история Волго-Уралья в трудах советских ученых: А.П. Смирнов. Казань, 2008» // Проблемы археологии и истории Татарстана: сборник статей. Вып. 1. Казань, 2009. С. 207-211.

Шакиров… 2016 - Шакиров Зуфар Гумарович // Официальный сайт Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана / Электронный ресурс: http://archtat.ru/ru/institute/departments/medieval-arch/shakirov/ (дата обращения – 12.10.2016).

REFERENCES

Antropologija… 2008 - Antropologija akademicheskoj zhizni: adaptivnye processy i adaptivnye strategii / Otv. red. G.A. Komarova [Anthropology of the academic life: adaptive processes and adaptive strategy / Editor-in-chief G.A. Komarova], Moscow, IJeA RAN Publ., 2008, 300 p. [in Russian].

Arheolog… 2013 - Arheolog iz Moskvy v Tatarstane: diskussija o prisutstvii slavjan na Srednej Volge ne imeet nauchnogo znachenija [The archeologist from Moscow to Tatarstan: discussion about presence of Slavs on Central Volga has no scientific value], in: IA REGNUM [REGNUM news agency], 5.09.2013, Electronic resource: https://regnum.ru/news/polit/1703234.html (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Fahrutdinov 1971 - *Fahrutdinov R.G.* O stepeni zaselennosti bulgarami territorii sovremennoj Chuvashskoj ASSR [About population degree Bulgars of the territory modern Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic], in: Voprosy jetnogeneza tjurkojazychnyh narodov Srednego Povolzh'ja [Questions of ethnogenesis of the Turkic people of Central Volga area], Kazan, Institut jazyka, literatury i istorii im. G. Ibragimova Publ., 1971, pp. 175-201 [in Russian].

Formozov 2005 - *Formozov A.A.* Chelovek i nauka: Iz zapisej archeologa [Person and science: From records of the archeologist], Moscow, Znak Publ., 2005, 224 p. [in Russian].

Formozov 2006 - *Formozov A.A.* Russkie arheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki [The Russian archeologists in the period of totalitarianism: Historiographic sketches. The edition 2 added], Izd. 2-e, dopolnennoe, Moscow, Znak Publ., 2006, 344 p. [in Russian].

Galimova i dr. 2013 - *Galimova M.Sh., Hisjametdinova A.A., As'keev I.V., Linkina L.I., Lyganov A.V.* Rekonstrukcija prirodnoj sredy stojanki Pestrechinskaja IV (jepoha rannego metalla) v Prikam'e [Reconstruction of environment of the parking Pestrechinsky IV (an era of early metal) in Prikamye], in: Dinamika sovremennyh jekosistem v golocene: Materialy Tret'ej Vserossijskoj nauchnoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) / Otv. red. I.V. As'keev, D.V. Ivanov [Dynamics of modern ecosystems in the Holocene: Materials of the Third All-Russian scientific conference (with the international participation) / Editor-in-chief I.V. Askeev, D.V. Ivanov], Kazan, Otechestvo Publ., 2013, pp.123-126 [in Russian].

Galimova… 2016 - Galimova Madina Shakirovna [Galimova Madina Shakirovna], in: Oficial'nyj sajt Instituta arheologii im. A.H. Halikova Akademii nauk Tatarstana [Official site of Institute of archeology of A.H. Halikov of Academy of Sciences of Tatarstan], Electronic resource: http://archtat.ru/ru/institute/departments/primeval-arch/galimova/ (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Galkina 2014 - *Galkina E.S.* Sakaliba Ibn Fadlana: fantom, jetnonim, demonim? [Sakaliba Ibn Fadlana: phantom, ethnonym, demony?], in: Polikul'turnyj mir Srednego Povolzh'ja: social'no-antropologicheskie i istoricheskie aspekty: kollektivnaja monografija. V 2-h t. T. I / Otv. red. A.V. Ovchinnikov [Polycultural world of Central Volga area: social and anthropological and historical aspects: collective monograph. In 2 volumes. Volume I / Editor-in-chief A.V. Ovchinnikov], Kazan, Izd-vo KNITU Publ., 2014, pp. 67-80 [in Russian].

Gening 1959 - *Gening V.F.* Ocherki jetnicheskih kul'tur Prikam'ja v jepohu zheleza [Sketches of ethnic cultures of Prikamye during an iron era], in: Trudy Kazanskogo filiala Akademii Nauk SSSR. Serija gumanitarnyh nauk. Vyp. 2 [Works of the Kazan branch of Academy of Sciences of the USSR. Series of the humanities. Release 2], Kazan, KF AN SSSR Publ., 1959, pp.157-219 [in Russian].

Gening 1961 - *Gening V.F.* K voprosu o prodvizhenii sibirskogo naselenija v Zapadnoe Priural'e [To a question of advance of the Siberian population to the Western Cisural area], in: Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka [Questions of history of Siberia and the Far East], Novosibirsk, 1961, pp. 329-336 [in Russian].

Gubin… 2016 - Gubin Aleksandr Sergeevich [Gubin Alexander Sergeyevich], in: Oficial'nyj sajt Instituta arheologii im. A.H. Halikova Akademii nauk Tatarstana [Official site of Institute of archeology of A.H. Halikov of Academy of Sciences of Tatarstan], Electronic resource: http://archtat.ru/ru/institute/departments/arch-museum/gubin/ (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Halikov 1966 - *Halikov A.H.* O proishozhdenii kazanskih tatar [About an origin of the Kazan Tatars], in: Sovetskaja Tatarija [Soviet Tataria. 1966. July 3], 1966, 3 ijulja [in Russian].

Halikov 1971 - *Halikov A.H.* Istoki formirovanija tjurkojazychnyh narodov Povolzh'ja i Priural'ja [Sources of formation of the Turkic people of the Volga region and Cisural area], in: Voprosy jetnogeneza tjurkojazychnyh narodov Srednego Povolzh'ja [Questions of ethnogenesis of the Turkic people of Central Volga area], Kazan, In-t jazyka, literatury i istorii im. G. Ibragimova Publ., 1971, pp. 7-36 [in Russian].

Huzin 2009 - Huzin F.Sh. Rec.: «Ovchinnikov A.V. Drevnjaja i srednevekovaja istorija Volgo-Ural'ja v trudah sovetskih uchenyh: A.P. Smirnov. Kazan', 2008» [Review: «Ovchinnikov A.V. The ancient and medieval history Volga-Uralya in works of the Soviet scientists: A.P. Smirnov. Kazan, 2008»], in: Problemy arheologii i istorii Tatarstana: sbornik statej. Vyp. 1 [Problems of archeology and history of Tatarstan: collection of articles. Release 1], Kazan, 2009, pp. 207-211 [in Russian].

Izmajlov 2009a - *Izmajlov I.L.* Politizacija arheologii [Politicization of archeology], in: Zvezda Povolzh'ja. № 21 (472). 4-16 ijunja 2009 g. i t.d. [Star of the Volga region. No. 21 (472). On June 4-16, 2009, etc.] [in Russian].

Izmajlov I.L. 2009b - *Izmajlov I.L.* Ovchinka vydelki ne stoit [The game is not worth the candle], in: Zvezda Povolzh'ja. № 36 (487). 24-30 sentjabrja 2009 g. i t.d. [Star of the Volga region. No. 36 (487). On September 24-30, 2009, etc.] [in Russian].

Kazakov 1996 - *Kazakov E.P.* K voprosu o turbaslinsko-imen'kovskih pamjatnikah Zakam'ja [To a question of turbaslinsko-imenkovsky monuments of Zakamye], in: Kul'tury Evrazijskih stepej vtoroj poloviny I tys. do n.je. [Cultures of the Euroasian steppes of the second half of I thousand BC], Samara, 1996, pp. 40-57 [in Russian].

Klejn 2014 - *Klejn L.S.* Istorija rossijskoj arheologii: uchenija, shkoly i lichnosti. Tom 2. Arheologi sovetskoj jepohi [History of the Russian archeology: doctrines, schools and persons. Volume 2. Archeologists of the Soviet era], St. Petersburg, Evrazija Publ., 2014, 628 p. [in Russian].

Kljashtornyj 2002 - *Kljashtornyj S.G., Starostin P.N.* Praslavjanskie plemena v Povolzh'e [Praslavyansky tribes in the Volga region], in: Istorija tatar s drevnejshih vremen. Tom I. Narody stepnoj Evrazii v drevnosti [History of Tatars since the most ancient times. Volume I. People of steppe Eurasia in the ancient time], Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani Akademii nauk Tatarstana Publ., 2002, pp. 210-217 [in Russian].

Krasnov 1969 - *Krasnov Ju.A., Smirnov A.P.* Recenzija na knigu P.N. Starostina «Pamjatniki imen'kovskoj kul'tury» [Review of P.N. Starostin's book «Monuments of imenkovsky culture»], in: Sovetskaja arheologija [Soviet archeology], 1969, № 2, pp. 291-296 [in Russian].

Lifanov 2012 - *Lifanov N.A.* Ot gipotezy k fantazii (Zhih M.I. Rannie slavjane v Srednem Povolzh'e. SPb.; Kazan': Vestfalika Publ., 2011. 90 s.) [From a hypothesis to the imagination (Zhikh M.I. Early Slavs on average Volga region. SPb.; Kazan: Vestfalika, 2011. 90 pages)], in: Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik. 2012. № 2 / Red. L.B. Vishnjackij [Russian archaeological year-book. 2012. No. 2 / editor L.B. Vishnyatsky], St. Petersburg, Izdatel'stvo S.-Peterb. un-ta, 2012, pp. 749-757 [in Russian].

Lyganov 2010 - *Lyganov A.V.* Pestrechinskaja IV stojanka – novyj mnogoslojnyj pervobytnyj pamjatnik na r. Mesha [The Pestrechinsky IV parking – a new multilayered primitive monument on the river of Mesh], in: XVIII Ural'skoe soveshhanie: kul'turnye oblasti, arheologicheskie kul'tury, hronologija: materialy XVIII Ural'skogo arheologicheskogo soveshhanija [XVIII Ural meeting: cultural areas, archaeological cultures, chronology: materials XVIII of the Ural archaeological meeting], Ufa, Izd-vo BGPU Publ., 2010, pp. 156-157 [in Russian].

Lyganov 2012 - *Lyganov A.V., Galimova M.Sh., Bugrov D.G., As'keev I.V., Mel'nikov L.V., Hisjametdinova A.A.* Predvaritel'nye rezul'taty kompleksnogo izuchenija novogo pamjatnika jepohi rannego metalla Kazanskogo Povolzh'ja [Preliminary results of complex studying of a new monument of an era of early metal of the Kazan Volga region], in: Trudy Kamskoj arheologo-jetnograficheskoj jekspedicii. Vyp. VIII: Arheologicheskie pamjatniki Povolzh'ja i Urala: sovremennye issledovanija problemy sohranenija i muzeefikacii: sb. nauch. tr. / Pod obshh. red. A.M. Belavina [Works of Kama arkheologo-ethnographic expedition. Issue VIII: Archaeological monuments of the Volga region and Urals: modern researches of a problem of preservation and muzeefikation: the collection of scientific works / Under the general edition of A.M. Belavin], Perm, Perm. gos. gumanit.-ped. un-t. Publ., 2012, pp.134-142 [in Russian].

Matveeva 2004 - *Matveeva G.I.* Srednee Povolzh'e v IV-VII vv.: imen'kovskaja kul'tura [Central Volga area in the 4-7th centuries: imenkovsky culture], Samara, Izd-vo «Samarskij universitet» Publ., 2004, 168 p. [in Russian].

Miftahov 1998 - *Miftahov Z.Z.* Kurs lekcij po istorii tatarskogo naroda [Course of lectures on stories of the Tatar people], Kazan, Kazanskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet Publ., 1998, 488 p. [in Russian].

Mishin 1999 - *Mishin D.E.* Sakaliba v islamskom mire v rannee srednevekov'e. Dissertacija na soiskanie uchjonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk: 07.00.03 [Sakaliba in the Islamic world in the early Middle Ages. The thesis for degree of the candidate of historical sciences: 07.00.03], Moscow, 1999, 380 p. [in Russian].

Mishin 2002 - *Mishin D.E.* Sakaliba (slavjane) v islamskom mire v rannee srednevekov'e [Sakaliba (Slavs) in the Islamic world in the early Middle Ages], Moscow, Kraft+ Publ., 2002, 368 p. [in Russian].

Novosti… 2016 - Novosti arheologii. Soobshhestvo v social'noj seti «VKontakte», zapis' ot 28.04.2016 [Archeology news. Community on a social network of «VKontakte», record of 28.04.2016], Electronic resource: https://vk.com/wall-3073135_209347?offset=40 (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Otdel 1967 - Otdel redkih knig i rukopisej Nauchnoj biblioteki im. N.I. Lobachevskogo KFU. Ed. hr. 9815(10). Pis'mo A.P. Smirnova A.M. Efimovoj ot 1 avgusta 1967 g. L. 1 [Department of rare books and manuscripts of Scientific library of N. I. Lobachevsky of KFU. Unit hr. 9815(10). A.P. Smirnov's letter of A.M. Yefimova of August 1, 1967. L. 1] [in Russian].

Otdel… 1963 - Otdel redkih knig i rukopisej Nauchnoj biblioteki im. N.I. Lobachevskogo KFU. Ed. hr. 9811 (11). Pis'mo A.P. Smirnova A.M. Efimovoj ot 6 oktjabrja 1963 g. L. 15 [Department of rare books and manuscripts of Scientific library of N. I. Lobachevsky of KFU. Unit hr. 9811 (11). A.P. Smirnov's letter of A.M. Yefimova of October 6, 1963. L. 15] [in Russian].

Ovchinnikov 2009a - *Ovchinnikov A.V.* Slavjanskoe prisutstvie [Slavic presence], in: Zvezda Povolzh'ja. № 19 (470). 21-27 maja 2009 g. [Star of the Volga region. No. 19 (470). May 21-27, 2009], p. 4 [in Russian].

Ovchinnikov 2009b - *Ovchinnikov A.V.* Deshjovaja istoriografija (otvet I.L. Izmajlovu) [Cheap historiography (answer to I.L. Izmaylov)], in: Zvezda Povolzh'ja [Star of the Volga region. No. 26 (477)-31(482)], № 26 (477)-31(482) [in Russian].

Ovchinnikov 2009v - *Ovchinnikov A.V.* V zavershenie spora [In completion of dispute], in: Zvezda Povolzh'ja. № 37 (488). 1-6 oktjabrja 2009 goda [Star of the Volga region. No. 37 (488). October 1-6, 2009], p. 2 [in Russian].

Ovchinnikov 2010 - *Ovchinnikov A.V.* Novyj podhod k izucheniju fenomena sovremennoj «nacional'noj istoriografii» (na primere «istorii tatarskogo naroda») [New approach to studying of a phenomenon of a modern «national historiography» (on the example of «history of the Tatar people»)], in: Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2010. Vyp. 1 [Bulletin of the Udmurt university. 2010. Release 1], pp. 79-85 [in Russian].

Ovchinnikov 2011 - *Ovchinnikov A.V.* Vvedenie [Introduction], in: Zhih M.I. Rannie slavjane v Srednem Povolzh'e [Zhikh M.I. Early Slavs on average Volga region], St. Petersburg; Kazan, Vestfalika Publ., 2011, pp. 4-8 [in Russian].

Ovchinnikov 2014a - *Ovchinnikov A.V.* Nekotorye diskussionnye voprosy istoriografii drevnej i srednevekovoj istorii Volgo-Kam'ja [Some debatable questions of a historiography of the ancient and medieval history Volga-Kamya], in: Polikul'turnyj mir Srednego Povolzh'ja: social'no-antropologicheskie i istoricheskie aspekty: kollektivnaja monografija. V 2-h t. T. II / Otv. red. A.V. Ovchinnikov [Polycultural world of Central Volga area: social and anthropological and historical aspects: collective monograph. In 2 volumes. Volume II / Editor-in-chief A.V. Ovchinnikov], Kazan, Izd-vo KNITU Publ., 2014, pp. 205-218 [in Russian].

Ovchinnikov 2014b - *Ovchinnikov A.V.* Pogrebal'nye pamjatniki imen'kovskoj kul'tury Nizhnego Predkam'ja (po materialam Rozhdestvenskogo II i Bogorodickogo mogil'nikov) [Funeral monuments of imenkovsky culture of Nizhny Novgorod Predkamya (on materials of Christmas II and Bogoroditsky burial grounds)], in: Polikul'turnyj mir Srednego Povolzh'ja: social'no-antropologicheskie i istoricheskie aspekty: kollektivnaja monografija. V 2-h t. T. I. / Otv. red. A.V. Ovchinnikov [Polycultural world of Central Volga area: social and anthropological and historical aspects: collective monograph. In 2 volumes. Volume I. / Editor-in-chief of an edition A.V. Ovchinnikov], Kazan, Izd-vo KNITU Publ., 2014, pp. 18-36, 253-257 (Prilozhenie) [in Russian].

Pilipchuk 2016 - *Pilipchuk Ja.V.* O slavjanah i burtasah na Srednej Volge: realii i zabluzhdenija [About Slavs and burtasa on Central Volga: realities and delusions], in: Gasyrlar avazy – Jeho vekov [Echo of centuries], 2016, № ½, pp. 169-177 [in Russian].

Polikul'turnyj 2014 - Polikul'turnyj mir Srednego Povolzh'ja: social'no-antropologicheskie i istoricheskie aspekty: kollektivnaja monografija. V 2-h t. / Otv. red. A.V. Ovchinnikov [Polycultural world of Central Volga area: social and anthropological and historical aspects: collective monograph. In 2 volumes / the Editor-in-chief of an edition A.V. Ovchinnikov], Kazan, Izd-vo KNITU Publ., 2014 [in Russian].

Shakirov… 2016 - Shakirov Zufar Gumarovich [Shakirov Zufar Gumarovich], in: Oficial'nyj sajt Instituta arheologii im. A.H. Halikova Akademii nauk Tatarstana [Official site of Institute of archeology of A.H. Halikov of Academy of Sciences of Tatarstan], Electronic resource: http://archtat.ru/ru/institute/departments/medieval-arch/shakirov/ (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Smirnov 1962 - *Smirnov A.P.* Nekotorye spornye voprosy istorii volzhskih bulgar [Some controversial issues of history Volga Bulgar], in: Istoriko-arheologicheskij sbornik MGU (K 60-letiju A.V. Arcihovskogo) [The historical and archaeological collection of MSU (To A.V. Artsikhovsky's 60 anniversary)], Moscow, Nauka Publ., 1962, pp. 160-174 [in Russian].

Smirnov 1971 - *Smirnov A.P., Kornilov G.E.* Recenzija: Voprosy jetnogeneza tjurkojazychnyh narodov Srednego Povolzh'ja. Kazan': IJaLI KFAN, 1971. 296 s. [Review: Questions of ethnogenesis of the Turkic people of Central Volga area. Kazan: IYaLI KFAN, 1971. 296 pages], in: Istorija i kul'tura Chuvashskoj ASSR. T. 1 [History and culture Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic. Volume 1], Cheboksary, 1971, pp. 481-517 [in Russian].

Social'naja… 2011a - Social'naja set' «VKontakte», «stena», zapis' ot 27.08.2011 [Social network of «VKontakte», «wall», record of 27.08.2011], Electronic resource: https://vk.com/note626531_11235049 (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Social'naja… 2011b - Social'naja set' «VKontakte», «stena», zapisi ot 30-31.08.2011 [Social network of «VKontakte», «wall», records from 30-31.08.2011], Electronic resource: https://vk.com/note626531_11235049 (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Starostin 1964 - *Starostin P.N.* O tak nazyvaemyh pozdnegorodeckih pamjatnikah Srednego Povolzh'ja [About so-called pozdnegorodetsky monuments of Central Volga area], in: Trudy Marijskogo NII. Vyp. 13 [Works of the Mari scientific research institute. Release 13], Yoshkar-Ola, Izd-vo MarNII Publ., 1964, pp. 191-208 [in Russian].

Starostin 1967 - *Starostin P.N.* Pamjatniki imen'kovskoj kul'tury [Monuments of imenkovsky culture], in: Svod arheologicheskih istochnikov. Vyp. D.1-32 [Arch of archaeological sources. Release of D.1-32], Moscow, Nauka Publ., 1967, 99 p. [in Russian].

Starostin 1971 - *Starostin P.N.* Jetno-kul'turnye obshhnosti predbulgarskogo vremeni v Nizhnem Prikam'e [Ethno-cultural communities of prebulgar time in Nizhny Novgorod Prikamye], in: Voprosy jetnogeneza tjurkojazychnyh narodov Srednego Povolzh'ja [Questions of ethnogenesis of the Turkic people of Central Volga area], Kazan, Institut jazyka, literatury i istorii im. G. Ibragimova Publ., 1971, pp. 37-54 [in Russian].

Stashenkov 2006 - *Stashenkov D.A.* Ob jetnokul'turnyh svjazjah naselenija imen'kovskoj kul'tury [About ethnocultural ties of the population of imenkovsky culture], in: Slavjanovedenie [Slavic studies], 2006, № 2, pp. 20-30 [in Russian].

Stavickij 2014 - *Stavickij V.V.* Istoriografija «burtasskoj problemy» vtoroj poloviny XX – nachala XXI vv. [Historiography of «a burtassky problem» of the second half of XX – the beginning of the 21st centuries], in: Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region [News of higher educational institutions. Volga region region. 2014. No. 1 (29)], 2014, № 1 (29), pp. 84-91 [in Russian].

Zagidullin 2015 - *Zagidullin I.K.* S.G. Kljashtornyj i koncepcija semitomnoj «Istorii tatar s drevnejshih vremen» [S.G. Klyashtorny and concept of seven-volume «History of Tatars since the most ancient times»], in: Nauchnyj Tatarstan [Scientific Tatarstan], 2015, № 1, pp. 7-15 [in Russian].

Zhih 2011 - *Zhih M.I.* Rannie slavjane v Srednem Povolzh'e (po materialam pis'mennyh istochnikov) [Early Slavs on average the Volga region (on materials of written sources)], St. Petersburg; Kazan, Vestfalika Publ., 2011, 90 p. [in Russian].

Zhih 2012 - *Zhih M.I.* Problema jetnicheskoj atribucii nositelej imen'kovskoj kul'tury v nauke 50-h - 2000-h gg. [Problem of ethnic attribution of carriers of imenkovsky culture in science of the 50th - the 2000th.], in: Slavjane Vostochnoj Evropy nakanune obrazovanija Drevnerusskogo gosudarstva. Materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj 110-letiju so dnja rozhdenija Ivana Ivanovicha Ljapushkina (1902-1968). Sankt-Peterburg. 3-5 dekabrja 2012 g. [Slavs of Eastern Europe on the eve of formation of the Old Russian state. Materials of the international conference devoted to the 110 anniversary since the birth of Ivan Ivanovich Lyapushkin (1902-1968). St. Petersburg. December 3-5, 2012], St. Petersburg, 2012, pp. 256-264 [in Russian].

Zhih 2015 - *Zhih M.I.* «Imen'kovskaja problema»: prodolzhenie diskussii (otvet N.A. Lifanovu) [«Imenkovsky problem»: discussion continuation (answer to N.A. Lifanov)], in: Konfliktogennyj potencial nacional'nyh istorij (sbornik nauchnyh statej): Materialy Mezhdunarodnogo nauchno-metodologicheskogo seminara, g. Kazan', 26 marta 2015 g. / Otv. redaktor i sostavitel' A.V. Ovchinnikov [Conflictogenic potential of national stories (collection of scientific articles): Materials of the International scientific and methodological seminar, Kazan, on March 26, 2015 / Editor-in-chief and originator A.V. Ovchinnikov], Kazan, Juniversum Publ., 2015, pp. 213-225 [in Russian].

Овчинников Александр Викторович – Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин Института социальных и гуманитарных знаний (Казань, Россия).
Ovchinnikov Aleksandr Viktorovich – Candidate of historical Sciences, associate Professor of Philosophy and humanitarian disciplines of Institute of social and humanitarian knowledge, Kazan, Russia).
E-mail: ovchinnikov8_831@mail.ru

УДК 008(091)

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ОРНАМЕНТА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЧЕРНЕВОМ УБОРЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)

А.И. Корниенко

Государственный Эрмитаж

Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34

e-mail: kornienko.job@mail.ru

Researcher ID: N-4426-2016

http://orcid.org/0000-0002-1205-8627

SPIN-код: 3170-4400

Авторское резюме

Изучение черневого убора Древней Руси плохо представлено в научной литературе, это связано с тем, что данный убор существовал одновременно с эмалевым убором и привлекал гораздо меньше внимание исследователей. Единственной полной и основательной работой по черневому делу Древней Руси является монография Т.И. Макаровой, написанная 30 лет назад, с тех пор в распоряжении исследователей появились новые технологии, новые методики к изучению материала. Данная статья включает в себя предварительный анализ орнамента черневого убора XI-XIII вв. Основной категорией анализируемых вещей стали створчатые браслеты-наручи. Ограниченность выборки объясняется задачами более масштабной работы по выявлению индивидуальных особенностей ювелирных мастерских Древней Руси. Изделия направленные, в основном, на широкий круг покупателей, не могут передавать индивидуальный характер центра производства.

Ключевые слова: орнамент, черневой убор, Древняя Русь, ювелирное искусство, створчатые браслеты-наручи.

PRINCIPLES OF ORNAMENTATION IN THE OLD RUSSIAN NIELLO DECORATION (PRELIMINARY RESULTS)

Alyona Korniyenko

The State Hermitage

34 Dvortsovaya Naberezhnaya, St. Petersburg, 190000, Russia

e-mail: kornienko.job@mail.ru

Abstract

The study of the ancient Russian niello craft is poorly represented in the literature; due to the fact that this craft existed at the time when the enamel technique was widely used, it has attracted little attention from researchers. The only complete and thorough work on the niello craft of the ancient Rus' is the monograph of T.I. Makarova, published 30 years ago. Since then, new technologies and new research methods have become available to scientists. This article presents a preliminary analysis of the niello ornamentation in the 11th – 13th centuries. The main research objects have been folding arm bracelets. The author explains the small sample size by the fact that this work has been a part of a larger study of

individual features of the jewelry workshops in ancient Rus’. Mass-produced nielloed items aimed mainly at a wide range of customers can not transmit the individual nature of the manufacturing centers.
Keywords: ornamentation, niello decoration, Rus’, jewelry art, folding arm bracelets.

* * *

На протяжении многих веков мастера Древнерусского государства достигали самого высокого уровня развития в ремесленном деле. Изготовление ювелирных изделий – одно из древнейших ремесел в многовековой истории человечества. Древнерусские украшения с чернью отличаются богатой и сложной орнаментацией. Нашей задачей является выявление характерных черт, присущих как отдельной художественной традиции мастерских, так и индивидуальным приемам мастера. Для этого следует разобрать орнаментальную систему серебряных украшений с чернью (браслеты-наручи, колты) на составляющие – ведущие художественные мотивы – плетенка, зооморфный и растительный орнаменты.

На рубеже XI-XII вв. основным элитарным убором считается эмалевый. Черневой убор связан с эмалевым, по мнению многих исследователей, исходным элементом во многих композициях этих уборов является крин (Макарова 1986: 14).

Во второй половине XII в. и первой трети XIII в. в ювелирных мастерских Древней Руси происходит типологическое и стилистическое сближение уборов различных техник, взаимообмен составляющими, образование гибридных форм украшений (Жилина 2010: 186).

По хронологической системе, выделенной Н.В. Жилиной, к первому стилю черневого убора относятся геометризованные мотивы. Во всех композициях основным элементом является крин, трансформации которого образуют две категории – розетки и бордюр. Данный стиль исследовательница соотносит с подобным типологически и стилистически эмалевым сакрально-аскетическим стилем, аналогична и их хронология – вторая половина XI в. – первая половина XII в. (Жилина 2010: 187).

В эмалевом сакрально-аскетическом стиле и соответственно в первом черневом стиле в растительном орнаменте наиболее распространен *бордюр* – лента, состоящая из фигур, вытянутых вдоль одной прямой. Т. И. Макаровой выделялись два типа этого орнамента – первый образует бордюры из повторяющихся или чередующихся кринов, второй тип представлен бесконечным побегом, образованным ветвями - полукринами (Макарова 1978: 374. Рис.1).

Бордюры в эмалях широко распространены на золотых колтах, изображающие вьющийся побег (рис.1: 1). Именно этот элемент переходит в чернь.

Следующим важным элементом в орнаменте является *розетка*. В этой категории орнамента выделяются два вида – с зеркальной симметрией, со строгим равенством правой и левой половин (Макарова 1978: 374) и осевую или центральную симметрию, в которой основным элементом является ассиметричная половина крина (Жилина 2008: 20).

Так, к первому виду розеток следует относить простейшую форму изображения трехлепесткового цветка, заключенного в круг или сердцевидную

фигуру. Следует отметить, что подобная простая композиция редка в черневом уборе, в основном она представлена на колтах с эмалями. Только в одном случае мы встречаем подобный мотив на колтах с чернью (рис.1: 2). Т.И. Макарова выделяла всего три варианта изображения такой розетки на черневых украшениях, а именно на перстнях (Макарова 1986: 18. Рис. 5).

Рис. 1. Стили черневого убора на примере колтов (масштабы разные) (по классификации Н.В. Жилиной 2014): 1. Киев (по: http://www.ruicon.ru); 2. Киев, 1876 г. (по: Pekarska 2011: 170. Cat. 14); 3. Киев, 1906 г. (по: Корзухина 1954: 197. Табл. XLIV: 2); 4. Киев (по: Клады 2015: 41. Илл. 64); 5-6. Льгов, 1879 г. (по: Гущин 1936: 66. Табл. XII).

Последующие типы растительной орнаментации демонстрируют натуралистические и более разнообразными мотивы, что является одним из определяющих признаков второго черневого стиля по Н.В. Жилиной.

Исследовательница выделяет растительный стиль (кринообразный), который складывается как в эмалевом, так и в черневом уборах. В этом стиле несколько стадий и по аналогиям определяется их хронология: 1) геометризованная – вторая половина XI – первая половина XII вв.; 2) естественная – XII в. (рис.1: 3); 3) утрированная – вторая половина XII - первая треть XIII вв. (рис.1: 4) (Жилина 2014: 65).

Далее этот принцип усложняется и в черневом уборе развивается свой оригинальный стиль – плетеный (рис.1: 5, 6), его развитие обусловлено тем, что рисовать по серебру резцом проще, чем по золоту — перегородкой. Характерный признак данного стиля – сплетение элементов друг с другом – зооморфные сюжеты переходят в растительные побеги или плетенки.

Основная группа анализируемых изделий – браслеты-наручи, среди которых нет образцов с повторяющимися сюжетами. Данный тип украшений изготавливался по индивидуальному эскизу, поэтому композиционное оформление могло зависеть от желания заказчика или же от художественного решения мастера. Поэтому важно учитывать не только морфологию орнамента, но и основные принципы его построения.

Обратимся к работе А.К. Елкиной, в которой автор сравнивает орнаментальную декорировку русской архитектуры, предметов прикладного искусства и книжной графики X-XIV вв. и выявляет конкретные приемы плетения в геометрическом орнаменте, основываясь на реальных предметах плетеного ремесла (Елкина 1983: 56). Методика сопоставления реальных веревочных узлов и плетений с рисунками на скандинавских рунических камнях была независимо предложена петербургской исследовательницей С.М. Тодоровой (Тодорова 1997), но впоследствии ни работа А.К. Елкиной, ни С.М. Тодоровой, к сожалению, не были востребованы специалистами.

Представленный на браслетах-наручах плетеный орнамент в своей структуре имеет всегда правильное чередование линий, переплетающихся друг с другом, что является доказательством единых законов в технологии плетения.

Плетеный орнамент на браслетах можно поделить следующим образом (придерживаясь классификации А.К. Елкиной): 1) линейные плетеные орнаменты-тесьма: а) в две пряди; б) в три пряди; в) в четыре пряди; 2) орнаменты-узлы; 3) линейные орнаменты-тесьма с вплетенными кольцами. Исследовательницей выделяются несколько приемов, благодаря которым получаются вариации плетения, на изучаемом нами материале прослеживаются некоторые из них.

Первый прием, на который нам бы хотелось обратить внимание, следующий: каждая прядь плетенки могла состоять из одного-двух или более шнуров, идущих параллельно. На рассматриваемых изделиях не встречается таких широких сплетений, однако, этот прием использовался довольно широко. Об этом свидетельствует многочисленные прочерченные линии вдоль всего жгута (рис.3: 1-3; 14-15).

Рис. 2. Створчатые браслеты-наручи (масштабы разные): 1. Тверь, 1906 г. (по: Клады 2015: 57. Илл. 100); 2. Киев, 1872 г. (по: Макарова 1986: 98. № 231); 3. пос. Шурышкары, 1996 г. (по: Бауло 2007. Рис. 4); 4. пос. Сайгатино (по: http://hmao-museums.ru/); 5. Старая Буда (по: Макарова 1986: 85. № 243); 6. Коллекция ГИМ (по: Меч и златник 2012: 272. Рис. 659); 7. Старая Рязань, 1970 г. (по: http://www.spadok.org.ua); 8. Владимир, 1896 г. (Сокровища ойкумены. Перед нашествием 2005: 134).

Интересно, что дополнительный жгут мог вплетаться по ходу плетения. Такой прием встречается в двух случая – на браслете из Твери 1906 г. (рис.2: 1) и на браслете, найденном в Киеве в 1872 г. (рис.2: 2), причем оба плетения можно считать узловыми. Здесь важно учитывать построение композиции браслетов. Оба браслета двухъярусные, разделены продольной оттиснутой линией, но на тверском браслете есть дополнительное деление на отделы с помощью арочек. Поэтому нижний ярус

представлен небольшими киотцами, в которых изображены лишь части плетенки (видно, что она могла продолжаться). В связи с этим, можно предположить, что изображение плетенки на тверском браслете могло быть аналогично плетенке с кольцами на киевском браслете.

Подробнее рассмотрим орнаментальные мотивы этих наручей. Растительный орнамент представлен бордюром, образованным пышными кринами, расположенными по движению ленты (рис.2: 1, 2). Необходимо отметить, что, несмотря на частое использование данного мотива в орнаментике наручей, такое исполнение ни на одном другом не встречается.

Наконец, последний мотив этих наручей хотелось бы осветить более подробно, а именно, изображение сюжетных персонажей. На браслете из Киева в верхнем ярусе помещены по бокам птицы, а в центральной части створки - фантастические звери. В свою очередь, на тверском браслете сюжеты более разнообразны. На одной створке последовательно изображены сидящая женщина с кубком, мужчина в стремительном движении, указывающий рукой вверх и женщина с кубком, держащая странно изогнутое существо (по мнению многих авторов, Симаргла-Переплута: Рыбаков 1948: 267-268; Макарова 1967: 65). На другой створке центральную арку занимает изображение кентавра в точно такой же позе, что и мужчина, по бокам от него располагается растительный побег и зверь.

В данном случае важную роль играют не столько сами персонажи, сколько их изображения. Опустим принципы построения зооморфного орнамента, к ним обратимся чуть позже, а пока обратим внимание на «лица» центральных фигур (рис.2: 1, 2). В обоих случаях они выполнены по одной схеме – широкая лицевая часть, узкая шея, нос и глаза отмечены линией гравировки. Несмотря на то, что визуально браслеты различны, детали говорят о происхождении их из одной мастерской.

Возвращаясь к рассмотрению плетеного орнамента и его особенностям в построении, следует отметить следующий прием, выявленным А.К. Елкиной и часто встречаемый на браслетах – «ломаные» углы, когда по ходу плетения пряди перегибаются под разными углами (рис.3: 4-5; 18-19). В результате проведенного анализа исследовательница пришла к выводу, что такой прием иллюстрирует способ прикрепления плетеных изделий к ткани одежд. Для этой же цели служат и отвитые петельки, за которые тесьма крепилась к основе без нарушения рисунка. В связи с этим, автор пишет, что раздвижки и ломаные углы появляются, если тесьма непосредственно крепиться за пряди (Елкина 1983: 60).

Самый простой вид плетеного орнамента, в котором отразилась техника плетения в два конца, называется «веревочка». Такой орнамент встречается только на браслетах из районов Прикамья и Приобья (рис.2: 3, 4). Многие исследователи отмечали, что подобное плетение присуще болгарской художественной традиции (Белавин 2000: 102). В древнерусском искусстве «веревочку» усложняли угловатыми растяжками и отвитыми петельками, такой орнамент встречается в книжной рукописи X и XI вв. (Стасов 1887. Табл. 14; Сидорова 1971: 56. Рис. 47), на резной спинке деревянного кресла из Новгорода начала XIII в. (Колчин 1971. Табл. 13). В орнаментике древнерусских браслетов-наручей усложненная «веревочка»

встречается один раз. Это примитивное изображения волнистых линий, отдаленно напоминающих плетенку, на браслете из Старой Буды (рис.2: 5), отметим, что и в этом случае мастер прочерчивал полоски, показывая тем самым трехчастность пряди.

Плетенье в три пряди – самый распространенный вид орнамента в древнерусском искусстве, - называется «коса». В инициалах русских рукописей XII - XV вв. орнамент имеет разнообразные варианты с перевивами прядей (рис.3: 16, 17). Интересно выполнено переплетение на серебряных браслетах из коллекции ГИМ (рис.2: 6), где видно, что в плетении участвует прядь, собранная из двух жгутов.

Следующий вид плетеного орнамента, особо распространенный в черневом уборе, - узел. Узлам в древности придавали особое значение. В словаре В.И. Даля «вязать узлы», «наузить» значило колдовать, знахарить (Даль 2005: 348). Это и объясняет наличие разнообразных вариантов узлов в орнаменте ювелирных украшений, которые одевались в определенные даты – праздники, торжества.

Самый простой узел, встречающийся на браслетах – «калач» (рис.3: 6). Он состоит из естественного перекрестья прядей, выступал в орнаменте основным элементом в богатом материале русских книжных рукописей XII -XIII вв. (рис.3: 7, 8). Этот элемент так же мог играть второстепенную роль в плетении (рис.3: 9, 10). А.К. Елкина отмечает, что «калач» является базовым элементом любого другого узла, многообразие которого строится за счет постоянного усложнения (Елкина 1983: 66).

Традиционное название следующего узла – «вечный» (рис.3: 11), его исполнение в древнерусском искусстве разнообразно. Основой его переплетения являются три линии, образующие при пересечении узел.

В материалах Новгорода мы видим такой орнамент на медных браслетах XI – XII вв., подобные изображения «вечных» узлов встречаются и на других предметах новгородского быта (Седова 1981: 105. Рис. 38: 5,7-9).

«Вечный» узел — магический символ, использовавшийся многими народами, в текстильном изделии сохранил свой внешний силуэт, но утратил рисунок переплетения нитей. Новгородская археологическая находка XII в. — узел, состоящий из двух кожаных ремешков, переплётённых зигзагообразно (рис.3: 12), который превратился в популярный текстильный орнамент (рис.3: 13).

Устанавливается связь между плетёнкой из двух перекрещенных овалов, изображение которой встречается на деревянных предметах в Новгороде, и текстильном орнаменте, состоящим из ромба и свастики. Мотив плетения, скомпонованный из двух перекрещивающихся овалов и ромба, многократно использовался на предметах, выполненных из самых различных материалов. Такой же мотив выгравирован на одном из браслетов Старой Рязани (рис.2: 7).

И, наконец, третий узел – «дерево жизни», выгравирован на Владимирском браслете (рис.2: 8), аналогией этому плетению можно считать фрагмент шитья пряденым золотом из Рязанского клада (Монгайт 1967. Рис. 15). Этот же узел широко распространяется на серебряные колты.

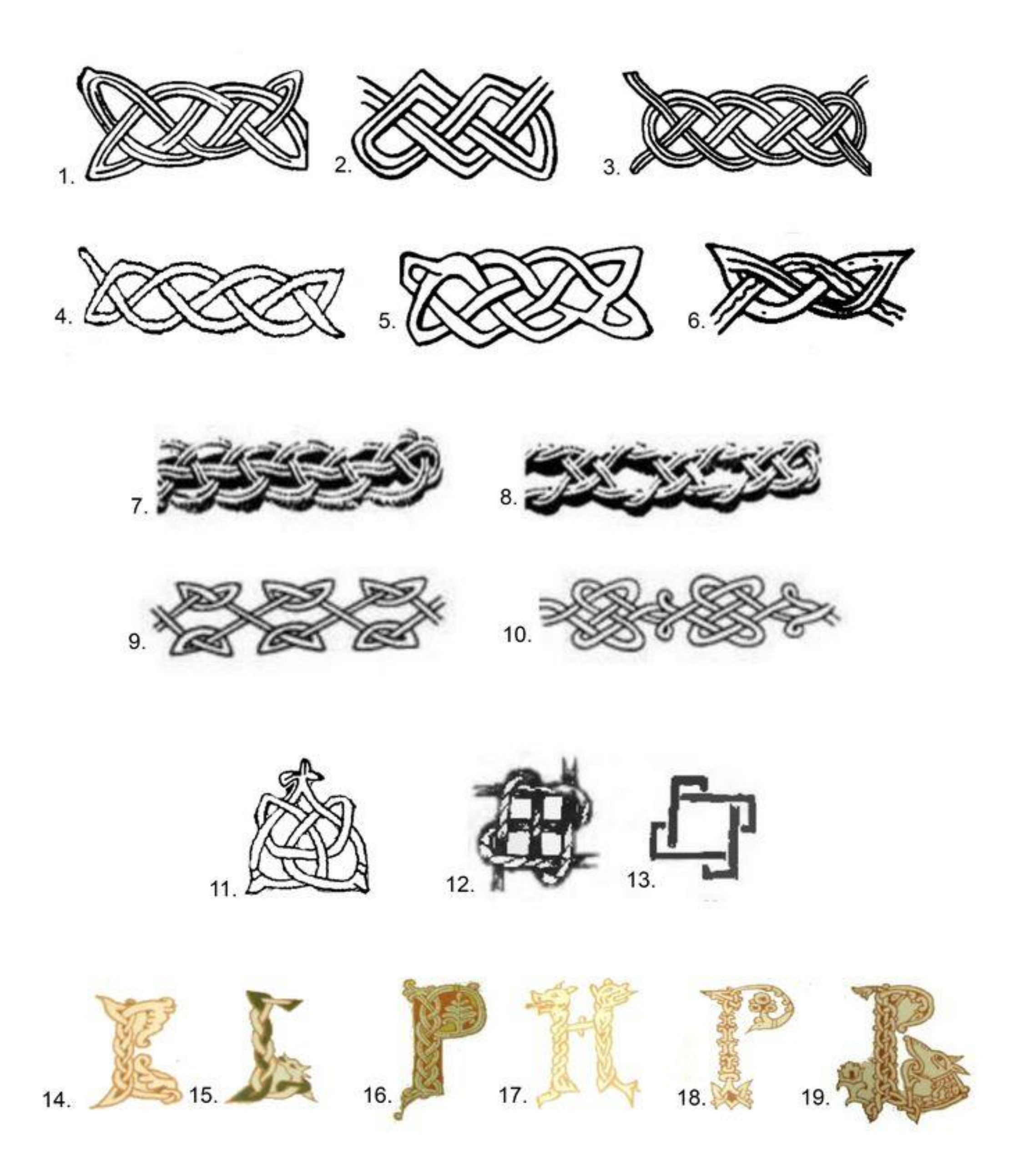

Рис. 3. Примеры плетеного орнамента (масштабы разные): 1-3. Плетение в две пряди на браслетах-наручах (прорисовки по: Макарова 1986): 1 – Киев, 1889 г., 2 – Тверь, 1906 г., 3 – Киев, 1903 г.; 4-5. «Ломаные» углы на браслетах-наручах (прорисовки по: Макарова 1986): 4 – Киев, 1939 г., 5 – Тверь, 1906 г.; 6. Узел «калач» на браслетах-наручах (прорисовки по: Макарова 1986): Старая Рязань, 1966 г.; 7-8. Модели плетения, выполненные Елкиной А.К. (по: Елкина 1983. Рис. 3); 9-10. Модели узла «калач» выполненные Елкиной А.К. (по: Елкина 1983. Рис.1); 11. «Вечный» узел: Киев, 1939 г. (прорисовки по: Макарова 1986); 12. Археологическая находка XII в. – узел, состоящий из двух кожаных ремешков, переплетённых зигзагообразно (по: http://www.liveinternet.ru Рис. 25); 13. Пример текстильного орнамента (по: http://www.liveinternet.ru Рис. 26); 14-15. Орнамент новгородских рукописных книг XIII вв. (по: Стасов 1887. Табл. LXI: 4, 10); 16-17. Плетение в три пряди из русских рукописей (Новгород, Ростов, XIII в.) (по: Стасов 1887. Табл. LXII: 26, табл. XLI: 38); 18-19. Узел «калач» в древнерусских рукописных книгах (Новгород, XII в.) (по: Стасов 1887. Табл. LXI: 8, 12).

Подводя итог рассмотрению плетеного орнамента, важно отметить, что в культуре средневековой Руси плетение из нитей имело сакральное значение, которое передавалось предметам, на которые наносился «ленточный» орнамент. Эволюция преобразования плетения в орнамент происходила на протяжении длительного периода, претерпевая изменения в несколько этапов. Генетическое родство плетения и орнамента прослеживается на предметах, выработанных из различных материалов, в том числе и текстильных изделиях.

Последний аспект в орнаментике браслетов-наручей, который нам хотелось бы осветить, относится к зооморфному орнаменту. В нашу задачу не входит определение семантической нагрузки изображений, так же как и выявление источников для зооморфных персонажей (книжная орнаментика, узоры дорогих тканей). Эти вопросы требуют отдельного исследования, поэтому в рамках данной статьи мы рассмотрим лишь основные принципы построения зооморфного орнамента на серебряных украшениях с чернью.

Для анализа вариантов комбинаций в орнаменте браслетов и колтов нами была составлена таблица (табл.1), в которой изображения делятся на две группы - «*двуногих*» и «*четвероногих*» существ. Последняя группа «четвероногих» делится на два отдела – крылатые существа и бескрылые. В первой группе отдел бескрылых существ отсутствует. В свою очередь все имеющиеся композиции можно разделить по сочетаемости с другими орнаментальными мотивами – плетенкой и растительными побегами.

Свойственная многим орнаментам «боязнь пустоты» полностью проявляется на данных изображениях. Из таблицы видно, что художник старательно пытался заполнить пустое пространство за спинами персонажей. Для «двуногих» эту роль в большинстве случаев играло крыло, развернутое к зрителю и поднятое над спиной (табл.1: 6). В некоторых случаях, когда пропорции существа или его поза не позволяли выполнить мастеру этот прием, вводился дополнительный элемент – веточка или крыло «прорастало» (табл.1: 7). Данный мотив свойственен, в основном, для одноярусных браслетов. Сдержанность орнамента обыгрывалась дополнительными элементами – декоративными деталями, прорисовкой фона.

В свою очередь многоярусная конструкция браслетов давала возможность автору изображать персонажей в сочетании с растительным орнаментом в разнообразных комбинациях, при этом заполнение пространства за спиной существ остается неизменным (табл.1: 5).

Сочетание первой группы изображений с плетеным орнаментом обуславливается «прорастанием» и сплетением частей тела персонажей – хвостов, крыльев. В большинстве случаев само изображение отходит на второй план, все отведенное пространство занимает плетенка (табл.1: 4). Часто в этом орнаменте мы встречаем уже описанные выше узлы и приемы плетения, однако, общая композиция говорит против главного принципа плетеного орнамента – закономерность чередования линий.

На изображениях четвероногих животных плетенка выступает самостоятельно в сюжете, в отдельных случаях является продолжением тела (табл.1: 10). Различия в сочетаниях плетенки и зооморфного орнамента объясняются конструктивными

особенностями персонажей. Пропорции у четвероногих существ являются более устойчивыми в композиции, чем у двуногих. Им для создания уравновешенности необходимы прочные связи с другими элементами мотива.

В подтверждение этому предположению могут служить парные изображения персонажей (табл.1: 1). Видно, что в большинстве случаев животные не связаны с плетенкой, каждый элемент выступает отдельно в мотиве. Ответ заключается в парности изображений, которая создает необходимую симметрию и уравновешивает композицию.

В результате анализа зооморфного орнамента нами были выделены несколько принципов в его построении, роли в общей композиции на изделиях, а также сочетание с другими орнаментальными мотивами:

заполнение пространства за спиной персонажей;

дополнительные орнаментальные элементы (растительный побег, плетенка) сочетаются с персонажами по-разному, зависит от пропорций существа;

двуногие существа чаще всего изображались с дополнительными элементами для создания равновесия;

двуногие существа преимущественно изображались на одноярусных браслетах, объясняется большей площадью для создания дополнительных орнаментальных композиций;

четвероногие существа в орнаменте изделий с чернью выступают чаще всего самостоятельно и размещаются в двухъярусных композициях.

Отметим, что данный анализ основывался на изображениях с браслетов-наручей и не исчерпывает многочисленных вариантов орнаментальных построений на других типах черневых украшений.

Таблица. Комбинации зооморфного орнамента на браслетах-наручах (прорисовки орнаментальных мотивов по: Макарова 1986).
Масштабы разные.

Двуногие		
Крылатые	*Парные изображения*	
	с плетенкой	1.
	с растительным орнаментом	2.
	без доп. элементов орнамента	3.
	Одиночные изображения	
	с плетенкой	4.
	с растительным орнаментом	5.
	без доп. элементов орнамента	6.
		7.

Четвероногие		
Крылатые	с доп. элементами орнамента	8.
	без доп. элементов орнамента	9
Бескрылые	с плетенкой	10.
	с растительным орнаментом	11.

ЛИТЕРАТУРА

Бауло 2007 - *Бауло А.В.* Средневековые изделия из серебра на севере Западной Сибири: новые находки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1.

Белавин 2000 - *Белавин А.М.* Камский торговый путь: Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2000.

Браслет - Браслет. Эпоха средневековья (поздний железный век). XIII-XIV вв. Сайгатинский IV (4) могильник XI-XVI вв. из коллекции Сургутского художественного музея / Электронный ресурс: http://hmao-museums.ru/museum/shm_surgut/gallery/1059/#ci6433 (дата обращения – 11.10.2016).

Браслеты 2015 - Давньоруські браслети-наручі із зображенням Семарга та Переплута. 2015 / Электронный ресурс: http://www.spadok.org.ua/starozhytnosti/davnoruski-braslety-naruchi-iz-zobrazhennyam-semargla-ta-perepluta (дата обращения – 11.10.2016).

Гущин 1936 - *Гущин А.С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X-XIII вв. Л., 1936.

Даль 2005 - *Даль В.И.* Толковый словарь. М., 2005.

Елкина 1983 - *Елкина А.К.* Исторические и теоретические принципы построения плетеного орнамента // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. Вып. 8 (38). М.: Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации, 1983. С. 56-74.

Жилина 2008 - *Жилина Н.В., Макарова Т.И.* Чернь в драгоценном уборе Древней Руси // Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций IX-XIII вв. (Художественные стили и ремесленные школы). М.: ИА РАН, 2008. С. 62-98.

Жилина 2010 - *Жилина Н.В.* История древнерусского металлического убора IX-XIII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 175-198.

Жилина 2014 - *Жилина Н.В.* Древнерусские клады IX-XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.

Клады 2015 - Клады Древней Руси. В собрании Русского музея // Альманах. Вып. 457. СПб.: Palace Editions, 2015.

Колт - Колт; Россия. Киевская Русь; IX в.; местонахождение: США. Вашингтон. Коллекция Думбартон-Окс (Dumbarton Oaks) / Электронный ресурс: http://www.ruicon.ru/arts-new/carving/1x1-dtl/emali1/krest_-_drevo_zhizni_i_siriny_kolt/?page_19=2&p_f_23_temp_id=1&p_f_23_22=~%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%82&p_f_23_5[]=&p_f_23_6[]=&p_f_23_4[]=&p_f_23_7=&p_f_23_7_link=&p_f_23_8=&p_f_23_9=&p_f_23_9_link=&p_f_23_20[]=&p_f_23_18[]=&p_f_23_19[]=&p_f_23_24[]=&p_f_23_14_cb=1&p_f_23_id=&ref-cat=&ref-cat (дата обращения – 11.10.2016).

Колчин 1971 - *Колчин Б.А.* Новгородские Древности. М.: Наука, 1971.

Корзухина 1954 - *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX-XIII вв. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1954.

Макарова 1967 - *Макарова Т.И.* Эмальерное и черневое дело Древней Руси. М., 1967.

Макарова 1978 - *Макарова Т.И.* Симметрия в растительном орнаменте Древней Руси // Древняя Русь и Славяне. М.: Наука, 1978. С. 370-378.

Макарова 1986 - *Макарова Т.И.* Черневое дело Древней Руси. М.: Наука, 1986.

Меч 2012 - Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Каталог выставки. М.: Куликово поле, 2012.

Монгайт 1967 - *Даркевич В.П., Монгайт А.Л.* Старорязанский клад 1966 г. // Советская археология. 1967. № 2. С. 211-223.

Рыбаков 1948 - *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М.: Издательство АН СССР, 1948.

Седова 1981 - *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV). М.: Наука, 1981.

Сидорова 1972 - *Сидорова Н.А.* Искусство эгейского мира // Искусство. М., 1972.

Сокровища 2005 - Сокровища ойкумены. Перед нашествием. История мировой культуры. М.: Бук Хаус, 2005.

Стасов 1887 - *Стасов В.В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887.

Тодорова 1997 - *Тодорова С.М.* Генезис орнаментальной традиции рунических камней. Классификация орнаментики на материале Швеции XI в. // Первые скандинавские чтения. СПб.: Наука, 1997.

Pekarska 2011 - *Pekarska L.* Jewellery of princely Kiev. The Kiev Hoards in the British and the metropolitan museum of art and related material. London, 2011.

REFERENCES

Baulo 2007 - *Baulo A.V.* Srednevekovye izdelija iz serebra na severe Zapadnoj Sibiri: novye nahodki [Medieval products from silver in the north of Western Siberia: new finds], in: Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2007, № 1 [in Russian].

Belavin 2000 - *Belavin A.M.* Kamskij torgovyj put': Srednevekovoe Predural'e v ego jekonomicheskih i jetnokul'turnyh svjazjah [Kama trade way: The medieval Cis-Urals in its economic and ethnocultural ties], Perm, Permskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet Publ., 2000 [in Russian].

Braslet - Braslet. Jepoha srednevekov'ja (pozdnij zheleznyj vek). XIII-XIV vv. Sajgatinskij IV (4) mogil'nik XI-XVI vv. iz kollekcii Surgutskogo hudozhestvennogo muzeja [Bracelet. Middle Ages era (late Iron Age). The 13-14th centuries the Saygatinsky IV (4) burial ground of the 11-16th centuries from a collection of the Surgut art museum], Electronic resource: http://hmao-museums.ru/museum/shm_surgut/gallery/1059/#ci6433 (Date of access – 11.10.2016) [in Russian].

Braslety 2015 - Davn'orus'ki brasleti-naruchi iz zobrazhennjam Semargla ta Perepluta [Old Russian wrist bracelets with images of Semargl and Pereplut], 2015, Electronic resource:

http://www.spadok.org.ua/starozhytnosti/davnoruski-braslety-naruchi-iz-zobrazhennyam-semargla-ta-perepluta (Date of access – 11.10.2016) [in Ukrainian].

Dal' 2005 - *Dal' V.I.* Tolkovyj slovar' [Explanatory dictionary], Moscow, 2005 [in Russian].

Elkina 1983 - *Elkina A.K.* Istoricheskie i teoreticheskie principy postroenija pletenogo ornamenta [Historical and theoretical principles of creation of a wattled ornament], in: Hudozhestvennoe nasledie. Hranenie, issledovanie, restavracija. Vyp. 8 (38) [Art heritage. Storage, research, restoration. Release 8 (38)], Moscow, Vsesojuznyj nauchno-issledovatel'skij institut restavracii Publ., 1983, pp. 56-74 [in Russian].

Gushhin 1936 - *Gushhin A.S.* Pamjatniki hudozhestvennogo remesla Drevnej Rusi X-XIII vv. [Monuments of art craft of Ancient Russia of the 10-13th centuries], Leningrad, 1936 [in Russian].

Klady 2015 - Klady Drevnej Rusi. V sobranii Russkogo muzeja [Treasures of Ancient Russia. In the Russian Museum collection], in: Al'manah. Vyp. 457 [Almanac. Release 457], St. Petersburg, Palace Editions Publ., 2015 [in Russian].

Kolchin 1971 - *Kolchin B.A.* Novgorodskie Drevnosti [Novgorod Antiquities], Moscow, Nauka Publ., 1971 [in Russian].

Kolt - Kolt; Rossija. Kievskaja Rus'; IX v.; mestonahozhdenie: SShA. Vashington. Kollekcija Dumbarton-Oks (Dumbarton Oaks) [Colt; Russia. Kievan Rus'; 9th century; location: USA. Washington. Collection Dumbarton Oaks], Electronic resource: http://www.ruicon.ru/arts-new/carving/1x1-dtl/emali1/krest_-_drevo_zhizni_i_siriny_kolt/?page_19=2&p_f_23_temp_id=1&p_f_23_22=~%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%82&p_f_23_5[]=&p_f_23_6[]=&p_f_23_4[]=&p_f_23_7=&p_f_23_7_link=&p_f_23_8=&p_f_23_9=&p_f_23_9_link=&p_f_23_20[]=&p_f_23_18[]=&p_f_23_19[]=&p_f_23_24[]=&p_f_23_14_cb=1&p_f_23_id=&ref-cat=&ref-cat (Date of access – 11.10.2016) [in Russian].

Korzuhina 1954 - *Korzuhina G.F.* Russkie klady IX-XIII vv. [Russian treasures of the 9-13th centuries], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1954 [in Russian].

Makarova 1967 - *Makarova T.I.* Jemal'ernoe i chernevoe delo Drevnej Rusi [Emalyerny and dark business of Ancient Russia], Moscow, 1967 [in Russian].

Makarova 1978 - *Makarova T.I.* Simmetrija v rastitel'nom ornamente Drevnej Rusi [Symmetry in a vegetable ornament of Ancient Russia], in: Drevnjaja Rus' i Slavjane [Ancient Russia and Slavs], Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 370-378 [in Russian].

Makarova 1986 - *Makarova T.I.* Chernevoe delo Drevnej Rusi [Dark business of Ancient Russia], Moscow, Nauka Publ., 1986 [in Russian].

Mech 2012 - Mech i zlatnik. K 1150-letiju zarozhdenija Drevnerusskogo gosudarstva. Katalog vystavki [Sword and zlatnik. To the 1150 anniversary of origin of the Old Russian state. Exhibition catalog], Moscow, Kulikovo pole Publ., 2012 [in Russian].

Mongajt 1967 - *Darkevich V.P., Mongajt A.L.* Starorjazanskij klad 1966 g. [Old Ryazan treasure of 1966], in: Sovetskaja arheologija [Soviet archeology], 1967, № 2, pp. 211-223 [in Russian].

Pekarska 2011 - *Pekarska L.* Jewellery of princely Kiev. The Kiev Hoards in the British and the metropolitan museum of art and related material, London, 2011 [in English].

Rybakov 1948 - *Rybakov B.A.* Remeslo Drevnej Rusi [Craft of Ancient Russia], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1948 [in Russian].

Sedova 1981 - *Sedova M.V.* Juvelirnye izdelija drevnego Novgoroda (X-XV) [Jewelry of ancient Novgorod (X-XV)], Moscow, Nauka Publ., 1981 [in Russian].

Sidorova 1972 - *Sidorova N.A.* Iskusstvo jegejskogo mira [Art of the Aegean world], in: Iskusstvo [Art], Moscow, 1972 [in Russian].

Sokrovishha 2005 - Sokrovishha ojkumeny. Pered nashestviem. Istorija mirovoj kul'tury [Treasures of an oykumena. Before invasion. History of world culture], Moscow, Buk Haus Publ., 2005 [in Russian].

Stasov 1887 - *Stasov V.V.* Slavjanskij i vostochnyj ornament po rukopisjam drevnego i novogo vremeni [Slavic and east ornament according to manuscripts of ancient and modern times], St. Petersburg, 1887 [in Russian].

Todorova 1997 - *Todorova S.M.* Genezis ornamental'noj tradicii runicheskih kamnej. Klassifikacija ornamentiki na materiale Shvecii XI v. [Genesis of ornamental tradition of runic stones. Classification of a twiddle on material of Sweden XI century], in: Pervye skandinavskie chtenija [First Scandinavian readings], St. Petersburg, Nauka Publ., 1997 [in Russian].

Zhilina 2008 - *Zhilina N.V., Makarova T.I.* Chern' v dragocennom ubore Drevnej Rusi [Common people in a precious attire of Ancient Russia], in: Drevnerusskij dragocennyj ubor – splav vlijanij i tradicij IX-XIII vv. (Hudozhestvennye stili i remeslennye shkoly) [Old Russian precious attire – an alloy of influences and traditions of the 9-13th centuries. (Art styles and craft schools)], Moscow, IA RAN Publ., 2008, pp. 62-98 [in Russian].

Zhilina 2010 - *Zhilina N.V.* Istorija drevnerusskogo metallicheskogo ubora IX-XIII vv. [History of an Old Russian metal attire of the 9-13th centuries], in: Slavjano-russkoe juvelirnoe delo i ego istoki: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju so dnja rozhdenija Gali Fjodorovny Korzuhinoj [Slavic-and-Russian jewelry and its sources: Materials of the International scientific conference devoted to the 100 anniversary since the birth of Galya Fyodorovna Korzukhina], St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2010, pp. 175-198 [in Russian].

Zhilina 2014 - *Zhilina N.V.* Drevnerusskie klady IX-XIII vv. Klassifikacija, stilistika i hronologija ukrashenij [Old Russian treasures of the 9-13th centuries. Classification, stylistics and chronology of jewelry], Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 2014 [in Russian].

Корниенко Алёна Игоревна – Лаборант отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия).
Korniyenko Alyona Igorevna – Laboratory assistant researcher of Department of history of the Russian culture of the State Hermitage (St. Petersburg, Russia).
E-mail: kornienko.job@mail.ru

УДК 94 (470.6)

СПЕЦИФИКА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЭТНИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ КУБАНИ*

И.Ю. Васильев

Научно-исследовательский центр традиционной культуры
«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)
e-mail: ivasee@mail.ru
SPIN-код: 8437-3902

Авторское резюме

Статья посвящена выявлению причин провала украинизации Кубани в условиях Гражданской войны и НЭПа (1918-1929 гг.). Определяются основные трактовки идентичности населения Кубани в современной российской и украинской историографии. Выявлены социальные условия преобладания русской идентичности на дореволюционной Кубани. Аргументируется на основе парадигмы конструктивизма искусственный характер украинизации, ее неприятие в общественном мнении и несоответствие императиву социокультурной интеграции советского общества. Казачество Кубани в 1918-1929 гг. обладало сложносоставной этносословной идентичностью. Постепенно набирала силу добровольная ассимиляция украинцев русскими, вопреки курсу на «украинизацию» в 1923-1932 гг. Обособленность казачества от «иногородних» и городского русского населения поддерживалась в большей мере на стратификационной, сословной основе, а также в силу памяти о дореволюционном привилегированном положении. Можно выделить ряд специфических черт восточнославянской этничности: отсутствие жесткой привязки этнической идентичности к диалекту, традиционной культуре; тесная связь с территориальной локализацией; укрепление этнической идентичности в случае ее «привязки» к социально-профессиональному статусу, большая значимость последнего по сравнению с родным диалектом и культурой. Это обусловлено приспособлением к разнообразным и изменчивым условиям жизни, нестабильности политической и социально-экономической жизни. Большое влияние на этническую идентичность восточных славян оказывает система образования, книжное дело, СМИ, а также высокий уровень вовлеченности в формирование и развитие современного общества и культуры.

Ключевые слова: украинизация, Гражданская война, новая экономическая политика, Кубань, идентичность, социально-профессиональный статус, территориальная локализация.

SPECIFITY OF THE EAST SLAVIC ETHNICITY AS EXEMPLIFIED BY KUBAN

Igor Vasilyev

The research center of traditional culture
«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)
e-mail: ivasee@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 14-18-01442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азово-Черноморском регионе».

Abstract

The author discusses the reasons for failure of Ukrainization in Kuban during the Civil War and the New Economic Policy (1918–1929), defines interpretations of the Kuban ethnic identity in contemporary Russian and Ukrainian historiographies and reveals the social conditions for prevalence of the Russian identity in pre-revolutionary Kuban. The artificial nature of Ukrainization, rejection of it by the Kuban population, and its nonconformance with the imperative of socio-cultural integration into the Soviet society are reasoned on the basis of constructivist paradigm. In 1918–1929 the Kuban Cossacks had a complex ethnic-caste identity which could not be properly revealed by methods of analysis existed at that time. Voluntary assimilation of Ukrainians by Russians gradually gained ground, contrary to the authorities' course to Ukrainization in 1923–1932. Detachment of the Cossacks from «out-of-town» people and urban Russian population was based on their stratified caste society and on historical memory of their pre-revolutionary privileged position. The author has identified a number of features of the East Slavic ethnicity as exemplified by the Ukrainians of Kuban: lack of a rigid binding of ethnic identity with the corresponding dialect and traditional culture (they preserved the sense of belonging to the East Slavic people); close ties of identity with territorial localization; strengthening of ethnic self-awareness in case of its «binding» with social and occupational status, and higher importance of the latter compared to native dialect and culture. These features have been developed as adaptation to volatile living conditions and instability of political, social and economic life in Kuban. Education system, literature, mass media, as well as high level of people involvement into the formation and development of modern society and culture exert a great deal of influence on the ethnic identity of Kubans.

Keywords: Ukrainization, Civil War, the New Economic Policy of Soviet Russia, Kuban, identity, social and occupational status, territorial localization.

* * *

Этническая идентичность населения Кубани в 1918-1929 гг. является остро дискуссионной темой. Споры вызывает соотношение сословных, профессиональных и этнических проявлений самосознания жителей региона. Ряд историков распространяет мифы о том, что Украина и Кубань были едины в этнокультурном отношении, а казачество проявляло украинофильскую «самостийность» (С.В. Кульчицкий, Д.Д. Белый: Кульчицкий 2008; Білий 2009). Для анализа формирования идентичности восточных славян Кубани нами были использованы концепции С.М. Широкогорова и А.Дж. Тойнби. По мнению С.М. Широкогорова, этнос – это стабильное клише приспособления к природным условиям, этническому окружению и своей собственной культуре. При всем разнообразии и непохожести этносов основной принцип их как преимущественно трифункционального приспособительного механизма идентичен. Исторически и ситуативно, более социально-политически конкретно и в конструктивистском ключе генезис подобной культуры показывает А.Дж. Он рассматривает появление цивилизации как ответ на вызов природной среды или иных человеческих общностей, социальной среды (Кузнецов 2006: 59-68; Тойнби 2001). В данном случае речь пойдет об этносоциальных общностях восточных славян, привыкших к весьма высокой изменчивости указанных выше факторов.

О таких специфических качествах восточных славян, сформировавшихся как ответы на изменчивые вызовы природных и социально-политических условий, немало писала исследовательница из Омска М.А. Жигунова. Речь идет о превосходстве территориальных и социальных идентичностей над этнической

(Жигунова 2002; Жигунова 2015). Идентичность определяется как устойчивое самосознание, в основе которого – чувство принадлежности индивидов и групп к «своей» общности. Идентификация невозможна без сравнения сторон общения, что позволяет ориентироваться в мире. Идентичность сочетает два комплекса представлений: позитивный и негативный, автостереотипы и стереотипы групп – партнеров коммуникации. Идентичность может быть «жесткой» или «размытой». Группы и индивиды проявляют многие виды идентичности, которые взаимосвязаны и «накладываются» (этническую, сословную, профессиональную и др.). Идентичность населения Кубани, как и Юга России в целом – сложносоставная, в ней неразрывно слиты разнопорядковые идентификационные признаки (Сергеев 2010; Морозова 2012: 102-104). На Кубани в дореволюционный период жило большое количество «малороссов» – и казаков, и «иногородних». Но их численность стремительно сократилась на 89,2 % за 1926–1939 гг. (Сущий 2013: 70). Почему это произошло?

Кто такие малороссы – особый народ или субэтнос триединого русского народа? На этот счет существуют различные мнения. Весьма вероятно, что с XVII по начало XX вв. украинский народ находился в некоем переходном состоянии от развитого субэтноса к отдельному этносу (современная наука все больше склоняется к выводу, что значительная часть этноисторических феноменов не укладываются в четкие классификации). Украинцы в целом обособились в отдельный народ в период с конца XIX – первое тридцатилетие XX в., когда появился развитый украинский национализм, опыт национальной государственности в период революции и Гражданской войны, была создана УССР и проводилась украинизация. Причем кубанских казаков-малороссов эти процессы в массе не затронули, хотя и у них существовали отличия не только в культурно-языковой сфере, но и в идентичности от великороссов (Васильев 2015; Берёзкин 2014: 187-217).

Проблема этнической истории малороссов в Российской империи затрагивалась многими исследователями – как российскими, так и зарубежными, например, А. Каппелером, А.И. Миллером (Каппелер 1997: 125-144; Миллер 2000: 128-143). Не столь глубоко исследована этническая история украинцев Кубани. Поэтому особенно значимы работы Н.И. Бондаря, в которых показано влияние казачьего статуса и казачьей специфики культуры и ментальности на эволюцию этнической идентичности украинцев Кубани (Бондарь 1995: 5-48; Бондарь 1995а: 49-85).

К концу XIX в. складывается единое кубанское казачество как субэтнос в составе русских (Бондарь 2008: 140). Этничность малороссов из числа черноморских казаков развивается в последовательности «украинцы – кубанские казаки – кубанские казаки, русские» (Бондарь 1995: 5-48).

Казачий статус, его приоритетность по отношению к украинской этничности в весьма значительной степени способствовали ассимиляции казаков-малороссов (Украинцы 2007: 160). Казаки, с одной стороны, в большей степени, чем крестьяне, были интегрированы в государственные институты. С другой, у них формировалась своя войсковая идентичность. Поэтому украинцами в большей степени продолжали осознавать себя крестьяне-старожилы, например, жители с. Новопавловка

Белоглинского района (Бондарь 1990: 167). «Украинцам и белорусам, официально считавшимся русскими, в принципе была открыта любая карьера – при условии, что они владеют русским языком. Не было препятствий и у детей от смешанных браков русских и украинцев. Таким образом, украинцы не вычленялись и не ущемлялись ни по конфессиональным, ни по расовым соображениям… То, что украинцы признавались правительством и обществом принадлежащими к русской элите, увеличивало привлекательность восхождения по линии ассимиляции», – отмечает А. Каппелер (Каппелер 1997: 125-144).

Социально значимый и привилегированный казачий статус большинства украинцев Кубани был крайне эффективным рычагом добровольной ассимиляции, в определенной степени аналогичным дворянскому и чиновному. Тем более, что на повышение значимости и специфичности казачьего статуса влияли условия длительной Кавказской войны (Очерки 1996).

Важнейшую роль сыграло проживание в Кубанской области большого количества этнических русских – 42,56 % населения региона по переписи 1897 г. (малороссы составляли 47,4 %). Русские жили не изолированно от малороссов, были представителями всех социальных групп (в том числе казаками), отличались повышенной мобильностью и активностью (Перепись 1905: 238-239). Значительную роль сыграл приток в изначально малороссийские станицы «иногородних» – крестьян. В 1890 г. их было уже 34,2 %, а казаки составляли 48,3 % населения. К 1917 г. удельный вес казаков и крестьян почти сравнялся. Значительное число переселенцев составляли великороссы из центрально-черноземных губерний (Ратушняк 2000: 172-176). Миграционные процессы были следствием высокого уровня развития капитализма в сельском хозяйстве Кубани, его теснейшей связи с общероссийским рынком.

Особую роль экономически и социально активных великороссов-мигрантов показывают статистические данные. Казаков-малороссов по данным переписи населения 1897 г. было 447 954 чел., а великороссов – 337 423 чел. среди крестьян ненамного преобладали великороссы (348 839 великороссов, 341 854 малоросса) (Отчет 1904: 72). Крестьяне были основной частью новоселов в станицах. Немало лиц этого сословия среди городских рабочих, служащих, предпринимателей – динамично растущих социальных групп.

В таких социально лидирующих сословиях и социальных группах, как купечество, почетные граждане, духовенство, чиновники и личные дворяне, потомственные дворяне подавляющее преимущество было на стороне великороссов. Сравнительно много малороссов среди потомственных дворян благодаря черноморскому казачьему «панству». Но и в этой группе великороссы решительно превалировали (3284 в сравнении с 1985 чел.) (Перепись 1905: 238-239).

Быстрый экономический рост в кубанских станицах способствовал опережающему развитию системы образования. Очевидцы постоянно отмечали относительно высокий уровень кубанских станичных школ. Система образования в Кубанской области быстро развивалась. В 1903 г. четвертая часть казачьего населения Кубани была грамотной (Отчет 1910: 75). В 1909 г. – уже около трети (Отчет 1904: 72). В записке инспектора народных училищ 2-го района Кубанской области Е.

Григорьева емко характеризуется школьное образование. «Кубанская дирекция народных училищ по размаху организации всего школьного дела и должной постановке учебно-воспитательной части занимает одно из первых почетных мест в Российской империи», – писал инспектор. Во всех училищах до 1917 г. преподавали на русском языке. По мнению А.И. Миллера, огромное значение для этнической самоидентификации человека имеет то, на каком языке он впервые научился читать и писать (Миллер 2005). Под влиянием этих причин меняется традиционная культура, язык и этническое самосознание.

В сложившихся условиях «малороссийская» составляющая кубанской культуры стала трансформироваться. В фольклорный репертуар станицы Васюринской, как и других черноморских станиц, входили русские песни раннего и позднего происхождения. Украинские песни, в том числе и обрядовые, встречались и в нечерноморских станицах, таких, как Воровсколесская, Воронежская, Родниковская и др. (Бондарь 2008: 132). Складывалась благоприятная ситуация для принятия наиболее распространенных форм культуры, господствующей моды (Матвеев 2006: 33). Например, в одной из черноморских станиц пели такие популярные в начале XX в. русские песни, как «Ехал с ярмарки ухарь-купец», «Мил уехал – меня бросил» (Малохович 1912: 3). В начале XX в. в Черномории практически полностью вышел из употребления такой знаковый украинский музыкальный инструмент, как бандура (до 1913 г., когда традицию игры на бандуре стали восстанавливать энтузиасты) (Емец 2001: 40). Он просто хранился в домах некоторых казаков как реликвия (Чёрный 1999: С. 117).

Украинская культура в кубанских станицах постепенно консервировалась и переставала развиваться. Большая часть потомков украинцев уже более ста лет были оторваны от основного языкового массива и жили по соседству или вперемежку с русским населением. Русские говоры постоянно соприкасались с русским литературным языком (КФЭЭ 1995. Аудиокассета 688). Многие населенные пункты, первоначально основанные украинцами, такие, как село Львовское, становясь полиэтничными, быстро теряли украинскую культурную специфику (Криводед 2002: 46). Другие, по преимуществу вначале украинские, становились смешанными в языковом отношении (такие, как станица Суздальская) (КФЭЭ. 2008. Аудиокассета 3948). Исследователь 1920-х гг. О. Бежкович отмечал, что, например, в станице Величковской при преобладании в станичном фольклоре украинских песен, новых среди них крайне мало (Бежкович 2004: 72). Сами потомки черноморских казаков оценивали украинский язык как родственный, но отличный от кубанского диалекта (КФЭЭ. 2001. Видеокассета № 96/1). «Балачка от украинского намного различается. Ее и сейчас много употребляет. Не много, а половина», – говорит житель станицы Бакинской А.Д. Петько (КФЭЭ. 2008. Аудиокассета 3904). На языковую ситуацию влияла и военная служба казаков. Уже в конце XIX в. один из корреспондентов «Кубанских областных ведомостей» сетовал, что в бывшей Черномории уже почти не слышно старинных песен о Морозенко и Сагайдачном. Молодые казаки в полковом строю пели разухабистые песни про какую-то «молодку» (Бондарь 2008: 132). Влияла длительная традиция официального делопроизводства на русском

языке, русскоязычная школа. Казаки-мужчины активно читали русскоязычную прессу.

«Малорусское наречие подверглось значительному изменению, и нельзя почти определить, малоросс говорит или великоросс. Получается какое-то особое наречие, которое можно назвать «кубанским», – писал очевидец (Что осталось 1911: 3). Поэтому зачастую население не видело разницы между украинским и русским языками (ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 410. Л. 20). Многие украинцы считали своим родным языком русский. Таких уже в 1926 г. было около 32 %. В Армавирском округе родным считали украинский язык только 8% украинцев (ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 77).

Иногда черноморские казаки, сохранявшие интерес к украинскому фольклору и традициям, уже считали себя русскими по национальности. Так, в доме старожилки станицы Гривенской потомственной казачки М.И. Похитон весела картина «Казак Мамай» цитаты и украинских народных песен. При этом она говорила, что считает себя русской, а не украинской (КФЭЭ. 1995. Аудиокассета 688. Краснодарский край, Калиниский район, станица Гривенская. Информант М.И. Похитон. Интервьюер Е.В. Зуб). Казаки-черноморцы переставали отделять Украину от России. «Там русские жили, славяне. Это окраина была рубежей», – говорил об Украине черноморский казак Г.Д. Слюсаренко (КФЭЭ. 1995. Аудиокассета 929).

Сословная принадлежность в представлении кубанцев зачастую значила больше, чем этническая. «Как называть себя, не знаю. Раньше иногородними мы были. А русский или украинец – этого не знали», – рассказал в 1958 г. житель станицы Кирпильской Л.П. Сухоруков (1866 г.р.). «У меня мама была украинка, а папа – кубанец, казак», – рассказывала старожилка станицы Гривенской Н.В. Короткая (КФЭЭ. 1995. Аудиокассета 681). «Кацапами называли иногородних, а местных – казаками», – объясняла уроженка станицы Нижнебакканской М.В. Коломацкая (КФЭЭ. 1995. Аудиокассета 923). «Казаки, воны кубанцы», – ответил на вопрос украинцы или русские его одностаничники житель Челбасской П.И. Беда (КФЭЭ. 2001. Аудиокассета. 2327). Описанная выше специфика сформировалась весьма быстро, уже к концу XIX в. Для многих «старых» кубанских станиц – чуть более чем за полвека. Для многих «новых» закубанских – за считанные десятилетия.

В языке и традиционной культуре потомков кубанских малороссов продолжали сохраняться и сохраняются значительные «украинизмы». Однако они оказались «оторванными» от этнической самоидентификации. Украинская идентичность на Кубани в массе так и не сложилась. Для кубанцев оказался гораздо более важным социальный статус (для всех) и территориальная идентичность (в особенности для казаков) (Матвеев 2015: 11-35).

Есть масса примеров, когда группы представителей некоего этноса, в гораздо большей степени утратившие свой язык и специфику культуры, продолжают сохранять особую идентичность и самосознание. Например, немцы в США, в большинстве своем англоязычные и в целом изначально ведущие весьма сходный с англосаксами образ жизни (Pennsylvania 2015).

У самостийников-украинофилов в период Гражданской войны 1918–1920 гг. появилась возможность насаждать в регионе украинскую культуру и образование, но

успеха они не добились. В линейных и закубанских станицах (Холмской, Ильской, Абинской) украинское национально-культурное движение развивалось слабо (Селянин 1917: 3). Оно сталкивалось с серьезными трудностями даже в черноморских станицах, где господствовали местные говоры с украинской языковой основой. Так, в станице Кисляковской местное отделение общества «Просвита» развернуло активную работу при поддержке атамана Сердюкова. Однако оно не нашло поддержки среди местного казачества. Особенно сильное сопротивление встретило предложение о введении школьного образования на украинском языке (В станице Кисляковской 1917: 3).

9 августа 1919 г. был издан циркуляр министерства просвещения Кубанского края, который предлагал ввести преподавание украинского языка в первых отделениях начальных училищ везде, где будет получено согласие родителей учащихся (ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 136). Но эта инициатива вызвала много затруднений даже в черноморских станицах. В условиях Гражданской войны не на что было покупать новые учебники, не хватало учителей, знающих украинский язык. Такая ситуация складывалась в станицах Новопашковской, Новоминской, Старотитаровской, Новотитаровской, Черноерковской. Во всех этих станицах, кроме Новотитаровской, предполагалось ввести преподавание украинского языка в 1920/21 учебном году (ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 249). Жители станиц Бородинской и Хмельницкой из-за недостатка средств и подготовленных учителей отказались от обучения украинскому языку (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263). В учебных заведениях более высокого уровня, чем начальные училища, обучения украинскому языку не предполагалось. Например, украинского языка не было в программе гимназии, находившейся в станице Старотитаровской (ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 301).

Население ряда черноморских станиц выступало принципиально против преподавания украинского языка. Так поступило население станиц Старощербиновской, Новороговской, Старолеушковской (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263). Сход станицы Голубицкой отверг предложение депутата рады Костенко о введении преподавания украинского языка в местном начальном училище. Представители станицы заявили, что «украинского языка не знают и говорят на общерусском языке» (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263). В станице Кисляковской из 918 родителей учащихся только 53 пожелали обучать детей украинскому языку. Тем не менее, министерство просвещения внесло предложение о его преподавании в находившемся в станице шевченковском училище. Только 28 из 78 родителей учащихся поддержали это предложение. Поэтому союз учителей станицы Кисляковской отверг идею о преподавании украинского языка в училище. Он, включая украинскую активистку М.А. Сердюк, предложил создать для желающих изучать украинский язык отдельную школу (ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 76).

В конце осени 1919 г. преподавание украинского языка на Кубани практически не велось, за исключением двух-трех «экспериментов», а вся украинофильская деятельность ограничивалась разговорами, планами и частными культурными инициативами, которых стало несколько больше с дореволюционного периода, но не более того (ГАКК. Ф. Р-1542. О. 1. Д. 64).

Необходимо пояснить, что кубанские казаки организованно присягнули Временному правительству, защитили его от леворадикальных выступлений летом 1917 г. и попытки генерала Л.Г. Корнилова взять власть в свои руки. В то же время у них проявлялось стремление к войсковой автономии, ограничению бремени службы. В обращении сходов станиц Приморско-Ахтарской и Новокорсунской к делегатам общеказачьего съезда, принятом весной 1917 г., заявлялось о необходимости предоставить кубанцам самоуправление на войсковом уровне, передать под контроль войска все государственные земли, находящиеся на его территории, и полезные ископаемые. Казаки заявили о желании служить за государственный счет (ГАКК. Ф. Р-1542. О. 1. Д. 64).

Во время революционных событий в казачьей среде не прослеживались антирусские настроения. Напротив, казаки старались не конфликтовать с большинством граждан России (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263). Нежелание отрываться от России было одной из причин признания на Кубани власти большевиков в 1918 г. (Баранов, Васильев 2015: 63).

Принадлежность к казачеству и казачьи привилегии не считались неотъемлемым наследственным правом. В августе 1917 г. казак станицы Пашковской А.М. Лысенко подал заявление председателю Кубанского войскового правительства с предложением включить в число казаков всех граждан, постоянно проживающих на Кубани. Не желавших быть казаками он рекомендовал из войска исключить. В 1919 г. в станице Вознесенской по решению сбора семьям мобилизованных иногородних выдавалась семейная ссуда и 3 десятины полевого надела. Все остальные виды пособий выдавались им наравне с казаками. Таким образом, казачий статус зависел от выполнения сословно-служебных обязанностей (Баранов, Васильев 2015: 63).

«Самостийничество» для казаков было не целенаправленным стремлением к национальной независимости, а желанием отгородиться от неэффективной власти, контакт с которой мог быть вредным до тех пор, пока не стал полезным. Конфликты с большевиками и Добровольческой армией воспринимались казаками так же, как конфликты с имперской властью, например, противостояние 1861 г. по вопросу о переселении за р. Кубань (Баранов, Васильев 2015: 63). Идею независимости казачья масса воспринимала с недоумением: «Как же это так выходит, Москва будет заграницей?» (Баранов, Васильев 2015: 63).

Антидобровольческие настроения стали характерны для черноморцев только после репрессий против авторитетных лидеров черноморских «самостийников» – убийства Н.С. Рябовола 27 июня 1919 г. и казни А.И. Кулабухова в ноябре 1919 г. (Баранов, Васильев 2015: 63). В обращении к гражданам, выпущенном Законодательной радой, власть не решилась призвать кубанцев к защите независимости. Она ограничилась апелляцией к отстаиванию неопределенных «гражданских прав» (ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 31). Отношение к своей элите со стороны рядовых казаков всегда оставалось прагматичным, что не учитывали лидеры «самостийников» в войсковой раде. Этот властный институт не пользовался всеобщей поддержкой казаков (ЦДНИКК. Ф 1774-р. Оп.2. Д. 301). Многие деятели рады были оторваны от казачьей массы. Попасть в законодательный орган Кубани им позволили связи, созданные еще в дореволюционный период (ГАКК. Ф. Р-1542.

Оп. 1. Д. 64). Украинское движение представляло собой группы интеллигентов (учителей, кооперативных организаторов), которые старались вести пропаганду в массах и добиваться влияния во властных структурах. Последнее удавалось им в гораздо большей степени.

Историки И.В. Белоусов и А.А. Зайцев наглядно продемонстрировали шаткость политики Кубанской рады, отсутствие ее устойчивости и единой линии (Белоусов 1995: 90; Зайцев 2009). Отсюда – огромная важность сословного казачьего фактора, который до определенной степени объединял кубанцев, делал их способными на совместные действия. Кубанское движение могло быть только казачьим и никаким иным. Тем более что социальные статусы сами по себе у восточных славян имели тенденцию к этнизации в той или иной мере.

Украинизация была продолжена партийно-советскими органами в 1920–1932 гг., но в иных идеологических целях: ради обеспечения равноправия народов, повышения ресурсов влияния этнических меньшинств и «позитивной дискриминации» бывшего имперского народа – великороссов. Украинизация была программой, близкой, но не вполне совпадающей с «коренизацией», объявленной в резолюции XII съезда РКП(б), но она ушла в небытие по мере поворота к рецентрализации власти с 1933 г. (Васильев 2014: 185-190).

Казачья самобытность была одной из причин того, что продвижение на Кубани популярной украинской книги в массы на протяжении ряда лет наталкивалось на равнодушие населения. В 1926 г. в избе-читальне станицы Славянской из украинских книг были только «Кобзарь» и «Хрестоматия». В станице Новомышастовской отказались пополнять библиотеку украинскими книгами. В Краснодаре центральная библиотека им. А.С. Пушкина, которая ежемесячно бесплатно получала украинские книги, перестала выставлять их для выдачи (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп.1. Д. 685). В 1927 г. украиноязычные книги издательства «Северный Кавказ» катастрофически залеживались, из-за чего издательство несло серьезные убытки (ЦДНИКК. Ф. 6186. Оп. 1. Д. 148). Краевое совещание уполномоченных по делам национальных меньшинств, прошедшее в 1930 г., констатировало, что почти все издания, кроме «Червоной газеты», проявляют недостаточную активность в деле украинизации (Хлынина 2006: 41-43). В Ейском районе в 1931 г. в магазинах скопилось нераспроданных книг на сумму 2,5 тыс. руб. (ЦДНИКК. Ф. 438. Оп. 1. Д. 62). Там же в начале 1932 г. учреждениям было предписано в принудительном порядке выкупать из торговой сети украинскую литературу (Хлынина 2006: 41). Всего в этом году план реализации украинской книги был выполнен только на 31,1 %. Решения властей существенно ситуацию не изменили (ЦДНИКК. Ф. 438, Оп. 1. Д. 62).

К концу 1931 г. делопроизводство на украинском языке было введено только в пяти населенных пунктах Краснодарского района. В станицах Нововеличковской, Пашковской, Марьянской, Васюринской, Динской, Новотитаровской работа по украинизации неприкрыто и откровенно саботировалась. Эти районы не удалось сделать центрами украинской культуры, как планировалось (Иванцов 2008: 191-193). Делопроизводство, ведение бухгалтерии и изучение литературной украинской речи

массово игнорировались (Иванцов 2008: 192-193). Такая же ситуация сохранялась и в следующем году (Хлынина 2006: 41-43).

Украинизация на Кубани была прекращена постановлением Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета 26 декабря 1932 г. В качестве причин ее свертывания называлось несоответствие украинизации культурным запросам населения и то, что она служила легальным прикрытием антисоветской деятельности (Дейневич 2007: 123).

Пример с усвоением жителями Кубани русской идентичности показывает, как социальная принадлежность формирует этническую идентичность и насколько система политических идентичностей может способствовать конструированию идентичности этнической или тормозить его (Жигунова 2015). В этом отношении восточные славяне разительно отличаются от более западных этносов, в том числе и других славянских народов эпохи модерна, в период которого сходные элементы иерархии идентичностей изживались (Тымовский, Кеневич, Хольцер 2004: 351-506).

В то же время подобная система иерархии идентичностей характерна для незападных этносов и этносов домодернистской эпохи. Профессиональная, социальная, политические идентичности превалировали над этническими и активно этнизировались у народов Африки, быстрая смена (квази)этнической идентичности происходила у кочевых народов Евразии (Бабаев, Архангельская 2015: 208-267; Резниченко 2015). Речь не идет о каких-либо стадиальных характеристиках уровня развития, этническом родстве народов. Так же не стоит преувеличивать и непосредственное влияние соседних народов. Они скорей сыграли роль условий, к которым приходилось приспосабливаться на относительно более раннем этапе формирования восточнославянской этнической специфики.

Непрерывное заселение Кубани восточными славянами произошло сравнительно поздно, поэтому здесь действовала уже сформировавшаяся специфика восточнославянской этничности, которую необходимо рассматривать отдельно применительно к более ранним периодам. Однако на Кубани восточные славяне столкнулись со своими вызовами, на которых были даны ответы в соответствии с местной спецификой. Особую значимость казачьему статусу придала Кавказская война (соседство с горцами выступало «вызовом других народов»). Казачий статус усилился и закрепился (Бондарь 1995). Специально нужно отметить влияние мощной российской имперской государственности, усиливавшееся параллельно с появлением и развитием на Кубани новоевропейской культуры и капиталистической экономики. И то, и другое было комплексным явлением, изначально подразумевающим и вызов, и возможность отвечать на него через сословные права и привилегии, новые возможности русскоязычного образования и развития сельского хозяйства (здесь необходимо учитывать такое условие природного характера как кубанский климат и чернозем в степной зоне). Ответом в таких условиях стала быстрая интеграция в общероссийскую экономическую и культурную систему с опорой на казачий статус. Указанные процессы происходили весьма быстро в течении XIX в. В XX в. уже сказывались их результаты (Ратушняк 1989; Малукало 2003).

По нашему мнению, как и в случае с народами Африки и евразийскими кочевниками, речь идет о приспособлении к постоянным этническим миграциям (как самих восточных славян, так и других народов), к сравнительно более разнообразным условиям жизни, относительно большей, чем в случае с другими народами, изменчивости политической и социально-экономической обстановке. От указанных выше незападных народов восточных славян в целом отличает гораздо больший уровень вовлеченности в модернизационные процессы, индивидуализацию и эмансипацию отдельной личности. В XIX–XX вв. это привело к огромным, мирового значения успехам в развитии экономики, культуры и политической сферы, вполне сопоставимых с достижениями Античности и Западной Европы. Всё это, с одной стороны способствовали убыстрению формированию крайне значимых для носителей социальных и локальных идентичностей, с другой, начиная с XX в., их сравнительно быстрому размыванию и деградации (Жигунова 2015; Македонов 1908).

На примере украинцев Кубани можно выделить ряд специфических черт восточнославянской этничности: отсутствие жесткой привязки этнической идентичности к диалекту, традиционной культуре; тесная связь с территориальной локализацией; укрепление этнической идентичности в случае ее «привязки» к социально-профессиональному статусу, большая значимость последнего по сравнению с родным диалектом и культурой. Это обусловлено приспособлением к разнообразным и изменчивым условиям жизни, нестабильности политической и социально-экономической жизни. Большое влияние на этническую идентичность восточных славян оказывает система образования, книжное дело, СМИ, а также высокий уровень вовлеченности в формирование и развитие современного общества и культуры. Указанная выше специфика характерна для этнического взаимодействия внутри восточного славянства, для условий еще не завершенного формирования отдельного украинского этноса, относительно небольшой культурной и языковой дистанции между этническими группами. Существует ли она при гораздо большей этнокультурной дистанции, тема для целого ряда отдельных исследований, однако, сохранение, по крайней мере, некоторых из указанных выше качеств вполне вероятно.

ЛИТЕРАТУРА

Бабаев, Архангельская 2015 - *Бабаев К.В., Архангельская А.А.* Что такое Африка. М., 2015.

Баранов, Васильев 2016 - *Баранов А.В., Васильев И.Ю.* Причина провала украинизации в период Гражданской войны и НЭПа // Клио. 2015. № 6.

Бежкович 2004 - *Бежкович О.* Передел старой жизни // Родная Кубань. 2004. № 2.

Белоусов 1995 - *Белоусов И.* Сепаратисты в стане Деникина // Родина. 1995. № 2.

Берёзкин 2014 - *Берёзкин Ю.Е.* Варианты политогенеза в догосударственную эпоху и подходы к их изучению // Антропологический форум. 2014. № 20.

Білий 2009 - *Білий Д.Д.* Українці Кубані в 1792–1921 роках: Еволюція соціальних ідентичностей. Львів; Донецьк, 2009.

Бондарь 1990 - *Бондарь Н.И.* Что мы знаем о друг друге? Этнографический очерк о народах ***Кубани*** // Кубанский краевед. Вып. 2. Краснодар, 1990.

Бондарь 1995 - *Бондарь Н.И.* Кубанское казачество (этносоциологический аспект) // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995.

Бондарь 1995а - *Бондарь Н.И.* Модель традиционной культуры кубанского казачества // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. М., 1995.

Бондарь 2008 - *Бондарь Н.И.* Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиции в условиях Кубани // Кубань – Украина: историко-культурные связи. Краснодар, 2008.

В станице Кисляковской 1917 - В станице Кисляковской. Создание общества «Просвита» // Листок войны. Екатеринодар, 1917. № 975.

Васильев 2014 - *Васильев И.Ю.* Украинизация vs коренизация. Специфика программы // Модернизация полиэтничного региона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития: Материалы всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 2014.

Васильев 2015 - *Васильев И.Ю.* Эволюция украинской идентичности 2015 / Электронный ресурс: http://narodnazemle (дата обращения – 29.05.2016).

ГАКК - Государственный архив Краснодарского края.

Дейневич 2007 - *Дейневич А.В.* Станица Новодеревянковская // Кубанский сборник. Вып. 2 (23). Краснодар, 2007.

Емец 2001 - *Емец В.* Казаки-бандурники нового времени // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 2001. № 3.

Жигунова 2002 - *Жигунова М.А.* Современные этнокультурные процессы у русских среднего Прииртышья. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Омск, 2002.

Жигунова 2015 - *Жигунова М.А.* «Русские вопросы» современности. 2015 / Электронный ресурс: http://cyberleninka.ru (дата обращения – 29.05.2016).

Зайцев 2009 - *Зайцев А.А.* Региональный политический процесс в условиях Гражданской войны 1917–1922 гг.: на материалах Дона и Кубано-Черноморья. Краснодар, 2009.

Иванцов 2008 - *Иванцов И.Г.* Система партийно-государственного контроля РКП (б) – ВКП (б) на Кубани и Северном Кавказе. 1920-1934 гг. Краснодар. 2008.

Каппелер 1997 - *Каппелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997.

Криводед 2002 - *Криводед В.В.* История села Львовского на Кубани. Краснодар, 2002.

Кузнецов 2006 - *Кузнецов А.М.* Теория этноса С.М. Широкогорова // Этнографическое обозрении. 2006. № 3.

Кульчицкий 2008 - *Кульчицкий С.* Смертельный водоворот. Рождение и гибель украинской Кубани. 2008 / Электронный ресурс: http://day.kyiv.ua/ru/article/istoriya-i-ya/smertelnyy-vodovorot (дата обращения – 29.05.2016).

КФЭЭ - Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция.

Македонов 1908 - *Македонов С.М.* В горах Закубанского края. Воронеж, 1908.

Малохович 1912 - *Малохович И.* Ст. Б-ская // Кубанские областные ведомости. 1912. 7 ноября.

Малукало 2003 - *Малукало А.Н.* Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг. Краснодар, 2003.

Матвеев 2006 - *Матвеев В.А.* …Единая Русь «разметнулась на полсвета»: особенности этнополитических процессов в зонах смешанной восточнославянской колонизации на Юге России // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 1. Краснодар, 2006.

Матвеев 2015 - *Матвеев О.В.* Досоветский период. Основание поселений, самоуправление, формирование этнокультурного пространства // История, этнография, фольклор Кубани. Кореновский район. Т. 15. Краснодар, 2015.

Миллер 2000 - *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

Миллер 2005 - *Миллер А.И.* Национализм и империя. М., ***2005***.

Морозова 2012 - *Морозова Е.В.* Сложносоставная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. М., 2012.

Отчет 1904 - Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1903 год. Екатеринодар, 1904.

Отчет 1910 - Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1909 год. Екатеринодар, 1910.

Очерки 1996 - Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 года. Краснодар, 1996.

Перепись 1905 - Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. Кубанская область. Т. 15. СПб., 1905.

Ратушняк 1989 - *Ратушняк В.Н.* Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века. Ростов-на-Дону, 1989.

Ратушняк 2000 - *Ратушняк В.Н.* О некоторых методологических подходах к оценке уровня аграрно-капиталистического развития Северного Кавказа в дореволюционный период // Ратушняк В.Н. Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. Краснодар, 2000.

Резниченко 2105 - *Резниченко С.* Евразийские кочевники: роль в истории. 2015 / Электронный ресурс: http://www.apn.ru (дата обращения – 29.05.2016).

Селянин 1917 - Селянин. Станица Ахтырская (Таманского отдела) // Вольная Кубань. Екатеринодар, 1917. № 3.

Сергеев 2010 - *Сергеев С.М.* Пришествие нации? Сб. статей. М., 2010.

Сущий 2013 - *Сущий С.Я.* Украинцы Юга России: Демографическая история одного регионального сообщества. Ростов-на-Дону, 2013.

Тойнби 2001 - *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. Т. II. Генезис цивилизаций. Вызов-и-Ответ. М., 2001.

Тымовский, Кеневич, Хольцер 2004 - *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши. М., 2004.

Украинцы 2007 - Украинцы // Кубань многонациональная. Этнографический словарь-справочник. Краснодар, 2007.

Хлынина 2006 - *Хлынина Т.П.* Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 1. Краснодар, 2006.

ЦДНИКК - Центр документации новейшей истории Краснодарского края.

ЦДНИРО - Центр документации новейшей истории Ростовской области.

Чёрный 1999 - *Чёрный А.* История бандуры на Кубани // Родная Кубань. 1999. № 4.

Что осталось 1911 - Что осталось от Запорожья в Кубанской области? // Кубанские областные ведомости. 1911. № 158.

Pennsylvania 2015 - Pennsylvania German History and Culture society. 2015 / Электронный ресурс: http://www.psupress.org (дата обращения – 29.05.2016).

REFERENCES

Babaev, Arhangel'skaja 2015 - *Babaev K.V., Arhangel'skaja A.A.* Chto takoe Afrika [What is Africa], Moscow, 2015 [in Russian].

Baranov, Vasil'ev 2016 - *Baranov A.V., Vasil'ev I.Ju.* Prichina provala ukrainizacii v period Grazhdanskoj vojny i NJePa [The Ukrainization failure reason during Civil war and the New Economic Policy], in: Klio, 2015, № 6 [in Russian].

Belousov 1995 - *Belousov I.* Separatisty v stane Denikina [Separatists in Denikin's camp], in: Rodina [Homeland], 1995, № 2 [in Russian].

Berjozkin 2014 - *Berjozkin Ju.E.* Varianty politogeneza v dogosudarstvennuju jepohu i podhody k ih izucheniju [Options of a politogenez during a pre-state era and approaches to their studying], in: Antropologicheskij forum [Anthropological forum], 2014, № 20 [in Russian].

Bezhkovich 2004 - *Bezhkovich O.* Peredel staroj zhizni [Repartition of old life], in: Rodnaja Kuban' [Native Kuban], 2004, № 2 [in Russian].

Bondar' 1990 - *Bondar' N.I.* Chto my znaem o drug druge? Jetnograficheskij ocherk o narodah Kubani [What do we know about the friend the friend? An ethnographic sketch about the people of Kuban], in: Kubanskij kraeved. Vyp. 2 [Kuban local historian. Release 2], Krasnodar, 1990 [in Russian].

Bondar' 1995 - *Bondar' N.I.* Kubanskoe kazachestvo (jetnosociologicheskij aspekt) [Kuban Cossacks (ethnosociological aspect)], in: Kubanskoe kazachestvo: istorija, jetnografija, fol'klor [Kuban Cossacks: history, ethnography, folklore], Moscow, 1995 [in Russian].

Bondar' 1995a - *Bondar' N.I.* Model' tradicionnoj kul'tury kubanskogo kazachestva [Model of traditional culture of the Kuban Cossacks], in: Kubanskoe kazachestvo: istorija, jetnografija, fol'klor [Kuban Cossacks: history, ethnography, folklore], Moscow, 1995 [in Russian].

Bondar' 2008 - *Bondar' N.I.* Nekotorye formy vzaimodejstvija russkoj i ukrainskoj tradicii v uslovijah Kubani [Some forms of interaction of the Russian and Ukrainian tradition in the conditions of Kuban], in: Kuban' – Ukraina: istoriko-kul'turnye svjazi [Kuban – Ukraine: historical and cultural communications], Krasnodar, 2008 [in Russian].

Bilij 2009 - *Bilij D.D.* Ukraïnci Kubani v 1792–1921 rokah: Evoljucija social'nih identichnostej [Ukrainians of Kuban in 1792-1921: Evolution of social identichnost], Lviv; Donetsk, 2009 [in Ukrainian].

CDNIKK - Centr dokumentacii novejshej istorii Krasnodarskogo kraja [Center of documentation of the contemporary history of Krasnodar Krai] [in Russian].

CDNIRO - Centr dokumentacii novejshej istorii Rostovskoj oblasti [Center of documentation of the contemporary history of the Rostov region] [in Russian].

Chjornyj 1999 - *Chjornyj A.* Istorija bandury na Kubani [Bandura history in Kuban], in: Rodnaja Kuban' [Native Kuban], 1999, № 4 [in Russian].

Chto ostalos' 1911 - Chto ostalos' ot Zaporozh'ja v Kubanskoj oblasti? [What remained from Zaporizhia in the Kuban area?], in: Kubanskie oblastnye vedomosti [Kuban regional sheets], 1911, № 158 [in Russian].

Dejnevich 2007 - *Dejnevich A.V.* Stanica Novoderevjankovskaja [Village Novoderevyankovskaya], in: Kubanskij sbornik. Vyp. 2 (23) [Kuban collection. Release 2 (23)], Krasnodar, 2007 [in Russian].

Emec 2001 - *Emec V.* Kazaki-bandurniki novogo vremeni [Kazaki-bandurniki modern times], in: Kuban': problemy kul'tury i informatizacii [Kuban: problems of culture and informatization], 2001, № 3 [in Russian].

GAKK - Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State archive of Krasnodar Krai] [in Russian].

Hlynina 2006 - *Hlynina T.P.* Ukrainizacija Severo-Kavkazskogo kraja: zamysly i voploshhenie [Ukrainization of the North Caucasian edge: plans and embodiment], in: Kuban' – Ukraina. Voprosy istoriko-kul'turnogo vzaimodejstvija. Vyp. 1 [Kuban – Ukraine. Questions of historical and cultural interaction. Release 1], Krasnodar, 2006 [in Russian].

Ivancov 2008 - *Ivancov I.G.* Sistema partijno-gosudarstvennogo kontrolja RKP (b) – VKP (b) na Kubani i Severnom Kavkaze. 1920-1934 gg. [System of the party and state control of RCP(b) – All-Union Communist Party (bolsheviks) in Kuban and the North Caucasus. 1920-1934], Krasnodar. 2008 [in Russian].

Kappeler 1997 - *Kappeler A.* Mazepincy, malorossy, hohly: ukraincy v jetnicheskoj ierarhii Rossijskoj imperii [Mazepintsa, malorossa, Ukrainians: Ukrainians in ethnic hierarchy of the Russian Empire], in: Rossija – Ukraina: istorija vzaimootnoshenij [Russia – Ukraine: history of relationship], Moscow, 1997 [in Russian].

KFJeJe - Kubanskaja fol'klorno-jetnograficheskaja jekspedicija [Kuban folklore and ethnographic expedition] [in Russian].

Krivoded 2002 - *Krivoded V.V.* Istorija sela L'vovskogo na Kubani [History sat down Lviv in Kuban], Krasnodar, 2002 [in Russian].

Kul'chickij 2008 - *Kul'chickij S.* Smertel'nyj vodovorot. Rozhdenie i gibel' ukrainskoj Kubani [Deadly whirlpool. Birth and death of the Ukrainian Kuban], 2008, Electronic resource: http://day.kyiv.ua/ru/article/istoriya-i-ya/smertelnyy-vodovorot (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Kuznecov 2006 - *Kuznecov A.M.* Teorija jetnosa S.M. Shirokogorova [Theory of ethnos of S.M. Shirokogorov], in: Jetnograficheskoe obozrenii [Ethnographic review], 2006, № 3 [in Russian].

Makedonov 1908 - *Makedonov S.M.* V gorah Zakubanskogo kraja [In mountains of the Zakubansky region], Voronezh, 1908 [in Russian].

Malohovich 1912 - *Malohovich I.* St. B-skaja [Village of B-Skye], in: Kubanskie oblastnye vedomosti. 1912. 7 nojabrja [Kuban regional sheets. 1912. November 7] [in Russian].

Malukalo 2003 - *Malukalo A.N.* Kubanskoe kazach'e vojsko v 1860–1914 gg. [The Kuban Cossack army in 1860-1914], Krasnodar, 2003 [in Russian].

Matveev 2006 - *Matveev V.A.* …Edinaja Rus' «razmetnulas' na polsveta»: osobennosti jetnopoliticheskih processov v zonah smeshannoj vostochnoslavjanskoj kolonizacii na Juge Rossii […Uniform Russia «razmetnutsya on a half world»: features of ethnopolitical processes in zones of the mixed

East Slavic colonization in the south of Russia], in: Kuban' – Ukraina. Voprosy istoriko-kul'turnogo vzaimodejstvija. Vyp. 1 [Kuban – Ukraine. Questions of historical and cultural interaction. Release 1], Krasnodar, 2006 [in Russian].

Matveev 2015 - *Matveev O.V.* Dosovetskij period. Osnovanie poselenij, somoupravlenie, formirovanie jetnokul'turnogo prostranstva [Pre-Soviet period. Foundation of settlements, self-government, formation of ethnocultural space], in: Istorija, jetnografija, fol'klor Kubani. Korenovskij rajon. T. 15 [History, ethnography, folklore of Kuban. Korenovsky district. Volume 15], Krasnodar, 2015 [in Russian].

Miller 2000 - *Miller A.I.* «Ukrainskij vopros» v politike vlastej i russkom obshhestvennom mnenii (vtoraja polovina XIX v.) [«The Ukrainian question» in policy of the authorities and the Russian public opinion (the second half of the 19th century)], St. Petersburg, 2000 [in Russian].

Miller 2005 - *Miller A.I.* Nacionalizm i imperija [Nationalism and empire], Moscow, 2005 [in Russian].

Morozova 2012 - *Morozova E.V.* Slozhnosostavnaja identichnost' [Slozhnosostavny identity], in: Politicheskaja identichnost' i politika identichnosti. T. 1 [Political identity and policy of identity. Volume 1], Moscow, 2012 [in Russian].

Ocherki 1996 - Ocherki istorii Kubani s drevnejshih vremen do 1920 goda [Sketches of history of Kuban from the most ancient times to 1920], Krasnodar, 1996 [in Russian].

Otchet 1904 - Otchet nachal'nika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazach'ego vojska o sostojanii oblasti i vojska za 1903 god [The report of the chief of the Kuban area and the nakazny ataman of the Kuban Cossack army on a condition of area and army for 1903], Ekaterinodar, 1904 [in Russian].

Otchet 1910 - Otchet nachal'nika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazach'ego vojska o sostojanii oblasti i vojska za 1909 god [The report of the chief of the Kuban area and the nakazny ataman of the Kuban Cossack army on a condition of area and army for 1909], Ekaterinodar, 1910 [in Russian].

Pennsylvania 2015 - Pennsylvania German History and Culture society. 2015, Electronic resource: http://www.psupress.org (Date of access – 29.05.2016) [in English].

Perepis' 1905 - Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii, 1897 god. Kubanskaja oblast'. T. 15 [First general population census of the Russian Empire, 1897 year. Kuban area. Volume 15], St. Petersburg, 1905 [in Russian].

Ratushnjak 1989 - *Ratushnjak V.N.* Sel'skohozjajstvennoe proizvodstvo Severnogo Kavkaza v konce XIX – nachale XX veka [Agricultural production of the North Caucasus at the end of XIX – the beginning of the 20th century], Rostov-on-Don, 1989 [in Russian].

Ratushnjak 2000 - *Ratushnjak V.N.* O nekotoryh metodologicheskih podhodah k ocenke urovnja agrarno-kapitalisticheskogo razvitija Severnogo Kavkaza v dorevoljucionnyj period [About some methodological approaches to an assessment of level of agrarian and capitalist development of the North Caucasus during the pre-revolutionary period], in: Ratushnjak V.N. Aktual'nye problemy istorii i istoriografii Severnogo Kavkaza [Ratushnyak V.N. Actual problems of history and historiography of the North Caucasus], Krasnodar, 2000 [in Russian].

Reznichenko 2105 - *Reznichenko S.* Evrazijskie kochevniki: rol' v istorii [Euroasian nomads: role in the history], 2015, Electronic resource: http://www.apn.ru (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Seljanin 1917 - Seljanin. Stanica Ahtyrskaja (Tamanskogo otdela) [Peasant. Village Akhtyrskaya (Tamansky department)], in: Vol'naja Kuban' [Free Kuban], Ekaterinodar, 1917. № 3 [in Russian].

Sergeev 2010 - *Sergeev S.M.* Prishestvie nacii? Sb. statej [Coming of the nation? Collection of articles], Moscow, 2010 [in Russian].

Sushhij 2013 - *Sushhij S.Ja.* Ukraincy Juga Rossii: Demograficheskaja istorija odnogo regional'nogo soobshhestva [Ukrainians of the South of Russia: Demographic history of one regional community], Rostov-on-Don, 2013 [in Russian].

Tojnbi 2001 - *Tojnbi A.Dzh.* Postizhenie istorii. T. II. Genezis civilizacij. Vyzov-i-Otvet [Comprehension of history. Volume II. Genesis of civilizations. Call and Answer], Moscow, 2001 [in Russian].

Tymovskij, Kenevich, Hol'cer 2004 - *Tymovskij M., Kenevich Ja., Hol'cer E.* Istorija Pol'shi [History of Poland], Moscow, 2004 [in Russian].

Ukraincy 2007 - Ukraincy [Ukrainians], in: Kuban' mnogonacional'naja. Jetnograficheskij slovar'-spravochnik [Kuban is multinational. Ethnographic dictionary reference], Krasnodar, 2007 [in Russian].

V stanice Kisljakovskoj 1917 - V stanice Kisljakovskoj. Sozdanie obshhestva «Prosvita» [In Kislyakovskaya's village. Creation of society «Prosvita»], in: Listok vojny [War leaf], Ekaterinodar, 1917, № 975 [in Russian].

Vasil'ev 2014 - *Vasil'ev I.Ju.* Ukrainizacija vs korenizacija. Specifika programmy [Ukrainization against indigenization. Specifics of the program], in: Modernizacija polijetnichnogo regiona i sopredel'nyh gosudarstv: opyt, problemy, scenarii razvitija: Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii [Modernization of the polietnichny region and adjacent states: experience, problems, scenarios of development: Materials of the All-Russian scientific conference], Rostov-on-Don, 2014 [in Russian].

Vasil'ev 2015 - *Vasil'ev I.Ju.* Jevoljucija ukrainskoj identichnosti [Evolution of the Ukrainian identity], 2015, Electronic resource: http://narodnazemle (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Zajcev 2009 - *Zajcev A.A.* Regional'nyj politicheskij process v uslovijah Grazhdanskoj vojny 1917–1922 gg.: na materialah Dona i Kubano-Chernomor'ja [Regional political process in the conditions of Civil war of 1917-1922: on materials of Don and Kubano-Black Sea Coast], Krasnodar, 2009 [in Russian].

Zhigunova 2002 - *Zhigunova M.A.* Sovremennye jetnokul'turnye processy u russkih srednego Priirtysh'ja. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchjonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Modern ethnocultural processes at Russians of an average of Priirtyshje. The abstract of the thesis for degree of the candidate of historical sciences], Omsk, 2002 [in Russian].

Zhigunova 2015 - *Zhigunova M.A.* «Russkie voprosy» sovremennosti [«The Russian questions» of the present], 2015, Electronic resource: http://cyberleninka.ru (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Васильев Игорь Юрьевич – Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).
Vasilyev Igor Yuryevich – Candidate of Historical Sciences, Senior research associate of the Research center of traditional culture «The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia).
E-mail: ivasee@mail.ru

УДК 908(470); 929

ССЫЛЬНЫЕ ПОЛЯКИ В СИБИРИ. ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

А.В. Зóркальцев
Краевед, независимый исследователь (Омск, Россия)
e-mail: aleksvlad1594@ya.ru

Авторское резюме

Предметом генеалогического и краеведческого исследования стала одна дворянская польская семья, исчезнувшая на бескрайних просторах Сибири. На её примере показана жизнь привилегированных политических ссыльных поляков на основе архивных материалов. Актуальным вопросом было установление семейной истории и тех проблем, с которыми пришлось столкнуться ей в ссылке.

Ключевые слова: Кремер, Гродненская губерния, Тобольская губерния, Тобольск, Тара, генеалогия, краеведение.

POLISH EXILES IN SIBERIA. THE STORY OF ONE FAMILY

Alexander Zorkal'tsev
Local historian, independent researcher (Omsk, Russia)
e-mail: aleksvlad1594@ya.ru

Abstract

The story of a noble Polish family that vanished in the vast expanses of Siberia has become the subject of the author's genealogical and historical research. The history and problems encountered by the family in exile were reconstructed from local archival materials. The story serves as a good example of lives of privileged political exiles of Polish origin.

Keywords: Kremer, Grodno province, Tobolsk province, Tobolsk, Tara, genealogy, local history.

* * *

Речь пойдёт о дворянском роде Кремер, прошедшим путь от австрийских подданных до чиновников Министерства внутренних дел Российской империи, а также о тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться семье в борьбе с разной бюрократией, стереотипами и недоброжелателями. На все эти поставленные вопросы мы и попробуем ответить, опираясь на архивные исторические документы с уклоном на юридический аспект.

История семьи Кремер началась в Австрийской империи, где они и были возведены в дворянство. Однако, забегая вперёд, следует сказать, что признание их дворянства в России не обошлось без определённых трудностей. Исследования начинаются в определённо-ограниченных семейных рамках, дабы не запутать в

генеалогических хитросплетениях и схемах читателя, т.е. с первого представителя фамилии Кремер, приехавшего в Россию и принявшего её подданство.

Австрийская дворянская семья - Игнатий и его жена Дорота фон Кремеры, перебираются из Австрийской империи в Российскую и принимают её подданство. По какой причине они покинули свою историческую родину, история умалчивает. О их месте происхождения в 1871 году поведал их сын Оскар в ходатайстве о возвращении на родину, где утверждал: «что он является сыном иностранца, Австрийского подданного, принявшего подданство Империи» (ГА: ф.и152, оп.6, д.353, л.7-8). Семья проживала в городе Ковно Ковенской губернии, а позже переселяется в Гродненскую губернию.

Их сын родился 25 декабря 1833 года в городе Волковыске Гродненской губернии. Был крещён младенец именем Кастан-Оскар в Волковыском римско-католическом приходском костеле, где его родителями были, в законном браке дворяне Игнатий и Дорота (урождённая Ган) Кремеры. Восприемники: дворянин Иоанн Шелюта, исправник Медавинов, дворянин Феликс Сакович, в присутствии дворянина Кастана Чеховского с женой Эмилией и прочие присутствующие лица (ГА: ф.и152, оп.36, д.6, л.34-36).

За неимением средств к существованию, Кремеры становятся вольными хлебопашцами в Волковыском уезде Гродненской губернии. Здесь Кастан-Оскар женился на Антонине Никодимовне Явшиц.

В 1863-1864 годах произошёл Польский мятеж. Начались аресты причастных в антиправительственных выступлениях. Среди арестованных оказался и Кастан-Оскар Игнатов сын Кремер. Его обвинили в том, что он выдал мятежникам 100 рублей, принадлежавших графу Солтану. И по распоряжению Гродненского губернатора генерал-майора И.Н. Скворцова, был выслан в 1864 году административным порядком в город Москву, для дальнейшего отправления по назначению Министерства внутренних дел (ГА: ф.и152, оп.6, д.353, л.16). И 1 мая 1864 года главным начальником края было предложено выслать его вместе с женой и ребёнком в Томскую губернию, для водворения на казённых землях (ГА: ф.и152, оп.36, д.6, л.12). На что Виленский, Ковенский, Гродненский и Минский генерал-губернатор и главный начальник Витебской и Могилёвской губерний дали согласие выслать его из края вместе с семьёй и ребёнком, и отправить в Томскую губернию, для водворения на собственных землях ведомства Министерства государственных имуществ (документ подписали: генерал от инфантерии Муравьёв и управляющий отделением подполковник Павлов) (ГА: ф.и152, оп.36, д.6, л.13).

Прожив на водворении некоторое время в Томской губернии и после выхода в свет манифеста 1867 года, Кастан-Оскар подал ходатайство о дозволении переселиться в Тобольскую губернию. На что было дано согласие с поселением в Абалакскую волость Тобольского округа, а позже перебрался на постоянное место жительство в губернский город Тобольск[1]. Здесь Оскар занялся мелочной торговлей,

[1] В Тобольске уже к этому времени проживала семья Кремеров. Это участник Отечественной войны 1812 года полковник Иван фон Кремер, удостоенный землёй за службу в городе Тобольске ещё императором Александром I. Но как мы видим, это был лишь однофамилец, так же, как и известный в своё время участник Севастопольской обороны Оскар Карлович Кремер (1829-1910), а позже в Тобольск будет сослан тоже из

оправдывая свою фамилию (*Kram(er)* с немецкого дословно купец, торговец). В 1871 году находился под надзором полиции и в рапортах Тобольского окружного исправника характеризовался хорошим поведением (ГА: ф.и152, оп.6, д.353, л.3-4, 6).

В конце 1871 года Оскар Кремер подаёт ходатайство о дозволении вернуться ему на родину в Царство Польское. Однако, из Варшавы последовало указание такого содержания: «10 ноября 1871 года из канцелярии наместника Его Императорского Царского Величества поступила бумага господину Тобольскому губернатору о О. Кремере следующего содержания: Находящийся на жительстве в городе Тобольске, политический ссыльный Оскар Кремер, присланным на имя господина наместника в Царстве прошением, ходатайствует о дозволении ему переселиться в Царство Польское, объясняя между прочим, что он сын иностранца, Австрийского подданного, принявшего подданство Империи, и что сослан из Гродненской губернии административным порядком. По докладу господину генерал-фельдмаршалу графу Бергу этого прошения, а также истребованных от властей Северо-Западного края, сведений о Кремере, из коих видно что ссыльный этот происходит из простолюдинов, Его Сиятельство в виду указа 19 декабря 1867 года, в удовлетворении изложенного ходатайства просителя изволить отказать...» (ГА: л.7-8).

В 1875 году Оскар Кремер продолжает писать ходатайства о дозволении вернуться на родину. 30 апреля 1875 года Тобольский окружной исправник подаёт рапорт Тобольскому губернатору о том, что «состоящий на причислении в Тобольском округе по Абалакской волости, польский переселенец, Гродненской губернии Оскар Кремер просит моего ходатайства о дозволении ему с семейством возвратиться на родину. Оскар Кремер, постоянно проживает в городе Тобольске, занимаясь мелочной торговлей, и ни в каких предосудительных поступках мною не замечался...» (ГА: ф.и152, оп.6, д.353, л.13). Тобольский губернатор делает запрос в Гродненскую губернию и 24 июля 1875 года из Гродно из канцелярии Гродненского губернатора приходит следующее сообщение: «имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что бывший вольный хлебопашец Волковыского уезда Оскар Игнатьев Кремер, за выдачу мятежникам 100 рублей принадлежавших графу Солтану, по распоряжению бывшего Гродненского губернатора генерал-майора И. Н. Скворцова, выслан был в 1864 году в город Москву административным порядков, для дальнейшего отправления по назначению Министерства Внутренних Дел» (ГА: л.16). Но продолжения этого ходатайства не последовало и 4 октября 1875 года Тобольский окружной исправник вновь подал рапорт Тобольскому губернатору о подписке польского переселенца Оскара Кремер, относительно возвращения его на родину (ГА: л.19). Наконец процесс возвращения был запущен. Было получено разрешение Тобольского губернатора, но для начала нужно было выплатить различные недоимки, числящиеся за ним.

В 1876 году начался активный период переписки по поводу его возвращения на родину: 26 января Тобольский окружной исправник подал рапорт Тобольскому

Гродненской губернии политический ссыльный Лейб Абрамович Кремер, 1889 года рождения, который также являлся однофамильцем (ГА: ф.и152, оп.22, д.214).

губернатору, что «Оскар Кремер имеет недоимки выданной ему муки 27 пудов на 14 рублей 71 ½ копейки и по сведениям волостного правления податной недоимки за 1873-1874 и 1875 годы в количестве 14 рублей 39 копеек, - денежных ссуд и податей выдаваемых ему в Сибири по документам не значится...» (ГА: *л*.22). 4 мая Кремер подаёт прошение Тобольскому губернатору о возвращении на родину (ГА: *л*.29-30)[5]. 5 мая Тобольский окружной исправник подаёт рапорт Тобольскому губернатору, что «с польского переселенца Абалакской волости Оскара Кремер, состоящая за ним податная недоимка 14 рублей 39 копеек и за выданную ему муку 14 рублей 71 ½ копейки, всего 29 рублей 17 копеек, а также и оклад податной настоящего года 4 рубля 81 копейка, взысканы, почему к возвращению на родину Кремера препятствующих причин больше с моей стороны не имеется». 11 мая Тобольский губернатор написал генерал-губернатору Западной Сибири, что препятствий к возвращению Кремера на родину нет и подлежит удовлетворению. 28 мая генерал-губернатора Западной Сибири Казнаков напишет телеграмму Тобольскому губернатору, что о возвращении Кремера, сделано сношение с Виленским генерал-губернатором, и до получения ответа нельзя сделать распоряжения (ГА: *л*.24-27)[6]. Вскоре приходит печальная новость - 27 сентября генерал-губернатор Западной Сибири оповестил Тобольского губернатора, что «Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор не признал возможным разрешить политическому ссыльноводворенцу, Абалакской волости, Тобольского округа, Оскару Кремер возвратиться на родину, так как, по собранным на месте сведениям, оказалось, что ссыльный этот не имеет в Северо-Западном крае никакой собственности, ни родственников, которые могли бы обеспечить ему средства к жизни на родине» (ГА: ф.и152, оп.6, д.353, *л*.31-32). В данном случае, скорей всего, власти на его родине, в отличии от местных Сибирских, попросту не захотели его возвращения, поэтому им было проще отказать, чем разрешить. В результате чего, Оскару Кремеру в очередной раз было отказано в возвращении на родину. Так он и остался доживать свой век в Сибири. В дальнейшем его дело в восстановлении семейной справедливости продолжил уже сын Вильгельм.

Вильгельм Оскарович Кремер родился 11 ноября 1867 года в городе Тобольске. В метрической выписи из книг Тобольской римско-католической церкви в первой части о родившихся, на странице 51 под № 27 за 1867 год было написано: «1867 года декабря 17 дня в Тобольском римско-католическом костеле окрещён младенец под именем Вильгельм К. Кончевичем куратором этого костела, с совершением всех обрядов таинства. У родителей политического ссыльного из дворян Оскара и Антонины урождённой Явшиц Кремеров законных супругов сын родившийся 11 ноября 1867 года, в городе Тобольске - восприемниками были: Михаил Сломинский с Францискою Галаповой, присутствовали Владислав Рачинский с Варварой Ивановской...» (ГА: ф.и152, оп.36, д.6, *л*.38).

14 сентября 1884 года Вильгельм поступил в Тобольское уездное училище. Окончил полный курс три класса обучения 20 июня 1886 года. Во время обучения в училище характеризовался отличным поведением. Что касается отметок в свидетельстве об успеваемости, то они были достаточно удовлетворительными, а

именно: русский язык 3, арифметика 3, геометрия 4, история 4, география 4, чистописание 4, черчение и рисование 3 (ГА: л.37).

После окончания училища, задумался о поступлении на гражданскую службу и 29 ноября 1888 года согласно его прошению был определён в штат Тобольского губернского суда с правом получения первого чина наравне с канцелярским служителем III разряда на безвозмездной основе, т.е. без заработной платы. Состоя в штате и не занимая никаких должностей, ему не хватало средств к существованию.

В 1889 году устраивается агентом страхового общества «Москва» в городе Тобольске, распространяя страховые услуги.

28 июня 1890 года наконец определён на первую должность. Был назначен помощником столоначальника 6 стола I отделения Тобольского губернского суда, а уже 11 января 1892 года переводится секретарём Ялуторовского окружного суда.

17 января 1893 года состоялась его свадьба. Женой стала дочь протоиерея Мария Николаевна Седакова. Семья была наполовину римско-католической и православной, каждый остался при своей вере[1]. 23 ноября 1893 года определён временно исправляющим должность письмоводителя канцелярии Тобольского губернского прокурора (ГА: ф.и376, оп.1, д.474).

Как уже было сказано выше, Вильгельм продолжил дело отца, отстаивая своё право именоваться дворянским титулом, так как чиновничья бюрократия в бесконечных переписках, так и не смогла установить дворянство Кремеров. 15 декабря 1893 года Гродненское дворянское депутатское собрание написало в Ялуторовский окружной суд: «вследствие отношения окружного суда от 19 ноября сего года № 3552, Дворянское депутатское собрание имеет честь уведомить, что во время бывшего в городе Гродно 29 мая 1885 года пожара, сгорели все дела и дворянский архив сего собрания, сделанных по сему случаю Правительствующим Сенатом о епископах и лицах утверждённых в дворянстве за время с 1841 по 1871 годы и о лицах сопричисленных к сим за время с 1861 по 1871 год и в делах собрания заведённых со времени означенного пожара, рода Кремеров, утверждённого Сенатом в дворянстве не значится, а за сим собрание не может сообщить никаких сведений о дворянстве поименованных в отношении суда, Игнатия и Кастана-Оскара Кремеров...» (ГА: ф.и152, оп.6, д.353, л.39). 9 декабря 1893 года пришёл ответ от Ковенского дворянского депутатского собрания: «на отношение от 19 минувшего ноября за № 3551 Дворянское депутатское Собрание имеет честь уведомить окружной суд, что дел о дворянстве Кремеров в Собрании не имеется». 29 декабря 1893 года из канцелярии Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора из Вильно пришёл ответ: «вследствие отношения, от 19 минувшего ноября № 3553, канцелярия генерал-губернатора препровождая при сём копию с предложения бывшего главного начальника края от 1 мая 1864 года за № 2570 о высылке вольного хлебопашца Оскара Кремера, вместе с женой и ребёнком в Томскую губернию, для водворения на казённых землях, имеет честь уведомить, что документов о личности Оскара Кремера в делах канцелярии не имеется». А уже 19

[1] Родилась 30 декабря 1872 года. В 1914 году во время начала Первой мировой войны станет секретарём Тарского комитета по оказанию благотворительной помощи семьям призванных на войну, а также председателем Тарского уездного комитета «Российского общества Красного Креста».

января 1894 года Ялуторовский окружной суд написал в Тобольское губернское полицейское управление: «окружной суд препровождая при этом отношения: Гродненского дворянского депутатского собрания от 15 декабря 1893 года за № 477, Ковенского дворянского депутатского собрания за № 9669 и канцелярии Виленского, Ковенского и Гроднеского генерал-губернатора за № 2123 вместе с копией предложения бывшего главного начальника края от 1 мая 1864 года за № 2570 относительно происхождения рода Кремер, просит полицейское управления объявить исправляющего должность письмоводителя Тобольского губернского прокурора Вильгельму Оскаровичу Кремер с подписками, которые с возвращением названных отношений прислать в суд при подписи на сём же» (ГА: л.11-12, 14-15).

В 1895 году началось дальнейшее продвижение по службе: 24 марта назначен временно исправляющим должность письмоводителя II отделения Тобольского общего губернского управления. 13 мая назначен помощником столоначальника III отделения Тобольского общего губернского управления. 11 июля назначен помощником столоначальника Тобольского общего губернского управления. 14 мая-31 июня и 14 августа-29 сентября находился при Тобольском губернаторе Н. М. Богдановиче во время разъездов по губернии. 1 ноября определён делопроизводителем Тобольского губернского управления. Не обошлось и без курьёза по службе. Департамент Министерства внутренних дел Вильгельму отказал в назначении на должность начальника отделения общего губернского управления, хотя прокурор и губернатор дали своё согласие: 19 марта Тобольский губернский прокурор написал Тобольскому губернатору, что «с его стороны препятствий к перемещению по службе Кремера по ведомству Министерства внутренних дел не встречается». 29 апреля департамент МВД общих дел написал господину исправляющим должность Тобольского губернатора: «... из сообщённого при этом формулярного списка Кремера видно, что он сын польского переселенца, приписанного в крестьяне, 26 лет, кончил курс уездного училища и, находясь на службе 6 ½ лет, занимал всё это время только низшие канцелярские должности. При таких условиях и принимая во внимание, что для занятия места начальника отделения, призванного законом к руководящей должности в канцелярии губернского совета (Сибирские учреждения 1892: 143-147) необходима соответственная подготовка в образовательном и служебном отношениях, я не признаю возможным допущение Кремера на упомянутую выше должность» (ГА: ф.и152, оп.36, д.6, л.5, 18-19).

В 1897 году, как респондент, принял участие в Первой всеобщей переписи населения Российской империи. По которой было видно, что Вильгельм проживал в Тобольске вместе с женой Марией Николаевной, а мать Антонина Никодимовна проживала на соседней улице отдельно (ГА: ф.и417, оп.2, д.28, 32). По службе дела продолжали успешно складываться: 18 августа назначен исправляющим должность помощника исправника Берёзовского уездного полицейского управления. 1 ноября утверждён в должности помощника исправника Берёзовского уездного

полицейского управления. В этом же году случилось прибавление в семействе - 13 ноября родилась дочь Мария[1].

В 1901-1907 годах назначался исправляющим должность исправника Ялуторовского уездного полицейского управления на время отпусков исправника (1 декабря 1900-3 марта 1901, 20 августа-29 ноября 1903, 11 марта-1 апреля 1906, 7-20 марта 1907 годов) (ГА: ф.и152, оп.36, д.6.).

Начало XX века Вильгельм встретил не самым лучшим образом. В 1902 году подал в суд на ялуторовского мещанина из ссыльных В. И. Гаевского, за то что тот нанёс ему оскорбление (ГА: ф.и158, оп.3, д.1218). В 1903 году заболел лихорадкой и был на излечении в отпуске. В 1904 году заболел туберкулёзом лёгких, которое не прошло бесследно, оставив отметку на его здоровье.

Благотворительностью не отличался, но тем не менее в 1904 году во время Русско-Японской войны пожертвовал 3 рубля и процент из своего жалования 81 копейку в Ялуторовское попечительство по оказанию помощи семьям, призванных запасных нижних чинов на действительную службу во время войны. После продолжительного излечения улучшения в состоянии здоровья не наступали, а позже случилась новая напасть. 25 декабря 1905 года вынужден вновь уйти в отпуск из-за воспаления червеобразного отростка слепой кишки[2]. Для лечения ездил в Москву на операцию и только 1 марта 1906 года смог приступить к исполнению служебных обязанностей.

8 января 1910 года объявлена благодарность Тобольского губернатора за розыск похищенной из Вознесенской церкви города Ялуторовска церковной утвари и прочего и за задержание злоумышленников, обокравших означенную церковь. В 1911 году был привлечён к суду по обвинению по 1 части 341 статьи Уложения о наказаниях и отстранён от должности на время проведения следствия[3]. В 1911-1913 годах вынужден был постоянно лечиться за казённый счёт находясь в отпусках. По его ходатайствам постоянно выделяли пособия на лечение. В 1912 году один из его знакомых исправников ходатайствовал перед губернатором о назначении его исправником в Туринский уезд на вакантную должность, но получил отказ губернатора. В декабре 1912 года его жена Мария Николаевна в Ялуторовске устроила благотворительную ёлку и спектакль для детей (ГА: ф.и152, оп.37, д.1465).

Военный 1914 год стал ключевым периодом в жизни Вильгельма. 10 февраля назначен на последнюю должность в своей жизни - исправником Тарского уездного полицейского управления. Во время начала Первой мировой войны активно участвовал в организации мобилизации населения, объявленной императором Николаем II в связи с начавшейся войной с Германией, за что 2 сентября ему была объявлена благодарность Тобольского губернатора за оказанное Тарскому уездному воинскому начальнику содействие при мобилизации, благодаря чему последняя прошла мирно и полном порядке. За свой счёт устроил чаепитие для младших офицеров призванных на войну. В сентябре был инициатором создания в городе

[1] Выйдет замуж 19 апреля 1917 года (ГА: ф.и152, оп.36, д.6, л.250).

[2] Аппендицит, в медицинской терминологии.

[3] Виновный в превышении или противозаконном бездействии власти, предусмотренная ответственность – отстранение от службы.

Таре Тарского уездного комитета «Российского общества Красного Креста» и стал его членом. Для этого лично ходатайствовал перед гражданином начальником Тобольской губернии на открытие отдела, в виду назревающей необходимости в существовании местного органа для оказания помощи раненым и больным воинам. Общество охотно откликнулось на сделанный призыв и в день открытия комитета 20 сентября записалось 35 членов, число которых к 1 января 1915 года возросло до 51. Но несмотря на свою положительную активную общественную деятельность, Вильгельм нажил и личных врагов, которые появились у него в Таре. Начался «чёрный период» доносов и оскорблений в его адрес. Анонимки с доносами на Кремера стали постоянным явлением в руках Тобольского губернатора.

В 1915 году анонимные «доброжелатели» из Тары и якобы даже из Омска, стали на него писать донесения Тобольскому губернатору. В деле надворного советника В. О. Кремер имеется немало таких доносов. Сегодня нам представляется возможность взглянуть на часть этих обвинений, которые сводились к следующему: «...устраивал у себя в городе Таре в декабре 1914 года два бала для своих чиновников, тогда как всем винам наложена в городе по его же распоряжению печать, а в селе Муромцевском усадил на козлы своего экипажа стражника Грунина жившего постоянно при нём, который на пути сломал себе ногу и навсегда лишился трудоспособности, а также доставлял на каникулы свою дочь при посредстве командированного им своего помощника в то время когда приезжие чиновники ждали земских лошадей сутками, в ноябре 1914 года травил собак без предупреждения о том жителей и глумился им же в глаза своими из ряда выходящими жестокими приёмами от которых возбуждены были почти все слои города» (ГА: ф.и152, оп.36, д.6).

Эти авторы не щадили Кремера в своих зловредных изысканиях и судя по ним мы можем сделать вывод, что с действительностью они мало имели схожего. Особо дерзкими выглядели следующие обвинения: «Тобольский губернатор. 10 февраля 1915. № 120. Ваше Превосходительство. По долгу чести я счёл себя обязанным доложить Вашему Превосходительству о настроении населения в Тарском уезде, имея в виду такое тяжёлое время. Вильгельм II Гогенцоллер виновник всего обрушившегося на нашу Русь несчастья и я, думаю немцам пощады не должно быть и в Сибири. Есть люди и с этим именем, но если они верно подданные, то и приносят пользу где выросли, но это редкость, вот вам пример: «Вильгельм Оскарович Кремер», это Тарский исправник, выросший в России на нашем хлебе, но действия оправдывают имя: Он прямо-таки открыто по отношению к Русскому населению держит себя вызывающе как истый немец. Если газету прочитает, где бьют немцев, то он её рвёт и бросает под стол. Вызвал со всего уезда урядников в Тару, там говорит вам нечего делать, окружил себя ими и видимо боится, чтобы его кто не украл, а в уезде в полном разгаре самокурение водки. Спросишь урядников, зачем вас так много сюда в Тару нагнали, а исправник - говорит - вызвал и держит без дела по две-три недели, без квартир и голодом, т.к. из такого скудного жалованья в городе, да ещё на два дома, иначе нельзя жить, старший стражник в форме разъезжает у исправника за кучера на козлах т.к. все от него бегут как чёрт от ладана. В приказчичьем клубе при его появлении все сторонятся и называют «Вильгельм №

3», немецкая колбаса. Он видимо человек больной и поэтому так неумело поставил дело тем более, что он видимо с наружной службой совсем не знаком, почему его положительно все ненавидят, не буду уже говорить о населении города и уезда, но все должностные лица, такие как судебные, а в особенности обострены его подчинённые, над которыми он прямо-таки называется, думаю без инцидента в Тарском уезде не может быть, а и в особенности по возвращении домой воинов. В доказательство сообщаемого можете Ваше Превосходительство поручить кому-либо произвести посему секретное дознание, которое безусловно подтвердится, и тогда избавите нас несчастных от ненавистного всеми «Вильгельма № 3». Клянусь Вам честью, что мы Тарские мирные жители верные Русскому ЦАРЮ, заслуживаем Русского и преданного РОССИИ исправника, которых на Руси много. Подпись: Тарский сторожил». Надо отдать должное Вильгельму, несмотря на нескончаемый поток подобных доносов, он скрупулёзно, по каждому пункту обвинения давал чёткий ответ в рапортах губернатору и по предположению самого Кремера, анонимки написаны одним и тем же человеком под разными именами[1].

Несмотря на доносы, каких-либо следствий по ним не производилось, так как подобная практика «тарских доносов» уже существовала и до Кремера. Например, от подобных анонимок пострадал ранее ещё один Тарский уездный исправник А.А. Павлинов, а против самих жалобщиков тогда заводились дела, анонимки даже писались в ссыльных газетах в Иркутске...

В 1916 году время начало неумолимо отсчитывать последние дни жизни Вильгельма Оскаровича. В начале марта входит в члены Тарского военно-спортивного комитета (ГА: ф.и5, оп.1, д.100, л.34-34об.). По состоянию здоровья был в отпуске почти полгода. Часто болел и 1 октября уволен от службы в отставку согласно прошения по болезни с мундиром последней должности присвоенной (ГА: ф.и152, оп.36, д.6, л.205). Надо сказать, что ему удалось доказать своё дворянское происхождение, а во всех формулярных списках стал именоваться по происхождению «из дворян не утверждённых герольдией» (ГА: л.283-290). После отставки проживал в городе Ялуторовске Тобольской губернии в своём доме, где и скончался 12 декабря.

Однако дело его продолжилось уже после кончины. Началась целая эпопея с его пенсией. Его жене пришлось отбивать пороги различных учреждений с правом получить его пенсию и писать письма, но в стране в это время начались революционные события, которые оставили на второй план все социальные обязательства государства. Ещё при выходе на пенсию Вильгельму была назначена пенсия по 285 рублей 90 копеек в год, но размер пенсии его естественно не удовлетворял, и он не раз ходатайствовал об её увеличении. И только в день его кончины 12 декабря 1916 года пришёл ответ на ходатайство об увеличении пенсии, которая теперь составила 500 рублей в год (ГА: ф.и152, оп.36, д.6, л.259).

5 июня 1917 года его вдова подала прошение Тобольскому губернскому комиссару: «муж мой бывший Тарский уездный исправник Вильгельм Оскарович Кремер, умер вследствие тяжёлой болезни, полученной им на службе. Ходатайство о

[1] Анонимки были как рукописными, так и машинописными (ГА: ф.и152, оп.36, д.6, л.150-154, 167-169).

назначении ему пенсии, при его жизни, бывшим начальством, было возбуждено в октябре 1916 года, но пенсия ещё не назначена, между тем я крайне нуждаюсь в средствах, особенно в нынешнее трудное время. Поэтому, представляя метрику о смерти мужа, прошу Вас гражданин комиссар, не отказать в ходатайстве о назначении мне пенсии, которую желаю получить из Ялуторовского казначейства» (ГА: *л.*246). Временным Правительством было дано добро и разрешено Тобольским комиссаром усилить пенсию до 1800 рублей в год (ГА: *л.*222, 251-253), но позже размер пенсии был уменьшен до 1000 рублей в год. 12 сентября 1917 года Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан, сообщило Тобольскому губернскому комиссару: «на основании последовавшего 29 марта 1917 года положения Временного Правительства бывшему Тарскому уездному исправнику, отставному надворному советнику Вильгельму Кремеру усиленная пенсия в размере 1000 рублей в год с 1 октября 1916 года и об ассигновании таковой из Ялуторовского казначейства, одновременно сим сообщено Департаменту Государственного казначейства...» (ГА: *л.*270).

Дальнейшие сведения о семье Кремеров в документах не встречаются. Вильгельм Оскарович был последним представителем фамилии, не оставившим наследника и продолжателя фамилии, поэтому род Кремеров по этой линии прервался.

Приложение № 1:

Формулярный список надворного советника Вильгельма Оскаровича Кремер

Должности

Помощник столоначальника 6 стола I отделения Тобольского губернского суда (28 июня 1890-1892);

Секретарь Ялуторовского окружного суда (11 января 1892-23 ноября 1893);

Исправляющий должность письмоводителя канцелярии Тобольского губернского прокурора (23 ноября 1893-11 июля 1895);

Временно исправляющий должность столоначальника II отделения Тобольского общего губернского управления (24 марта-13 мая 1895);

Помощник столоначальника III отделения Тобольского общего губернского управления (13 мая 1895);

Помощник столоначальника Тобольского общего губернского управления (11 июля-12 октября 1895);

Делопроизводитель Тобольского губернского управления (1 ноября 1895-1897);

Исправляющий должность помощника Берёзовского уездного полицейского управления (18 августа-1 ноября 1897);

Помощник исправника Берёзовского уездного полицейского управления (1 ноября 1897-29 сентября 1900);

Помощник исправника Ялуторовского уездного полицейского управления (29 сентября 1900-1914);

Исправляющий должность исправника Ялуторовского уездного полицейского управления (1 декабря 1900-3 марта 1901, 20 августа-29 ноября 1903, 11 марта-1 апреля 1906, 7-20 марта 1907);

Исправник Тарского уездного полицейского управления (10 февраля 1914-1 октября 1916).

Чины по гражданской службе

Канцелярский служитель III разряда (1894-1895);
Канцелярский служитель II разряда (1895-1896);
Коллежский регистратор (1896-1899);
Губернский секретарь (1899-1901);
Коллежский секретарь (1901-1903);
Титулярный советник (1904-1907);
Коллежский асессор (1908-1910);
Надворный советник (1911-1916).

Награды

Орден Святого Станислава III степени (6 декабря 1899);

Орден Святой Анны III степени (6 декабря 1913 по ведомству Министерства юстиции по тюремному управлению);

Орден Святого Станислава II степени (21 ноября 1915 за труды по мобилизации 1914 года);

Медаль серебряная на Александровской ленте «В память царствования Императора Александра III» (1896);

Медаль светлая бронзовая «В память 300-летия Царственного Дома Романовых» (21 февраля 1913).

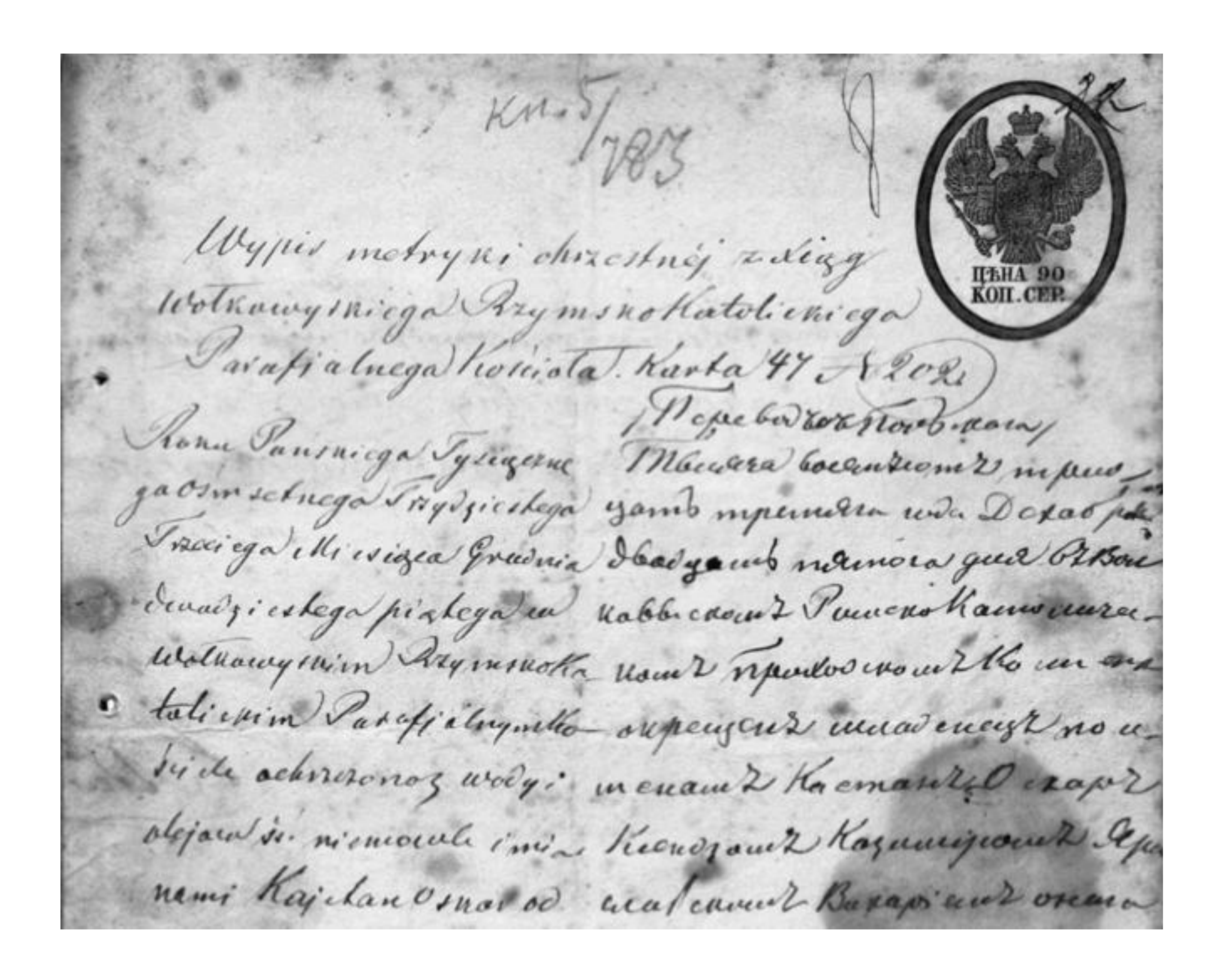
Благодарности

Благодарность Тобольского губернатора Д. Ф. Гагмана (8 января 1910);

Благодарность Тобольского губернатора А. А. Станкевича (2 сентября 1914).

Приложение № 2:

Фрагмент метрической выписи 1833 года о рождении Кастана-Оскара Кремер, сделанная из Волковыской римско-католической церкви на польском и русском языках (ГА в городе Тобольске ф.и152, оп.36, д.6, л.34-36).

Wypis metryki chrzestnej z xięg Wołkowyskiego Rzymsko Katolickiego Parafialnego Kościoła. Karta 47 № 202

ЦѢНА 90 КОП. СЕР.

Приложение № 3:

Резонансное объявление Тарского уездного исправника В. О. Кремер о собаках (ГА в городе Тобольске ф.и152, оп.36, д.6, л.155)

Копія.

Тарскаго Уѣзднаго Исправника

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ предупрежденіе распространенія среди собакъ бѣшенства и случаевъ укуса бѣшенными животными людей, согласно обязательнаго постановленія Тарской Городской Думы и даннаго Тобольскимъ Ветеринарнымъ Инспекторомъ разрѣшенія принять мѣру истребоенія собакъ чрезъ отравленіе, всѣ бродячія собаки по истеченіи двухнедѣльнаго срока со дня опубликованія сего будутъ уничтожаться, по мѣрѣ надобности, по улицамъ города.

Бродячей собакой будетъ считаться каждая собака, бѣгающая по улицѣ безъ намордника.

Объявляя объ этомъ, прошу г.г. владѣльцевъ собакъ держать таковыхъ во дворахъ или на привязи, а на выпущенныхъ на улицу собакъ надѣвать прочно устроенные намордники.

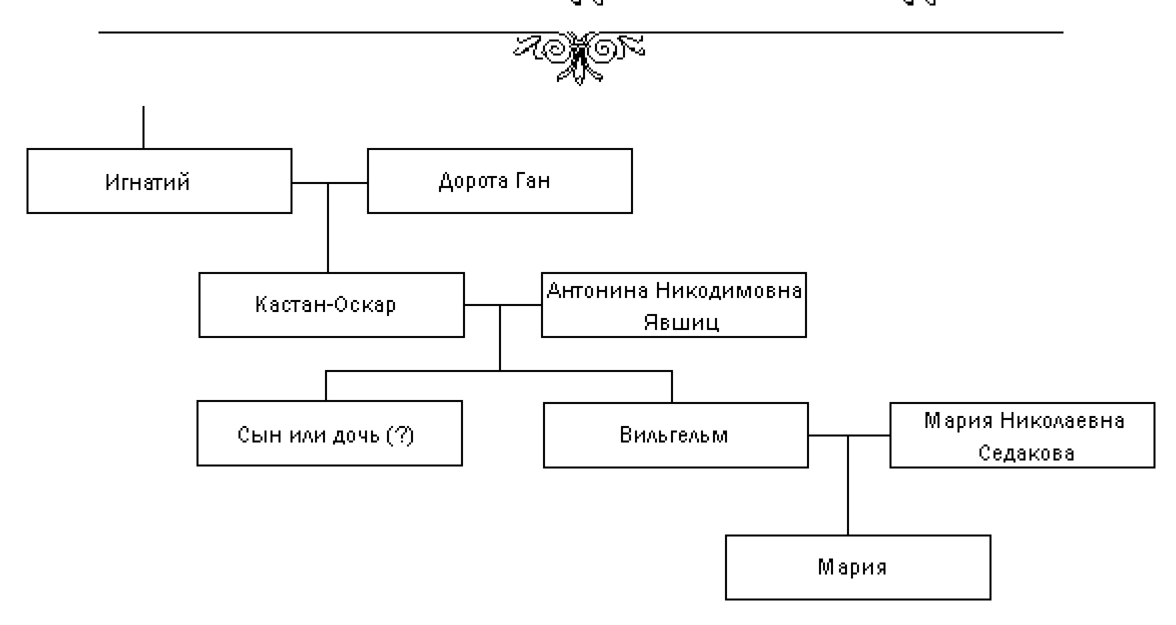
Апрѣля 25 дня 1914г.

Подлинное подписалъ: Тарскій Уѣздный Исправникъ Кремеръ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Уѣздный Исправникъ Кремеръ

Приложение № 4:

Фрагмент генеалогического древа Кремеров в России (современная реконструкция)

ЛИТЕРАТУРА

Адрес-календарь 1899 - Адрес-календарь Тобольской губернии на 1900 год. Издание губернского статистического комитета. Губернская типография. Тобольск, 1899.

Ведомости - Тобольские губернские ведомости. Газета (1890-1916). Тобольск.

ГА - Городской архив в городе Тобольске.

Книга приказов 1890 - Книга приказов господина Тобольского губернатора на 1890 год. Тобольск, 1890.

Книга приказов 1891 - Книга приказов господина Тобольского губернатора на 1891 год. Тобольск, 1891.

Книга приказов 1892 - Книга приказов господина Тобольского губернатора на 1892 год. Тобольск, 1892.

Книга приказов 1893 - Книга приказов господина Тобольского губернатора на 1893 год. Тобольск, 1893.

Книга приказов 1894 - Книга приказов господина Тобольского губернатора на 1894 год. Тобольск, 1894.

Книга приказов 1895 - Книга приказов господина Тобольского губернатора на 1895 год. Тобольск, 1895.

Книга приказов 1895-1897 - Книга приказов господина Тобольского губернатора с 15 ноября 1895 года, 1896, 1897. Тобольск, 1895-1897.

Постановления 1900 - Постановления Тобольского губернатора о назначении, перемещении и увольнении чиновников. Отчёт Тобольского губернатора 1893-1900. Тобольск, 1900.

Сибирские учреждения - Сибирских учреждений Том III издания 1892.

REFERENCES

Adres-kalendar' 1899 - Adres-kalendar' Tobol'skoj gubernii na 1900 god. Izdanie gubernskogo statisticheskogo komiteta. Gubernskaja tipografija [The address calendar of the Tobolsk province for 1900. Edition of provincial statistical committee. Provincial printing house], Tobolsk, 1899 [in Russian].

GA - Gorodskoj arhiv v gorode Tobol'ske [City archive in the city of Tobolsk] [in Russian].

Kniga prikazov 1890 - Kniga prikazov gospodina Tobol'skogo gubernatora na 1890 god [The book of orders of mister of the Tobolsk governor for 1890], Tobolsk, 1890 [in Russian].

Kniga prikazov 1891 - Kniga prikazov gospodina Tobol'skogo gubernatora na 1891 god [The book of orders of mister of the Tobolsk governor for 1891], Tobolsk, 1891 [in Russian].

Kniga prikazov 1892 - Kniga prikazov gospodina Tobol'skogo gubernatora na 1892 god [The book of orders of mister of the Tobolsk governor for 1892], Tobolsk, 1892 [in Russian].

Kniga prikazov 1893 - Kniga prikazov gospodina Tobol'skogo gubernatora na 1893 god [The book of orders of mister of the Tobolsk governor for 1893], Tobolsk, 1893 [in Russian].

Kniga prikazov 1894 - Kniga prikazov gospodina Tobol'skogo gubernatora na 1894 god [The book of orders of mister of the Tobolsk governor for 1894], Tobolsk, 1894 [in Russian].

Kniga prikazov 1895 - Kniga prikazov gospodina Tobol'skogo gubernatora na 1895 god [The book of orders of mister of the Tobolsk governor for 1895], Tobolsk, 1895 [in Russian].

Kniga prikazov 1895-1897 - Kniga prikazov gospodina Tobol'skogo gubernatora s 15 nojabrja 1895 goda, 1896, 1897 [The book of orders of mister of the Tobolsk governor since November 15, 1895, 1896, 1897], Tobolsk, 1895-1897 [in Russian].

Postanovlenija 1900 - Postanovlenija Tobol'skogo gubernatora o naznachenii, peremeshhenii i uvol'nenii chinovnikov. Otchjot Tobol'skogo gubernatora 1893-1900 [Resolutions of the Tobolsk governor on appointment, movement and dismissal of officials. Report of the Tobolsk governor of 1893-1900], Tobolsk, 1900 [in Russian].

Sibirskie uchrezhdenija - Sibirskih uchrezhdenij Tom III izdanija 1892 [Siberian Volume III of the Edition 1892 institutions] [in Russian].

Vedomosti - Tobol'skie gubernskie vedomosti. Gazeta (1890-1916) [Tobolsk provincial sheets. Newspaper (1890-1916)], Tobolsk [in Russian].

Зоркальцев Александр Владимирович – Краевед, независимый исследователь (Омск, Россия).
Zorkaltsev Alexander Vladimirovich – Local historian, the independent researcher (Omsk, Russia).
E-mail: aleksvlad1594@ya.ru

НОВАЯ КНИГА:
АЗБЕЛЕВ С.Н. ЛЕТОПИСАНИЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА: ЛЕТОПИСИ XI-XVII ВЕКОВ КАК ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ И КАК ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ. М.: РУССКАЯ ПАНОРАМА, 2016.

NEW RELEASES
SERGEY N. AZBELEV. CHRONICLES OF NOVGOROD THE GREAT. MANUSCRIPTS OF THE 11th-17th CENTURIES AS CULTURAL HERITAGE AND HISTORICAL SOURCES. MOSCOW, RUSSKAYA PANORAMA PUBL., 2016.

Семивековое летописание Новгорода впервые рассматривается как целое, начиная от первых фактов русской истории, отображенных в дошедших текстах ранних летописей, и кончая наиболее обширными компиляциями XVII столетия, вобравшими материалы предшествовавшей историографии. В книге учтены все известные к настоящему времени летописные памятники Новгорода, включая большое число не изданных и недавно обнаруженных. Помимо трудов историков и литературоведов привлечены результаты исследований искусствоведов и археологов, позволившие прояснить ряд существенных аспектов новгородского летописания. Оно характеризуется как важнейшая составная часть летописания общерусского. Исследованы соотношения новгородских и московских летописей. В книге использованы принципы и приёмы изучения, разработанные крупнейшим исследователем летописей академиком А.А. Шахматовым. Его классические работы и их дальнейшее развитие в трудах его последователей внесли наиболее существенный вклад в историю летописания не только Новгорода. Монография обобщает и существенно дополняет результаты трехвековых трудов многих десятков специалистов. В ней представлена цельная картина истории изучения новгородских летописей. Впервые охарактеризованы конкретно их особенности как исторического источника.

Книга адресована не только историкам и литературоведам, но и весьма широкому кругу читателей, специализирующихся в различных областях культуры допетровской России.

С. Н. Азбелев

ЛЕТОПИСАНИЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Летописи XI–XVII веков как памятники культуры и как исторические источники

В Великом Новгороде летописная работа продолжалась свыше семи веков: затухание её произошло только в XVIII столетии, а в некоторые списки новгородских летописей известия заносились еще и в XIX в. Древнейшие памятники новгородского летописания в своем первоначальном виде не сохранились. Но, благодаря выдающимся трудам академика А.А. Шахматова и исследованиям продолжателей его дела, удается восстановить в главных чертах – на основе текстов, сохраненных реально дошедшими рукописями XIII-XIX столетий, – всю историю летописания Новгорода. Разумеется, начальные ее звенья в большей или меньшей степени гипотетичны. Но, впрочем, А.А. Шахматову удалось еще более ста лет назад обоснованно реконструировать текст Новгородского летописного свода середины XI века. Зарождение же русского летописания по предположениям некоторых недавних исследователей относилось даже к десятому столетию или еще более раннему времени. Но подобные гипотезы, основанные на спорных исходных данных, достаточной поддержки в науке не получили. Остались, однако, непоколебленными основные достижения А.А. Шахматова, опиравшегося на весь введенный тогда в науку фонд рукописных материалов, который позднее не получил сенсационных приращений в отношении того, что относится к новгородскому летописанию XI-XV веков.

Но немало новых важных летописных текстов было введено в науку на протяжении второй половины двадцатого столетия. В основном это прежде не исследовавшиеся летописные своды XVI и XVII веков, представленные многими десятками не известных ранее рукописей. Они заметно повлияли на общие представления и о размахе новгородского летописания, и о самой работе новгородских летописцев. Обнаружилось, что наиболее объемные и особенно богатые разнообразием источников летописные своды составлялись в Великом Новгороде в последней четверти XVII столетия и что они активно бытовали в многочисленных рукописях по меньшей мере до середины следующего века.

Источниковедческая работа специалистов по исследованию вводимых в науку новгородских летописных материалов дает немало нового для прояснения важных фактов не только истории самого Новгорода и Новгородской земли. Активизировавшийся интерес к новгородским летописям вообще приводит порой к неожиданным открытиям их значимости в прояснении общеисторических проблем. Достаточно сказать, что внимательное прочтение много раз уже привлекавшихся историками в прошлом летописных известий XIV в. позволило только теперь устранить вековые заблуждения ученых в трактовке такого важнейшего события русской и мировой истории как победа 1380 года на Куликовом поле.

Тот досадный факт, что наиболее крупные по объему и богатые содержанием новгородские летописи XVII столетия пока остаются неопубликованными, будучи доступны только в рукописных отделах и главных архивах Москвы и Петербурга, весьма существенно тормозит достаточно широкое использование этого материала в исторических исследованиях.

Правила публикации в журнале

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические

произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

Порядок сдачи материала:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения – 0,5 п.л., рецензии – 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Требования к оформлению материалов:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc .docx .rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.
3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, примечания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название «References»).

Параметры оформления статьи: выравнивание – по ширине листа; первая строка – отступ 1,25; межстрочный интервал – одинарный; шрифт – Times New Roman; размер – 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» – оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу http://translit.ru (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

* * *

международный научный журнал

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2016, № 3

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 22.11.2016
Формат 210x297
Электронный файл PDF
Гарнитура «Palatino Linotype»

Издатель: Редакция журнала «Исторический формат»

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415